vk.com/stagedive

Становление Себастьяна и Становление Кэролайн

джейн харвей-беррик

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления!
Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.

Джейн Харвей-Беррик

серия «Становление Себастьяна и Кэролайн» - 1

Становление Себастьяна

vk.com/stagedive

Становление Себастьяна
и
Становление Кэролайн

джейн харвей-беррик

Название: *Джейн Харвей-Беррик, «Становление Себастьяна», серия «Становление Себастьяна и Кэролайн»*

Переводчик: *Matreshka, Betty_page(пролог - 4 глава), Mistress(пролог- 4 глава,*
Редактор: *Ирина Ч, Ксения Ильина(2-3 главы).*
Вычитка: *Mistress*
Обложка и оформление: *Mistress*
Переведено для группы: https://vk.com/stagedive

Любое копирование без ссылки

на переводчика и группу ЗАПРЕЩЕНО!
Пожалуйста, уважайте чужой труд!

Дружба между потерянной и одинокой Кэролайн и несчастным Себастьяном перерастает в незаконную любовь, которая угрожает им обоим.

Кэролайн Уилсон застряла в гнетущем браке, лишенном любви, со взрослым мужчиной. Когда ее муж, наконец, получает давно ожидаемое продвижение по службе, у Кэролайн нет другого выбора, кроме как последовать за ним в новый дом в Сан-Диего. Там она встречает Себастьяна, молодого юношу семнадцати лет.

В это слишком уж короткое лето их счастье расцветает.

Но на них обрушивается давление извне, не только от властного Дэвида, но и от родителей Себастьяна, которые начинают подозревать, что у сына есть тайна. Даже новая подруга Кэролайн, Донна, понимает, что под спокойной внешностью

скрываются темные страсти.

Содержание:

Пролог

1 глава

2 глава

3 глава

4 глава

5 глава

6 глава

7 глава

8 глава

9 глава

10 глава

11 глава

12 глава

13 глава

14 глава

15 глава

16 глава

17 глава

18 глава

Пролог

Я часто задавалась вопросом, почему невесты с таким волнением говорят о дне их свадьбы — лучшем дне своей жизни. Разве это не означает, что с этого момента все идет под откос?

Мой собственный день свадьбы был кульминацией недолгой любовной истории, если её можно так называть. Мой муж не был романтичным мужчиной. В нем вообще не было многих качеств. Возможно, если бы в нем присутствовало больше разных качеств, то и между нами все было бы по-другому. Опять же, возможно

было бы то же самое.

Несмотря на то, что случилось позже, я не могу заставить себя сожалеть о событиях того лета.

Я думаю, что дело было в его форме. Мой муж поразил меня своей белой формой военно-морского флота США и его эффектным спортивным автомобилем, который был с такой низкой посадкой, что, казалось, скользил как камешек, который запустили в озеро.

Дэвид был офицером медицинской службы военно-морского флота США, недавно повышенным до капитан-лейтенанта и назначенным авиационным

хирургом. Он был старше меня на одиннадцать лет. Он казался вежливым и опытным, и для девушки из ниоткуда, которая ничего не видела, он был сбывшимся желанием.

Моя мать учуяла запах хорошего улова, и мой дорогой, милый отец был убежден и побежден двумя женщинами в его жизни, которые соперничали за его внимание.

Конкуренция с моей матерью была относительно новой. Ей всегда было несколько стыдно за ее обыкновенную, неуклюжую дочь, которая, казалось, должна не размножаться и не хотеть этого, но в семнадцать лет я расцвела, в

буквальном смысле, отрастив в одночасье грудь и привлекая внимание молодых людей, которые прежде бросали свои остекленевшие взгляды на мою элегантную и лощеную мать. Внезапно, я стала интересной, сексуальной девушкой, и она ненавидела это. Конечно, она не могла и не хотела признать то, что мы боролись. Мой отец ненавидел это и хотел спуститься в подвал, чтобы слушать Пуччини или Россини, и удивлялся: почему его «две лучшие девочки» набрасывались друг на друга.

Так что, когда Дэвид делал успехи в том, чтобы покорить меня, моя мать не могла не подтолкнуть

меня, чтобы ускорить процесс и отправить своим собственным путем.

Она никогда не думала о колледже, как о выборе для меня, соответственно не было и денежных средств для него. Она всегда говорила моему отцу, что я не продержусь и одного семестра: «слишком слабая», по-видимому. Кроме того, брак должен спасти меня от этого утомительного обучения.

— Конечно, он слишком хорош для тебя, Кэролайн, — сказала она, — но мы сделаем все зависящее от нас, что сможем. Ну, я сделаю все зависящее от меня, чтобы сделать тебя привлекательной, хотя

«хорошенькая» — это самое большое, что тебе светит. Ох, ты так похожа на своего отца.

Мой отец был низкого роста, темноволосый и самый настоящий итальянец. Я унаследовала его яркие карие глаза, густые, непослушные волосы, что струились волнами по моей спине, его оливковую кожу и живой, страстный темперамент. Я также унаследовала некоторые волосяные проблемки, и это означало, что я депилировала ноги воском с десяти лет, а подмышки с двенадцать. Но, несмотря на это я благословила Бога, что создал меня такой, что я унаследовала совсем немного от моей матери, за

исключением ее стройного телосложения и роста.

Я часто думала, почему она и мой отец вообще поженились, поскольку она, несомненно, презирала его родословную итальянских эмигрантов и выставляла напоказ свою собственную язвительность при каждом удобном случае. Ее волосы были светлыми и завитыми, ее глаза — голубыми и проницательными, а кожа — свежей и здоровой.

Это не удивило никого, по крайней мере, не меня точно, когда я смогла ухватить момент и воспользоваться им, став невестой в возрасте девятнадцати лет. Шел одна

тысяча девятьсот девяностый год.

Что же нашел во мне Дэвид, для меня было менее понятным. Молодая жена с явным европейским настроем, беглой итальянской речью и с предпочтениями пригубить бокальчик вина, что было совсем неожиданно и позже совершенно не приветствовалось. Я совершенно отличалась от других жен морских офицеров, служила обозначением его заслуг, отличий перед армией и определила себя, как чуждую и одинокую для всего этого.

Другие жены изо всех сил старались ввести меня в свою искусственную среду постоянного общения: утренний кофе, встречи за

ланчем, присмотр за детьми, игровые встречи для детей, которых у меня не было, и милые посиделки «пропустим по стаканчику, девочки».

И дело не в том, что они были не добры ко мне или еще что-то, просто они были полностью удовлетворены своей жизнью; счастливой обстановкой дома и их полноценной ролью жены, которой у меня никогда не будет. Я была так молода, ограничена в своих знаниях и желаниях, и настолько замкнута, чтобы увидеть все скрытые недостатки моего самовольного заточения. Я даже как-то раз сходила в их книжный клуб, но, когда обнаружила, что они предпочитают

романы и бестселлеры обжигающей дикости книгам Хемингуэя, или диссидентской прозе Набокова, мне было совершенно нечего сказать, мы просто пялились друг на друга с откровенным презрением.

Единственная вещь, которая устраивала моего мужа — я была очень спортивной девушкой. Он учил меня плавать под парусом, а позже и управлять яхтой; я могла также отлично стрелять, как хороший армейский стрелок

Я не боялась высоты и могла прыгать с трамплина для прыжков в воду.

Эти единственные вещи, которые ему нравились во мне, и те

свелись к минимуму за первые двадцать месяцев брака. Он ненавидел то, как я одеваюсь, то, как говорю и то, о чем говорю и все вещи, которые мне интересно было обсуждать. В конце концов, ирония всей этой ситуации заключалась в том, что я захотела стать, как обычные жены, взамен моего упоения своей чуждостью. Это сбивало с толку и раздражало, и, ко всему этому, я просто уже не представляла, как мне быть самой собой. Я думаю, что за ранние годы брака, я позабыла, как это делать. В итоге, я одевалась, как нравилось ему, держала свой рот на замке. Короткое молчание переросло в

полную тишину.

С течением времени я поняла, что у нас не предвидится детей. Ну, точнее у него, я прошла через десятки инвазивных процедур и неприятных обследований и, обвиняя друг друга, мы просто-напросто потеряли интерес к желанию зачать ребенка; случайное стечение обстоятельств, я так полагаю. Секс стал однообразным и не вдохновляющим. Я стала для него скучной. Я стала для него неважной.

После двух лет брака Дэвида перевели в военно-морской медицинский центр Сан-Диего, и он очень хотел, чтобы я подружилась с женой его нового сослуживца.

Эстель была наделена всеми теми качествами, которых я была лишена, она была обворожительной и идеальной. Но кроме этого, она была холодной, властной и снобистской. Я ненавидела ее. Наше чувство ненависти было взаимным. Но для галочки, между нами была горячая дружба. Ей было легко притворяться; для меня это было труднее. Я очень жалела ее ребенка, может я остро ощущала его чувство одиночества. Себастьяну было на тот момент восемь лет; мне двадцать один год.

Он был лишен материнской нежности, заботы. С его стервозной мамашей и его монстром-отцом он был несчастен вдвойне.

Между нами завязалась нежная и милая дружба. У Себастьяна появилась привычка прибегать после школы и рассказывать мне, как прошел его день. Я наливала ему стакан безалкогольного «Лимончелло», сделанного из лимонов, привезенных из Сорренто, когда я могла найти их, а вместе с ними содовую с сиропом. Мы много разговаривали о книгах, которые он прочел, и я предлагала ему на прочтение истории, которые могут ему понравиться, истории, которые я читала, когда была в его возрасте. Они были так далеки от тех книг, которые его мать считала подходящими для чтения. Вместе мы

пытались разобраться с повседневной грубостью книг Братьев Гримм и простыми психологическими составляющими книг Ганса Христиана Андерсена, чья маленькая русалочка испила адскую боль при превращении ее хвоста в ноги, когда она вышла на сушу и сделала первый шаг, и чей ангельский голос был обменен на любовь.

В это время мой отец стал для нас всем. Моя мать, конечно же, была настолько занята своим клубами, игрой в бридж, хорошими поступками, услугами для всех, за исключением своей собственной семьи. Для нас ее отсутствие было

только облегчением, но Дэвид намеренно нам напоминал и каждый раз выражал сожаление о ее отсутствии за трапезой. Она же такая хорошая женщина.

Себастьян и мой отец обожали друг друга и проводили счастливые часы, создавая мини-модели аэропланов и запуская их небо, немного приправляя пиротехнической пылью, оставшейся после фейерверков. Конечно, Дэвид расстраивался, когда они тайком от него занимались своими делами. Это было их личное время, наивное и детское, если сказать по-простому, их игра была маленькой слабость моего отца.

Как-то Себастьян вошел на кухню, когда мы не услышали его стука. На всю громкость играла красивая мелодия оперы «Мадам Баттерфляй», и мы вместе с отцом подпевали второй части восхитительной лирической арии.

— Что вы поете?

— Sto cantando in onore di Dio, giovanotto, (прим. пер. ит. Я воспеваю Бога, малыш), — сказал мой папа.

Себастьян нахмурился, а мой отец выглядел озадаченным:

— Я не понимаю, что говорит папа́ Вен.

— Ты говорил по-итальянски, папа́, — сказала я, улыбаясь. Я

повернулась к Себастьяну. — Он сказал, что воспевает Бога.

— Ах, cara (прим. пер. ит. Дорогая). Итальянский! Язык Данте! Язык кулинарии! Язык любви!

После того дня, за каждый визит моего отца, Себастьян выучивал несколько новых слов по-итальянски; не все они подходили для его возраста, но мой отец вцепился мертвой хваткой в него. Как оказалось, я тоже это унаследовала.

Я была довольно счастлива в Сан-Диего. Я занялась журналом для Базы и помогала на дне открытых дверей больницы. Я даже подала заявление, чтобы посещать вечерние занятия по журналистике, в одну из

своих вылазок. И в этот момент, Дэвид сообщил мне, что его перевели в Кэмп-Лэджен в Северной Каролине, и что мы уезжаем. Это был еще один шаг для офицера, который не мог нарушить данную клятву. Дэвид решил рассмотреть все это как продвижение по службе.

В течение сорока восьми часов, Дэвид улетел на другой конец континента, а у меня осталась неделя, чтобы упаковать все наши вещи по контейнерам.

Себастьян приходил ко мне каждый день; каждый день он плакал.

А потом, в один сентябрьский вторник — я уехала.

1 глава

Солнце согревало мою кожу, и книга отяжелела в моих руках. Я скучала по калифорнийскому солнцу, хорошо было вернуться, несмотря на неидеальные условия.

Я отбросила книгу в сторону, сдвинула очки на волосы и положила голову на руки, наслаждаясь теплом позднего утра.

Я не была полностью уверена, что хотела вернуться вместе с Дэвидом. У меня были друзья в Северной Каролине, не связанные с жизнью военно-морского флота, у меня была работа, которой я наслаждалась, в качестве

административного помощника в маленькой, но достойной местной газете, и, наконец, я получила свою степень по английской литературе после шести лет вечерней школы.

Но в то же самое время я чувствовала беспокойность и готовность к переменам. Когда мне исполнилось тридцать, мой взгляд на мир несколько изменился, и я немного удивилась, обнаружив себя все еще замужем и почувствовала, что готова попробовать что-то новое... или что-то старое, как оказалось, потому что мы вернулись в Сан-Диего. Этот город был достойным местом и располагался в шаге от Кэмп-Лэджен (прим. пер.

учебный центр морской пехоты в штате Северная Каролина). В любом случае, Дэвид был счастливее, что делало мою жизнь проще. Мы нашли способ сосуществовать, что не было малоприятным. Он не всегда был суровым мужчиной, или так я говорила себе, а я не была неверной женой, просто мы в корне не подходили друг другу. Мы отдалились.

По крайней мере, я наслаждалась пляжем. Пойнт-Лома находился в семи милях от госпиталя и за ним ухаживал почти весь персонал Базы. Это был кусочек земли, который разделял океан от залива Сан-Диего. Менее популярная

часть была на северном конце Адэйр-стрит, и я подумала, что здесь есть меньшая вероятность, что меня потревожат.

Возможно, так решила судьба, но предполагаю, что если и не в тот день, встреча рано или поздно произошла бы.

— Здравствуйте, миссис Уилсон.

Я не узнала веселый тенор. Я обернулась и приложила руку над глазами, щурясь от внезапной яркости солнца.

— Да?

В нескольких футах от меня неловко стояли двое мужчин лет двадцати, а третий наклонился ко мне, вода с него капала на мое

пляжное полотенце.

— Я — Себастьян.

— Кто?

Его сияющая улыбка дрогнула.

— Себастьян Хантер.

Мой разум все осознал. Маленький Себастьян Хантер вырос.

— О, боже мой, Себастьян! Я.... я не узнала тебя. Вау!

Я перевернулась и села, подавляя желание поправить бикини.

— Я слышал, что вы вернулись. Я надеялся, что увижу вас, — сказал он, снова улыбаясь.

Милый восьмилетний мальчик с печальными глазами стал по-настоящему красивым молодым мужчиной. Его светло-каштановые

волосы, вьющиеся почти до подбородка и обесцвеченные от золотистого калифорнийского солнца, были длинными для сына офицера военно-морского флота. Он был худой, мускулистый как спортсмен, широкоплечий и с узкими бедрами.

Под мышкой у него была зажата ярко-синяя доска для сёрфинга, и на нем были красные плавательные шорты, которые отяжелели от морской воды и сползли, чтобы показать полоску бледной кожи на его талии, подчеркивая загар на остальном его теле. Мысль пронзила мой разум: должно быть у него куча девушек в школе.

— Посмотри на себя, Себастьян. Так вырос. Это здорово, увидеть тебя. Как ты? Как твои родители?

Его улыбка увяла.

— Ох, они в порядке.

Я не знала, что сказать, это было так странно увидеть его снова после стольких лет. С большой натяжкой я могла увидеть ребенка, которого знала, в молодом мужчине перед собой.

— Ну, это здорово. Я уверена, что увижу тебя на Базе. Эм... вас, ребята, нужно подвезти обратно?

Я неуверенно посмотрела в сторону его друзей, не зная, как мне удастся загрузить три полноразмерных доски для серфинга

на крышу моего старенького форда.

— Нет, спасибо. У Чейза есть грузовик, — он кивнул на одного из парней. — И мы собираемся поймать еще волн. Когда я увидел вас, просто хотел... подойти поздороваться.

— Хорошо. Ну, рада была увидеть тебя, Себастьян.

Он снова улыбнулся, нерешительно мешкая.

— Я увижу вас снова, миссис Уилсон?

Его голос пронизывал вопрос.

— Да, я полагаю, что так. До встречи, Себастьян.

Он засиял.

— До встречи, миссис Уилсон.

Я наблюдала, как он уходит;

капли морской воды покрывали его мускулистую спину. О, боже! Маленький Себастьян Хантер — не такой уж маленький, сколько ему лет? Семнадцать? Восемнадцать? Конечно, не двадцать. Я нахмурилась, пытаясь сделать подсчеты. Он правда вырос в привлекательного молодого мужчину. Удивительно, учитывая его отвратительных родителей.

О, боже, я вероятно должна буду увидеть тошнотворную Эстель и чудовищного Дональда. Мрачная мысль убила мое хорошее настроение, я нахмурилась, наблюдая за волнистым, бурлящим океаном.

Себастьян и его друзья

прогуливались к еще одной группе серферов, зависающих на береговой линии. Я могла видеть, что они смеялись над ним из-за чего-то, я догадывалась, что это было связано со мной. Я покачала головой — мальчики-подростки... они не меняются.

Я наблюдала, как они гребли, маленькая стая ярких пернатых пляжных завсегдатаев, внезапно исчезнув за поднимающейся волной. Я могла выделить ярко синюю доску, извивающуюся по переднему краю приливной волны. Я ахнула, когда нахлынувшая волна поглотила мальчика, затем расслабилась, когда увидела его голову, прорывающую

поверхность, и он поплыл назад к своей доске, снова гребя к «лайн-ап» (прим. пер.: зона ожидания волн в серфинге).

Возможно, с полчаса я продолжала наблюдать, как они по очереди мчатся по холмам бирюзовой воды, прежде чем их поглощает бурлящая пена, затем гребут назад, чтобы преследовать следующую волну, снова и снова. Это бессмысленно и прекрасно, и совершенно завораживающе.

Неохотно я проверила свои часы: время возвращаться назад. Я ожидала доставку большого количества наших вещей. Я не могла опоздать, это не стоило последующей ссоры, если все

это не будет приведено в порядок, до того, как Дэвид вернется из госпиталя.

Я скользнула в желтый сарафан поверх бикини и направилась к своей машине. Конечно, она была перегрета, воздух внутри был спертым. Я полностью открыла окно и поехала обратно, подпевая арии Фигаро на моем, работающем с перебоями, CD-плеере.

Когда я подъехала, парень из доставки стучал в мою дверь, раздраженный отсутствием ответа.

— Извините! Извините! Я уже здесь.

Он сердито посмотрел на меня. Я приветливо улыбнулась и

предложила ему холодное пиво.

— Хорошо, мэм, я бы не отказался от холодной содовой, если она у вас есть.

Он выпрямился и вылил ее в горло одним глотком, вытирая пот с его блестящего лица. Затем он с радостью разместил два огромных ящика в гараже и уехал.

Я угрюмо уставилась на коробки, гадая, заставит ли мой испепеляющий взгляд их распаковать самих себя. Но нет.

Три часа спустя, грязная и потная, с ноющими мышцами, я признала поражение с одной половиной ящиков, которые все еще осталось распаковать. Сделаю это

завтра, хотя я знала, что это будет означать ссору. Но у меня просто не было сил.

В шесть вечер Дэвид подъехал на его гордости и радости — недавно приобретенной серебристой «Камаро» — ярким символом его продвижения. Он нахмурился, посмотрев на не распакованные коробки, и я ожидала разборки моего дня: где я была, что делала, кого видела. Но вместо этого он постучал по часам, в привычном жесте раздражения.

— Нас ожидают у Форштадтов через час, а ты не одета.

— У кого?

— Капитан Форштадт пригласил

нас на напитки.

— Ты не говорил.

— Я отметил это в календаре, Кэролайн. Разве ты не проверяешь его?

Нет, сэр. Извините, сэр.

— Я думала, что ты мог бы упомянуть об это, вот и все, Дэвид.

— Я хочу выехать в 18.50. Надень свое зеленое коктейльное платье.

Я ненавидела всей душой, когда он вот так начинал указывать, что мне делать. Конечно же, он делал так большее количество времени. Но это реально раздражало меня.

— Я очень устала, Дэвид. Я распаковывала коробки на

протяжении трех последних часов — это ужасно утомило меня.

— Принимать решения, которые кому-то стоят жизни или смерти на протяжении всего дня — это утомительно, Кэролайн. Может, ты сделаешь хоть что-то, в виде исключения, чтобы поддержать меня? Я не прошу от тебя многого, принимая во внимание образ жизни, который я тебе обеспечиваю.

Я сдержала резкие слова, которые грозились сорваться с языка. Так вот в чем дело. Это мы уже проходили. Я никогда не выигрывала с ним в спорах. Это было настолько чертовски утомительно, что у меня не было даже желания делать это.

— Отлично. Я в душ.

Я быстро оделась, подвела глаза подводкой, нанесла немного туши и чуточку помады: я могла обойтись минимумом макияжа. Дэвиду же нравились женщины, которые «стопроцентно выглядели как женщины». Под этим подразумевались высокие каблуки и яркий макияж. Не совсем мой стиль, потому что у меня есть свой. Он надел свою любимую спортивную куртку и легкую рубашку с открытым воротом. Надо полагать, что выглядел он еще вполне привлекательно.

— Чем ты занималась сегодня? — проговорил он, разрывая тишину,

пока мы преодолевали краткое расстояние до того места, где проходила вечеринка.

— Тебя интересует время до того, как я распаковывала три часа коробки?

— Кстати, хочу заметить, тебе удалось распаковать только половину коробок.

Мистер Правильная Задница.

— Я читала книгу на пляже. Перед тем, как доставили коробки. О, кстати, я столкнулась с Себастьяном.

— С кем?

— Паренек Хантеров. Ты знаешь его, он бывал у нас, когда мы жили здесь.

Он проворчал что-то себе под нос, что могло означать, что угодно, но я предполагаю это значило, что он не помнит его. Дэвид был не силен в запоминании людей, определённый недостаток для его профессии доктора. Из-за этого создавалось впечатление, что он был холоден.

— Кто будет там сегодня?

— У меня нет полного списка гостей, Кэролайн.

Господи, я просто спросила.

Миссис Форштадт встретила нас у двери своего таунхауса.

— Дэвид, как чудесно, что ты пришел. А ты должно быть Кэролайн. Я — Донна.

В свои пятьдесят Донна

выглядела волевой, привлекательной женщиной. Она легко поцеловала меня в щеку в знак приветствия. Ее дыхание отдавало джин-тоником.

— Входите.

Комната, куда мы прошли, была переполнена гостями, и там было шумно; люди медленно переходили в сад, расположенный в дальней части дома. Барбекю перенесли под навес, мужчины собрались в маленькую группу, пили бутылочное пиво и громко смеялись; женщины столпились в компанию, потягивая коктейль «Манхеттен», их туфельки на высоких каблуках утопали в только что щедро политом газоне. Я была счастлива, что надела сюда

простые балетки, несмотря на то, что Дэвид выказал свое недовольство.

Я мысленно подготовила себя к скучному вечеру. Но все было намного хуже, чем я ожидала.

Донна принесла нам обязательные напитки: пиво для Дэвида и коктейль для меня, затем она отошла к паре, которая показалась мне смутно знакомой. Когда блондинка повернулась, я узнала ее холодную улыбку.

— Я думаю, ты помнишь Хантеров с последнего вашего визита в Сан-Диего?

— Кэролайн, милая, — проговорила Эстель ледяным тоном.

— И Дэвид, вы совсем не изменились.

Мы притворно обменялись легкими поцелуями в обе щеки; мужчины пожали руки друг другу и Дональд отошел пообщаться с другими офицерами.

— Привет, Эстель, — сказала я сухим, лишенным эмоций, голосом. — Я сегодня видела твоего сына.

Она уставилась на меня в недоверии.

— Себастьяна?

— Да. Мы столкнулись на пляже. Это был приятный сюрприз.

— Он был на пляже? — воскликнула она.

Ради всего святого, я ведь не на

сербскохорватском говорю.

— Да.

Ее глаза сощурились, и у меня появилось четкое ощущение того, что я волей-неволей выдала его секрет.

— Себастьян! — её резкое ударение на гласные звуки его имени пронеслись по саду и несколько людей обернулись, и уставились в недоумении.

Я проследовала за ее взглядом и увидела его, облокотившегося на забор веранды. Он был выше, чем я предполагала, когда смотрела на него с положения стоя. Он был таким же высоким, как его отец, выше, чем Дэвид. Сейчас Себастьян был одет более официально: в слаксы цвета

хаки, белую рубашку, рукава которой были мягко закатаны до предплечий, а также вокруг шеи болтался ослабленный черный галстук. Так он выглядел более раскрепощенно, чем большинство мужчин присутствующих тут.

— Мама? — спросил он, смотря на нее настороженным взглядом.

— Кэролайн сказала, что ты сегодня был на пляже.

Внезапно он улыбнулся и подошёл, чтобы присоединиться к нам, он просиял, когда увидел меня.

— Здравствуйте, еще раз, миссис Уилсон. Я же говорил вам, что мы встретимся с вами вновь.

— Ты был абсолютно прав. Как

покатались?

— Было здорово, спасибо! Мы…

— Себастьян! — прервала наш разговор Эстель, низким разгневанным голосом. — Мы думали, ты должен быть занят подготовкой к сдаче тестов повышенной сложности. Ради всего святого, тебе просто необходимо сдать их, если ты планируешь продолжать обучение в следующем семестре. Тебе следовало бы подумать о твоих экзаменах в школе. Ты хочешь получить степень специалиста заранее или нет?

Он беззаботно пожал плечами в той немного раздражающей манере, когда многие подростки хотят просто

позлить своих родителей, но я заметила, что он тоже был раздражен.

— Я занимался после обеда, — ответил он спокойным голосом. — Утром была отличная волна, Чес…

— Мы с тобой поговорим об этом позже, — зло прошипела она. — Твой отец обязательно захочет услышать об этом.

Она пошла прочь, оставляя после себя неловкое молчание. Донна увела Дэвида, и мы остались наедине с Себастьяном.

— Прости меня за это. Я бы никогда не сказала ничего подобного, если бы знала, что это принесет тебе неприятности.

Он снова пожал плечами и улыбнулся.

— У меня вечно неприятности, поэтому это не изменит ничего.

— Ох, ну, тогда выпьем за неприятности! — я подняла свой бокал, изображая ироничный тост.

Себастьян ухмыльнулся, его глаза наполнились счастьем, образовывая вокруг них небольшие морщинки. Я поняла, что его глаза были сине-зелеными, цвета океана. Я совсем позабыла. Как удачно, что я заметила это.

— Ты давно занимаешься сёрфингом? Ты смотрелся достаточно хорошо.

— Вы наблюдали за мной? — он

выглядел довольным. — Это были по-настоящему хорошие маневры внутри трубы. (прим. пер. Труба — полость внутри волны, образующаяся при ее закрытии)

— Я понятия не имею, что это значит! Но я достаточно долго наблюдала, ты выглядел таким грациозным.

Он внезапно покраснел и уставился в пол.

— Как в школе? — спросила я, сменив тему.

— Ох, да нормально. Через неделю я получу диплом...

Значит, полагаю, ему уже исполнилось восемнадцать.

— А потом осенью в колледж?

— Вероятно. Папа хочет, чтобы я поступил на службу в армию, а мама хочет, чтобы сначала я получил высшее образование.

— А что хочешь ты?

Он выглядел удивленным, будто никто не задавал ему такой вопрос. А затем он озорно улыбнулся.

— Я хочу заниматься сёрфингом.

— Конечно. Прекрасная карьера — пляжный бомж. Возможно, нам стоит выпить за то, чтобы лето не кончалось.

Он рассмеялся беззаботным смехом, который заставил меня улыбнуться в ответ.

— Я мог бы выпить один из ваших особенных «Лимончелло».

Должно быть, я выглядела озадаченно, потому что он тут же объяснил свою фразу.

— Раньше вы делали его для меня — без алкоголя.

— Ох, точно. Когда ты был ребенком.

Он нахмурился, как будто что-то, что я сказала, не понравилось ему, но эти эмоции быстро исчезли с его лица.

— Вы часто ходите на пляж? — спросил он, его глаза такие удивительно выразительные.

— В Северной Каролине бывала нечасто, поскольку работала. Но мы только неделю назад вернулись, и сегодня первый раз удалось

вырваться. Хотя мне надо распаковать еще очень много всего.

Я вздрогнула, вспомнив о тех деревянных ящиках в гараже.

— Я могу помочь вам. Распаковываться, я имею в виду. Переносить вещи и все такое.

— Ох, ну, спасибо. Но думаю, я справлюсь. На самом деле, там не так много всего.

— Я с радостью помогу. Здорово, что вы вернулись.

Это его предложение и комментарий привели меня в замешательство, хотя часть меня признала, что было бы неплохо, если бы мне помогли все эти вещи перенести. Нет, он должен учиться,

это было бы несправедливо.

Поверх его плеча я заметила Дональда Хантера, который двигался в нашу сторону и по мне пробежали мурашки: он выглядел взбешенным.

Выражение моего лица, должно быть, насторожило Себастьяна, поскольку он оглянулся, чтобы посмотреть, что привлекло мое внимание.

— Твоя мать сказала, что ты был на пляже этим утром, — напрямую выплюнул отец Себастьяна. Он схватил Себастьяна за руку и развернул, чтобы он встретился с его гневом.

Себастьян побледнел:

— Да, но...

— Я, черт возьми, предупреждал тебя, что сделаю, если ты вновь так поступишь в то время, когда должен учиться.

Я была крайне потрясена, что этот мерзкий мужчина так говорит со своим сыном прямо предо мной, посторонним человеком.

— Отец, я...

— Заткнись! — заорал он.

Люди уставились на них. А я просто онемела от ужаса, неспособная оторвать взгляд от семейной драмы, которая разыгралась перед моим взором.

— Можешь послать своему сёрфу прощальный поцелуй — и больше никакого пляжа. Ни за что

мой сын не будет тратить свою жизнь впустую, бездельничая на пляже.

Себастьян вырвал свою руку и ответил своему отцу:

— Я учусь с обеда, отец. И я сам купил себе доску. Я работал. Она моя. Ты не имеешь права трогать ее.

Лицо Дональда стало безобразно красновато-коричневым, и я думала, что он ударит своего сына. Но через секунду он уже взял себя в руки.

— Разговор еще не окончен, — прошипел он и отошел от нас.

Себастьян уставился в пол, в выражении его лица мелькали унижение и гнев.

Я чувствовала себя ужасно виноватой, все это было моей

ошибкой.

— Мне так жаль, Себастьян, — прошептала я. — Я понятия не имела... — сбивчиво пробормотала я.

Он покачал головой:

— Он просто мудак. Я по-настоящему ненавижу его. Не могу дождаться, когда свалю из этого дома, — свирепо сказал он. — Чем раньше, тем лучше.

Я не знала, что сказать на это. Я просто сочувственно кивнула. В конце концов, разве не я сбежала от своей матери, как только смогла? Я отчаянно искала новую тему, но мой разум не желал сотрудничать. Донна быстро вернулась, выглядя раздраженной из-за выходки

Дональда. «Какой невежа» — это выражение так и мерцало на ее лице.

— Могу я освежить твой напиток, Кэролайн?

Не осознавая этого, я уже допила свой коктейль.

— Ох, да, спасибо.

— Себастьян, еще содовой?

— Не-а, спасибо, миссис Форштадт, — безжизненно пробормотал он, затем внезапно пошел прочь.

Донна покачала головой:

— Бедный мальчишка. За что ему все это.

— Его отец всегда такой? — все еще шокированная, спросила я.

Явно ответ был «да», но Донна

не захотела вымолвить что-то определенное или выругаться.

— Эх, ну, Дональд — это Дональд. Должно быть ты помнишь.

Я смотрела на удаляющуюся спину Себастьяна, вспоминая другие случаи такого поведения Дональда, когда его сын был еще ребенком. Я была поражена тем, что Себастьян сам не превратился в монстра. Он казался таким же милым и ласковым, как и много лет назад.

Остальная часть вечера прошла за скучными светскими беседами как обычно. Я избегала Эстель и Дональда, Себастьян, казалось, исчез, а мы с Дэвидом как всегда игнорировали друг друга.

Я вздохнула с облегчением, когда он решил, что пришло время вернуться домой.

2 глава

На следующее утро проклятые ящики каким-то чудесным образом сами себя не распаковали. Я уставилась на них с отвращением, когда услышала звук подъехавшего автомобиля.

Донна Форштадт вышла из новенького Шевроле и помахала, когда увидела меня.

— Привет, Кэролайн, дорогая, я подумала, что просто зайду и посмотрю, как ты обосновалась. Боже мой, я думала, что ты уже закончила здесь.

Она сочувственно улыбнулась, и я прониклась к ней немного больше.

— У тебя есть время на чашечку чая, Донна?

Я обычно не чувствовала потребность общаться с женами сослуживцев мужа, но она казалась искренней, и я все же знала, как следовать этикету Базы.

— Конечно, это было бы здорово.

Я слишком поздно поняла, что посуда с завтрака по-прежнему разбросана по столу. Ох, ну, я продула свой шанс притвориться, что я идеальная.

— Сливки и сахар?

— Только сливки. У тебя есть обезжиренное молоко?

Я очистила пространство, и мы

сели, чтобы выпить наш кофе.

— Так, как ты обосновалась? Переезд — это мучение?

— Я не против физического аспекта переезда... просто... в Северной Каролине у меня была работа, которую я очень любила, — ох, слишком лично. — Я имею в виду, что эти ящики не распаковываются самостоятельно.

Я вздохнула, и она посмотрела сочувственно.

— Я должна пробежаться по магазинам сейчас, но я могу приехать сегодня днем, чтобы помочь тебе, если ты хочешь.

Прежде чем я смогла ответить, раздался стук в переднюю дверь. Я

надеялась, что это не была еще одна жена, приехавшая, чтобы помочь, — выпив кофе.

— Привет, миссис Уилсон.

Широко улыбаясь, там стоял Себастьян, одетый в рваные джинсы и простую белую футболку.

— Ох, привет! Рада снова увидеть тебя, Себастьян. Что я могу сделать для тебя?

— Вы сказали, что у вас есть не распакованные коробки, я подумал, что могу помочь.

Я была ошеломлена его предложением.

— Это очень мило с твоей стороны, Себастьян, но я не думаю, что твои родители будут счастливы,

если узнают, что ты был здесь вместо того, чтобы заниматься.

— Я взял перерыв, — сказал он, его милая улыбка испарилась при упоминании о его родителях.

— Я уверена, что они не будут возражать, если Себастьян поможет соседке, — сказала Донна, появившись позади меня. — Это очень мило с твоей стороны, Себастьян, — продолжила она любезно.

Себастьян покраснел, когда увидел ее, и опустил взгляд.

— Ну, я, конечно, могла бы принять некоторую помощь, — сказала я, разволновавшись.

— Здорово! — сказал Себастьян,

его улыбка вернулась. — Я пойду начинать.

— Спасибо, — пробормотала я ему в спину.

Донна подмигнула мне.

— Я думаю, что у тебя здесь есть поклонник, — прошептала она. — Спасибо за кофе. Позвони мне, если тебе что-то понадобится.

Я смотрела, как она уезжает, а затем направилась в гараж. Себастьян уже разобрал половину первого ящика.

— Ты, правда, не должен делать это, ты знаешь, — сказала я, качая головой в смущении.

— Я хочу, — сказал он просто.

Я решила, что позволю ему

помогать в течение получаса, затем выгоню его и отправлю к родителям, прежде чем стану причиной еще больших проблем для него.

Его присутствие было чертовски полезно — он передвинул столы, ящики и коробки, заполненные черт знает чем, и прежде чем я поняла, пролетело два часа.

— Ох, дерьмо! Уже почти время обеда, — сказала я, с ужасом смотря на часы.

— Вам куда-то надо спешить? — спросил Себастьян, выглядя обеспокоенно.

— Нет, нет. Я беспокоюсь о тебе. Твои родители... твоя учеба.

Он пожал плечами.

— Не о чем волноваться.

— Слушай, я не собираюсь нести ответственность, если тебя исключат за неуспеваемость. Я сделаю тебе что-нибудь на обед, а затем ты должен идти заниматься. Договорились?

— Ладно, договорились! — сказал он счастливо.

Он последовал за мной в дом, и я показал ему, где можно помыть руки. Я тянулась, чтобы достать стаканы, когда услышала, что он входит в кухню.

— Я достану их, — сказал он.

Его внезапная близость позади меня, заставила меня подпрыгнуть, как будто через меня прошел заряд

электрического тока. Это было странное чувство, я вдруг занервничала, когда он вытянул руку возле моего плеча, слегка задев спину. Я отступила и повернулась, обнаружив, что он уставился на меня со стаканом в руке.

— Спасибо тебе, — сказала я, смущенно.

Он не ответил, и я первая отвернулась. Глубина его взгляда, заставляла меня чувствовать себя некомфортно в моем собственном доме, черт побери! Да, и раздраженной. Я укрылась, роясь в холодильнике, пытаясь восстановить равновесие.

— У меня есть газированная

вода и выжатый лимон, — мой голос был наполовину поглощен холодильником.

— Я никогда не пробовал выжатый лимон. Что это?

— Ох, ну, просто лимонный сок и негазированная минеральная вода.

— Пожалуй, я попробую его, миссис Уилсон.

Напряжение покинуло мое тело, и я улыбнулась ему.

— Себастьян, ты можешь звать меня Кэролайн. Миссис Уилсон слишком официально... и из-за этого я чувствую себя старой.

— Ладно, Кэролайн, — он улыбнулся мне.

— Теперь, я могу сделать тебе

куриный сэндвич или… салат «Триколор».

— Insalata tricolore, per favore (прим. пер. ит. Салат «Трикорол», пожалуйста. — салат из овощей трех цветов.)

Я повернулась к нему с удивлением.

— Я изучал итальянский, — объявил он гордо. — На заочных курсах. В моей старшей школе предлагают только испанский.

— Правда? Molto bene! (прим. пер. ит. Очень хорошо!).

— И так же я слушал оперу. Мне нравится Верди.

— «Падшая женщина».

— Извините? — он ахнул.

— Я полагаю, что ты имеешь в виду «Травиата»[1], когда говоришь, что тебе нравится Верди. Или может быть «Аида»[2]? «Риголетто»[3]?

Он выдохнул в понимании.

— Да, все они.

— Я думала, что мальчики-подростки слушают только тяжелый рок, — поддразнила я его.

Он выглядел оскорбленным, и я пожалела о своем комментарии. По-видимому, он пытался впечатлить меня.

— Я рада, что тебе нравится опера, мой отец любил ее.

— Я помню. Я помню, как вы с ним пели оперу на кухне.

— Правда, ты помнишь это?

Он кивнул, серьезно.

— Я помню все.

Я вздохнула.

— Это был грандиозный визит, когда папа приехал погостить.

Себастьян улыбнулся.

— Да, он был веселый. Мы взорвали много вещей.

Я закатила глаза на воспоминание.

— Да, Дэвид не был счастлив по этому поводу.

Я не могла сказать, почему я упомянула Дэвида.

Себастьян нахмурился.

— Как ваш отец?

И болезненное воспоминание пронзило меня. Мой дорогой отец,

лежащий сморщенный и в муках, крошечный и беспомощный в больничной кровати; морфий был не в состоянии смягчить боль от рака, который полностью его уничтожил.

— Он скончался два года назад.

Я едва могла выговорить слова, застигнутая врасплох сокрушительной силой воспоминания. Я чувствовала слезы жгут мои глаза. Нелепо, я ругала себя.

— Мне жаль. Я не знал, — прошептал Себастьян.

Он выглядел так, будто хотел сказать что-то другое, но теперь я желала, чтобы его здесь не было. Я от всей души жалела, что

предложила ему пообедать.

— Спасибо за помощь утром, Себастьян. Это, правда, было очень заботливо с твоей стороны, но я настаиваю на том, чтобы ты, как только мы поедим, пошел и занялся учебой. Я не хочу доставлять тебе еще больше проблем.

Он надулся, вдруг выглядя на свой возраст. Мне захотелось рассмеяться, но я, в самом деле, не хотела задеть его чувства. Особенно, когда он был таким полезным. Я сменила тему.

— Ты собираешься заниматься серфингом со своими друзьями в ближайшее время?

Он вздохнул.

— Может быть. Мне придется позаимствовать доску.

— Ох, что случилось с голубой доской?

— Отец испортил ее: переломив пополам. Сказал, что я не должен больше тратить время на серфинг.

Он сказал слова обычным тоном, но я слышала злость и боль под этим, я помнила угрозу его отца на барбекю.

— Это ужасно. И это моя вина. Я никогда не должна была говорить...

Он прервал меня, сказав мягко:

— Кэролайн, это не твоя вина, что мой отец — садистский ублюдок.

От его слов моя рука подлетела ко рту; глаза остановились на нем.

— Мне жаль, — мои слова были неотчетливые и сказаны шепотом.

Он пожал плечами.

— Ничего страшного. Я привык к этому.

— Я должна купить тебе новую доску, Себастьян. Вот и все.

Я пыталась поднять настроение.

— Спасибо, Кэролайн, но это не требуется. Я всегда могу одолжить одну из досок Чеса. Его отец тоже занимается серфингом.

— Ну, позволь мне подвезти тебя домой, после того, как мы поедим. Это меньшее, что я могу сделать.

Он улыбнулся мне, и напряжение исчезло.

Я нарезала немного моцареллы и

помидоров, порезала кубиками авокадо, полила оливковым маслом и немного посыпала черным перцем.

Я нашла хлеб, который собиралась использовать для брускетта[4] и поставила тарелку в центре стола, я предполагала, что парень-подросток съест намного больше меня.

Он уплетал с аппетитом, глотая все, что было на виду.

— Ты правда умеешь готовить, Кэролайн.

Я рассмеялась на его восторг.

— Это не готовка, Себастьян.

— Мама никогда ничего не готовит, — сказал он, поднимая брови. — Отец думает, что она

готовит, но это все куплено в магазине.

— Хммм... ну, все что ты говоришь или делаешь, будет использовано против тебя в суде.

Он выглядел испуганным:

— Не говори ей, что я это рассказал.

— Что тебе будет из-за этого? — дразнилась я.

— Мне надерут задницу! — решительно сказал он

Выражение его лица вынудило меня громко расхохотаться.

— Ох, Себастьян, сейчас тебя так легко шантажировать.

— Ты, Кэролайн, можешь шантажировать меня в любое время,

— хрипло произнес он.

Его взгляд внезапно стал таким глубоким, и я удивленно моргнула.

— Время уезжать, — сказала я вежливо и начала убирать посуду.

Он встал, и на какое-то мгновенье неуверенно уставился на меня, затем помог мне убрать со стола.

— Салат был вкусным, — сказал он робко.

— Спасибо. Рада, что тебе понравилось.

Я посмотрела на свои часы, не очень уж тонко намекая:

— Пошла возьму ключи от машины.

Я включила тот же самый диск,

что и вчера, но желание петь у меня пропало; обстановка в машине вновь была неловкой. Я пыталась разобраться в быстрых переменах настроения Себастьяна. Должно быть, кошмарно жить с подростком, рассуждала я, даже с таким зрелым на вид парнем как Себастьян. Или, может быть, проблема была в мужчинах в целом — настроение Дэвида колебалось как метроном. От этой мысли я скривила лицо.

— Можешь выкинуть меня здесь? — внезапно сказал он.

— Но мы ведь еще не у твоего дома? — сказала я, поставленная в тупик его просьбой.

Он приподнял уголки рта в

подобие улыбки:

— Будет меньше расспросов, — сказал он.

Я вновь почувствовала вину — он провел все утро, помогая мне, вместо того, чтобы учиться. И очевидно, его мать понятия не имела, что он делал. Я надеялась, что Донна ничего ей не скажет.

Я подъехала к обочине и ждала, пока он выберется из машины.

Мгновенье он сидел, вертя в руках ремень безопасности.

— Я увижу тебя вновь? — спросил он.

Я замерла, озадаченная его странным вопросом.

— Думаю, да. Все частенько

сталкиваются на Базе. Теперь, пообещай, что будешь сегодня заниматься.

Он слегка улыбнулся:

— Хорошо, Кэролайн. Увидимся.

— Пока, Себастьян.

Я отъехала. Я не могла остановиться и поглядывала в зеркало заднего вида, он по-прежнему стоял и смотрел мне вслед.

Слова Донны сразу же всплыли в голове: «У тебя здесь есть поклонник».

Ох, черт. Этого мне только не хватало, чтобы в меня влюбился подросток.

Раздраженная, я вернулась к

своим делам в гараже. К тому времени, как все было разобрано и всякая всячина рассортирована, я до смерти устала. Я была благодарна Себастьяну, без него я бы никогда не закончила так быстро. У меня не было большого опыта общения с мальчиками его возраста, даже когда я была тех же лет, но, на мой взгляд, он казался другим... более зрелым, чем я ожидала. Я задалась вопросом, на самом ли деле ему нравилась опера, или это только из-за меня.

Боже, на что похожа жизнь с такими родителями. Хоть Эстель и напоминала мне мою собственную мать, по крайней мере, у меня был один родитель, который

безоговорочно любил меня.

Я налила в стакан воду, и вышла во двор, посидеть под солнцем несколько спокойных минут. Я чувствовала, будто плыву по течению и узлы в моей жизни распутывались один за одним. Моя мать, которая долго отсутствует по своему выбору, мой отец умер, работа исчезла, даже Дэвида постоянно не было из-за службы.

А я была тенью.

О, прекрати так все драматизировать.

Я винила своего отца: итальянские гены.

Мне нужно было выбраться из дома, с Базы и что-нибудь поделать.

Я рванула в душ, отмыла грязь и влезла в джинсы и футболку. Это было намеренно — Дэвиду не нравилось видеть меня в джинсах, но сегодня, прямо сейчас, я хотела почувствовать себя — собой, хоть и на несколько драгоценных часов.

Я выехала с подъездной дорожки и направилась вниз по дороге, мимо госпиталя. Боковым зрением, я увидела человека, который бежал ко мне. Я практически решила поехать дальше, но что-то заставило меня остановиться.

Я наклонилась и опустила окно.

— Привет. Тебя подвезти?

Лицо Себастьяна засветилось.

— Да, спасибо.

Он наклонился, и засунул свои длинные ноги в мою компактную «Пинто», и ухмыльнулся. Я ждала, когда он скажет мне, куда его отвезти, но он просто отклонился на сиденье и улыбнулся.

— Итак, куда тебя отвези?

Он пожал плечами:

— Куда угодно.

— Как так?

— Мне просто нужно было свалить из дома, знаешь, проветрить голову. Мама... ну, такая мама.

— Ох, ладно.

Я чувствовала себя неловко. Я бы не предложила подвезти его, если бы знала, что он просто вышел прогуляться.

— Ты закончил заниматься?

Я, правда, не хотела отвечать за то, что он второй раз за день отлынивал от занятий.

— Думаю, да.

— Ну, я собиралась в город. Хочешь со мной?

Часть меня хотела, чтобы он отказался, поскольку все и так было достаточно неловко.

— Конечно, это было бы круто, Кэролайн.

Наступила небольшая пауза, пока я думала, что бы сказать. Мы так легко общались утром в гараже, но сейчас было как-то неловко. Возможно, это из-за воспоминаний о его напряженном взгляде, как его

тело прижималось к моему, когда он потянулся за стаканом. Я покачала головой, чтобы очистить ее.

— Как твоя учеба?

Он пожал плечами, будто эта тема ему надоела.

— Хорошо. Тесты я сдал на «отлично». Все в порядке.

— Какие предметы ты изучаешь углубленно?

Он искоса взглянул на меня:

— Математика, английская литература... и итальянский.

— Ого, ну... это хорошо.

Я знала, что должна спросить, почему именно эти предметы, хотя, по крайней мере, на счет одного я могла предположить ответ.

— Я хочу получить первоначальную ученую степень. Это займет два года.

— Понятно, — быстро сказала я.

Казалось, он хотел сказать больше, но вместо этого отвел взгляд к окну.

— Почему бы тебе не включить радио? — произнесла я, надеясь, что это будет подходящее отвлечение.

— Конечно, — невозмутимо ответил он.

Забавно, что восемнадцатилетний парень, вел себя более непринужденно, чем я. Давай, Венци, возьми себя в руки. Даже после одиннадцати лет замужества, были времена, когда

Кэролайн Уилсон была по-прежнему Каролиной, вздорной дочерью иммигранта Марко Венци.

Радио шипело и потрескивало, пока Себастьян искал сигнал — Блуграсс (прим. пер. разновидность кантри). Его выбор удивил меня, от Верди к этому? Это вызвало у меня улыбку.

— Тебе нравится Док Уотсон[5]?

— Я слушаю разную музыку

Я припарковалась у Харор-драйв, и мы прогуливались по холму Маленькая Италия, болтая о еде и музыке. Я помнила эту местность, с тех пор как жила здесь. Каждую субботу здесь был базарный день, и я с нетерпением ждала возможность

купить итальянское масло и овощи, которые сложно найти в обычных супермаркетах.

— Хочешь кофе? — спросил Себастьян с надеждой.

Ммм. Хороший итальянский кофе.

— О, настоящий эспрессо. Да, с большой радостью.

Слишком много энтузиазма. Не потакай ему — никаких смешанных сигналов.

Но день был слишком прекрасным, чтобы сомневаться и меня восхитили все эти милые кафешки, кафе-мороженые, ресторанчики.

Мы вошли в крошечное кафе,

рядом с Индия-стрит. Жена хозяина кафе обслужила нас и была в восторге, когда я заговорила с ней по-итальянски. Она расцеловала меня в обе щеки и представила мне всю свою семью. Себастьян выглядел ошеломленным, затем сказал пару предложений по-итальянски и его тоже захватили в семейные объятия. Я не могла сдержать смех, их бурная реакция напомнила мне об отце.

Они жонглировали итальянскими словами как шариками, с такой скоростью, осуждали друг друга, а я изо всех сил пыталась понять, что они сказали. Себастьян, вероятно, понимал одно слово из пятидесяти, но сидел,

широко улыбаясь, только вздрогнул, когда мать владельца, пожилая дама лет восьмидесяти, схватила его обеими руками и начала расцеловывать.

Потом они все выдвинули стулья и сели за наш маленький столик, который переполнило чувство общности. Кто-то принес полдюжины чашек с эспрессо, и я счастливо потягивала горьковатый, ароматный кофе. Я была удивлена, заметив, что Себастьян добавил пару ложек сахара, прежде чем решил сделать глоток.

В конце концов, пришли еще пару посетителей, и вся семья разошлась по своим делам: готовить,

убирать, мыть посуду.

— Вау! Это было что-то с чем-то, — сказал Себастьян, когда мы вернулись к нашему разговору.

— Изумительно, ага?

— Они напомнили мне о твоем папе.

Я вздохнула, и отклонилась на спинку неудобного стула.

— Да, безумные как папа.

— Извини, — тихо сказал он. — Я не хотел, чтобы ты расстроилась.

Потом он положил свою руку на мою, и я ощутила его нежное прикосновение. От удивления я широко распахнула глаза и отдернула свою руку.

— Извини, — сказал он вновь,

его щеки покрылись румянцем.

— Нет, это было грубо с моей стороны. Просто я...

Напряжение вернулось, и к своему ужасу я осознала, что у меня трясутся руки. Я достала бумажник, вытащила деньги и положила их на стол под опустевшую чашку.

— У меня есть деньги, — неловко пробормотал он.

— Нет, все в порядке. Я оплачу, — пробормотала я в ответ. — Думаю, нам пора возвращаться.

Себастьян молча поднялся, и последовал за мной по главной улице.

— Aspetti, signore! (прим. пер. ит. Постойте!)

Хозяин кафе следовал за нами, и размахивал купюрами, которые я оставила на столе.

Я, изумленно, уставилась на него, когда он всунул деньги в руку Себастьяна.

— Не надо, пожалуйста. Вы и ваша красивая жена должны посетить нас вновь. Вы нам как семья. Пожалуйста!

Отказываясь брать деньги, он расцеловал нас в обе щеки и, улыбаясь, направился обратно.

Потрясение Себастьяна превратилось в широкую улыбку, когда он передал деньги мне:

— Это вам, сеньора. Красивая жена, ха? Ну, он наполовину прав.

Настала моя очередь залиться румянцем, но я попыталась отшутиться:

— Бесплатный кофе всегда на вкус лучше.

— Точно. Мы, определено, должны вернуться.

Я не могла также задорно отреагировать, поэтому просто слабо улыбнулась.

— Ты знаешь, — произнес он задумчиво, — мне было понятно только по слову из каждого его предложения! Я думал, мой итальянский был лучше, чем сейчас. Черт, я изучал его на протяжении четырех лет. Может, ты смогла бы немного поднатаскать меня. Я имею

в виду, разговорную практику по итальянскому. Это было бы круто.

Мой автоматический ответ на его предложение был большое «НЕТ», но у меня и не было возможности сделать это.

— Привет, Себ. Как дела?

Выражение лица Себастьяна окаменело.

— Что тебе надо, Джек?

— Кто твоя милая подружка?

Выражение злости и сильной неприязни омрачило лицо Себастьяна.

— Да, ладно тебе, чувак! Я просто спросил.

Я была точно уверенна, что Джек один из дружков Себастьна по

серфингу, я видела его накануне с ним. Он был немного старше Себастьяна и его друзей, у него были темные волосы и темные, дикие глаза; он мне не понравился с первого же предложения, которое он произнес.

— Кэролайн Уильсон, — проговорила я, в надежде разрядить напряженную атмосферу, что образовалась между нами.

— Здравствуйте, миссис Уильсон, — проговорил он хитро, его глаза скользнули от моего обручального кольца до ложбинки между грудей.

Мы оба посмотрели на Себастьяна, который казался очень

смущенным.

— Ну что ж, было приятно столкнуться с тобой еще раз, Себастьян. Хочешь, чтобы я подбросила тебя до Базы или может, предпочитаешь остаться со своим другом?

Я подождала его ответа меньше секунды перед тем, как растянула губы в неискренней улыбке.

— Тогда до скорого. Чао!

И пошла прочь

Я была зла на себя. Почему я притворялась, что мы просто случайно встретились? Все же было невинно, так зачем же лгать?

И затем я вспомнила его прикосновение к моей руке и мою

забавно чрезмерно эмоциональную реакцию на это.

Ох, это было нехорошо, совсем нехорошо.

Моя вспышка гнева сошла на нет, когда добралась до машины. Я была так зла на Себастьяна, на себя, на отвратительного Джека; глупый, жалкий кусок дерьма. Он заставил меня чувствовать себя виноватой, а я не сделала ничего плохого. Я привыкла к тому, что Дэвид вечно заставляет меня чувствовать себя виноватой, но то, что произошло там, было просто невыносимо.

Я опустила боковые стекла перед тем, как сесть в машину, чтобы жара выветрилась, чувствуя

некоторое облегчение от накопившейся энергии, благодаря этому простому действию

Когда я услышала шум шагов позади себя, мне даже не нужно было оборачиваться, чтобы знать кто там.

— Кэролайн, прости, я… — его слова прервались

— Что? Что!

Слова слетели с моих губ более разгневанно, чем я это ожидала. Он пристально посмотрел на меня с болью во взгляде. Я так хотела что-нибудь пнуть.

Я сделала глубокой вдох и напомнила себе, что это была не его вина.

— Хочешь, чтобы я подвезла

тебя обратно?

Он кивнул, но все еще выглядел расстроенным.

Я вела машину в тихой ярости. Через пару минут я успокоилась достаточно, чтобы рискнуть бросить взгляд на Себастьяна; он смотрел в окно.

К счастью, он разорвал тяжелое молчание.

— Я извиняюсь за Джека и за то, что сказал, — он замолчал на некоторое время, затем добавил: — Он придурок.

Я медленно выдохнула, сдерживая оставшееся напряжение и раздражение, исходящие от моего тела, одним продолжительным

вдохом.

— Да, он такой, но не волнуйся по этому поводу.

Он посмотрел на меня с надеждой.

— Так что, ты поможешь мне с итальянским? Мы могли бы…

— Себастьян, нет! Я не думаю, что это хорошая идея.

— А почему нет?

— Просто нет

Мы сидели молча в течение еще пары минут, затем он тихо сказал:

— Я сегодня хорошо провел время.

Как и я.

Но я не ответила ему.

Я высадила его недалеко от дома

и поехала к себе, чувствуя раздражение и обиду.

Я напряженно ходила, пытаясь отыскать место в душе, чтобы спрятать последние осколки нашего несчастного брака; вещи, которые не вписывались в окружающую обстановку были тщательно спрятаны в шкаф в комнате для гостей как в прямом, так и в переносном смысле. Мы убирали в дальний угол проблемы, связанные с нашей семейной жизнью.

Из-за одолевавшего меня чувства вины, я приготовила для Дэвида его

любимые блюда: лазанью, салат из свежей зелени и калорийный десерт: яблочный пирог и мороженное, которое ему предстоит есть самому; я сидела на крыльце с видом на сад и мрачно смотрела на пожелтевшую траву. Она нуждается в поливе, еще одна работа для меня. Это был один из тех дней, когда я жалела, что бросила курить много лет назад, только для того, чтобы было чем занять руки и была причина находиться снаружи.

Что такого было в этом мальчишке? Он серьезно пробрался мне под кожу. Все было так просто, когда он был ребенком, и я наслаждалась его

необременительной компанией. Вещи, определенно, изменились. Но я все также наслаждалась его компанией и сегодня, пока не появился Джек. Эта мысль, несомненно, была лишней.

Когда я услышала звук подъезжающей «Камаро» Дэвида, я прогнала мысли о Себастьяне Хантере подальше.

— Ммм… что так вкусно пахнет.

— Лазанья и яблочный пирог.

Дэвид посмотрел на меня довольным взглядом.

— Это было правильным решением вернуться сюда, Кэролайн.

Раз ты так думаешь, подумала я про себя.

— Чем ты сегодня занималась, как прошел день?

— Хлопотно, в основном. Закончила раскладывать вещи. Я подумала, может я могла бы получить какую-нибудь работу, могла бы писать. Здесь отличная местная газета… может я…

— Хорошая девочка. Отлично.

И на этом мы закончили разговор обо мне. Вместо этого, я слушала детальный рассказ о его рабочем дне в госпитале. Несмотря на его ехидное замечание о принятие жизненно важных решений, пока я играю роль глупой маленькой женщины, большая часть его работы была связана с ортопедической

терапией.

После ужина он откинулся на своем стуле и сложил руки на животе.

— Я сегодня разговаривал с Дональдом Хантером. Кажется, его сын связался с плохой компанией.

— Себастьян? С чего это? Он кажется вполне хорошим парнем

Дэвид нахмурился. Ему не нравилось, когда его рассказ прерывали. Я быстро встала и начала убирать тарелки, у меня не было сил на очередную ссору или поучительную лекцию с его стороны.

— Он проводит весь свой день на пляже, занимается серфингом, — он усмехнулся на последнем слове.

— У него длинные волосы и Дональд полагает, что он, скорее всего, курит травку, так как ранее нашел у него зажигалку.

Я сдержала улыбку. Разве не все старшеклассники делают такие вещи? Это вряд ли тянет на преступление века. Но Дэвид вечно повторял как мантру: «Правила существуют, чтобы их исполнять». Но я предпочитала думать, как считал мой отец: «Правила созданы, чтобы им подчинялись дураки, а умные мужчины, принимают их всего лишь, как руководство к действию». Что подразумевает под собой, что маленькие грешки и ошибки допустимы.

— Он сказал, что покончит с этим.

— Что это значит?

— Он хочет записать его на службу в армию и чем скорее, тем лучше. Я считаю, это отличная идея. Молодой человек, который вытворяет все, что заблагорассудится — нуждается в дисциплине. Армия и строгая дисциплина сделала из меня мужчину.

Я не хотела начинать спорить, поэтому я молчала какое-то время, внутренне закипая от ярости.

— О, да? У меня сложилось впечатление, что Эстель хочет, чтобы он сначала окончил колледж.

Дэвид еще сильнее нахмурился.

— Ну, Дональд за все платит, поэтому он и решает.

И это было то, к чему постоянно все сводилось. Я настроилась еще более решительно на получении работы, если это конечно возможно. Я хотела писать. Я также не возражала работать в магазине или в баре, но Дэвид никогда этого не позволит. Заняться писательской карьерой журналиста было наиболее приемлемым, подходящим хобби для жены офицера.

Я сложила грязные тарелки в посудомоечную машину и положила сковородки в раковину. Мне нравилось мыть посуду — это означало оставаться занятой, в то

время как Дэвид будет загружать меня своими тупыми рассказами о том, что он сделал за день. Я также мыла тарелки, за исключением тех моментов, когда он начинал досаждать своими жалобами о том, что я не использую бытовую технику должным образом.

Мне было очень жаль Себастьяна; он казался таким счастливым и беззаботным, когда мы прогуливались по Маленькой Италии. Должно быть, просто ужасно жить с таким властным ублюдком, как Дональд Хантер и Эстель, — такой холодной и бессердечной стервой. Мне даже не нужно было представлять, как это

иметь такую мать: я знала это точно.

Может быть, это только пойдет ему на пользу, если он поступит на службу в армию, чтобы убраться от его чертовых родителей.

Я понимала, что я тратила слишком много времени, думая о Себастьяне, у меня было достаточно и своих проблем. Я решила, что мне нужно обновить мое текущее резюме, и связаться с ««Сити Бит»» утром. И тогда у меня родилась идея: в этом мне может помочь Себастьян, и в тоже время это отвлечет его отца. Несомненно, это будет раздражать Дэвида; его раздражение стало частью нашей жизни, это было фактом.

Мне понравилась моя идея, я закончила дела на кухне и нашла свой блокнот. Я хотела записать пару мыслей касательно статьи, пока они еще свежи у меня в памяти, пока я их помню.

Я села на кровать, скрестив ноги, и начала записывать заметки. Мне действительно был просто необходим доступ в интернет, но у нас еще не провели DSL (прим. пер. метод передачи Интернета и телесигнала по телефонной линии). Дэвид ожидал, что я буду заботиться о таких вещах; в этом я с ним была согласна. Пока что, мне нужно было найти кафе с Wi-Fi, или же идти в библиотеку.

— Что ты делаешь?

Иногда, я думала, а не было бы проще, если бы я дала Дэвиду мое расписание дня, чем отвечать на бесконечные вопросы, как я провела каждый час, или как я собираюсь провести.

— Записываю заметки, у меня есть идея для статьи.

— Ты выглядишь загорелой, это тебе идет.

Я подняла взгляд от блокнота, узнавая нотки желания в голосе Дэвида: он хотел секса.

Он вытащил карандаш и блокнот с моих рук и бросил их на пол.

— Иди ко мне.

Послушно я встала и подошла к

нему. Он расстегнул мое платье и снял его через голову, бросая к блокноту.

Я начала расстегивать его рубашку, но он отстранил мои руки.

— Повернись.

Я последовала его приказу и повернулась, он расстегнул застежки бюстгальтера, затем нетерпеливо стянул трусики.

— Ляг на кровать. Нет, лицом вниз. Ты, правда, сегодня хорошо загорела. Я могу видеть линии твоего загара.

Я почувствовала, как кровать прогнулась под весом его тела, когда он забрался на нее.

— Мне всегда нравилось, когда

ты загорелая, Кэролайн.

Он легко провел рукой вниз по моей спине и ласково погладил мою попку несколько раз. Я услышала, как он расстегивает молнию на брюках и повернулась на бок, лицом к нему, когда он начал размеренными движениями поглаживать свой член, помогая эрекции встать.

— Хочешь, я могу поласкать его рукой?

— Давай.

Я продолжила его действия, наблюдая, как его глаза приоткрылись, и рот расслабился, делая губы более чувственными.

— Хорошо, достаточно.

Затем, он накрыл меня своим

телом, его вес вжал меня в матрас, и аккуратно вошел в меня. Он врезался в мое тело примерно шесть раз, вздрагивая всем телом, кончая, затем остановился.

— Ммм! — простонал он.

Он откатился с меня, лег на спину, улыбаясь. Я посмотрела на простыни. Мне придется постирать их с утра.

— Кэролайн, какие у тебя планы на завтра?

— Я собираюсь собрать и подготовить мое резюме и связаться с газетой, про которую упоминала. Ох, и я позвоню в телефонную компанию насчет проведения цифровой абонентской линии

— Отличная идея. А я хочу устроить маленькую вечеринку для парней с госпиталя, через неделю в этот же день, в субботу, хорошо? Где-то около семи вечера.

— Конечно. Канапе и красное вино?

— Да, и лучше бы пива еще. И эти забавные коктейли тоже, для жен. И может эти маленькие штучки, как ты их называешь… каннеллони?

— Ох, каннеллони по-сицилийски? Конечно.

Черт бы их побрал. Это займет у меня все утро, чтобы нафаршировать эти маленькие дурацкие штучки.

— Замечательно. Спасибо, дорогая.

Он тяжело поднялся с кровати и направился в ванную. Я услышала, как он писает в туалет и, немного позже, включает кран, чтобы почистить зубы. Он не смыл за собой в туалете — это всегда раздражало меня.

Я знала из опыта, что найду его форму валяющейся на полу. Я вытащила свою сорочку из-под подушки, подобрала платье и блокнот, ожидая, пока он закончит свои дела.

3 глава

Дэвид встал и уехал рано. То, что он заполучил это продвижение по службе, улучшило его настроение, по крайней мере, на некоторое время. Я надеялась, что он долго будет в хорошем настроении. С ним было легче жить, когда он не был зол на меня все время.

Я не была увлечена идей о вечеринке, но это было ожидаемо. Я ждала этих маленьких званых вечеров с энтузиазмом, человека, который собирался на лечение корневого канала зуба.

Я вымыла кухню, просто на случай, если кто-то решит заглянуть

на кофе, затем закончила заметки, что я начала прошлой ночью. Я не была полностью счастлива от необходимости просить Себастьяна о помощи, но предполагала, что он придет в возбуждении от моей идеи для статьи.

Когда я включила лэптоп, я обновила свое резюме. Оно определенно выглядело лучше, чем в прошлый раз, когда я делала это. У меня было что-то вроде солидного опыта за плечами, возможно не так много, как у других женщин в моем возрасте, но я надеялась, что достаточно. Я так же знала, что факт того, что я жена военного, является достаточно высоким показателем,

чтобы помочь мне. Гражданское население всегда заинтересовано идеей мира в мире.

Я позвонила в телефонную компанию и договорилась, что они все подключат в пятницу, они обычно довольно хорошо обслуживали родственников военных. От этого они чувствовали себя патриотами.

Сделав отметку о завершении всех своих забот, кроме одной, сейчас я столкнулась с непростой перспективой — связаться с Себастьяном, не обнадежив его или не создав ему еще больше проблем с его родителями. Я понятия не имела, как я собиралась сделать это. Но невольно Донна Форштадт была

достаточно любезна, чтобы помочь мне.

Телефон зазвонил громко и требовательно.

— Алло?

— Привет, Кэролайн, это Донна. Я просто подумала, что спрошу, если ты не слишком занята распаковкой, несколько девушек и я обычно собираемся вместе во второй половине дня в понедельник, чтобы выпить кофе... поболтать. Мне бы хотелось узнать, ты бы хотела присоединиться к нам? Ты знаешь некоторых из них: Пени Бишоп, Эстель Хантер, Маргарет Шейнер.

— Ох, это так любезно с твоей стороны, Донна, но я по уши в

работе. Я должна позвонить в телефонную компанию, чтобы мне установили DSL, я обещала это Дэвиду. И мне еще нужно переделать кучу дел. Он упоминал, что несколько друзей придут к нам на напитки в эту субботу? Около семи часов. Может быть, мы наверстаем тогда. И конечно кофе в любое другое время.

Она приняла мои извинения с хорошим настроением и сказала, что с нетерпением ждет субботы. Мы повесили трубку на хорошей ноте, после того, как она дала мне номер Эстель, явно удивленная моей просьбой. Донна была легкой в общении, и я чувствовала, что она

была той женщиной, которая может мне понравиться.

Однако Эстель была совсем другой.

Я начала набирать ее номер и к моему удивлению и огорчению, я ощущала нервный узел в своем животе. Ох, да что же это такое! Ты тридцатилетняя женщина! Мне, правда, не хотелось просить ее о помощи.

Раздраженная, я набрала номер.

— Резиденция Хантеров. Чем я могу помочь?

Голос Себастьяна был спокойным и вежливым. Я была так удивлена, что не смогла сразу заговорить. Я предполагала, что он

будет в школе.

— Алло? — сказал он снова.

— Привет, Себастьян... это Кэролайн, — запнулась я.

Через телефон я услышала, как он внезапно резко вдохнул.

— Кэролайн, привет! Как ты?

— Хорошо, спасибо. Я рассчитывала поговорить с твоей мамой...

— У меня есть свободное время, и в любом случае я заканчиваю в четверг, — напомнил он мне.

— Ох, ну, к счастью или к несчастью... я подумала, не мог бы ты помочь мне со статьей, которую я пишу?

— Конечно, что угодно!

Я старалась игнорировать очевидный восторг в его голосе.

— Ну, когда мы разговаривали на барбекю, на днях, ты упоминал, что отец твоего друга — серфер, вроде бы его имя Чес? Ну, я подумала, не мог бы ты дать мне его номер? Я бы хотела поговорить с ним.

Последовала небольшая пауза.

— Ты хочешь поговорить с Чесом?

Он звучал обиженно.

— Ну, я на самом деле хочу поговорить с отцом Чеса, — сказала я наспех. — Я пишу статью о личном составе Базы, которые занимаются серфингом. Я подумала, что ««Сити Бит»», может выделить большой

кусок для статьи.

— Ох, верно, — он ответил со странным облегчением в голосе. — Конечно, я дам тебе его. Мы собираемся потусить на пляже во второй половине дня. Там будут крутые волны. Митч собирается поехать с нами. Ты хочешь тоже поехать?

— Митч?

— Отец Чеса. Он старший сержант.

— Ну, это будет здорово. Во сколько вы собираетесь поехать?

— Около трех сорока пяти. Мы могли бы забрать тебя?

— Эм... ты собираешься в Пойнт-Лома снова?

— Может быть... мы собираемся поездить вокруг, пока не найдем лучшее место.

Ох, ну...

— В любом случае, да, я бы с радостью поехала. Ты уверен, что Митч и твои друзья не будут против?

— Конечно!

Он ответил так быстро, что я ничего не смогла поделать, но выпустила небольшой смешок.

— Ну, ладно, но я буду чувствовать себя лучше, если сначала поговорю с Митчем.

С некоторой неохотой, что заставила меня улыбнуться, Себастьян дал мне номер его друга и три раза подтвердил, что он увидит

меня после школы в три сорок пять.

Я повесила трубку, все еще улыбаясь. Затем я набрала номер сержанта Петерса. Ответила женщина.

— Привет, резиденция Петерсов.

— Ох, доброе утро. Меня зовут Кэролайн Уилсон, я жена капитана Дэвида Уилсона. Могу ли я поговорить с сержантом Петерсом?

— Ох, доброе утро, миссис Уилсон. Это Ширли Петерс. Я боюсь, что Митч не доступен в настоящее время. Могу я принять сообщение?

— Да, спасибо. Возможно, это звучит немного странно, но я знаю, что Митч везет мальчиков на серфинг сегодня днем, и я подумала,

не могла бы я присоединиться к ним.

Она колебалась достаточно долго, давая мне знать, что это прозвучало более чем просто странно. Я поторопилась все объяснить.

— Просто я раньше писала для местной газеты на востоке, — сказала я, немного преувеличивая. — И я надеялась делать то же самое здесь, я подумала, что статья о личном составе Базы, которые занимаются серфингом, будет интересная. Я надеялась, что ваш муж немного поможет мне.

— Ох, понимаю. Ну, я уверена, что Митч будет не против этого, миссис Уилсон.

Она все еще звучала удивленно, и я знала почему — жены офицеров не имеют ничего общего с семьями рядового состава. Различие, что всегда раздражало меня.

В конечном итоге мы договорились, что Митч позвонит мне, если возникнут проблема, в любом случае я буду готова к трем сорока пяти.

— Эм, миссис Уилсон, этот фургон очень старый, мальчишки используют его для своих серферных штучек. Ну, я бы не хотела, чтобы вы испортили свою одежду.

Я была тронута ее заботой.

— Спасибо вам, миссис Петерс. Тогда я надену старое платье для

пляжа. Спасибо вам большое.

После этого, я почувствовал себя полной энергии, довольная тем, как устраивается день. Я поехала в библиотеку, чтобы подключиться к интернету и проверить местные места для серфинга, а также чтобы узнать побольше о том, какие истории публикует «Сити Бит».

Я едва успела остановиться у магазина, чтобы запастись продуктами на ужин, машинально схватив дюжину фокаччо[6], прежде чем принестись домой и переодеться в свой старый желтый сарафан и захватить свой блокнот.

Я наполнила рулеты из хлеба пастрами[7], листьями салата и

томатами, и закончив, обернула их в бумагу для выпечки и погрузила в картонную коробку, когда услышала гудок автомобиля снаружи. Я схватила свою камеру и блокнот, достала бутылку лимонада из холодильника и стремглав выскочила, чтобы встретить своих мастеров серфинга.

Себастьян уже выскочил из фургона, широко улыбаясь.

— Привет, Кэролайн.

Он выглядел таким взволнованным, увидев меня, я не могла быть с ним холодной.

— Привет, Себастьян. Можешь помочь мне с этим? Я захватила несколько сэндвичей для тебя и

твоих друзей.

— Вау, спасибо.

Он сунул коробку под мышку и открыл дверь с пассажирской стороны.

— Это Митч, эм, старший сержант Петерс.

Митч Петерс был коренастым мужчиной, среднего роста, с фирменной короткой стрижкой морпехов.

— Миссис Уилсон, рад встречи с вами.

— Ох, называйте меня Кэролайн, пожалуйста. Вы делаете мне одолжение. Я правда ценю, что вы позволили мне присоединиться к вашему сафари серфингистов.

Он улыбнулся, и его лицо мгновенно расслабилось.

— Без проблем, Кэролайн. Может даже, эти пляжные задницы смогут показать свои манеры. Верно, парни?

Затем он представил мне своего сына Чеса, друга Себастьяна, в котором я узнала парня, которого видела несколько дней назад; Билла, приятеля Митча; и еще одного парня, которого звали Фидо по каким-то причинам.

Я сидела спереди, зажатая между Митчем и Биллом, а мальчики сидели сзади среди пестрой коллекции досок для серфинга, досок для буги-серфинга (прим. пер.

человек на такой доске не стоит, а лежит и движется по волнам), гидрокостюмов и странных ярких футболок, что как мне сказали, были гидромайками.

— Чтобы гидрокостюмы не натирали вокруг шеи и подмышками, когда ты гребешь, — объяснил Митч. — Они не нужны нам сегодня, вода в это время года около 63 градусов по фаренгейту (прим. 17,22 по Цельсию).

Я записала это и сделала быстрый снимок задней части фургона со всеми мальчиками, которые состроили гримасу и показали фигу.

— Кэролайн принесла еду, —

счастливо произнес Себастьян.

Должно быть, они все были голодные, потому что рулеты испарились, как вода в пустыне, а лимонад передавался из рук в руки. Я была уверена, что могла взять в два раза больше еды, и она бы исчезла таким же образом.

Мы проехали по впечатляющему мосту Коронадо, затем направились южнее, иногда останавливаясь для проверки прибоя.

Митч объяснил, что мы ищем устойчивую зыбь и ветер с берега, чтобы удержать волны — лучшие условия для создания больших действенных аттракционов.

В конечно итоге Митч

остановился на обочине дороги возле парка коралловых рифов, и мальчики высыпали с задней части; их безрассудный энтузиазм был заразительным. Митч и Билл были несколько осторожнее, но я не могла сказать были ли это из-за их старшинства или потому что я препятствовала их ритуалу мужской дружбы.

— Просто забудьте, что я здесь, — добавила я, несколько беспомощно. — Я просто посмотрю и впитаю атмосферу.

— Да, мэм, — сказал Билл, улыбаясь мне, когда стянул свою футболку, чтобы продемонстрировать бочкообразную грудную клетку, густо

покрытую красновато-коричневыми волосами.

Краем глаза я увидела, что Себастьян хмуро смотрит на него, сдергивая свою футболку. Его кожа имела тот же самый красивый, золотистый загар, что я помнила, но прежде я не замечала, каким мускулистым он был. Все эти часы серфинга оставили ему обширные гибкие мышцы и удивительно загорелое тело. На самом деле все в нем было в прекрасной форме. Мне было интересно, могла бы я попробовать серфинг, хотя семнадцать градуса не звучало так тепло для меня.

Митч протянул Себастьяну

яркую желтую и красную доску, добродушно улыбаясь. Именно тогда я вспомнила, что отец Себастьяна сломал голубую доску, с которой он был, когда я увидела его в первый раз.

Я сделала еще несколько снимков, пока они позировали для камеры, а затем увидела, как они бегут в воду и гребут туда, где волны разрушаются. Из своего получасового исследования я знала, что это называется «лайн-ап» (прим. пер. зона ожидания волн в серфинге). Они сидели там, пестрая стайка, ожидая волну. Когда подходила зыбь, они все начинали грести, их руки гребли сквозь море, зеленая вода

поднимала их, они мчались поперек волны, так грациозно, так мощно. Наблюдая за ними, я задерживала дыхание. Затем неизбежно волна ломалась, и они все ныряли в разных направлениях, подпрыгивая на поверхность секундой позже.

После того как я наблюдала за происходящим, Себастьян поймал волну, что вынесла его на берег, и он подбежал, чтобы присоединиться ко мне, стряхивая волосы с глаз, его кожа сияла.

— Ты уже закончил?

— Я подумал, что это может помочь, если я объясню немного больше для твоей статьи.

— Это было бы замечательно,

все это выглядит одинаково для меня.

Он слегка рассмеялся.

— На самом деле нет. Видишь, Митч использует длинную доску с круглым носом. С ней он может работать с меньшими волнами, и делать всякое хиппи дерьмо как хэн тен (прим. пер. катание на лонгборде, когда обе ноги серфера стоят вместе на передней части доски и находятся параллельно друг другу). Чес ездит на короткой доске, так что он может резко повернуться на волне, поймать немного воздуха и делать более радикальные вещи.

Я понятие не имела, что он только что сказал, как будто он говорил на иностранном языке, но по

каким-то причинам его слова заставили меня улыбнуться.

— Какого вида доска у тебя, ты ее позаимствовал?

— Это короткая доска-трастер (прим. пер. эта доска предназначена для выполнения быстрых маневров на волнах и является самым популярным дизайном доски), такая же как у Чеса и Фидо. Видишь, какие они быстрые там? Ты не сможешь делать это на длинной доске.

Я начала видеть, что Себастьян имеет в виду, говоря о стилях серфинга, когда он терпеливо указал на различия, затем назвал и описал различные маневры. Я сделала много заметок и была уверена, что могу

превратить это в полноценную статью.

— Как много парней Базы — серферы?

— Довольно много: как только ты получишь свою доску, океан — свобода. Ты можешь быть личностью, ты знаешь, отличие от военной жизни.

Я сразу же поняла, что он имел в виду: здесь не было правил, не было уставов, никто не приказывал тебе.

— Ну, у нас все-таки есть некоторые правила, — проговорил серьезно Себастьян. — Во-первых, ты не должен забирать у другого, у твоего друга и товарища по серфу, волну. Это плохо. Тот парень,

который быстрее встанет на доску — того и волна.

— А второе?

— Ты должен всегда и при любых обстоятельствах прийти на помощь, если что-то произойдет.

Ну, это вполне очевидное правило, когда задумываешься о полном перечне таковых.

— Себастьян, не надо позволять мне отрывать тебя от твоих друзей; я вполне счастлива сидя тут в тишине и покое, просто наблюдая за всем.

Он отрицательно покачал головой и пристально посмотрел мне в глаза.

— Я могу покататься в любое время. Я лучше просто посижу здесь

с тобой.

Я уставилась в недоумении вниз на записи в блокноте, не зная, что же ответить ему, но я была абсолютно уверена, что если я подниму глаза, то буду захвачена в ловушку его сине-зеленых глаз, напоминающих мне цвет океана. Но также я должна была обозначить некоторые вещи.

— Мне бы хотелось, чтобы ты больше не говорил таких вещей, Себастьян. Я замужняя женщина. Это… это заставляет меня чувствовать себя неловко.

Я все еще не могла поднять взгляда. Я погрузила свои пальчики на ногах в теплых песок, как будто пряча глубоко в песке крошечную

частичку себя, моего тела, желая укрыться от него.

— Ты мне правда нравишься, Кэролайн, — сказал он с мягкими нотками в своем голосе, нежно лаская мое имя.

Я почувствовала прикосновение его руки к моей, это вызывало во мне трепет.

Мне пришлось поднять взгляд и устремить на него свои глаза. Его лицо выражало тоску, смешенную с непреодолимой тревогой. Я легко опустила очки с волос, которые служили мне иногда чем-то вроде ободка, пряча за ними мое лицо, и резко поднялась на ноги.

Прогуливаясь по пляжу и

глубоко дыша, помогая тем самым восстановить своему организму и самой себе потерянное спокойствие.

Черт возьми, почему он оказывает на меня такое влияние?

Но в глубине души я знала, почему меня очень влекло к нему. Он был красив и сладок, той молодой юношеской сладостью, и добр, и, что немаловажно, я нравилась ему. Я не могла даже и предположить «почему»? Я имею в виду, что во мне нет ни чего выдающегося, а тем более особенного — невзрачная, скучная женщина, которая проживала чуть ниже по дороге от его дома. Что же было такого особенного во мне, что могло

заинтересовать его?

Почему он так бережно прикасался ко мне? Он сказал, что я ему нравлюсь, но, что это значило? Чего он хотел от меня?

Я была ужасно раздражена на себя, когда бродила по пляжу. Это все было невыносимо смешно. Я была смешна.

Да ради всего святого. Он же просто мальчишка, ребенок! Напиши свою долбанную статью и не увидишь его больше.

Мои мысли были подобны громкой пожарной сирене, что разрывалась от рева в моей голове.

Меня немного наполнило чувство радости, когда к берегу

неторопливо подплыл Митч на доске. Я была уверена, что задам ему бесконечное количество вопросов: о серфинге, который бесспорно шел вразрез с военным настроем и об отношении личного состава к такому виду отдыха. Я была готова дать возможность говорить со мною кому угодно, только не Себастьяну.

— Кэролайн, я хочу открыть тебе секрет, что нет никакого особого смысла в серфинге, — проговорил задумчиво Митч. — Это совсем не похоже на катание на лыжах; в этом нет никакой пользы. Можно применить лыжные навыки в странах северной Европы, но военная деятельность не сочетается с

серфингом ни по каким пунктам. Ну, и конечно, у серфингистов в крови так называемый индивидуализм, стремление к свободе, что может не нравиться, и даже раздражать некоторых людей.

— Вы имеете в виду Дональда Хантера? — пробормотала я еле слышно.

Митч сузил глаза и беглым взглядом осмотрел побережье, убеждаясь, что Себастьяна нет поблизости, и он не может услышать о том, что он мне хочет сказать.

— Он в списке призывников-добровольцев на службу, — быстро сказал он.

Я знала, что лучше не

продолжать обсуждение этого вопроса дальше.

Я взглянула на часы и к своему ужасу поняла, что уже было около шести вечера. Я не могла поверить, насколько быстро пролетело время. Дэвид скорее всего уже на пути домой, и ему определенно не понравится, что дома никого нет. С тревожным предчувствием, которое заполнило мое тело, я поняла, что Дэвиду не понравится тот факт, что я проводила время со старшим сержантом. Он бы, скорее всего, сказал, что это плохо отразится на его репутации.

— Кэролайн, ты в порядке? — обеспокоенно добавил Митч. — Ты

выглядишь взволнованной.

Он был слишком наблюдательным.

— Ох, да все в порядке. Я просто поняла, что припозднилась. Слишком хорошо провожу время, — сказала я, слабо улыбнувшись ему в ответ. По его взгляду, я догадалась, что он все мгновенно понял.

— Мы мигом подбросим тебя до дома, — заверил он добродушно.

Он развернулся в сторону океана и прокричал громким голосом, что у них есть в запасе ограниченное время на сборы, призывая их поторапливаться.

Чес оказался в числе последних, кто пошел кататься на доске,

продолжал сборы, горько сетуя на то, что он хотел бы попробовать поймать еще одну волну.

— Нам нужно подвезти до дому миссис Уилсон, — четко проговорил Митч, тоном, не терпящим препирательств.

Твердого взгляда и жесткого тона было достаточно.

Мы шли назад к грузовику все вместе, Себастьян был непривычно тихим, в то время как все обсуждали серфинг, говоря что-то о трубах, которые образовывали волны, что-то о зеленых комнатах (прим. пер. пространство-коридор, который образовывается внутри трубы или бочки) и падениях во время

серфинга. Я отвернулась, глядя в другую сторону, пока они вытирались старыми пляжными полотенцами, натягивая свои футболки и джинсы, чтобы, наконец, ехать домой.

Я едва ли могла слушать их веселую болтовню, напряжение заполнило меня словно водный сток, который переполнило после дождя. Мне удалось взять себя в руки, чтобы поинтересоваться у Митча, хотел бы он прочесть статью, которую я написала

— О, нет что вы! — покачал он головой, смеясь. — Я не уделяю внимания словам, Кэролайн, как печатному тексту, так и тому, что

пишется от руки. Вам следует попросить кого-нибудь из парней прочесть и оценить статью — это больше их увлечение.

— Себастьян может сделать это! — выкрикнул Чес, бросая поддразнивающий взгляд на своего друга.

Фидо усмехнулся, а Себастьян в свою очередь нахмурился.

— Ты сможешь, Себ? — спросила я, быстро возвращая контроль своим звучным голосом.

— Конечно, без проблем, — тихо проговорил Себастьян. — В любое время, как тебе будет угодно, Кэролайн.

Я почувствовала себя не хорошо,

потому что он казался таким несчастным, но это лучше, чем, если бы мы... Я не могла позволить думать себе о таких вещах, и тут не было ни единой альтернативы.

Спустя двадцать минут Митч подвез меня до дома. Выйдя из машины, я помахала им рукой и направилась к дому. Маленькая спешка не стоила того, потому что «Камаро» Дэвида уже был припаркован на подъездной около дома.

Я нервно открыла свою пляжную сумочку и достала ключ от дома, затем попыталась открыть дверь.

— Кэролайн?

Ох, какой он странный, а кто же, черт побери, может быть еще.

— Здравствуй, Дэвид. Прости, я немного припозднилась.

Он ожидал меня, сидя за кухонным столом. И он явно не выглядел счастливым; раздражение исходило от него волнами.

— Ну, и где ты была? Твоя машина припаркована перед домом?

— Сержант Петерс подбросил меня, он помогал мне со статьей, которую я пишу для «Сити Бит».

— Петерс? Это который? — презрительно скривил он губы.

— Ну, тот, что живет на Мюррей Ридж. Он старший сержант. Его жену зовут Ширли.

— Ты прекрасно знаешь, мне не нравится, что ты общаешься с сержантскими семьями, Кэролайн, — бросил он мне колко в довершении. — Когда наконец ты наберешься достаточно мозгов, чтобы понять, что вся эта возня и глупое общение с рядовыми сержантами и их женами подрывает мою репутацию?!

— Прости меня, Дэвид. Но он, правда, был мне очень полезен. Он…

— Я не заинтересован выслушивать твои оправдания, Кэролайн.

Я чувствовала, что контроль над моим гневом начинает ускользать от меня по крупице.

— Я и не собиралась оправдываться. Я благодарна, что старший сержант Петерс помог мне сегодня.

Нависла ледяная тишина.

— Пойду готовить ужин, — пробормотала я.

— Не утруждай себя, — выплюнул он резко. — Пока тебя не было, мои планы поменялись. Я встречаюсь с одним из своих коллег в баре. Не жди.

Он вышел из дома, и я услышала, как он завел свою «Камаро» и унесся прочь.

Я прекрасно понимала, что это значит: Дэвид собрался удариться в один из нечастых запоев. Он,

вероятно, еле вытащит свою задницу и дотащит до дома около двух ночи, и будет дышать своим смрадным пивным перегаром мне в лицо.

Я была счастлива, что он ушел, потому что была уверена, что мы столкнулись бы в нашем гневе, и разразилась бы ссора.

Я пыталась успокоиться и сосредоточиться на написании заметок, но наша стычка с его участием сделала меня нервной.

Начинало темнеть, яркие золотые звезды украшали небо на востоке. Я, неторопливо просмотрев в шкафу вещи, отыскала парку, вытащила кроссовки и решила прогуляться.

Я следовала кольцевому маршруту прогулки, бесцельно бродя по парку, когда внезапно поняла, что это не может уже быть безопасным местом, потому что стемнело. Я оглядела парк и могла заметить человека, сидящего на одной из лавочек; капюшон его толстовки прикрывал голову и лицо.

Я была осторожна и аккуратна, но не сильно волновалась: пока еще нет. Самый быстрый путь домой — пройти мимо этого человека. Я задалась вопросом, было ли умно делать это, но в итоге я решилась, потому что он совершенно не смотрел на меня, поэтому я рискнула пройти мимо него.

Когда я прошла мимо, то поняла, что этой молчаливой фигурой был Себастьян. Я почти прошла мимо. Мне действительно не нужна была еще одна неловкая встреча. Я еще не совсем пришла в себя, после раздражительной речи Дэвида и все еще чувствовала себя не своей тарелке. Но он выглядел таким одиноким, поэтому я рискнула и пошла к нему, чтобы узнать в порядке ли он. Я гадала про себя, вдруг он опять подрался со своим отцом. Я надеялась, что это не из-за меня. Может, из-за серфинга

— Себастьян?

Он поднял голову и посмотрел мне в глаза, перед тем как опустить

взгляд и уставиться на землю.

Я задохнулась от увиденного. У него был синяк по всей щеке и разбитая губа.

— О, боже! Ты в порядке?

Какой идиотский вопрос: любой дурак может сказать, что он совсем не в порядке.

— Что произошло?

Он не ответил мне, понурив плечи, он продолжал пялиться в одну точку на земле, как будто ответ на мой вопрос был между травинками.

Без какого-либо осмысленного решения, я аккуратно приподняла его голову рукой

Он отдернул лицо от моей руки.

— Не смотри на меня, —

прошептал он

— Это твой отец сделала с тобой?

Он кратко кивнул, и медленно тлеющий гнев начал зарождаться во мне.

— Себастьян, дай мне взглянуть. Я должна убедиться, что ты не настолько сильно ранен.

— Я… Все нормально, — проговорил он глухим голосом. — Мне доставалось и сильнее.

Боль, наполняющая его голос, была больше, чем я могла пережить.

Я кончиками пальцев нежно погладила его лицо и ощутила под подушечками пальцев слезы.

— Не плач, Себастьян. Все будет

хорошо.

Я не чувствовала никакой веры в свои слова; мы оба знали, что они пусты.

Я обошла его и встала перед ним. Наконец, он посмотрел в мои глаза.

— Пойдем ко мне. Я приведу тебя в порядок, подлечу и отвезу домой.

Значение моих слов медленно доходило до него. Он посмотрел на меня еще немного, затем поднялся на ноги.

Он шел ошеломленный, погруженный в состояние молчания, смотрел вперед невидящим взглядом. Дважды мне пришлось

останавливать его, чтобы он во что-нибудь не врезался. Его поведение заставляло меня волноваться.

Когда мы, наконец, вернулись домой, там было темно и неуютно. Я была безмерно благодарна Дэвиду за его отсутствие. Я была уверена, будь он дома, он бы вынудил меня позвонить его родителям.

Я открыла дверь, включила свет, когда я провела его на кухню. Вытащила стул, и после минуты сомнений он сел.

Я перерыла несколько ящиков, прежде чем вспомнила, куда положила антисептик. Еще мне нужно было полотенце, чтобы положить туда лед и попробовать

снять опухоль. Я вытащила форму со льдом из морозилки, бросила на столешницу и заметила, как подпрыгнул Себастьян.

— Ох, прости, — сказала я тихо. Он по-прежнему не проронил ни слова.

Осторожно, я прижала лед к его щеке и приподняла его руку, чтобы он сам держал лед.

Я сняла с него капюшон толстовки и невольно раскрыла рот от удивления. Кто-то — Дональд, я предполагаю — порезал, как попало волосы Себастьяна.

— Отец?

Он кивнул, мельком посмотрел на меня, а затем отвел взгляд.

Сквозь меня промчался гнев.

— Из-за занятий серфингом?

Он зажмурился и кивнул еще раз.

— Из-за меня? — прошептала я.

Он резко открыл глаза.

— Нет, это бы в любом случае произошло. Я все равно собирался поехать с Чесом и Митчем сегодня. В этом нет твоей вины.

Но я чувствовала вину.

— Хочешь, чтобы я исправила все это?

Казалось, он не понял вопроса.

— Хочешь, я подстригу тебя машинкой покороче?

Это был единственный приемлемый вариант, за

исключением бритья головы полностью

— Хорошо.

Я повела его вверх по лестнице, через спальню, в нашу ванную комнату, выдвинула для него стул и посадила его перед зеркалом.

— Я не хочу смотреть на себя, — произнес он, отвернув стул так, чтобы не видеть своего отражения.

Дэвид хранил бритву в шкафу. Я много раз стригла его под «ежик», и на этот раз я была благодарна, что хорошо могу справиться с этой задачей.

Гудение заполнило небольшую комнатку, пока я водила машинкой по голове Себастьяна. Его выцветшие на

солнце волосы падали на пол унылыми клочками. Когда я закончила, взяла полотенце и очистила волосики, которые попали на лицо и шею.

Он выглядел старше, мужественнее, и я не знала, было ли это из-за стрижки или что-то изменилось внутри него.

— Готово, — хрипло произнесла я, непролитые слезы сделали мой голос резким.

Он опустил голову к груди, как будто огромная глыба тянула его вниз. Я испытывала отчаянное желание провести пальцами по его коротким, мягким волосам, чтобы хоть как-то успокоить его.

— Все будет хорошо, — прошептала я тихо.

Он посмотрел вверх, его глаза впились в мои:

— Разве?

— Конечно. Когда ты уедешь из дома, тебе больше не потребуется видеть его вновь.

Он медленно кивнул, будто эту мысль было сложно переварить.

— Хочешь, я уберу лед? — спросила я спокойно.

Он покачал головой.

— Дай мне взглянуть.

Осторожно, я приподняла его подбородок, так чтобы я могла рассмотреть его щеку, синяк уже потемнел, а распухшая губа

выглядела лучше.

Затем он положил свою руку поверх моей, и меня потрясло, как его прикосновение проникло в меня.

— Пожалуйста, не надо, — прошептала я. Но в моих словах не было уверенности.

Он встал, по-прежнему удерживая мою руку.

— Я люблю тебя, Кэролайн.

Он произнес тихо, но слова были хорошо понятны, сказаны без ожидания и с маленькой надеждой. Он широко раскрыл глаза, беспокоясь, и я заметила, как под толстовкой быстро вздымалась и опускалась его грудь.

Было ли это из-за простых слов

или взгляда на его лице, его уязвимость или моя слабость, я не могла сказать.

Я подняла свободную руку и погладила его по щеке, затем пробежалась пальцами по прекрасным щетинкам его волос, к задней части шеи и притянула его к себе.

Его губы были теплыми и мягкими, тихий стон сорвался с моих губ, когда он сильнее прижался ко мне.

Неуверенно я позволила своему языку нежно попробовать раскрыть его губы, и он с радостью открыл рот. Я почувствовала, как его язык ворвался в мой рот, и желание

воспламенилось во мне, раздулось из маленького огонька в огромный лесной пожар, жадный и необратимый. Я схватила его за шею свободной рукой, провела пальцами вниз по его щеке, по горлу к его груди.

Он приподнял руки к моей талии, а затем обнял меня ими, прижимая ближе к себе.

Каждый кусочек моей тщательно построенной сдержанности был смыт потоком незнакомых ощущений.

Резко я отстранилась от него, мое сердце бешено колотилось, зажатое в клетке ребер. Страх отразился в его взгляде, а руки

безжизненно упали по бокам.

Могла ли я сейчас остановиться? Возможно. Очень слабое, практически мертвое «возможно».

Я была замужем, да, но это было чисто формально. Все что я говорила или делала, казалось, раздражало Дэвида — обычное выражение его лица было хмурым и кислым, в голосе постоянно слышно раздражение, каждый раз, когда он говорил со мной, возможно, даже неприязнь. Если когда-то и была между нами любовь — это ужа далеко в прошлом.

Даже сомневаясь во всем в своей жизни, я знала, что хотела Себастьяна. Я хотела его очень

сильно.

Я схватилась за край его толстовки, мои намерения ясны. На его лице отразилось изумление, сопровождаемое разгоряченной страстью, которую я никогда не видела и не знала прежде.

Он охотно поднял руки, и я стянула толстовку через его голову и бросила ее на пол.

Его белая футболка плотно облегала грудь, и я не стала отказывать себе в удовольствии, прочувствовать под моими смелыми пальчиками сквозь мягкую ткань, его накаченные мышцы.

Я отпустила руку к кромке футболки, просунула под нее руку и

нежно погладила пальцами его гладкую, мягкую кожу живота.

Он глубоко вдохнул и положил руки на мои плечи, широко раскрыв глаза от удивления.

Я провела рукой вверх, на сей раз под футболкой, наслаждаясь накачанными мышцами и волнообразным движением груди от его поверхностного дыхания.

Я погладила его кожу, мои глаза впились в его, затем я позволила своей руке опуститься к поясу его джинсов. Мои пальцы поглаживали край, и дрожь пробежала по его коже.

Немного отступив, я схватилась за край его футболки и потянула ее наверх, стаскивая через голову, и

смяла в руках, прежде чем уронила на пол.

Я глубоко вдохнула, позволяя своим глазам рассматривать его, его молодость, его красоту, желание, которое вспыхнуло в его глазах. Я потянулась и одной рукой зацепилась за петлю на его поясе, а другой провела по эрекции, выпирающей сквозь джинсовую ткань.

Он сглотнул и зажмурил глаза. Когда он вновь их открыл, я сделала шаг вперед и прижалась своей грудью к его груди.

Одно рукой я дотянулась до его пораненной щеки, другой исследовала неизведанную область, продолжая поглаживать его.

Неуверенно, его руки проскользнули по моей талии, едва касаясь ее. Я наклонила его лицо и вновь поцеловала его. И в этот раз он поцеловал меня в ответ настойчивее, его язык проник в мой рот, и я почувствовала, как его руки напряглись вокруг меня. Окрыленная, я проскользнула рукой в его джинсы, и его тело напряглось. Я ощутила его тепло, нагота под его джинсами возбуждала вдвойне. Он застонал.

— Расстегни молнию, — тихо сказала я.

Немного неуклюже, он расстегнул застежку молнию на моем платье. Я сбросила его с плеч и

наблюдала, как оно упало на пол.

На мгновенье Себастьян замер, а затем он вновь приблизился ко мне, передвинув свои руки с моих бедер на талию, и неуверенно остановился под грудью.

— Да. Прикоснись ко мне.

Я взяла его руку в свою и медленно подняла к своей груди, не спеша, поглаживая ее по кругу, показывая ему, как сделать мне приятно, позволяя ему исследовать мое тело, пока я дрожала под его прикосновениями. От ощущений кожа к коже.

Он завел левую руку за меня, медленно скользя вниз, заем прижал ладонь к моей спине, а правой рукой

накрыл мою грудь. Он вновь поцеловал меня. Мое собственное сердцебиение ускорилось, и я понимала, что все мое существо отвечает на его прикосновения.

— Скинь обувь. Я хочу раздеть тебя.

Он мгновенье сомневался, позволяя словам впитаться в его заполненный разум, затем стянул с себя кроссовки. Он был превосходно босым.

Я вновь притянула его к себе и расстегнула пуговицу на его джинсах. Его глаза были широко раскрыты, пристально наблюдая за мной с очевидным желанием. Я не смела остановиться, чтобы

проанализировать свои чувства. Бесстыдно я расстегнула молнию и спустила джинсы с бедер. Я удивила его, когда опустилась вниз, чтобы стянуть материал с его ног.

Я высвободила его член, и была удивлена и даже немного потрясена. Он был намного больше Дэвида. Я ни разу не была с другим мужчиной, ни до, ни после замужества. Я была смущена, осознавая, что Себастьян рассчитывал, что я и дальше буду брать на себя инициативу.

Я осторожно погладила его голени, коленки, бедра, затем позволила своим пальца пробежать по его лобковым волоскам, и нежно погладила его эрекцию. Его член

действительно был превосходен — мягкий и шелковистый, но все же твердый. Я ни разу не хотела вот так разглядывать Дэвида, сейчас все было по-другому. Себастьян, казался таким уязвимым, доверившись мне. Я продолжала гладить его, ласково массажируя, прикасаясь пальцам к его головке.

Все его тело задрожало, и он зажмурил глаза.

Я поднялась и расстегнула лифчик, пока он с недоверием наблюдал за мной. Я глубоко вдохнула, просунув пальцы под резинку трусиков, стянула их с бедер и переступила через них.

Казалось, на какое-то мгновенье

время остановилось, пока мы просто стояли, уставившись друг на друга, рассматривая нашу наготу.

Я вытянула руку, и Себастьян сделал шаг ко мне. И внезапно, будто внутри него щелкнули переключателем, он окружил меня своим телом — его руки оказались на моей груди, плечах, ягодицах, бедрах, его язык в моем рту, на моей шее, между моим грудями, полностью подавляя меня.

Я схватила его яростно, крепко сжимая пальцы вокруг его члена. Я услышала, как он втянул воздух сквозь зубы.

Я провела моими пальцами еще раз вверх по его члену, крепко

вцепившись в его мягкую кожу. Внезапно он взорвался, его тело задрожало. Я почувствовала влагу на своем бедре, и, опустив взгляд, заметила бледно-кремовую жидкость.

Такое знакомое чувство разочарования просочилось в меня. Но выражение его лица остановило эти мысли.

Сокрушенный под весом этого унижения, он буквально развалился на части, упал на пол, отрывисто рыдая.

— Прости! Прости! Прости!

Он повторял слова вновь и вновь, прикрыв руками свое лицо.

— Нет, не надо. Это не важно.

Все в порядке, — прошептала я, ласково поглаживая мягкую, загорелую кожу его спины.

Сколько раз я говорила эти слова раньше, на самом деле, не подразумевая их? До настоящего момента.

Я опустилась на пол, и, обняв его начала раскачивать взад-вперед, тихо воркуя, пока его рыдания разрушали его.

В конце концов, он успокоился, но отказывался взглянуть на меня.

— Себастьян, все хорошо.

Он не ответил.

— Себастьян, посмотри на меня.

— Мне так жаль, — вновь пробормотал он, отворачивая лицо.

Я не знала, что сделать, как показать ему, что это было не важно или, по крайней мере, что я не стала хуже о нем думать из-за того, что произошло или вернее не произошло.

Я убрала одну руку от его заплаканного лица.

— Пошли со мной.

Он, наконец, изумленно посмотрел на меня.

Ласково я потянула его за руку.

— Пошли.

4 глава

Себастьян выглядел смущенным, когда я снова привела его в спальню.

Я убрала покрывало и попыталась отогнать мысль о том, что эта половина кровати принадлежала Дэвиду.

— Ложись.

Он лег на спину, его восхитительные глаза наблюдали за каждым моим движением. Я обошла кровать и легла со своей стороны рядом с ним. Натянув простыни, я укутала нас, будто защищая.

Я вытянула руку, чтобы погладить его по щеке и приоткрытым губам, провела по

линии его губ одним пальцем, а затем наклонилась чтобы поцеловать его, пробуя тем самым соленые слезы.

Легкими поцелуями я спустилась вниз по его шее. Мои волосы разметались по его груди. Он нерешительно провел пальцами по моей руке вверх к плечу и дальше увереннее к моей груди.

Большим пальцем он обвел мой сосок, и я резко вздохнула от удовольствия. Он тут же убрал руку.

— Нет, не останавливайся.

Я продолжила целовать его грудь, спускаясь к животу. Его рука двинулась к моей попе, осторожно поглаживая ее.

Его член вновь поднялся, поэтому я поцеловала его прямо туда, чувствуя, как его тело дрожит под моим легким, как перышко, прикосновением.

Я легла на спину рядом с ним и направила его руку к моим бедрам.

— Ты можешь прикасаться ко мне.

Я прижала его руку ближе. Взяв его руку в свою, я ласкала себя его пальцами, приподнимая бедра вверх, втягивая в себя воздух, когда он нашел мое самое чувствительное местечко.

— Да, вот так. Вот так.

Это было приятно несколько мгновений, но я хотела большего. Я

схватила его руку и скользнула его указательным пальцем внутрь себя.

— Медленно... Да, взад и вперед.

Он тщательно следовал моим инструкциям, ласково атакуя меня, заставляя стонать и извиваться. Я слегка повернула бедрами и двинула его большим пальцем так, чтобы он обвел мой клитор. От удовольствия я протяжно выдохнула. Его теплые губы целовали мою шею, пока его рука продолжала свои уверенные действия.

Я не хотела думать о Дэвиде, но просто не могла не сравнить... Эти любовные ласки с эгоистичными сексуальными приказами, которые он обычно отдавал мне.

Я опустила руку и погладила его член, теперь уже твердый и готовый. Я хотела почувствовать его внутри себя, но боялась вновь слишком резко наброситься на него.

Я захватила в ловушку его руку между бедрами и села. Он выглядел удивленным и внезапно неуверенным в себе. Я наклонилась и поцеловала его, на этот раз более страстно, раскачиваясь на его руке. Он пропустил пальцы свободной руки через мои волосы и поцеловал меня в ответ, позволив себе пойти дальше и взять больше.

Потом он провел рукой по моей груди, и потянул за сосок. Это ощущение было потрясающим и

шокирующим, оргазм застиг меня врасплох. Его пальцы, должно быть, почувствовали пульсацию моего удовольствия, и он видел, как мое тело выгнулось и извивалось. Настолько неожиданно… Смущающе. Я привыкла достигать оргазма в уединении, поэтому для меня это было чем-то новым.

— Ты в порядке? — с сомнением спросил он.

Какое-то время я пыталась восстановить свой голос:

— Да, очень даже в порядке... Более, чем в порядке.

В первый раз за весь вечер он улыбнулся.

Я предполагала, и, думаю,

предполагала я правильно, это все было в новинку для Себастьяна. Однако он позволил мне почувствовать то, что я не чувствовала прежде: любовь и страсть. Я просто не осознавала... Я не знала, что может быть так хорошо.

— Теперь твоя очередь, — сказала я.

На его лице появилось недоумение. Затем его взгляд наполнился пониманием, когда я опустилась на колени рядом с ним. Я наклонилась, чтобы поцеловать его. Он обнял меня и притянул к себе. Он простонал в мой рот, и я вновь выпрямилась.

В этот раз я приподняла бедра и

рукой направила его член в себя, медленно садясь на него. Мои глаза закрылись, и я услышала, как он резко вдохнул.

Наконец, я могла почувствовать каждый его дюйм внутри себя. Я взяла его руки и прижала к низу моего живота.

— Чувствуешь себя внутри меня?

Выражение его лица было заполнено изумлением.

— Да, — прошептал он. — Чувствую.

Я вновь наклонилась вперед, упершись руками в его грудь, и двигая бедрами вверх-вниз в ровном темпе. Он откинул голову на подушку, его губы приоткрылись,

поглощенные новыми ощущениями. Я чувствовала, как его тело теснее прижалось к моему, проталкивая его член еще глубже в меня.

Он начал двигаться быстрее, более уверенно, более отчаянно. Я позволила ощущениям унести нас.

Я открыла глаза и увидела, что он впился в меня взглядом, практически одичавшим... Беспощадным... Я задвигалась быстрее, встречая каждое его движение. Он зажмурил глаза, наши руки слились воедино. Он кончил, пока его тело сотрясалось внутри меня. Я упала ему на грудь, бездыханная и расслабленная.

Несколько минут мы мирно

лежали, и я слушала, как его сердцебиение постепенно замедляется. Затем я скатилась с него и легла на спину. Думаю, я улыбалась.

Я почувствовала, что матрас слегка прогнулся, и приоткрыла глаз. Он приподнялся на один локоть и пристально смотрел на меня.

— Эй, — робко сказала я, — ты в порядке?

Он кивнул:

— Это было... это было...

— Ага, было.

Я погладила его по щеке, и он закрыл глаза. Затем он повернул голову и поцеловал мою ладонь. Неожиданный, интимный жест

застал меня врасплох.

— Я люблю тебя, Кэролайн. Всегда любил. Всю свою жизнь.

Я подавила восторженный смех.

— Это, конечно, очень долгое время, — поддразнила я его. — Тебе только восемнадцать. На самом деле вся твоя жизнь — это не так уж и долго.

Он улыбнулся:

— Иногда, именно так и кажется. В любом случае, до восемнадцати мне еще ждать четыре месяца, а потом я расскажу тебе.

Когда смысл его слов дошел до меня, волна ледяного шока проскользнула по мне, а на лице застыл ужас.

— Что? — я не могла поверить в то, что он сказал. Он посмотрел на меня озадаченно. — Тебе... Тебе только семнадцать?

Он кивнул с тревожным выражением лица.

— Ради всего святого, Себастьян! Семнадцать?

Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

Он нервно посмотрел на меня:

— Какая разница?

Я закрыла глаза руками, отказываясь смотреть на него.

Что я наделала? Что, мать вашу, я наделала?

— Пожалуйста, Кэролайн. Ты пугаешь меня.

Я глубоко вдохнула, повернулась

и впилась в него взглядом, нуждаясь в том, чтобы вывалить внезапную панику и гнев на него.

— Дело в том, Себастьян, что ты несовершеннолетний. То, что мы сделали... Я сделала... Это незаконно. Это уголовное преступление, черт побери!

— Но я люблю тебя.

Я хотела закричать.

— Себастьян, по закону это уголовно наказуемо. Это изнасилование. Ты понимаешь, что это значит? Меня могут посадить в тюрьму. Если кто-нибудь узнает...

— Я никому не скажу. Я люблю...

— Не говори этого. Не говори!

— выплюнула я слова, и он вздрогнул.

Я побежала в ванную комнату, боясь, что меня вырвет. Я закрыла рот рукой, пока рвотные позывы одолевали меня. Слезы жгли глаза, и я почувствовала, что он неуверенно стоит позади меня.

— Кэролайн, пожалуйста.

Я вытянула руку вперед, чтобы он не приближался.

Что я наделала?

Слова эхом раздавались в пустоте.

— Пожалуйста! — отчаянно умолял он, но я не смогла взглянуть на него.

Моя кожа была словно ледяной,

а затем пылающе-горячей от позора, когда поток эмоций охватил меня. Я подошла к двери ванной, взяла с крючка халат и накинула его на себя, будто тонкий материал мог скрыть мое преступление.

Я попыталась пройти мимо него, но он заблокировал мне выход.

— О, боже, пожалуйста, Кэролайн! — и попытался притянуть меня к себе.

— Нет! — Я говорила это, пока шла к кровати, прежде, чем мои колени подогнулись, и я осела, задыхаясь.

— Что же я наделала? Что?

Я положила голову на руки и попыталась бороться с нарастающей

паникой.

Я знала, что он наблюдает за мной, но не могла взглянуть на него. Молча, он сел около меня.

— Мне не жаль, — прошептал он. — Это был лучший опыт в моей жизни. Я люблю тебя, и ничего не могу поделать с этим.

Он притянул меня к своей груди, обернув свои руки вокруг моих плеч, тем самым успокаивая... утешая...

Медленно шок начал отступать, и, наконец, я смогла выпрямиться, оттолкнув его руки.

— Приношу свои извинения, Себастьян. Тут нет твоей вины. Пожалуйста, прости меня за мое... поведение, — я выговаривала эти

слова сдержанно, официально, боясь уступить эмоциям. — Думаю, сейчас тебе лучше уйти.

— Пожалуйста. Не отталкивай меня. — Его голос был хриплым.

Когда я не ответила ему, он встал и направился в ванную. Он опустил глаза в пол, словно ища там ответ, которого там просто не могло быть. Я услышала тихий шелест ткани и поняла, что он одевался.

Я быстро направилась на кухню, нуждаясь в любом занятии, чтобы прекратить дрожь в руках. Я вытерла лужу из-под растаявшего льда и положила антисептический крем в ближайший ящик.

После этих механических

действий я склонилась над раковиной, пытаясь собраться с мыслями. Я услышала его тихие шаги по линолеуму и, сделав глубокий вдох, чтобы успокоить нервы, я повернулась к нему лицом.

Выражение его лица потрясло меня. Он выглядел таким сломленным.

— Ох, Себастьян!

Я сорвалась и начала рыдать.

Мгновением позже я оказалась в его руках, прижимаясь щекой к его груди. Он ласково поглаживал мои волосы:

— Не расстраивайся, Кэролайн. Я тебя очень люблю. Все будет хорошо.

Мой смех чередовался со слезами. Как же это было смешно. Конечно, все уже не будет так, как прежде... В порядке уже ничего не будет... Насколько это все-таки было забавно: я чувствовала себя счастливой и одновременно с этим несчастной...

Я подняла голову, понимая, что с красными глазами смотрюсь, скорее всего, отвратительно.

Он вытирал мои слезинки большими пальцами.

Я думала, что он собирается что-то сказать мне, но внезапно мы услышали снаружи звук подъезжающей машины.

— Дэвид!

Чувство паники пронзило меня.

— Ты должен уйти! Быстро! Уходи через задний двор. Давай же, иди!

Он повернулся, чтобы бежать к двери, но затем резко остановился и замер:

— Когда я увижу тебя в следующий раз?

— Я не знаю! Иди! Иди же!

— Пообещай мне, что я увижу тебя снова. Обещай мне!

— Хорошо, обещаю! — проговорила я в отчаянии, с ужасом гипнотизируя входную дверь.

Он быстро притянул меня к себе и страстно поцеловал. Затем он ушел.

Пытаясь восстановить сбивчивое

дыхание, я делала глубокие вдохи. Зайдя в спальню быстрым шагом, я начала разглаживать простыни и взбивать подушки, на которых только пару минут назад лежал Себастьян. У меня не было времени менять простыни, но я была немного потрясена мыслью, что Дэвид будет спать там, где мы с Себастьяном занимались любовью.

Я услышала, как ключ поворачивается в замке, но вдруг меня осенило, что я подстригала Себастьяна в ванной.

Я забежала в ванную, опустилась на колени и начала собирать светлые пряди, выбрасывая их в унитаз.

Внезапно мною овладело

сильное желание оставить что-то у себя на память о Себастьяне. Наклонившись, я подняла одну прядку, пряча ее в карман халата. Затем я подняла сливную ручку и зачарованно смотрела, как волосы водоворотом смывает прочь. Я брызнула водой на лицо и провела по растрепанным волосам пару раз расческой.

Я услышала громкий шум в гостиной. Как и ожидалось, Дэвид был пьян.

— Кэролайнннн... Кэролайййнн...

Когда он увидел меня, то облизнул губы.

— Красивая моя, Кэролайн! Белла! Белла! (прим. пер. Красавица)

Я пыталась перекинуть одну его руку через свое плечо, чтобы помочь ему добраться до спальни, но он легонько оттолкнул меня, распахивая мой халат. Он провел руками по моей груди, в то время как я пыталась направить его в сторону спальни.

— Давай, Дэвид, иди в комнату, ну же, помоги мне хоть немного.

— Что я и собираюсь сделать, Кэролайн. Иди ко мне.

Он попытался схватить меня, но я увернулась и он, промахнувшись, упал на кровать. Как только его голова коснулась простыни, он моментально уснул.

С огромным облегчением, я подпоясала халат и стянула с него

ботинки, а следом носки. Однако его форма будет не пригодна для носки с утра.

Я была рада занять себя хоть чем-то. Я рылась в шкафу до тех пор, пока не нашла чистую рубашку. А вот брюки потребуют основательной глажки.

Я достала раскладную гладильную доску в комнате, отведенной под хозяйственные нужды. Когда я вытаскивала ее, то швабра, стоявшая в углу, с шумом упала на пол, от чего я поморщилась... Но Дэвид так и не проснулся.

Я крутанула колесико регуляции режима на утюге на «горячо», находя

выход из случившегося в монотонной работе.

Я была потрясена тем, что сделала. Какая часть из «оставить все позади» после интервью была мне не понятна? Ребенок! Я сделала это с ребенком! Милостивый Господь! Я заслужила гореть в аду вечность. Но я не могла заставить думать себя о Себастьяне, как о ребенке, хотя закон и определял его как такового.

Он занимался со мной любовью. Мы занимались любовью.

Я знала, что это было неправильно, но в тоже время все происходящее казалось мне таким верным.

Мне нужно было покинуть это место. Я должна была убедить Дэвида взять направление на работу в другой город. Но что я ему скажу в качестве объяснения? Что я соскучилась по моим друзьям на восточном побережье? Нет, определенно нет. Это не заинтересует его, и даже не будет стоить его мыслей. А что если я вдруг воспылала желанием жить рядом с матерью? Нет, он никогда не поверит в этот бред!

У меня больше не было оправданий моему желанию уехать.

Возможно, я могла бы уехать сама? Оставить Дэвида, начать все с чистого листа где-то в другом

месте... Но как? Ни работы, ни дома, ни денег... Это была ужасающая перспектива. Я никогда не была одна. Я не знала, как это быть одной и что делать.

Жалкая несчастная шлюха!

А затем новый страх поглотил меня. Я не использовала никаких средств контрацепции, когда мы занимались любовью.

— Нет! — Громко вскрикнула я, затем быстро прикрыла рот рукой. — Черт! ЧЕРТ! ДЕРЬМО!

Дэвид простонал во сне, но продолжил спать похрапывая.

Я же не была на таблетках, я просто в этом не нуждалась: Дэвид был бесплодным, как пустыня Гоби.

Но Себастьян... О, боже!

Я пыталась составить список дел, которые я должна сделать утром, но я не могла ни на чем сосредоточиться. Что если я забеременею? На краткий миг, я представила параллельную вселенную, где я была бы матерью светловолосого ребенка с глазами, которые напоминают цвет океана, с мужем, который бы меня любил больше жизни. Но всего лишь на миг... Затем я вернулась в реальность.

План Б: Экстренный контрацептив — это было самым лучшим решением. По крайней мере, я могла приобрести его в аптеке без предоставления рецепта. Я могла бы

поехать в город или туда, где меня не знают.

Как я могла быть такой глупой?

Все, что я сделала за последние двенадцать часов, было сумасшествием. Что, черт возьми, было со мной не так?

С опозданием до меня дошло, что я почти загладила брюки Дэвида до лоснящегося блеска. Я отключила утюг и на носочках направилась в спальню, чтобы снять с Дэвида его форму. Он был пьян до беспамятства. Я посмотрела на человека, который был моим мужем. Я сосредоточенно смотрела на него настолько долго, что мои глаза начали болеть. Как это забавно. Я не могла сказать, что я

чувствую к этому человеку, когда я на него смотрела. Может что-то и чувствовала, а может, и нет. Мой эмоциональный запас сил был на нуле. Я думаю, что находилась в таком состоянии уже довольно долгое время. До появления Себастьяна... Нет! Я не должна думать так.

Я возвратилась на кухню, сделала себе кофе, который я так и не выпила, и с мрачным настроением ждала рассвета.

Когда первые солнечные лучи начали просачиваться в комнату, я так ничего и не решила. Уйти или остаться? Остаться или уйти? Остаться в привычной обстановке,

продолжив жить тут, или окунуться в неизвестность? Уйти или остаться? Остаться или уйти? Я прогоняла бесконечное количество раз одну и ту же мысль через мой заторможенный разум.

Унылый звонок будильника, который располагался на прикроватной тумбочке в спальне, заставил меня подпрыгнуть от испуга. Дэвид проснулся, что-то бормоча, и я поспешила приготовить ему завтрак. Он любил горячую сытную пищу после пьянок. К счастью, я вчера заскочила в магазин и забила холодильник свежим беконом и клиновым сиропом. Я на скорую руку завела тесто на блины и

бросила пару кусочков масла на сковороду.

Он подошел к завтраку с военной точностью и как всегда не в духе.

— Приятно видеть какое-то разнообразие на завтрак, — колко пробормотал он.

— Сколько блинчиков ты хочешь?

— Два.

Я молча приготовила ему фирменный завтрак «От-виноватой-жены»: три ломтика бекона, глазунью из двух яиц, два блинчика с сиропом, а также кофе.

— Тарелка холодная.

— Подогреть?

— У меня нет на это лишнего

времени. Господи, Кэролайн! Можешь ли ты хоть что-то делать как следует?

Нет. Наверное, нет...

Он покинул дом, не сказав ни слова. Я про себя гадала, как долго продлится его плохое настроение. Девять дней было рекордом.

Меня посетила запоздалая мысль, что Себастьян, вероятнее всего, будет искать встречи со мной, как только убедится, что Дэвид уехал на работу. Я знала, что хочу поступить трусливо и несправедливо по отношению к нему, хотя мне полагалось вести себя, как взрослому рассудительному человеку, но я не могла встретиться с ним.

Я быстро приняла душ и направилась на выход, совершенно не заботясь о том, чтобы высушить волосы, когда я проходила мимо стола в гостиной, не забыла захватить с собой свой блокнот для заметок. Я не знала зачем. Может мне хотелось записать что-то ненужное, давно ушедшее, что имело место в моей жизни, когда все было так просто.

Когда я уезжала, то отказывалась смотреть в зеркало заднего вида. Я предчувствовала, что если бы я посмотрела туда, то там бы отразился Себастьян. Это было трусливо с моей стороны, но я не могла по-другому.

Я была до смешного счастлива, обнаружив за городом торговый центр, на нем светился неоновыми лампочками знак аптеки: «Доброе Утро». Только не для меня, мое утро не было добрым.

Женщина, которая обслуживала покупателей, казалась приятной, до того момента, пока она не увидела мое обручальное кольцо. Затем жалюзи в осуждении со стуком опустились вниз, и я тихо выскользнула из аптеки, сжимая бумажный пакет.

Наконец, я разыскала кафе и села с поникшими плечами в самом дальнем углу, чтобы заказать двойной экспрессо и стакан воды.

План Б: Экстренный контрацептив. На упаковке было написано противопоказание:

— Побочные эффекты могут включать в себя: изменение периодов менструального цикла, тошнота, острые боли и рези внизу живота, усталость, головная боль и головокружение.

Мне было совершенно пофиг на это! Лишь бы не забеременеть.

Я мгновенно проглотила таблетку, затем разорвала упаковку на кусочки размером с почтовую марку. Мои руки тряслись, когда я делала глоток экспрессо. Я, скорее всего, была похожа на кофеиновую наркоманку после того, как получила

дозу.

Я должна была найти способ, чтобы избавится от мыслей, которые обрушились на меня. В конечном итоге, я все же вытащила свой блокнот, пытаясь разобраться в шквале неразборчивых мыслей и слов. Работая медленно, но тщательно, я составляла план своей статьи. Мне казалось это важным, потому что свою жизнь я уже испоганила, так хоть что-то будет сделано правильно.

Я обнаружила, что была захвачена работой в течение часа, пока раздраженная официантка не поинтересовалась у меня, не желала ли я заказать что-нибудь еще.

Да, прожить жизнь по новой! Как ни печально признать, но это не то, что подают официантки. Я избавилась от ее мрачного взгляда, оставляя чуть больше, чем нужно, чаевых.

Я скрылась ото всех проблем в моей машине, мысленно спрашивая себя:

«Что мне делать?».

Если я поеду домой, я неминуемо встречу там Себастьяна, он точно будет поджидать меня около дома. Я не знала, что сказать. Я была расстроена от количества вреда, который принесла.

— С вами все в порядке, мисс?

Обеспокоенно смотря на меня,

мужчина в бейсболке «Сан-Диего Падрес» постучал в мое водительское окно, чем заставил меня подпрыгнуть от испуга.

Я опустила стекло:

— Ох, спасибо. Я в порядке, правда.

— Вы сидите здесь так долго, что я начал волноваться. Вы уверены, что с вами все в порядке?

Что такого было в доброте незнакомца, что мне захотелось плакать?

— В моей голове роятся пара проблем, но все будет хорошо. Спасибо за вашу заботу. Это было очень мило с вашей стороны.

Он кивнул, неуверенно

улыбнулся и неторопливо ушел.

Двигатель машины с ревом завелся. Меня успокоил знакомый скрип переключения передач, когда я выехала с парковки. Я ехала в неизвестном направлении, лениво размышляя, какие проблемы беспокоили других водителей, запертых в своих стеклянных и металлических мирах, отдельных и изолированных. Размышляли ли они о смысле жизни, перечисляли списки покупок в своих головах или просто вели машину, со счастливыми мыслями?

Июньский утренний туман уступил тусклому солнцу, когда я осознала, что еду по безмятежному

участку побережья Тихого океана. Казалось, я нашла идеальное место для размышлений. Воздух был мягкий, и легкий ветерок колыхал короткую траву, что пыталась держаться среди дюн.

Я сбросила свои сандалии и почувствовала мелкий песок под своими пальцами. Все мысли покинули мою голову, когда я обхватила руками свои колени и уставилась на океан. Это был переломный момент в моей жизни или просто точка на длинном и мрачном горизонте? Отказываться от неудавшихся отношений, переходя к обреченным, одно из наиболее разумных действий для

тридцатилетней женщины? Разумеется, нет. Но ощущение тела Себастьяна напротив моего, внутри моего, его сладость, его нежность... Могла ли я на самом деле сказать, что это ничего не значит? Были ли эти чувства в таком изобилии в моей жизни, что я могла считать, что они ничего не стоят?

Единственная настоящая любовь, которую я знала в своей жизни, была от моего любимого сумбурного отца. Себастьян не имел даже ее. Он был лишен любви, но он ее желал.

Могла ли я помочь ему? Ответ: не могла. Я буду только удерживать его от всех прекрасных вещей,

которые он заслуживает в жизни. Так что я должна отпустить его.

Но что мне остается? Бросить все, что мне так знакомо из-за одного опрометчивого часа страстного безумия. Я прекрасно понимала, что, если я оставлю Дэвида, у меня не будет ничего, даже моей репутации. Я никогда не жила сама по себе, никогда не жила на то, что я зарабатывала, никогда не жила без непререкаемого авторитета или кого-то еще. Это было пугающим.

Я сидела и смотрела, пока не осознала со смутным удивлением, что тени вокруг меня начали удлиняться.

Я убрала свои руки от коленей и

неуклюже встала, с увлечением наблюдая, как кровь возвращается к моим побелевшим костяшкам пальцев. Я потратила целый день и почти ничего не решила, за исключением того, что Себастьян заслуживает кого-то лучше, чем я.

Страх, как жаба, поселился в моем животе. Я не знала, как смогу посмотреть в лицо Дэвиду после того, что сделала. Мне это сошло с рук, поскольку он не поймал меня прошлой ночью, но я никогда не хранила секретов от него до этого, я понятия не имела, как собираюсь это делать. Как я могу научиться скрывать эмоции за ближайшие тридцать минут?

Я приехала домой незадолго до шести, это обычное время, когда он возвращался домой. Не уверена, было ли облегчением или разочарованием то, что дом стоял в тишине.

Я занялась готовкой: спагетти с соусом из оливок и томатов, перца чили, каперсов и чеснока. Казалось, ему прекрасно подходило название «Спагетти от шлюхи». Странно думать, что я планировала готовить эту еду еще вчера, когда была верной женой.

Звук приближающейся машины Дэвида заставил меня резко вернуться в настоящее.

Накрыть на стол. Положить салфетки. Открыть его пиво. Налить

пиво в стакан. Помыть листья салата. Вести себя как обычно.

— Привет, ужин почти готов, — сказала я так беспечно, как могла. Мой голос звучал пронзительно и неискренне для моих ушей.

Он полностью меня проигнорировал. Ох, конечно, он все еще злился. Это все упрощало.

Мы ели в тишине. Я без слов помыла тарелки. Он удалился в свой кабинет. Ни звука не сорвалось с наших губ.

Я была благодарна ему. Это делало все гораздо проще.

К моему потрясению, я смогла сконцентрироваться на написании истории, которую, я надеялась,

опубликуют в «Сити Бит». Слова хлынули, и это было успокаивающе, провести вечер за, приносящим удовольствие, делом.

В одиннадцать вечера Дэвид вышел из кабинета и направился в спальню. Хорошо, что я вспомнила поменять постельное белье сегодня. Шлюха.

Я беспристрастно заметила, что он сознательно скомкал свою одежду и бросил на мою сторону кровати, зная, что я должна встать рано, чтобы отутюжить брюки.

Он вернулся из ванной своей твердой походкой с военной точностью в своей пижаме. У меня было почти непреодолимое желание

рассмеяться.

Простыни были отброшены с презрением, и он резко повернулся, перетягивая покрывало на свою сторону. Как удивительно по-детски.

Улыбнувшись сама себе, я скользнула между простынями и позволила себе почувствовать надежду.

К утру я знала, что больше не могу откладывать встречу лицом к лицу с Себастьяном. Я предполагала, что если я подожду дома достаточно долго, то он появится. У меня, возможно, было несколько минут, чтобы сходить в магазин и купить молоко, овощи и конфеты.

Я не задерживалась с

покупками, но, несмотря на это, когда я поворачивала на свою подъездную дорожку, он был там, сидя съежившись на моем крыльце. По крайней мере, он был далеко от дороги.

Его глаза засветились, когда он увидел меня. Он поднялся. Я быстро покачала головой и, к счастью, он понял.

Как только я открыла дверь, он незаметно скользнул внутрь. Я все еще не спланировала, что я собиралась сказать ему. Я даже не была уверена, можно ли это спланировать заранее.

Мы стояли и смотрели друг на друга. Я прижалась спиной к двери.

— Ты в порядке? — наконец-то, спросил он.

Я медленно кивнула.

— Я полагаю. А ты?

— Я... я должен был увидеть тебя.

— Проходи, — сказала я несколько неохотно, указывая на кухню. — Могу я предложить тебе кофе?

Он покачал головой.

Это было сложнее, чем я ожидала, и я едва могла сказать хоть слово. Я села на кухонный стул, а он продолжал стоять.

— Я пытался увидеть тебя вчера. Что случилось после того, как я ушел? Все было... в порядке?

Его голос был низкий, нерешительный.

— Дэвид ничего не заподозрил, если ты об этом.

В отличие от него, мой голос был излишне жестким.

Глаза Себастьяна отражали его боль.

— Не смотри на меня так, — сказала я холодно.

Ты можешь сделать это. Ты можешь отпустить его.

— Кэролайн...

— Что?

Он сделал глубокий вдох.

— Я думал о тебе с тех пор... — его слова прозвучали в спешке. — Мы можем вернуться на восток, если

ты хочешь. Мы могли бы поехать, куда бы ты ни захотела. Я могу найти работу.

Я ошарашено уставилась на него.

— Мы можем быть вместе, — прошептал он. — Навсегда.

Я не знала, что делать — плакать или смеяться, вместо этого я продолжала сидеть и смотреть.

— Каро?

Каро? Ох, мне нравится... Какая прекрасная мечта.

— Каро! — сказал он, паникуя.

Но только мечта.

Я сидела за столом, положив голову на руки. Это было не то, чего я ожидала, это определенно не так, как я планировала провести наш

разговор. Где была моя решимость покончить с этим?

Я услышала скрежет стула по полу, и он сел рядом со мной.

Его красиво лицо, такое серьезное, было всего в дюйме от меня. Я выпрямилась и посмотрела прямо на него.

— Себастьян, я думаю, что ты очень милый, но...

Он съежился, как будто я залепила ему пощечину.

— Дай мне шанс, я знаю, у нас может все получиться, Каро.

— Нет, не может. Тебе только семнадцать... Меня могут арестовать. Меня должны арестовать! Нет, послушай меня, та ночь была... — я

замялась, чтобы подобрать правильное слово. — Дело в том, что это неправильно.

— Не для меня.

Я вздохнула. Я снова вспомнила ощущение его тела напротив моего, как хорошо он чувствовался. Хорошо, плохо... Правильно, неправильно.

— Тогда мы подождем, пока мне не исполнится восемнадцать, — сказал он с вызовом. — Это не так долго. Мы можем быть вместе, и никто не остановит нас.

Глупо, но чертовски заманчиво.

— Я замужем, Себастьян.

Ты была замужем две ночи назад. Шлюха!

— Ты не любишь его, Каро.

Мои глаза встретились с его. Как он узнал?

Он почувствовал небольшую победу и, следуя своему преимуществу, взял меня за руку.

— Я люблю тебя. Я... Я сделаю все что угодно, уеду куда угодно. Ты сможешь писать. Мы будем счастливы.

Так заманчиво. И его прикосновение: плоть к плоти...

Мой предательский разум наполнился изображениями наших сладких, нежных, восхитительных занятий любовью. Меня никогда не касались так прежде, это было восхитительное опасное пробуждение.

Он мог почувствовать беспомощность моего желания. Его прекрасные глаза были незамутненными, свободные от сомнения, уверенные и обнадеживающие. И когда он наклонился, чтобы нежно прижаться своими губами к моим, это был умиротворяющий момент в центре бассейна с вихрем эмоций. Это был волнующий момент в центре урагана.

Я пыталась понять чувства, что заполнили меня, сделав меня легче воздуха. Я чувствовала себя красивой первый раз в своей жизни, чувствовала себя в безопасности.

Любимой.

Желанной.

Он привлек меня к себе, и я оказалась в защитном кольце его рук, чувствуя тепло его тела, и слышала равномерные удары его сердца.

Дэвид когда-нибудь говорил мне, что любит меня? Я не могла вспомнить. Я знала, он был холодным и контролирующим. Также я знала, что он не любил меня. Иногда казалось, что он меня презирал.

И, наконец, мое бедное, изголодавшееся сердце, ухватилось за то, что сказал Себастьян: он любил меня. Он всегда любил меня. Такой бальзам на мою сморщенную душу. Озарение ударило меня с необыкновенной ясностью.

Я тоже любила его.

5 глава

Лето украденного счастья — вот как я вспоминаю последующие дни. Грозовые тучи собрались вдали, в то время как наши с Себастьяном дни были наполнены счастьем.

Мы знали, что должны быть осторожными. Военные были сплоченной семьей, и как во всех семьях, шепот неодобрения всегда был поблизости.

Днем было проще. Большинство дней Дэвид работал до шести вечера и каждые третьи выходные, кроме того Себастьян окончательно закончил обучение в школе, и теперь больше времени было в его

распоряжении. Эстель убедила Дональда в преимуществах обучения в колледже их единственного ребенка, и насколько они знали, осенью Себастьян должен был начать учиться в Калифорнийском университете в Сан-Диего. Только его мать с неохотой присутствовала на вручении диплома, Дональд был слишком занят, чтобы прийти на такое банальное событие, и Себастьян застенчиво показал мне свои официальные фотографии в мантии и шапочке. Мой собственный выпуск казался тенью в другой жизни.

Хуже всего было знать, что большинство времени мы не можем

быть вместе — я абсолютно ясно это понимала. Но чем больше я видела его, чем больше проводила времени с ним, тем тяжелее становилось. Он был прекрасен изнутри и снаружи. Я любила то, как он смотрел на мир, с таким интересом и энтузиазмом, несмотря на холодность родительского дома. Он впитывал каждую улыбку, каждое нерешительное прикосновение, что я давала ему. Но я знала, что он хотел большего, как и я. Ящик Пандоры был открыт, и было очень трудно пытаться удержать крышку закрытой. Не имело значения, как упорно я пыталась игнорировать это, живое воспоминание о нашей ночи занятия

любовью всегда присутствовало в моей голове, я была уверена, что Себастьян чувствовал то же самое.

Мы сидели, прижавшись друг к другу, завернувшись в одеяло, укрытые песчаной дюной, в то время как короткий ливень омрачил горизонт.

— Каро, ты говорила о том, что хочешь вернуться на восток — ты имела в виду Северную Каролину или Мэриленд?

— Никакого Мэриленда. — Я вздрогнула от мысли быть в одном и том же штате со своей матерью. — Я просто думаю о том, чтобы уехать как можно дальше отсюда. Нет, это не должен быть Мэриленд или

Северная Каролина. Почему ты спрашиваешь? У тебя есть какие-то мысли?

— Ну, — сказал он, колеблясь. — Я подумал, может, мы могли бы поехать в Нью-Йорк. Там, должно быть, проще найти работу, верно?

— Думаю, да.

Я была не уверена, хотела ли я жить в городе такого размера, но подумав мгновение, я определенно смогла увидеть преимущества. С одной стороны, нас было тяжелее найти, и Себастьян был прав насчет шанса найти работу. Но я также была напугана масштабом того, что мы берем на себя. Я была там дважды, и каждый раз робела от скорости, с

которой там все происходило. Я боялась, что потеряюсь. Но... с Себастьяном? Мне не придется столкнуться с этим одной. Мне больше никогда не придется столкнуться ни с чем одной.

— Я посмотрел кое-какие курсы в Нью-Йорке, — сказал он, добавив в голос оттенок небрежности, чтобы он выглядел правдоподобно.

— И?

— Ничего, правда. Я просто подумал, что это было бы круто — ты и я в «Большом яблоке».

— Себастьян, мне все равно, куда мы поедем. Если ты хочешь поехать в Нью-Йорк, если ты увидел какие-то курсы, которые тебя

заинтересовали, тогда это то место, куда мы отправимся.

— Правда?

Он смотрел на меня с сияющей улыбкой.

— Конечно! Это такое же твое будущее, как и мое. — Или больше.

Втайне мы планировали, что Себастьян подаст заявление в Нью-Йоркский университет на курсы, которые начинаются с весеннего семестра. Мы — я в восторге от этого маленького местоимения — покинем Калифорнию, как только ему исполнится восемнадцать, второго октября, и надеемся спрятаться в анонимности серого мегаполиса. Я, конечно же, найду

работу журналистом, и, несомненно, мы будем счастливы.

Я растворилась в восхитительных мечтах. Я не могла в полной мере скрыть свое счастье, кто-то обязательно заметит.

— Кэролайн!

Голос Донны Форштадт прервал мои счастливые размышления в «Kwik Shop».

— Как ты? Мы с Йоханом, правда, с нетерпением ждем твоей маленькой вечеринки завтра.

Мой мозг был весь во внимании. Она видела, что я приехала с Себастьяном? Нет, она все еще улыбалась, ведя себя обычно — в отличие от меня.

— Ох, да, конечно! Прости, мои мысли были в другом месте.

Это точно.

— Должно быть, в каком-то чудесном, — я позвала тебя по имени три раза!

Я покраснела от неудобства, и она подняла бровь, но была достаточно любезной, чтобы не продолжать эту тему.

— Дэвид сказал Йохану, что ты сделаешь какие-то восхитительные маленькие итальянские вкусности.

Она с недоумением посмотрела на мою корзину. В ней были коробка молока и бутылка оливкового масла.

— Я предпочитаю готовить все из свежих продуктов, —

пробормотала я, ужасно импровизируя.

— Конечно, — она улыбнулась. — Ну, я оставлю тебя. Ох, смотри! Там паренек Хантеров за прилавком с мясом. Он обрезал свои волосы. Правильно! Себастьян! Привет!

Краткое выражение ужаса появилось на его лице, прежде чем он обуздал свои эмоции, и на его лице появилось смущение. Он пошел к нам, с осторожностью.

— Здравствуйте, миссис Форштадт. — Он остановился. — Миссис Уилсон.

— Привет, Себастьян, — сказала она, осматривая его короткую стрижку. — Ты делаешь покупки для

своей матери?

— Эм...

— Это чрезвычайно хорошо с твоей стороны. Я бы хотела, чтобы мои мальчики делали работу по дому. Они думают, что еда просто материализуется в холодильнике.

Я слабо рассмеялась, а Себастьян улыбнулся, давая смутный, уклончивый ответ.

— Могу я подвести тебя домой, Себастьян? — любезно предложила Донна.

— Нет, спасибо, миссис Форштадт, я в порядке.

Она улыбнулась.

— Ну... увидимся завтра, Кэролайн.

— Пока.

В конце концов, когда она исчезла за отделом с замороженными продуктами, я вздохнула с облегчением. Я даже не осознавала, что задерживала дыхание.

— Мы должны быть более осторожны, — прошептала я.

Себастьян мрачно кивнул, но в его глазах был отблеск развлечения.

— Что?!

Он покачал головой, его небольшая улыбка исчезла.

— Пойдем отсюда.

Я отказалась от своих нескольких продуктов, которые у меня были в корзинке, несомненно, к

большому раздражению персонала, и пошла на парковку. Наш выход был более осторожным, чем наша потерпевшая неудачу вылазка в магазин.

Я скользнула на водительское сиденье, чувствуя приподнятое настроение и чувство вины в одно и то же время.

Себастьян коснулся пальцами моей шеи, и дрожь пронеслась через меня.

— Не здесь!

— Тогда где?

— Поехали на пляж.

Он ухмыльнулся.

— Идеально.

Когда я завела машину, он

включил радио и выбрал радиостанцию, играющую современный джаз.

— Мама и отец настаивают на том, чтобы я получил работу на лето, — сказал он небрежно.

Мое сердце ухнуло в желудок — если он будет работать весь день, я не буду видеть его. Я не могу уходить по вечерам, не сталкиваясь с допросами Дэвида.

— Что за работа?

Он пожал плечами.

— Чес говорит, что я мог бы получить работу официантом в месте, где он работает — загородный клуб в Ла-Холья.

— Звучит... весело.

— В основном вечерние смены, Каро. Я все еще буду свободен в течение дня.

Я улыбнулась от облегчения.

— Кстати, я хочу, чтобы ты прочитал мою стать о серфинге, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

— Ты закончила ее?

Он выглядел удивленным.

— Конечно! Что еще делать вечером? — сказала я, подразнивая.

Он оскалился.

— Я ненавижу, что ты возвращаешься домой к этому придурку.

Я вздохнула.

— Я тоже. Но это не продлится

долго.

Правда в том, что я находила компанию Дэвида — невыносимой. Честно говоря, я не знала, смогу ли продержаться четыре месяца. Я перебирала в уме возможности переезда, но была напугана, и у меня было мало собственных денег.

Я отогнала мысли о Дэвиде: здесь и сейчас только Себастьян.

— На какой пляж мы поедем?

— Я знаю место недалеко отсюда. Там также есть пляжный ларек, поэтому мы сможем взять кое-что перекусить.

Я улыбнулась про себя — мальчик умеет есть.

Нет, не мальчик, одернула я себя.

Но в части моего мозга, куда я отгоняла все свои плохие мысли, становилось чертовски тесно.

Мы ехали с опущенными окнами, Себастьян лениво откинулся на сиденье, подпевая радио, в то время как ветер трепал его волосы.

Себастьян показал мне сторону Сан-Диего, которую я никогда не видела — расслабляющее, спокойное пляжное сообщество, от которого у Дэвида случился бы приступ.

Девушка, работающая за прилавком пляжного ларечка, смотрела на Себастьяна с интересом. Я смотрела, как она следила за его передвижениями по магазинчику. Она была стереотипной

калифорнийской девчонкой с длинными, светлыми волосами, длинными загорелыми ногами и длинными накладными ресницами. К моему удивлению и восторгу, Себастьян, казалось, не замечал ее.

— Что ты хочешь есть, Каро? У них есть сэндвич с тунцом и мясной рулет.

— Я буду только содовую и небольшую упаковку чипсов.

Он нахмурился.

— Это не очень здоровая пища.

Он выглядел так серьезно, стоя там в обрезанных джинсах и футболке для серфинга, я не могла сдержать улыбку.

— Тогда я лучше буду сэндвич с

тунцом, мой повелитель.

— Ты смеешься надо мной?

— Немного, но в хорошем смысле. Ты такой милый!

Он выглядел так, будто не был уверен, комплимент это был или нет, но проигнорировал это.

Я заплатила за еду, разозлившись на себя, что вспомнила, что трачу деньги, которые Дэвид давал мне на домашнее хозяйство. К черту! Я заработала каждый пенни: готовя, убирая, утюжа его проклятые брюки, даже развлекая его коллег.

Кассир сложил наши покупки в пакет, который Себастьян засунул подмышку, на краткий миг улыбаясь ей. Затем он взял меня за руку.

Он взял меня за руку!

Дэвид никогда не держал меня за руку. Ну, возможно, один раз — в день нашей свадьбы, когда мой отец передавал меня ему. Но с того момента я не помню, чтобы это происходило еще хоть раз.

Это ощущалось великолепно и пугающе, прогулка по пляжу, наши пальцы переплетены.

Мы нашли идеальную дюну, впалое углубление посреди песчаного тростника. Это обеспечивало нам немного защиты от ветра, хотя он был не сильным сегодня, но что более важно, это давало нам уединение, и никто не мог увидеть нас с пляжа.

Застенчиво, я вытащила копию своей статьи о серфинге из сумки.

— Вот она.

Он опустился на песок и сел, скрестив ноги. С тревогой я наблюдала за выражением его лица, пока он читал. В первый раз я показывала кому-то то, что написала. Я очень сильно хотела, чтобы она понравилась ему. Я чувствовала, как будто даю миру жизнь и жду, что кто-то придет и скажет, есть ли у моего ребенка дефекты или нет.

Один или два раза Себастьян улыбнулся, когда читал, затем поднял голову.

— Она, правда, хороша.

Я скептически посмотрела на

него …

— Так и есть! Мне правда понравилась шутка о гавайском пехотинце из морской пехоты, который мчался на берег, чтобы атаковать, но решил сначала поймать хотя бы одну волну.

— Тебе правда она понравилась?

— Она хорошая, Каро.

— Ты бы сказал так в любом случае.

Он улыбнулся.

— Вероятно, но, к счастью, я это и имею в виду. Это позволит людям понять серфинг и способ военных заниматься им. Она написана очень грамотно. Но есть одна неточность...

Я знала это.

— У тебя опечатка здесь: ты вставила truster вместо thruster (thruster (он же шортборд) — самый распространенный тип доски для серфинга тремя плавниками)

— Где? Покажи мне.

Он рассмеялся.

— Просто пошутил.

Я подняла бровь:

— Хмм, только представь, что слово thrusting поймут неправильно (прим. слово thrusting можно перевести как «толчки тазом/попой»)

Он ахнул, а я просто легла на горячий песок, купаясь в его внезапно жарком взгляде.

— Ты так прекрасна, Каро, —

прошептал он, выпрямив свои длинные ноги, чтобы устроиться рядом со мной.

Я смотрела на него с глупой ухмылкой.

— Правда! — настоял он.

Он опирался на локоть, его голова лежала на его руке. Здесь его глаза выглядели серо-зелеными, а его кожа сверкала золотым оттенком в свете солнца.

— Ты прекрасен, Себастьян. Прекрасен изнутри и снаружи.

Он моргнул, удивленный моими словами, затем улыбнулся. Еще один кусочек льда откололся от моего сердца.

— Я думаю, что ты должен

поцеловать меня.

Слова вылетели прежде, чем я поняла, что сказала. Я на самом деле имела это в виду.

— Я думал, что мы не собираемся... ну, знаешь... пока мне не исполнится восемнадцать.

— Верно, но это не значит, что ты не можешь поцеловать меня.

— Правда? — он выглядел восторженно.

— Возможно, ты предпочитаешь письменное приглашение?

— Нет необходимости, — прошептал он.

Я обняла его руками за шею и притянула его голову к своей, поглаживая его короткие,

шелковистые волосы. Его мягкие губы коснулись моих, и желание разгорелось внутри меня, проносясь по моим венам с бешеной скоростью. Мягкий, бессловесный звук покинул его горло, и мой язык был у него во рту, смакуя его вкус, пробуя его желание.

Я провела руками по его спине и с рвением потянула его футболку вверх. Затем я провела ногтями по его спине, заставив его задержать дыхание. Он резко отстранился и стянул футболку через голову, затем его голая грудь прижалась ко мне, и он начал опускать меня на песок. Его эрекция ощущалась возле моего живота.

Боже! Как я хотела его. Снова ощутить его внутри себя, чтобы понять, почувствовать, что я желанна и любима, и нужна.

Одна его нога была между моих, и он провел рукой по моей голой коже, выше к моему колену, дальше к бедру, подразнивая материал моих трусиков, прежде чем подняться к моей талии, а затем к моей груди и сжать ее.

Я отчаянно желала продолжить и пойти дальше, но была остановлена сигналом разума и пониманием, что еще один шаг приведет меня в темноту.

— Мы должны остановиться, — простонала я в его губы.

— Нет, — ахнул он.

Его рука решительно направилась под ткань моей майки на бретельках, поглаживая и лаская мою грудь.

Мое дыхание стало рваным, как будто я бежала.

Собрав остатки силы воли, я слабо толкнула его в грудь.

— Нет, Себастьян.

Он мгновенно остановился, и с тихим стоном перекатился на спину.

— Я хочу тебя, Каро, — вздохнул он. — Я хочу заниматься с тобой любовью. Я хочу вечно заниматься с тобой любовью.

Мое дыхание застряло в горле.

Я тоже хотела этого. Так сильно.

Я не ответила, я лежала неподвижно, чувствуя, как мое тело возвращается обратно на землю.

Краем глаза я увидела, как он приводит себя в порядок. Я чувствовала вину за то, что заставила его чувствовать себя некомфортно.

Черт, есть ли что-нибудь, за что я не буду чувствовать вину?

— Так будет происходить на протяжении четырех месяцев? — сказал он обиженно.

— Или я могу уйти в монастырь, — пробормотала я почти про себя.

— Я все равно найду тебя, — сказал он угрюмо.

Я улыбнулась.

— Ладно, никаких женских

монастырей. Или тем более, мужских.

Я пыталась придумать новую тему для разговора.

— Расскажи мне о работе, которую ты упоминал. Когда ты начинаешь?

— Я еще не подал заявление.

— Почему?

— Сначала я хотел убедиться, что ты будешь согласна с этим, Каро.

Я была удивлена.

— Ты... ты ждал... моего разрешения?

— Ну, не совсем. — Он выглядел озадаченно. — Мы могли бы обсудить это вместе и затем решить.

Ох. Как настоящая пара.

Дэвид никогда ничего не обсуждал со мной, я просто «получала указания свыше».

— Ты будешь работать вечерние смены? Это мне подходит.

— Великолепно! — сказал он и, улыбаясь, повернулся на бок, чтобы смотреть на меня. — Возможно, у меня будет несколько дневных смен. Платят не очень много, но Чес сказал, что там хорошие чаевые, особенно от женщин постарше.

Я вздрогнула, и он замер.

— Я не имел в виду... Я не думаю о тебе так! Каро, нет!

Но слова уже вылетели, и их было не вернуть.

— Это недалеко от истины,

Себастьян.

Он сел, выражение его лица было встревоженным.

— Не говори так! Я так сильно люблю тебя, Каро. Я... то, что я чувствую к тебе... я никогда...

Он схватил мою руку и прижал ладонь к своей щеке.

Я тоже села, стряхивая песок с волос.

— Так и есть, Себастьян.

Мы сидели в тишине несколько минут.

Я была уверена, что он был подавлен, желая, чтобы его откровенные слова не были сказаны.

— Итак, — наконец, сказала я, мой тон был умышленно небрежным,

— никаких девушек в старшей школе, что привлекли твое внимание? Никаких чирлидерш, размахивающих своими помпонами возле тебя?

Он улыбнулся печально, слабо, я подумала еще об одном шансе сменить тему.

— Не совсем.

— Не совсем — это не ответ. Расскажи, мне любопытно.

Он вздохнул.

— Они ничего не значили.

Я не могла удержаться от смеха.

— Я не ревную, Себастьян!

Но как только я сказала эти слова, я уже не была так уверена в них. Я вспомнила жадный взгляд девушки продавщицы в пляжном

ларьке и как хотела стереть эту улыбочку с ее лица.

— Что ты хочешь знать? — сказал он смирившимся голосом.

— Это не очень важно, честно говоря. Мне просто любопытно.

Он лег на песок, его глаза были закрыты.

— Всегда была только ты, Каро. В первый раз, когда я увидел тебя, я подумал, что ты самая прекрасная девушка, которую я когда-либо встречал. Я думал, что ты, должно быть, принцесса, как Золушка. Всегда только ты.

Я была ошеломлена его ответом.

Да, сказка. Это была прекрасная фантазия. Но почему-то я не могла

заставить себя заботиться об этом. Я хотела провести пальцами по его гладкой коже, по его голой груди, по мышцам его живота. Мой взгляд задержался на поясе его обрезанных джинсов.

— Что насчет тебя? — спросил он, его глаза все еще закрыты.

— Что насчет меня?

— Ты встречалась с кем-нибудь до... до Дэвида?

На самом деле я не хотела слышать имя Дэвида, и уж тем более не из уст Себастьяна, но это был справедливый вопрос.

— Я ходила на свидания несколько раз в старшей школе — в кино, боулинг, все в таком роде. Я

встретила Дэвида, когда была выпускницей.

— В моем возрасте, — сказал он мягко.

— Да.

Куда он клонит?

— Ты… ты… так ты спала с ним тогда?

Я правда не хотела идти сюда.

— Да

— Но не хочешь меня? Не желаешь нашей близости?

— Ох, Себастьян! Пожалуйста, не делай этого!

— Но я не понимаю! Ты сказала, что с тобой это произошло, когда ты была моего возраста. Как это могло быть правильным тогда, а сейчас со

мной это неправильно?

Он на самом деле был расстроенным и обозленным. Он отвернулся от меня.

— Пожалуйста, не нужно, Себастьян.

Мой голос внезапно стал хриплым.

Он не отвечал.

Я сглотнула и сделала глубокий вдох.

— Потому что мы на тот момент проживали в Мэриленде, и там по закону это нормально. Это не является нарушением спать с подростками, достигшими 16 лет.

— И это единственная причина? — пробормотал он.

— Естественно!

Он замолчал, затем продолжил:

— Ты до сих пор с ним спишь?

— Что? — я почти задохнулась.

— Ты все еще с ним спишь, я имею в виду, — произнес он шепотом.

Это было ужасно.

— Мы делим супружескую кровать, Себастьян, но это… не значит, что мы близки в сексуальном плане. С того момента… ты… с того момента, как мы...

Я думала, того, что сказала, будет достаточно, но он повторил свой вопрос:

— Ты собираешься с ним спать? Пока ты живешь здесь?

Он повернулся ко мне, его лицо выражало отчаяние.

— Будешь, Каро?

Потрясенная его допросом, я прикрыла глаза и проговорила холодным, повелительным голосом:

— Мысль о том, что Дэвид трогает меня, отвратительна, Себастьян… но мой муж не очень терпеливый мужчина

Я услышала, как он ахнул.

— Ты что имеешь в виду, что он заставляет тебя?

Голос Себастьяна был испуганным. Я видела гнев в его глазах; и это выражение испугало меня.

— Нет, не в том плане, о

котором ты думаешь.

— Ты не можешь, Каро! Ты не можешь допускать этого. Пообещай мне, что не разрешишь ему трогать себя.

Как, ради всего святого, я могла дать ему такое обещание? Даже если я этого очень хотела, отчаянно желала.

— Я постараюсь.

Казалось, он хотел сказать больше.

— Себастьян, сегодня отличный день. У нас есть парочка часов, давай не будем ругаться. Или говорить о Дэвиде.

Он сделал глубокий вдох.

— Когда я думаю о том, что он

трогает тебя, я просто...

— Пожалуйста, не надо.

— Извини.

Мы замерли и замолчали, наша ситуация напоминала мне, как будто мы находились на противоположной стороне ущелья, а между нами был натянут тонкий канат.

Он вскинул руку и притянул меня к себе, таким образом, я приникла к его груди.

— Так-то лучше, — проговорил он. — Ты была слишком далеко от меня.

Я печально улыбнулась. Его слова были правдивыми. Я была там, где хотела находиться, в опьяняющем кольце его рук.

Он уткнулся носом в мою шею, согревая ее горячим дыханием, это создавало ощущение щекотки, поэтому я начала извиваться, хихикая.

— Ты вся в песке, — пробормотал он около моего горла.

— Интересно, почему? А может, потому что мы на пляже? — я пыталась поддерживать его игривый тон.

— Тебе нужно срочно смыть все это, — этот голос окутал ласковыми нотками и соблазнительной хрипотцой.

— Ммм, мне тоже кажется, это необходимо.

Он быстро сел, поэтому я

оказалась на его коленях.

— Я бы хотел тебе помочь в этом сложном деле, — проговорил он, и его глаза вспыхнули опасными искорками.

Он поднялся, держа меня в своих объятьях, и направился к морю.

— Себастьян! Не смей! — Я не то закричала, не то засмеялась.

— Нет, я все же хочу помочь тебе в этом! — парировал он, смеясь.

Затем этот мальчишка бросил меня в море полностью одетой.

— Аааа!

Вода ощущалась ужасно холодной.

— Себастьян! — завизжала я, задыхаясь и пытаясь выбраться из

воды. — Я промокаю!!

— Ммм, всегда хотел посмотреть конкурс мокрых маек!

— Себастьян! — заголосила я, пытаясь сохранять остатки достоинства, пытаясь выбраться на песок. — Посмотри на меня, насколько я зла на тебя!!!

— Оу, и что же ты собираешься сделать, отшлепать меня? — проговорил он с дьявольской усмешкой.

Челюсть отвисла, настолько он ошеломил меня словами.

— Я думаю кое над чем, — проговорила я наигранно, обижаясь на него.

— Ну-ка, расскажи! — ответил

он удивленным голосом.

Я прошла к нашим удобным песочным дюнам, скинула майку на бретельках и летнюю юбку, раскладывая вещи на траве, чтобы они быстрее высохли. Вещи были из тонкого материала, поэтому они могли высохнуть перед тем, как мы пойдем домой. Ну а если нет, то я точно знаю, что Дэвид за 11 лет совместной семейной жизни никогда не заглядывал в чулан, где располагалась сушилка и стиральная машинка.

Я повернулась, чтобы посмотреть на Себастьяна. Он нырнул в море, плыл, рассекая волны сильными руками. Я бросила на него

еще один быстрый взгляд, когда он плыл по направлению к берегу, разрезая серебристую поверхность волн. Он видел, что я наблюдаю за ним, махнул мне и снова исчез в океане.

Я снова легла на песок, необычное ощущение счастья заполнило меня.

Мое влажное нижнее белье ощущалось некомфортно. Я стянула с себя бюстгальтер и разложила его на солнце, затем легла грудью на песок. Песчинки отлично выполняют пилинг, даже лучше, чем в дорогих салонах красоты.

Солнечное тепло мягко согревало мое тело, поэтому я начала

дремать, убаюкиваемая тихим шумом волн.

— Ты выглядишь такой красивой.

Мягкий шепот Себастьяна нежно пробудил меня ото сна. Его руки, однако, были ледяными.

— Ой! Руки холодные!

Он громко рассмеялся счастливым беззаботным смехом.

— Прости, ничего не могу с этим поделать.

— Ты и не пытался, — пробормотала я, пытаясь выглядеть раздраженной.

— Если честно — нет, не очень! — Затем его голос приобрел решительный и серьезный оттенок.

— Я хочу прикасаться к тебе, Каро.

— Я знаю, я тоже этого хочу. Но нам необходимо подождать.

Он застонал.

— Я озверею!

— А луна еще даже не полная.

— Я бы хотел увидеть тебя в лунном свете.

Его внезапная смена в голосе заставила меня поднять на него взгляд. Что же его слова делали со мной, никто не имел такой власти надо мной. Никто и никогда не говорил так со мной. Это было в новинку. Я погрузилась в бурное море незнакомых для меня чувств, как и Себастьян в некотором роде.

Я немного сдвинулась и повела

плечами. Спина затекла, потому что я лежала долго в одной позе.

— Ты в порядке?

— Да, просто немного затекла спина.

— Может мне помассировать тебе спину?

— Я не думаю, что это хорошая идея.

— Почему нет?

— Ты знаешь почему, — ответила я терпеливо.

— Я все-таки думаю, что мне необходимо рискнуть, — он потянулся ко мне, откидывая гриву густых волос с моей спины. Затем он продолжил массировать мои плечи, спину, пробегаясь сильными

пальцами по всей спине, вдоль позвоночника.

От ощущения его прикосновений, мои чувства встрепенулись.

Он встал на колени, располагая их по обеим сторонам от моих бедер, массируя мои напряженные мышцы, которые горели огнем.

Без предупреждения, он наклонился вперед и поцеловал мой затылок.

Я застонала, и он прижался ко мне всем телом. Я ощущала его влажную холодную кожу, его твердые мышцы пресса и груди на моей спине, влажные боксеры напротив моей попки.

— Ох, черт! — проговорил он внезапно, откидываясь рядом со мной на песок.

— Что произошло? — проговорила я взволнованно.

— Ничего, — пробормотал он.

— Скажи!

— У меня стояк, — признался он, смущаясь.

Я рассмеялась с облегчением.

— А я предупреждала тебя.

— Да, да. — Он замолчал. — А… ты точно уверена, что мы не можем?

Я снова простонала.

— Прекрати соблазнять меня. В такие моменты, мне кажется, что голос спускается ко мне с небес и

указывает огненным перстом, говоря мне: «Дьявол всегда соблазняет тебя, мое дитя».

— Ох, Боже, Каро! Четыре месяца, только подумай… четыре!!!

У него было свое мнение. Но и у меня тоже, и это заставляло нас чувствовать себя несчастными.

— Давай что-нибудь перекусим, — протянула я резко. — Можешь мне подать мой бюстгальтер?

Он не ответил мне.

— Себастьян?

— Нет, — ответил он.

— Прости?

— Я не хочу подавать тебе бюстгальтер.

— Ох, ради всего святого! Ну и

отлично!

Я села и начала стряхивать песок с моей груди, живота и рук, избегая взгляда, которым он сверлил меня.

Мой бюстгальтер был все еще влажным и соски сразу напряглись, когда я надела его. Я посмотрела в глаза Себастьяна и увидела, как зрачки расширились от желания. Это заставило меня чувствовать себя богиней.

— Может, ты все-таки отведешь от меня глаза, пока они не выкатились на пляж, — проговорила я саркастически.

— Ох, это будет того стоить, — сказал он, поддерживая мой ироничный тон.

Я покачала головой, чтобы скрыть улыбку; он действительно был неисправим.

Мы съели наши сэндвичи, которые к этому времени стали теплыми и мягкими. Сладкая газировка вызвала отвращение. Охлажденная бутылка Савиньён Бланк была бы идеальным дополнением. Затем я вспомнила, что Себастьяну еще три года нельзя употреблять алкоголь.

Его молодость и наша разница в возрасте продолжали на каждом шагу заключать в ловушку, обрывать наши счастливые мысли. С ним все ценилось, ощущалось иначе: каждый поцелуй, каждое прикосновение

украдкой, каждый милый взгляд. Это казалось мне ужасной несправедливостью — я не хотела проживать жизнь без любви. Почему я должна приносить такую жертву?

— Эй, а куда бы ты хотела пойти сейчас? — проговорил он мягко.

— Нигде не может быть так же хорошо, как здесь и сейчас, — ответила я честно, и обреченно вздохнула.

— Все будет хорошо, Каро, я обещаю, — сказал он.

— Никогда не давай обещаний, которых не сможешь сдержать. Я думаю, пришло время уходить, нам пора, — проговорила я печально. — Мне нужно купить овощи и… — мои

слова застряли в горле, я замолчала.

Я не хотела ему морочить голову такими мелочами, как моя жизнь с Дэвидом.

— Хорошо, — ответил он, пытаясь изо всех сил держаться как можно нейтральнее.

Он поднялся на ноги и предложил мне руку. Но затем он удивил меня, когда я поднялась, он прижал меня крепко к своей груди и оставил на моих губах пылкий поцелуй, в этом моменте было море отчаяния. Он крепко обернул руки вокруг моей талии.

Когда он отпустил меня, когда я смогла отстраниться от него, у нас не было слов. Печально я расправила

помятую одежду на себе, Себастьян натянул футболку, затем мы собрали остатки еды и выбросили в ближайшее мусорное ведро.

Это было довольно по обыденному и противоречило внезапному напряжению, что возникло между нами.

Мы направились к моей машине, каждый был погружен в пустоту и одиночество наших мыслей.

— Так, я, наверное, встречусь с парнем, с которым мы договаривались увидеться по работе? — произнес он, наконец.

— Да, это отличная идея, — пробормотала я, пытаясь вытравить из головы образ взрослой женщины,

которая дает напутствия молодому пареньку.

— Предложение о прочтении идей для новых статей все еще в силе? — спросил он немного растеряно.

— Оу, да, конечно. Я скину тебе их на почту.

Затем я нахмурилась от своих слов.

— Что?

— Может, это не очень удачная идея, вдруг родители увидят, что я пишу тебе на почту?

Он покачал головой.

— Мама даже не знает, как включается посудомоечная машина, не говоря уже о том, чтобы она могла

проверить мою почту. А отец, — раздраженно выдавил он, — он не знает мой пароль.

— Ну, тогда хорошо, — проговорила я, заверив его, что все будет нормально.

— А что насчет Дэвида? — спросил он. — Он читает твою почту?

У меня возникла ужасная мысль, что он все-таки читает и проверяет мою почту, и в этот момент Себастьян заметил сомнение на моем лице.

— Ублюдок! — сказал он злобно. — Создай еще один аккаунт и пиши мне с него, Каро.

— Хорошо, — сказала я тихо.

— И тебе лучше отключать свой телефон, когда он рядом, чтобы я все еще мог писать тебе, или он захочет узнать, кто отправляет тебе сообщения. Потом проверяй его, как сможешь.

Я была так плоха во всем, что касалось романов на стороне. Я рассеянно подумала, откуда у Себастьяна такие познания. Но затем я подумала, что с двумя все контролирующими родителями, такая тактика конспирации была основой для выживания.

Он смотрел на меня, нахмурившись.

— Ты в порядке, Каро?

Я чуть не рассмеялась.

— Просто... у меня никогда не было ничего подобного.

— Чего?

— Романа на стороне. — Я вспыхнула, сказав эти слова.

— Не говори так, — сказал он гневно. — Я не думаю о нас так, Каро.

Я вздохнула.

— Я тоже так не думаю, но другие люди будут так это называть, если они узнают.

— Мне плевать на всех остальных, — сказал он яростно. — Важна только ты.

Я обняла его за шею и положила голову ему на плечо. Я ощущала, как его тело постепенно расслаблялось.

— Это будут долгие выходные, — пробормотал он, — никакой возможности увидеть тебя.

— Ты можешь прийти на soirée (прим. пер. с итальянского «званый вечер»), — я безрадостно рассмеялась. — Твои родители будут там. Дэвид пригласил всех «правильных» людей.

— Возможно, я приду, — сказал он тихо.

Я с ужасом взглянула на него.

— Нет! Я просто дразнилась. Ты не должен. Я не смогу... если ты будешь там, то я выдам себя.

— Но я смогу убедиться, что этот мудак не прикасается к тебе, — огрызнулся он.

— Себастьян, нет. Я серьезно.

Он посмотрел на меня воинственно.

— Я не боюсь его.

— Прекрати! — сказала я, пытаясь отстраниться, но он не отпустил меня.

— Я не могу ждать четыре месяца, Каро, — сказал он, звуча почти отчаянно.

Я чувствовала панику, но в то же время возбуждалась от его потребности.

— Мы должны выдержать, — сказала я, едва в состоянии связно мыслить. — Ты знаешь, что они сделают со мной.

Он вздохнул и притянул меня

ближе.

Мы продержались еще двадцать четыре часа, но становилось труднее.

Я ехала назад, и он держал меня за руку всю дорогу. Маленькая связь, что значила так много.

Наша обычная жизнь снова вторгалась в наши отношения, и я высадила его в нескольких кварталах от его дома. Я ненавидела этот момент одиночества, когда он захлопнул пассажирскую дверь, а я уезжала от него: это чувствовалось таким неправильным.

В конце концов, Дэвид перестал дуться. Я не могла сказать, было ли это из-за того, что он взял под контроль свое раздражение или

потому что у нас были социальные обязательства совместной жизни. Это делало все одновременно проще и сложнее.

Больше всего я боялась ночи, того момента, когда он ложился в постель. Если он брал один из своих журналов, то я могла расслабиться, если нет...

После ужина и после того, как он провел несколько часов в кабинете, занимаясь Бог знает чем, вечер плавно перетек в ночь.

Я уже была в ночной рубашке, когда он прошел в спальню из ванной и опустился на кровать. Журнал остался на его тумбочке. Он смотрел на меня выжидающе.

Я пыталась игнорировать его, и он нахмурился.

— Все готово для завтра, Кэролайн?

— Мне нужно сходить утром в магазин за некоторыми продуктами.

В действительности за всеми.

— Значит не все готово.

— Я хотела, чтобы ингредиенты были настолько свежими, насколько возможно.

Он хмыкнул, затем засунул руку в штаны, чтобы вытащить свой член и начал поглаживать его с намеком.

— Я немного устала сегодня, Дэвид, — сказала я, пытаясь оставаться спокойной.

— Как и я. Я буду спать лучше, и

ты тоже. Иди сюда.

Я сделала глубокий вдох.

— Нет, Дэвид. Не сегодня.

Он выглядел раздраженным.

— Ну, по крайней мере, ты можешь облегчить это для меня.

Я закрыла глаза, но закрыть разум от звуков и ощущений было не так-то просто.

Когда он закончил, я пошла в ванную, чтобы вымыть руки и посмотрела на свое бесстрастное отражение в зеркале. Дэвид уже спал, когда я вернулась. Я стояла и смотрела на него, задаваясь вопросом: кто этот мужчина, за которым я замужем? Это когда-либо была любовь? Я знала, что никогда

не чувствовала того, что чувствовала, когда была с Себастьяном. Дэвид был счастлив? Я знала, что он злился, что не мог подняться по карьерной лестнице со скоростью и успехом других людей. У него не было друзей — он завязывал знакомства с людьми, которые могли быть полезны.

Я лежала без сна долгое время, отказываясь плакать.

Суббота началась с виноватой поездки в большой продуктовый магазин за городом.

Дэвид заманил своих коллег обещанием хорошей итальянской кухни — я сомневалась, что его «дружелюбная» личность или

приятные манеры заставили стольких людей изъявить желание посетить наш званый ужин, поэтому я должна предоставить по-настоящему хорошую еду. Все домашнее. Дэвид не допускал ничего заранее приготовленного — он любил видеть меня на кухне.

Как только я вышла из дома, то проверила свой телефон, но от Себастьяна не было сообщений. Я решила написать, пока находилась вне дома, и надеялась, что он быстро ответит, пока я могла оставить свой телефон включенным.

Хожу за покупками, но думаю о тебе. К. х

Я была счастлива как дурочка,

когда он сразу же ответил мне.

Я думаю о тебе все время. хх

Я прочитала простое сообщение три раза, и затем со вздохом удалила его. Теперь я должна была купить продукты: я должна быть этим человеком — женой Дэвида.

Полтора часа спустя, покачиваясь, я вошла в дом, сгорбившись под тяжестью пакетов с хлебом и рыбой, и выгрузила все покупки на стол. Дэвид был слишком занят в своем кабинете, чтобы помочь мне. Я надеялась, что купила достаточно для тридцати пяти человек, которых должна была накормить.

В полдень я сделала Дэвиду

бутерброд и отнесла ему в кабинет. Я удивила его. Он захлопнул свой ноутбук, когда я вошла, но я успела увидеть, что он играл в карты. Да, слишком занят, чтобы помочь мне. Не то чтобы я заботилась об этом, но это раздражало. Я осознавала, что уровень моей терпимости снижается — каждый момент, что я проводила с Себастьяном, делал мои часы с Дэвидом невыносимыми.

К началу вечера я была истощена. Я простояла на кухне весь день и чувствовала себя усталой и раздражительной. Дэвид недавно вышел из душа и теперь бродил и смотрел на фуршетный стол с видом лорда, осматривающего свои

владения.

— Ты не готова, — сказал он, глядя на меня, запачканную в муке и в помятом фартуке.

— Я провела семь часов за готовкой, Дэвид.

— Ну, ты и выглядишь соответствующе.

Я развернулась. Он не мог даже заставить себя сказать простое «спасибо» или что вся эта еда выглядит хорошо. Ублюдок.

Я снова подумала о словах Себастьяна: четыре месяца. Я уже начинала думать, что не продержусь так долго.

Затем я увидела, что платье, которое я положила, чтобы надеть

сегодня, сползло с кровати. Дэвид, должно быть, перешагнул через него три или четыре раза, когда ходил по комнате, но оставил его лежать смятым.

От его низости я почувствовала ярость. Я предполагала, что его детское поведение было наказанием мне за то, что я недостаточно уделила внимания его потребностям прошлой ночью. Независимо от причины, я чувствовала реальную неприязнь, что увеличивалась с каждым днем.

Я быстро приняла душ, перебрав все гневные слова, что хотела сказать ему, слова, что было все труднее сдерживать.

Как только я высушила волосы, то собрала их в пучок — одно из немногих изящных искусств, что я узнала от мамы в плане приведения себя в порядок — затем скользнула в свое любимое, слегка помятое терракотового цвета платье и бежевые туфли-лодочки.

Я наносила немного блеска для губ, когда услышала первый подъезжающий автомобиль, за которым последовал истеричный крик Дэвида, что мне срочно нужно быть в гостиной.

У меня было искушение заставить его ждать, но это не стоило реакции, что последует позже. Мне пришло в голову, что в течение

следующих нескольких месяцев мне лучше быть образцовой женой — это определенно сделает все проще, но я серьезно сомневалась, что выдержу все эти вызовы.

Ранними прибывшими были капитан Доусон и его жена Бетти, хорошо одетая пара лет тридцати. Они излучали любопытство, смотря на меня, дом, еду, нашу мебель, такими алчными глазами, что я задалась вопросом, попытаются ли они продать все на канале «Магазин на диване».

Четыре человека прибыли вместе: два одиноких офицера и пара Беннетт, что были дружелюбными и добродушными, любезно приветствуя

меня, охая и ахая над едой.

К тому времени как прибыли Донна и Йохан, дом был заполнен, и люди высыпали во двор, приятный гул от болтовни стоял в летнем воздухе.

— Дорогая Кэролайн. Ты как всегда выглядишь великолепно, — сказала Донна, целуя меня в обе щеки и держа мои руки. — Так здорово, что ты устроила такой прием почти сразу после переезда.

Я чувствовала, как будто она пыталась отправить какое-то сообщение своими словами, но я просто улыбнулась и кивнула, и приняла быстрый чмок в щеку от Йохана, чьи глаза с надеждой были

устремлены на шведский стол.

Донна взяла меня под руку и спросила, как я устроилась в старом районе.

— Я слышала, что ты возобновила свою журналистскую деятельность, — сказала она.

— Ох? — я была удивлена. Я не распространяла эту информацию и сомневалась, что Дэвид упоминал кому-нибудь.

Она подмигнула мне.

— Никаких секретов на Базе, ты должна знать это, Кэролайн. Я виделась с Ширли Петерс и она сказала, что ты ездила с Митчем и мальчиками.

— Ох, понимаю.

Донна не против общения с женами рядового и сержантского состава. Хорошо.

Прозвенел дверной звонок, и я была спасена от того, чтобы говорить на тему Митча и серфинга.

— Кто-то пришел, — сказала я, пожалуй, слишком печально.

На лице Донны появилась теплая улыбка, и она выпустила мою руку, пообещав, что мы продолжим позже. Мне было жаль, что приходилось избегать ее — мне нравилась Донна, но я не могла быть друзьями с ней. Теперь уже не могла.

Когда я открыла дверь, там стояли родители Себастьяна, лицо Эстель исказилось в улыбке, которую

она использовала для общественных мероприятий. Дональд пробормотал какую-то банальность и протиснулся внутрь.

За плечом Эстель я увидела Себастьяна, который сидел за рулем машины Хантеров. Я была поймана врасплох, и что-то в моем выражении заставило Эстель повернуться, чтобы посмотреть, на что я смотрю. Она усмехнулась.

— В конце концов, оказалось, что рождение ребенка может быть полезным, — сказала она. — Кто бы знал? В любом случае это спасет нас от соперничества, кто сегодня будет пить.

— Он будет стоять снаружи весь

вечер? — спросила я, беспокойство было слегка очевидно в моем голосе.

— Ох, нет, — сказала она небрежно. — Он приедет, когда мы позвоним.

Он не собака!

Она развернулась и пошла в дом; мы с Себастьяном остались смотреть друг на друга через пространство дороги.

Он кратко улыбнулся мне, затем неохотно оторвал от меня взгляд. Я наблюдала за машиной, пока она не скрылась из виду. Мое сердце стучало с бешеной скоростью, и я чувствовала головокружение. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоить себя, и затем вернулась

внутрь.

Я провела оставшуюся часть вечера, играя роль хорошей и вежливой хозяйки, но тревога так натянула мои нервы, что я хотела закричать.

— Ты в порядке, Кэролайн? — сказала Донна сочувственно. — Ты кажешься немного не в духе.

Я рассмеялась, стараясь сдержать дрожь в своем голосе.

— Был долгий день. Я чувствую себя так, как будто готовила целую вечность.

Это была слабая отговорка, и я не думаю, что она клюнула на нее. Но к счастью, как всегда, она приняла мои слова за чистую монету.

— Ну, я боюсь, ты установила стандарт. Это абсолютно великолепно. Я не знаю, как ты делаешь это: готовишь, пишешь и ухаживаешь за Дэвидом.

Она посмотрела туда, где он стоял и разглагольствовал о достоинствах белого портвейна над креплеными винами. В действительности я знала, что все эти факты он узнал сегодня днем из интернета... между игрой в карты. Дэвид ничего не знал о вине. Он ненавидел то, что знала я. Было ли хоть что-нибудь во мне, что ему нравилось? О, да, моя стряпня.

Я услышала громкий грохот и повернулась вовремя, чтобы увидеть

остатки еды, которую я тщательно готовила, падающими на пол.

Перебравший спиртного Дональд Хантер врезался в стол, на котором была расставлена еда, и его поддерживали капитан Беннетт и еще один офицер, имя которого я не запомнила.

Люди в комнате были поделены на тех, кто смотрел на Дональда, и на тех, кто смотрел на меня, чтобы прочитать мою реакцию.

— Я полагаю, это как раз и называется «упасть лицом в салат», — сказала я, покорно пожав плечами.

Звук смеха ослабил напряжение в комнате и Дональда сопроводили во двор, по-видимому, чтобы

протрезветь.

Донна сжала мою руку.

— Я не знала, что ты мастерица и остроумных замечаний, Кэролайн.

Если бы ты только знала.

— Позволь мне помочь тебе убрать этот беспорядок, — продолжила она.

Несколько женщин и мужчин вызвались помочь собрать упавшую еду. Но, конечно же, не Дэвид. И уж точно не Эстель, которая стояла спиной ко всей сцене, устроенной ее мужем.

— Столько всего пропало, — сказала Донна, вздохнув. — Признаюсь, я имела виды на эту еду. Я хотела взять немного еды с собой

домой, с твоего разрешения.

Я грустно улыбнулась и уже собралась ответить, когда услышала громкие голоса во дворе. В глазах Донны появилось неодобрение, и она покачала головой от досады. Я увидела, как она обменялась взглядами с мужем, который слегка кивнул и вышел наружу.

— Хантеры, — сказала она, подтверждая мои подозрения. — Дональд никогда не знает меру. Мне интересно, как они поедут домой.

— Эстель сказала, что Себастьян приедет за ними, — ответила я слишком быстро, и Донна послала мне хитрый взгляд.

— Хмм, я лучше позвоню ему, —

сказала она, вытащив телефон из сумочки и прокручивая номера в списке контактов.

Я не могла контролировать буйство эмоций, что проносились сквозь меня. Я увижу его. Скоро.

Ругань снаружи внезапно закончилась. Я ожидала, что Йохан как-то справился с ситуацией, я знала, что это точно не Дэвид. Он был слишком труслив, чтобы идти против такого человека как Дональд Хантер.

В течение десяти минут, пока Хантеры рычали друг на друга через барбекю, я нервно жевала свою губу. Я была не единственной такой — несколько гостей смотрели

подозрительно, как будто скрытая жестокость такой очевидно озлобленной друг на друга пары может извергнуться в любой момент.

По разным причинам мы все испытали облегчение, когда приехала машина Хантеров, и Себастьян вылез из нее.

Увидев его красивое лицо, на котором сейчас было серьезное выражение, я немного расслабилась. Я чувствовала себя в безопасности от того, что он находился так близко, хоть к нему и нельзя было прикоснуться.

— Ну, неужто это мой сын и наследник? — рявкнул Дональд. — Хотя, теперь это мой не

длинноволосый сын, ага?

Донна фыркнула от отвращения, а мои руки невольно сжались в кулаки. Я хотела вырвать язык Дональда.

— Просто садись в машину, пап, — сказал Себастьян тихо.

Я, наверное, была единственной, кто мог слышать тон подавленной ярости.

— Не указывай мне, черт побери, что делать! — рявкнул Дональд, идя по направлению к сыну с поднятыми кулаками.

Йохан схватил его руку, но Себастьян ни на сантиметр не сдвинулся — он просто продолжал равнодушно смотреть на своего отца.

— Полегче, Дон, — сказал Йохан. Нотка властности в его голосе возможно возымела бы эффект на того, кто выпил меньше.

Дональд просто безрадостно рассмеялся.

— Ты просто счастливчик, что у тебя нет чертовски бесполезного бездельника сына, Йохан, — выплюнул он.

— Может, потому что он весь в отца, — злобно и невнятно пробормотала Эстель.

— Это все твоя вина! — закричал Дональд. — Ты была слишком мягкой с ним! Ты превратила его в гребаного педика! Английская литература и

итальянский: вот что он хочет изучать в колледже, ради всего святого.

Йохан схватил Дональда за руку и с помощью другого гостя, чье имя я не могла вспомнить, повел его к машине. Эстель поплелась за ними, по-прежнему бросая колкие замечания.

Выражение лица Себастьяна не изменилось, но его щеки горели румянцем гнева.

— Представление окончено, — сказала Донна. — Мы должны отправить этих людей спать.

Но эта ужасная сцена подпортила настроение на вечеринке, и другие гости начали

извиняться и уходить. Я не расстраивалась, что они уходили.

Я уставилась на Себастьяна, отчаянно желая пойти с ним, но не в состоянии двигаться. Я просто надеялась, что он знает, как сильно я хотела этого.

Легкая тень улыбки коснулась его красивого рта, и затем он развернулся, чтобы помочь загрузить его нетрезвых родителей в автомобиль.

Донна присоединилась ко мне, наблюдая за неприятной сценой, как старший Хантер продолжал ворчать и препираться.

— Боже, мне очень жаль насчет твоей вечеринки, Кэролайн.

— По крайней мере, никто не забудет ее, — вздохнула я, пожав плечами.

Она улыбнулась.

— Нет, я думаю, нет. Ты в порядке?

— Да, я в порядке. Правда, — добавила я, видя скептический взгляд на ее лице. — Пожалуйста, поблагодари Йохана за... ну... все. И тебе тоже спасибо.

Она сжала мою руку.

— Мы всегда рады помочь, Кэролайн.

Когда ушел последний гость, и я убрала последний мусор на кухне, я поняла, насколько пьян был Дэвид.

— Что за гребаная катастрофа,

Кэролайн, — сказал он, прислонившись к дверному проему и смотря на меня.

— Все было в порядке, до этой «маленькой сцены» Хантеров, — сказала я успокаивающе. — И никто не будет беспокоиться по этому поводу.

— Ты, правда, глупая, не так ли, Кэролайн? Я буду чертовым посмешищем. По крайней мере, ты хороша в одном.

Он попытался схватить меня, но я увернулась, чтобы быть вне его досягаемости.

Он нахмурился, пытаясь понять, что только что произошло.

— Иди сюда, — приказал он.

— Я думаю, что сейчас тебе лучше пойти спать, Дэвид, — сказала я, мое сердце ускорилось, когда адреналин пронесся по моей крови.

— Что мне нужно, так это потрахаться. А ты моя жена.

Я пыталась сглотнуть, но мой рот был сухим.

Он сделал еще один шаг ко мне. Я развернулась и побежала в темный двор, слушая его проклятья, громкий грохот, и затем наступила внезапная тишина.

Осторожно я заглянула на кухню. Дэвид развалился на полу возле порога — без сознания. Я вздохнула с облегчением.

Я схватила его за руку, пытаясь

протащить через порог, чтобы я могла закрыть дверь во двор. Он заворчал, но его тело было слишком тяжелым для меня. Я уставилась на него, задаваясь вопросом: как, черт побери, я передвину его.

Нервно я перешагнула через его лежащее ничком тело и побежала в спальню за своим телефоном. Я на секунду замялась, прежде чем нажать «вызов».

Он ответил мгновенно.

— Каро! Ты в порядке?

Моим ответом был небольшой истерический смешок.

— Да, я в порядке, но Дэвид в отключке, и я не могу сдвинуть его с места. Ты можешь приехать? Ты

сможешь выйти из дома? Дональд и Эстель...?

— Спят, — сказал он с отвращением. — Я буду через пять минут. — Он затих. — Я рад, что ты позвонила, Каро.

Он повесил трубку, прежде чем я смогла ответить.

По моим венам проносился адреналин, мои колени подкосились, и я осела на пол, с опаской глядя на Дэвида.

Когда я услышала звук подъехавшей машины, я поднялась и, шатаясь, побрела к двери.

Я открыла ее, и без слов Себастьян сгреб меня в свои объятия. Я прижалась к его груди, пока он

поглаживал мои волосы. Я успокоилась.

— Ты уверена, что в порядке? — нежно зашептал он мне на ухо.

— Сейчас, да.

Он вздохнул, затем выпрямился.

— Где этот мудак?

Я кивнула в сторону кухни и последовала за ним в дом.

Дэвид громко храпел.

— Так же как и мои родители, — сказал он, его голос был резким от неприязни. — Куда ты хочешь, чтобы я отнес его?

— Можешь помочь мне положить его на диван?

— Конечно.

Себастьян перекатил его в

сидячее положение и взял под руки. Неуклюже я схватила его ноги, и вместе мы наполовину перенесли, наполовину перетащили его в гостиную и положили на диван.

Пока Себастьян укладывал Дэвида на бок, я принесла запасное одеяло и накрыла его.

— Это больше, чем он заслуживает, — пробормотал Себастьян. Я не была уверена, хотел ли он, чтобы я услышала.

Затем он посмотрел прямо на меня — обжигающим и опаляющим взглядом, и я не могла дышать. Он шагнул ко мне.

— Не здесь, — прошептала я.

Себастьян не сводил своих глаз с

меня, но медленно кивнул.

— Где?

Я заколебалась:

— Можем мы взять твою машину?

— Конечно. Мои родители не спохватятся. — Его губы скривились в отвращении. — Они будут в отключке несколько часов. Так же как...

Ему не нужно было заканчивать предложение.

С нежностью, он взял меня за руку и повел к машине, открыл дверь и пристегнул мой ремень безопасности. Он поцеловал меня нежно в губы и ухмыльнулся на мое испуганное выражение.

В первый раз за вечер я улыбнулась искренней, счастливой улыбкой.

— Итак, куда направляемся, мэм?

Я покачала головой.

— Куда-нибудь. Куда угодно. Мне плевать, главное, что я буду с тобой.

— На пляж?

— Идеально.

Мы ехали в ночи в тишине, между нами медленно нарастало напряжение.

Судьба связала нас вместе: кто я, чтобы отрицать это? Нет, это было неправильно. Я просто больше не заботилась об этом. Я сделала выбор — добровольно, сознательно,

намеренно. Я поставила любовь выше закона. И мне было плевать.

Наконец, Себастьян остановил машину на уединенном участке дороги и заглушил двигатель.

— Я всегда хотел увидеть тебя в лунном свете, — сказал он нежно. — Я не думал, что ты можешь быть еще красивее.

Он вытянул руку и коснулся моей щеки, проведя холодным пальцем по линии моей челюсти.

Я захватила его палец своим ртом и нежно укусила его, подразнивая своими зубами. Он ахнул, затем задержал дыхание, его глаза закрылись.

— О, боже, Каро!

Он со свистом выпустил воздух изо рта.

Этот звук был такой возбуждающий. Я хотела его. Я нуждалась в нем.

Я расстегнула свой ремень безопасности, заползла на его колени, удивив его. Я провела пальцами по его мягким волосам, когда он обнял меня, положив руки на спину, и притянул ближе к себе. Я страстно поцеловала его, мой язык протолкнулся через его губы, поглаживая их, и он вернул поцелуй со всей дикостью. Я чувствовала, как он твердеет подо мной, и я знала, что не откажу ему снова, как не откажу и себе.

Его язык был ураганом у меня во рту, напряжение и пыл в равных количествах выливались из него.

Когда я отстранилась, то задыхалась.

— Ох, черт, нет! Я не могу, черт побери! Я уже использовала «план Б» и не хочу принимать его снова, тем более так скоро после последнего раза. Смогу ли я когда-нибудь запомнить самое основное?

— Каро, — простонал он.

— Я знаю. Я тоже хочу тебя. Но мы не можем. Я не на таблетках.

Его глаза вспыхнули, и он снова потянулся ко мне, затем остановился.

— Ты не на таблетках? Но...

— Нет… я... позаботилась обо

всем... после последнего раза.

— Как?

— Я использовала экстренную контрацепцию, Себастьян.

— Ох.

Было очевидно, что он не знал, что сказать на это. Я опустила взгляд и неловко поежилась. Он вздрогнул.

— Извини, — прошептала я.

Я пыталась слезть с него, но он первым нарушил неловкое молчание.

— У... у меня есть презервативы, — неуверенно сказал он.

Я моргнула от удивления. Он ожидал, что это случится, или надеялся? Я решила, что это не имело значения. Я хотела его.

— О, отлично. Хорошо.

Я слезла с его коленей и откинулась на своем сиденье, мои глаза широко открыты. Он полез в карман своих джинсов и вытащил небольшую упаковку, а затем замер.

Я не знала, что делать. Я знала, чего хотела, но я никогда в своей жизни не надевала презерватив на член мужчины. Моя неуверенность превратилась в жалость, когда я посмотрела на пораженное выражение лица Себастьяна.

Я наклонилась вперед и провела рукой вверх к его бедру, ощущая гладкую ткань джинсов после тысячи стирок, затем провела рукой по его эрекции, с жадностью очерчивая контур. Он закрыл глаза и сделал

глубокий вдох.

Я расстегнула его джинсы, и его ресницы затрепетали, но глаза оставались закрытыми. Я облизала губы и медленно опустила замок на молнии. Он мягко застонал, когда моя рука касалась его через боксеры. Затем я вытащила его на свободу и провела рукой по его стволу. Когда я подняла взгляд, его глаза прожигали меня, голодом и желанием.

Получив одобрение и осмелев, я наклонилась и положила руки на его бедра. Я взяла его в рот, и опускалась ниже, вбирая его все дальше в свое горло.

Он тихонько закричал, его руки вцепились в мои плечи.

Я нежно сосала его и чувствовала, как его пальцы сильнее впились в меня, но этого было недостаточно для меня. Я хотела большего. Я медленно села.

— Я хочу, чтобы ты был внутри меня, Себастьян, — прошептала я.

Он кивнул без слов, в его глазах горело пламя.

В темноте, я на ощупь нашла упаковку презервативов, что упала чуть раньше.

— Я никогда не делала этого, — сказала я тихо.

Я разорвала упаковку и почувствовала гладкий, слегка липкий материал. Я нахмурилась, подумав, как он будет ощущаться

внутри меня.

— Я сделаю это сам, — сказал он, его голос был чуть громче шепота.

Я подняла взгляд, удивленно.

— Ты знаешь, как?

Он выглядел смущенным.

— Просто... ты знаешь... я практиковался. Не с девушкой или что-то подобное.

— Ох, ладно. — Я не знала, что ответить на это. В подобных условиях быть подготовленным было очень хорошо.

Он вытянул руку к своим джинсам.

— Подожди — я хочу видеть тебя.

Я подняла край его верхней одежды, для лучшего обзора.

Я видела, как он сглотнул и на краткий миг закрыл глаза, затем одним быстрым движением он снял свою рубашку и футболку через голову и бросил их на заднее сиденье. Он снял свои кроссовки, приподнял свои бедра и стянул брюки и боксеры.

Его кожа отдавала серебром в лунном свете, и мне хотелось провести рукой по каждому сантиметру его тела. Но я терпеливо наблюдала, как он сжал «сосочек» презерватива одной рукой, расположил его у кончика своего члена, затем, крепко держа его на

месте, раскатал по всей своей длине другой.

Он выглядел таким красивым и таким уязвимым — нагой и доверчивый. Я вытянула руку под платье, стянула трусики вниз и отбросила их.

Сделав глубокий вдох, я неловко взобралась на его колени, лицом к нему, и положила свои руки ему на плечи. Руль врезался мне в спину, и на мгновение я подумала, что на пассажирской стороне это сделать будет лучше, но я не хотела беспокоить его еще большим количеством ненужных передвижений. И я хотела его. О, боже, я хотела его.

Я провела правой рукой по его груди, и он задрожал под моим прикосновением. Я ощущала, как его сердце бьется как безумное, и я знала, что он хотел меня так же сильно, как я хотела его. Боже, что за ощущение.

Передвигаясь так осторожно, как могла в стесненных условиях, я расположила себя над ним. Наши взгляды соединились на мгновение, затем я вытянула руку, взяла его эрекцию в руку и опустилась на него.

Он громко застонал, но я потерялась в ощущениях того, как глубоко он погрузился в меня. Я сжалась вокруг него и ахнула, мимолетный взгляд удивления

появился на его лице. Я сжала его снова, и его глаза распахнулись.

— О, боже, Каро!

Я страстно поцеловала его, и он ответил с таким же пылом. Он провел рукой по моему бедру, собрав складками материал моего платья на талии так, чтобы он мог схватиться за мою задницу, поглаживая плоть своими пальцами.

Переместив руки ему на плечи, я приподняла себя с него и с восторгом наблюдала, как он закрыл глаза и застонал. Когда я снова опустилась на него, он приподнял бедра вверх, и я ахнула, когда он толкнулся в меня.

Каждое нервное окончание в моем теле чувствовало возбуждение,

потребность и некую благодарность. Я приподнялась и опустилась снова, в более быстром темпе, и с каждым движением он вбивался в меня.

Пот стекал по моему телу, когда я двигалась быстрее и быстрее. Мои мышцы бедер горели от неудобной позиции, но я едва осознавала дискомфорт. Мое тело начало дрожать, но затем Себастьян закричал, вбиваясь в меня глубже и жестче, уткнувшись носом мне в грудь, его руки все еще держали мою задницу.

Мы сидели соединенные вместе еще некоторое время, прежде чем он открыл глаза и посмотрел на меня. Он улыбнулся. Это было, как увидеть

лучик света в царстве тьмы, и мое сердце готово было выпрыгнуть из груди.

— Каро, — произнес он.

Затем, все еще улыбаясь, он закрыл глаза и лег на спину, притянув меня к себе. Мы лежали в тишине.

6 глава

Неохотно мы оторвались друг от друга, и я переместилась на свое сиденье, натянув платье вниз, чтобы прикрыть то, что осталось от моей скромности.

Себастьян натянул джинсы и потянулся на заднее сиденье за своей футболкой.

— Не надевай ее, — сказала я. — Мне нравится смотреть на тебя.

— Есть, мэм, — усмехнулся он мне.

Окна запотели, и в машине пахло сексом. Луна бросала синеватый свет на дюны, а океан был серым. Я задрожала.

— Ты замерзла?

— Нет, не совсем, а ты?

Он покачал головой, широкая ухмылка снова появилась на его лице.

— Ты собираешься перестать улыбаться? — спросила я, забавляясь.

— Нет. Я так не думаю.

— Хочешь пойти на прогулку?

— На прогулку? — он с тоской посмотрел на заднее сиденье, и я знала, что он думает о том же, о чем и я. Но было кое-что еще, что я хотела сделать сначала.

— Да, прогулка: ходьба, легкий шаг, короткое путешествие пешком.

— Ох. Такая прогулка. Хорошо.

Он наполовину вывалился из машины и стремглав оббежал вокруг нее, чтобы открыть мне дверь.

— Мой галантный рыцарь.

— Твой, кто угодно, — сказал он серьезно. — Но я хочу быть твоим всем.

Ох, Себастьян. Ты уже.

— Я хочу снова заняться с тобой любовью, — сказал он нежно.

— И я. — Было важно убедить его в этом. — Но я хочу прогуляться с тобой по пляжу. Я хочу гулять по пляжу, держать тебя за руку и не бояться, что кто-то увидит нас.

Моя улыбка была печальной, и он наклонился, чтобы нежно поцеловать меня. Он был не

единственным, кого нужно было успокоить.

Ночной воздух был холодным, и я настояла, чтобы Себастьян надел свою футболку, несмотря на мое эгоистичное желание наблюдать, как перекатываются и играют его мышцы, когда он двигается.

Я покинула дом в летнем коктейльном платье, но к счастью, в машине было покрывало для пикника. Себастьян нежно накинул его мне на плечи.

Был прилив, береговая линия растянулась почти до горизонта, мы бродили под лунным светом по холодному песку, оставляя следы влюбленных. Я не могла перестать

пялиться на него, когда мы прогуливались, держась за руки. Его сильный, четкий профиль и мягкие чувственные губы, на которые луна бросала свой свет — он был прекрасен. И сейчас, он был моим.

— Что? — спросил он, глядя на меня изумленно.

— Ты такой красивый, Себастьян. И, когда я смотрю на тебя, я чувствую... счастье.

Он сглотнул и повернулся лицом ко мне.

— Я хочу сделать тебя счастливой, Каро. Ты выглядишь такой расстроенной большую часть времени.

— Да?

Он кивнул и провел большим пальцем по моей щеке, прежде чем наклонился и поцеловал меня.

Его губы были такими мягкими, его поцелуй таким сладким. Я притянула его ближе, обернув покрывало вокруг нас обоих так, чтобы мы были закутаны.

Желание снова вспыхнуло во мне. Я не знала, что оно может быть настолько поглощающим, настолько опустошающим, когда совершенно невозможно думать ни о чем другом, кроме его осуществления. И то, как Себастьян отчаянно желал меня, невероятно возбуждало.

— Давай найдем нашу дюну, — сказала я.

Он схватил меня за руку и начал тянуть по пляжу.

— Я не успеваю! — крикнула я ему, наполовину смеясь, не в состоянии следовать его длинным шагам.

Но он не замедлился, вместо этого он подхватил меня руки и, пошатываясь, подошел к ближайшей дюне, где осторожно поставил на ноги.

— Здесь, — сказал он, и его голос был требовательным.

— Есть, сэр! — я коротко отсалютовала ему, и вынужденная улыбка появилась на его лице.

— Извини, — сказал он. — Я просто, правда, хочу тебя.

Я бросила ему одеяло, и он поймал его одной рукой.

— Не извиняйся, — сказала я. — Давай устроим пикник.

— У нас нет еды. — Он выглядел озадаченным.

— Я планировала есть тебя.

Он выпучил от удивления глаза, затем ослепительная улыбка озарила его красивое лицо.

— Ладно, — сказал он застенчиво.

Мгновение одеяло парило над песком, когда он развернул его, как матадор свой плащ.

Я села довольно неуклюже и наблюдала, как он опускается рядом со мной. Я легла на спину и вытянула

руки, приглашая его присоединиться. Приняв мое приглашение, его тепло и вес прижались ко мне в одеяле, его руки жадно рыскали по всему моему телу.

Его прикосновения становились смелее и более уверенными, и я радовалась, потому что до этого я была единственной, кто касался его. И не было никакого сомнения, что я также училась у него. Я начала понимать, что это значит — быть любимой. Это ошарашивало.

Он перекатился на спину и притянул меня сверху, чтобы он мог расстегнуть молнию на моем платье. Его движения были стремительными и неловкими, и это было

восхитительно. Он убрал в стороны края платья на спине и провел ладонями по моей голой коже. Я застонала в его горло и провела зубами по его шее, кусая сильнее, чем планировала.

Внезапно, платье стало казаться оковами. Я отодвинулась от Себастьяна, встала на колени и сняла его. Второй раз за несколько часов оно было отброшено в сторону, на этот раз мне было плевать.

Я расстегнула свой бюстгальтер и бросила его на песок, мои соски затвердели на холодном воздухе. Он сел, его глаза были широко раскрыты, и в них была нужда, затем он снял свою футболку.

— На тебе все еще слишком много одежды, — сказала я, подняв бровь. — Я думаю, что должна раздеть тебя.

Он немедленно подчинился, и я опустилась на колени рядом с ним, ощущая его потребность. Его руки гладили мои бедра, поднимаясь к животу, пока не остановились на моей груди, поглаживая и лаская ее. Звук, похожий на мурлыканье, вырвался из глубины его горла, и он сел, сильные мышцы его живота сокращались, и он уткнулся лицом между моих грудей. Затем, повернув голову в сторону, он сильно всосал мой левый сосок. Я ахнула, и его глаза взлетели вверх, но он не убрал

свой рот, его язык дразнил меня, порхая из стороны в сторону. Я изогнула спину, запрокинув голову назад. Он слегка провел ногтями по моей коже, затем обхватил мои ягодицы и сжал их. Обтянутый джинсами, его член была твердой, толкаясь под материалом, будто пытался выбраться через джинсу, чтобы дотянуться до меня.

Я вытянула свою грудь из его рта и вздрогнула, когда ощутила резкое касание зубами.

Я села дальше от его бедер и расстегнула кнопку джинсов. Я вперилась в него глазами, желая насладиться выражением его лица, когда начну расстегивать молнию на

его джинсах.

Он опирался на локти, его рот слегка приоткрыт, дыхание неровное.

Медленнее, чем любой из нас мог вынести, я опускала молнию. Затем провела пальцами по его нежной коже и наклонилась, чтобы поцеловать его ниже пояса.

Он ощущался по-другому, не так хорошо, как прежде, и я поняла, что этот странный, резиновый вкус был от презерватива, который мы использовали до этого. Ох, ну, век живи, век учись. Настало время для следующего урока.

— Снимай свои штаны и передай мне презерватив, — приказала я, мой голос был низким и

хриплым.

Он полез в карман джинсов и передал мне пакетик из фольги. Я перекатилась на бок и с любопытством изучала небольшой пакетик, пока он скидывал свои штаны.

— Странная вещь, не так ли? — сказала я.

— Наверное, — ответил он, его разум, очевидно, был где-то в другом месте, когда он вытянул руку и запустил ее между моих бедер, и уперся большим пальцем в мой клитор, как я показывала ему. Я задрожала.

— О, боже!

— Ты в порядке? — спросил он

встревоженным голосом, когда поднял голову.

— Ах! — я ахнула, совершенно бессмысленно.

Я заметила, что беспокойство на его лице сменилось похотью. Он погрузил два пальца в меня, медленно толкая их внутрь и наружу, и продолжая круговыми движениями гладить мой клитор. Он определенно схватывает на лету. Мои руки сжали покрывало, когда другая его рука грубо сжала мой сосок.

— Могу я поцеловать тебя там, внизу? — спросил он нерешительно.

На самом деле я не хотела этого. Дэвид никогда не проявлял интереса к оральному сексу со мной — по его

мнению, это было грязно, непристойно, если конечно не он был тем, кто получает удовольствие. Я не была уверена, что хочу попробовать сейчас, но я также не могла сказать «нет» Себастьяну. Если бы он попросил меня слетать на луну и обратно голой на метле — мне бы данная просьба показалось отличной.

— Можешь, я полагаю, — сказала я тихо.

Он поцеловал мой живот, провел языком до моего пупка и укусил тазовую кость. Затем он сел, провел одной рукой сверху вниз по моему телу и оказался у меня между ног. Он расставил мои колени, сжал руки

вокруг них, и затем его голова исчезла между моими бедрами.

О боже! Ощущение его теплого рта, целующего меня там внизу, уткнувшегося в мои лобковые волосы. Это было странное, чуждое ощущение, почти смущение. Но затем он скользнул языком в мою влажность, и мои бедра невольно дернулись. Его руки скользнули вверх по моим бедрам и расставили мои ноги шире. Я провела пальцами по его волосам, пока он массировал мои бедра, неуверенная, хотела ли я отодвинуть его голову или прижать сильнее.

Затем его язык неожиданно слегка ударил по моему сладкому

местечку, и я взорвалась вокруг него, выкрикивая звуки без слов.

Я даже не представляла такого! Не представляла!

Мое тело продолжало посылать через меня волны цунами, самый сильный и неожиданный оргазм, который у меня когда-либо был.

— Я хочу быть внутри тебя, Каро, — сказал он, его голос натянут от желания.

Я не могла говорить, мне казалось, что я кивнула.

Он наклонился надо мной и поднял пакетик презерватива оттуда, куда я бросила его; мои пальцы были обессилены. Как загипнотизированная, я наблюдала,

как он раскатывает его по мощной эрекции, его дыхание было таким же быстрым.

Он обхватил себя одной рукой, затем направил кончик в меня.

— Пожалуйста! — ахнула я.

Он толкнулся глубоко в меня и простонал, думаю, мое имя.

Я приподняла бедра и обхватила его талию ногами, скрестив лодыжки на его отличной заднице, притянув его глубже.

Каждый сильный толчок продвигал меня дальше и дальше по одеялу и все дальше и дальше в другое измерение. Мои ногти царапали его спину, его плечи и бицепсы. Я открыла глаза и

вперилась в его лицо — были только я, только он и бесконечный океан.

Я кричала его имя так громко, как могла, сгорая от необходимости высказать свою любовь к нему.

Слишком быстро его тело содрогнулось глубоко внутри меня, его мышцы сокращались, отправляя по мне волны удовольствия.

Он рухнул, и я притянула его крепче к себе, втягивая все до последнего сантиметра. Он застонал и лег, уткнувшись головой в мою шею, тяжело дыша.

После нескольких минут, проведенных соединенными вместе без движения, он неохотно отстранился от меня, заставив меня

ахнуть.

Мне было холодно без тепла его тела, и я слегка дрожала.

Он потянул край покрывала вокруг нас, и мы свернулись под ним вместе, удовлетворенные. Отчасти, я ожидала, что он уснет — так всегда делал Дэвид, но я выучила, что они были абсолютно разными.

Себастьян продолжил водить пальцами вверх и вниз по моей руке, нежно поглаживая мою кожу. Мне было так уютно.

— Себастьян, могу я у тебя кое-что спросить?

— Конечно, все что угодно.

Я была рада, что было темно, потому что просто думать об этом

вопросе, не говоря о том, чтобы спросить его, заставляло меня покраснеть.

— Что такое, Каро?

— Ну, мне просто интересно... это было на самом деле... приятно... когда ты... ты знаешь... целовал меня... там внизу.

Он уткнулся носом в мое плечо.

— Хорошо.

— Как... как ты узнал, что делать?

Его тело внезапно напряглось, а его рука замерла на моей. Я немедленно пожалела о своем импульсивном вопросе.

— Все в порядке. Ты не должен рассказывать мне. Мне просто

интересно...

— Это не то, о чем ты думаешь, Каро, — сказал он быстро. — Я никогда... ну ты понимаешь, никогда не был с кем-то другим. Я никогда... не делал этого прежде.

— Так, как ты узнал? Потому что это было изумительно.

— Изумительно? Правда?

Он звучал удовлетворенным.

— Ох, поверь мне, я знаю, что означает «изумительно», и произошедшее определенно соответствовало этому значению.

Он тихо рассмеялся.

— Круто!

— Так.... давай.... как ты знал, что делать? Или, может, это у тебя

талант от природы?

Я чувствовала, что было что-то, что он не говорил мне.

— Да ладно тебе, Хантер. Сознавайся. Если только ты не божий дар для женщины…

— Ладно, но обещай не смеяться.

— Положа руку на сердце.

Он тяжело вздохнул.

— Я искал это в сети.

— Чего?

— Онлайн. Я искал это. Есть сайты, где ты можешь... найти много всего.

Я была поражена. Это никогда бы не пришло мне в голову.

— Так... ты просто искал в

интернете «оральный секс»?

Я снова услышала его тихий смешок.

— Что-то типа этого. Несколько лет назад мы с Чесом были за компьютером моего отца, когда его не было дома, он только выключил экран, и когда мы включили его снова, там был какой-то порно сайт. Кто-то задал вопрос об... этом. Тогда это нас ошеломило, но после того как мы с тобой… я подумал… я просто хотел... если мы сделаем это снова... я просто хотел доставить тебе удовольствие. Я знаю, что я не очень хорош в этом... ну... после того, что случилось в первый раз, я подумал, это может быть хорошо... ты

понимаешь... почитать несколько советов.

Я была так ошеломлена, не только потому, что он сделал это для меня, чтобы доставить мне удовольствие, но то, что он был таким открытым и честным.

— Себастьян... Я думаю, что ты восхитительный любовник. То, что я чувствую, когда я с тобой... то, что ты заставляешь меня чувствовать... Я никогда не чувствовала ничего подобного.

Я притянула его к себе и поцеловала, пытаясь показать через этот поцелуй, что имела в виду каждое слово.

— Ты такой особенный,

Себастьян, — пробормотала я у его губ.

— Я так сильно люблю тебя, Каро, — сказал он хрипло.

Несколько минут мы лежали в тишине, и я начала засыпать. Но затем он снова спросил нерешительным голосом.

— Каро, могу я кое-что у тебя спросить?

— Конечно. Что?

Мой довольный мозг был отключен от моего тела, а голос был мечтательным.

Он замялся, и я погладила его грудь, чтобы успокоить его.

— Почему ты передумала?

— Насчет чего?

— Насчет нас.

— Я не передумала. О, ты имеешь в виду... это.

— Да. Я имею в виду это. Я рад, что ты передумала — мне просто интересно, почему.

Я не была уверена, что ответить на это. В действительности, я не хотела напоминать, что это было... неправильно.

— На самом деле я не изменила своего мнения: это все еще... опасно для нас, для меня.

Он крепче обернул одеяло вокруг нас, как будто это могло защитить меня от неодобрения мира.

— Я просто слишком слабая, чтобы держаться от тебя подальше,

— прошептала я. — И сегодня было так... я никогда не чувствовала себя так прежде. Благодаря тебе я чувствую себя живой. Но это не значит, что это правильно и…

— Как ты можешь говорить это? — сказал он со злостью, его тело внезапно напряглось. — Как ты можешь говорить, что это неправильно? Как...

Он запнулся, пытаясь найти слова, и я ахнула от боли.

— Не сердись на меня, Себастьян.

Я не вынесу, если ты оставишь меня сейчас.

— Просто... просто, пожалуйста, не говори, что это неправильно. Я не

могу слышать, как ты говоришь это.

Он сжал одеяло в кулаках.

Я села встревоженно.

— Извини! Извини, я не имела это в виду, но ничего не изменилось. Тебе все еще семнадцать, а я... нарушаю закон. В глазах общественности я отвратительная, развратная злодейка... мерзкая, ужасная...

— Нет! — закричал он, в его глазах пылала ярость.

Он резко отстранился от меня, прижав кулаки к своему лбу.

Его внезапная злость напугала меня. Я привыкла к злости Дэвида, и он редко задевал меня, но это... я чувствовала, что разрываюсь

пополам.

— Себастьян!

Я пыталась убрать его руки от его лица, но он был слишком сильным и отказывался смотреть на меня.

— Себастьян, — сказала я более мягко. — Ты спросил меня почему, и я попыталась объяснить. Это не будет легко. Ты знал это.

Я погладила его плечо.

— Пожалуйста?

В конечном итоге он повернулся ко мне, хотя все еще не встречался со мной взглядом. Он позволил мне взять одну его руку в свою.

— Извини, — нежно пробормотал он.

— И ты меня.

Он осторожно переместился, снова обнял меня и потянул вниз, чтобы мы легли — клубок рук, ног и растрепанных волос.

Он страстно целовал меня, покрывая мое лицо и шею жесткими, пылающими поцелуями. Его вес прижимал меня, когда я провела руками по его подтянутым мышцам спины и шеи.

— Я люблю тебя, — прорычал он. — И это все, что имеет значение.

Я сильно хотела верить, что он прав — я знала, что он ошибался.

Но я позволила его словам, его рукам, его телу отвлечь меня. Немного удивившись, я поняла, что

он снова увеличивается, и его эрекция упирается мне между ног. Я бы хотела, чтобы я могла позволить ему скользнуть в меня без страха или последствий, но тихий, беспокойный голос разума был слышен в моей голове.

Я ощутила, как его влажный конец снова прижимается к моим бедрам. Я уверенно положила руку на его грудь.

— Себастьян, — сказала я с предупреждением в голосе.

Он застонал и перекатился на спину, шаря вокруг, пока я ждала, сгорая от нетерпения.

— Я не могу найти гребаные презервативы!

— Что?

— Они были в кармане джинсов, но сейчас я не могу найти их.

Что?

Мы искали в темноте, разочарованные. Я схватила горстку песка, просеивая сквозь свои пальцы, пытаясь найти небольшие презервативы.

— Ох, ради всего святого! — он внезапно закричал и резко улегся на спину на покрывало.

Он выглядел таким несчастным, и испытывал неудобство, что я не могла сдержать улыбку. Я очень сильно пыталась не рассмеяться, но ситуация была такой нелепой.

— Ох, дорогой, — сказала я,

веселость была очевидна в моем голосе. — Что мы теперь будем делать?

Он проигнорировал мой тон. Я правда надеялась, что он не будет дуться. Но у меня в голове было решение.

Я погладила его атласную кожу, все еще натянутую от эрекции. Он застонал и взглянул на меня.

Я крепко держала его, проведя рукой вверх и вниз несколько раз. Его бедра изогнулись подо мной, пока руки обессиленно лежали по бокам.

Мое намерение было очевидно, и я медленно села на колени с краю от него и уставилась на него.

— Ох, черт! — он выдохнул.

Я улыбнулась.

Нежно, я обхватила его эрекцию своим ртом и провела языком по нежной коже. Я пыталась игнорировать вкус резины и надеялась, что он исчезнет со временем. Я решила приложить все усилия, чтобы он исчез, используя своим зубы и язык, с большим удовлетворением наблюдая, как он извивался и задыхался от моих прикосновений. Я массировала его яички одной рукой, и положила ладонь другой на его живот, прижимая его к покрывалу.

— Каро! — застонал он.

Слышать мое имя на его губах было очень возбуждающе. В первый

раз я действительно хотела сделать это, взять его полностью.

Я двигала ртом быстрее и сосала жестче. Я ощущала, как он касается задней части моего горла, затем я вбирала и выпускала его в быстром темпе. Я ощущала, как руки Себастьяна запутались в моих волосах, и со звуком, больше похожим на животный, чем человеческий, он задрожал и затих.

Я быстро сглотнула, стараясь слишком долго не думать о соленом вкусе, затем подползла к нему и свернулась рядом калачиком. Я была холодной и с радостью приняла тепло его тела. Я натянула покрывало на нас и ощутила, как его руки

коснулись моей спины.

Когда я прижалась к нему, я почувствовала, как что-то упирается в мое бедро.

Я вытащила упаковку пропавших презервативов и подняла их.

— Смотри, что я нашла.

Себастьян открыл сонные глаза.

— Что? Ты шутишь? Ох, ну, в любом случае это чертовски изумительно. — Он рассмеялся от удивления. — Я имею в виду, просто чертовски великолепно! — затем он остановился. — Но положи упаковку туда, где мы сможем найти ее.

Сейчас была моя очередь изумиться.

— Ты хочешь большего?

Его голос внезапно стал серьезным, весь юмор испарился.

— Могут пройти недели, месяцы, прежде чем я снова смогу провести целую ночь с тобой, Каро. В то время как гребаный мудак...

Я положила палец на его губы и поцеловала его.

— Но сегодняшний вечер все еще наш.

И я не хотела тратить часы, произнося имя Дэвида.

Когда рассвет начал просачиваться сквозь темноту, Себастьян уснул. Его голова лежала на моей груди, а руки и ноги были обернуты вокруг меня. Я ощущала его теплое дыхание на моей коже, пока

мои пальцы рассеяно гладили его спину.

Для меня это был умиротворяющий момент с оттенком грусти. Я не хотела, чтобы это заканчивалось, но с каждой минутой, что рассеивалась темнота, я знала, что приходит время уезжать.

У меня никогда не было ночи, как эта. Я не знала, что это может быть так. Я, наконец, поняла, что мой дорогой папа пытался сказать мне, когда я объявила, что выхожу замуж за Дэвида.

— *Ты такая молодая, mia cara (прим. пер. с ит. — моя дорогая). У тебя столько всего впереди. Ты не должна решать сейчас. Сначала*

немного посмотри мир.

Конечно же, я не послушала. Дети никогда не слушают своих родителей. Не тогда. когда это касается жизни, не тогда, когда это касается любви... или того, что, я думала, было любовью.

— Себастьян, — прошептала я, потерев его руку. — Мы должны идти.

Он пробормотал что-то и усилил свою хватку. Его реакция заставила меня улыбнуться.

— Давай. Просыпайся.

— Я проснулся, — сказал он, и чтобы доказать это, он обхватил ртом мой сосок и нежно потянул его.

Я шлепнула его по плечу, когда

мое тело задрожало от желания.

— Перестань! Нам нужно уходить.

— Да, я готов, — сказал он, толкая свою огромную эрекцию в мое бедро.

Боже! Он действительно ненасытен, я всегда думала, что это, должно быть, миф. Я была очень благодарна, что Дэвид всегда был легко отходчивым. Мысль испортила мое хорошее настроение.

— Нет, время уходить, — сказала я, чувствуя раздражение и возбуждение в одно и то же время.

Себастьян вздохнул.

— В любом случае у нас нет презервативов, — сказал он тихо.

Мы истратили целую упаковку презервативов? Не удивительно, что мне кажется, будто я больше никогда не смогу скрестить ноги. Да, мы использовали всю упаковку — это было ошеломляюще. Я лениво подумала: ощущал ли Себастьян то же самое? Я не знала, могут ли мужчины испытывать боль после, эм, длительной «работы»?

Я собиралась спросить, когда поняла, что небо было светлое с розовыми полосками, светящимися на востоке. Я села в панике, оглядываясь вокруг в поисках одежды. Мне нужно вернуться домой до того, как проснется Дэвид.

— Что случилось? — сказал

Себастьян, сев и нахмурившись.

— Мне правда нужно уезжать! — зашипела я, чувствуя одновременно злость и желание расплакаться.

— Каро! — Себастьян пытался схватить мою руку.

— Нет! Какую часть этого ты не понял? — сердито выпалила я.

Он не ответил, но его грустное выражение лица сказало за него. Он встал и натянул джинсы и футболку в тишине, затем стряхнул песок с покрывала и сложил его под руку.

Я нашла свое платье, которое выглядело больше как тряпка, чем что-нибудь еще, но мой бюстгальтер пропал без вести. Трусики, ну, я

предполагала, они все еще были где-то на полу машины Хантеров.

Я натянула платье и почти подпрыгнула, ощутив руку Себастьяна на моей спине, когда он застегивал молнию. Он быстро поцеловал меня в шею и убрал руку.

Я была очарована этим, чувствуя стыд за свою вспышку, но я была слишком встревоженной, чтобы извиняться.

Когда мы достигли машины, я вытащила свои трусики из-под водительского сиденья, стыдливо ступила в них и натянула вверх. Себастьян был достаточно джентльменом, чтобы отвернуться во время этого неловкого процесса. Как

смехотворно для меня, после всего, что мы делали несколько раз прошлой ночью и дважды этим утром.

Себастьян вел босым, но я пыталась стряхнуть песок со своих стоп и обуть свои туфли-лодочки. Небо становилось светлее с каждой минутой, и я боялась, что кто-то может увидеть меня, выходящей из машины Хантеров, или еще хуже, что Дэвид мог проснуться и ждать меня.

Себастьян подъехал к дому и быстро сжал мою руку.

— Напишешь мне позже? Дашь мне знать, что все в порядке?

Я кивнула и отдернула свою руку.

Я заковыляла по подъездной дорожке, обошла дом и заглянула в окно. Я облегченно выдохнула — Дэвид все еще спал на диване и громко храпел.

Я сняла туфли и на цыпочках прошла через заднюю дверь, чувствуя все оттенки вины, но также и странное ликование.

В спальне все было так, как я и оставила: блеск для губ на комоде и расческа, оставленная на кровати на стороне Дэвида.

Было почти семь утра, и хоть мое тело изнывало от желания поспать и дико болело от использования тех мышц, что никогда раньше не были мне известны, я проигнорировала

кровать и пошла в ванную. Я очень сильно хотела писать. Себастьян без колебаний блуждал по дюне ночью, чтобы справить нужду, но я не была в состоянии делать то же самое. К счастью, я не пила много в течение вечера, поэтому я могла вытерпеть.

Я быстро приняла душ, наслаждаясь горячей водой на моей коже, и смыла остатки песка, которому удалось попасть в ряд интересных отверстий на моем теле.

Я задавалась вопросом, прокомментируют ли родители Себастьяна его отсутствие или тот факт, что машины не было всю ночь. Но опять же, в том состоянии, в котором они были, когда он отвез их

домой, я сомневалась, что они вообще что-нибудь заметили. Во всяком случае, я на это надеялась.

Когда я оделась, натянув джинсы и старую футболку, я услышала, что Дэвид шевелится за соседней дверью. Я не знала, как собираюсь сделать это — продолжать обманывать его, продолжать жить во лжи. Я снова задалась вопросом, могу ли придумать альтернативу или смогу выдержать следующие четыре месяца.

Я сделала глубокий вдох и вошла в гостиную. Дэвид посмотрел на меня затуманенными глазами, заворчал и переместился в сидячее положение.

— Кофе? — сказала я, слишком оживленно.

Он смотрел на меня с подозрением.

— Где ты была?

— В душе, — сказала я беззаботно.

Мои руки слегка дрожали, когда я поставила воду, чтобы она закипела.

— Бекон? Блинчики?

Краем глаза я увидела, что лицо Дэвида дернулось. Я не могла ничего поделать, но чувствовала резкий укол удовлетворения, что он страдает от похмелья. Если все будет как обычно, он проведет остаток дня в своем кабинете.

Я надеялась, что у Себастьяна получится поспать несколько часов — сегодня он выходит на новую работу. Он будет работать официантом за пределами Ла-Холья, и это будет держать его подальше от родителей, и, возможно, у него будет достаточно денег, чтобы купить машину, особенно если будут постоянные чаевые, как обещал Чес.

Моей задачей было убраться в доме и стереть все следы вчерашнего инцидента, так как, несомненно, позже, это все будет проходить тщательный осмотр Дэвида.

День тянулся почти невыносимо. Единственный плюс, что Дэвид оставался в стороне. У меня

получилось отправить Себастьяну короткое сообщение утром. Дэвид был в душе, а я пылесосила. Это заняло несколько минут.

** Я в порядке. Надеюсь с тобой все хорошо? **

Я с беспокойством ждала его ответа, но мой телефон зловеще молчал. Когда я услышала, что Дэвид одевается в спальне, я выключила его.

В течение дня я периодически проверяла его, мое беспокойство нарастало с каждым проходящим часом. Наконец, я получила ответ поздно вечером.

** Извини, детка. Мне позвонили и сказали выйти на работу*

*пораньше. Странное место! Завтра? Пожалуйста, скажи «да». **

Он назвал меня «детка»!

Я удивилась, почему место было странным. Да, завтра. Боже, сейчас, кажется, что ждать так долго.

Я почувствовала себя лучше, после того, как прочитала его ответ, но была опечалена, что пришлось его немедленно удалить. Но мое хорошее состояние улетучилось, когда пришло время ложиться в кровать. С моим мужем.

Я читала книгу, ну… я пыталась сконцентрироваться, но слова расплывались перед глазами. Я выключила свет и перевернулась на свою сторону, надеясь, что это

защитит меня. Мое дыхание было ровным, и я попыталась замедлить его, чтобы выглядело, будто я на самом деле засыпаю. Я почувствовала, как кровать прогнулась, и задержала дыхание. Дэвид навис надо мной и провел рукой по моему бедру.

— Не сегодня, Дэвид, — сказала я, пытаясь говорить естественно. — Я устала. Прошлая ночь была очень долгой.

Особенно для меня.

— У тебя нет менструации — что не так с тобой?

— Ничего. Я просто устала.

— Хмм.

Он больше ничего не сказал, а

перекатился на свою сторону кровати. Я медленно выдохнула. Вскоре он захрапел, но я гораздо позже смогла расслабиться, чтобы уснуть.

Я проснулась до будильника — обычно Дэвид любил, чтобы ему подрочили перед завтраком, а я хотела бы избежать этого сценария.

Я убедилась, что его форма лежит на месте, кофе ждет на столе, блинчики и бекон доставлены с военной точностью на горячей гребаной тарелке.

Но этого было недостаточно, чтобы заработать «доброе утро», поэтому он упрощал для меня задачу бросить его.

Как только он вышел из дома, я написала Себастьяну.

** Встретимся в парке через тридцать минут? **

Он ответил секунду спустя.

** Не достаточно скоро, но я буду там. **

Мое сердце запорхало.

Я побежала в спальню и вытащила легкую, длиной до колена, юбку и топ на лямках, что я планировала надеть. Я собрала волосы в хвост перед завтраком, но сейчас я распустила его и быстро расчесала волосы. Я заметила, что Себастьян любит проводить руками по моим волосам, когда мы занимаемся любовью.

Я не стала утруждаться цветной помадой, а нанесла немного блеска, так как не планировала, что он будет долго на моих губах. Простая мысль о поцелуях Себастьяна заставила мое сердце пуститься вскачь... и кое-что еще. Да, я определенно чувствовала себя немного влажной — лучше сконцентрироваться на поиске подходящих сандалий.

Он ждал меня. Я едва остановила машину, прежде чем он открыл дверь и забрался в нее с широкой улыбкой на лице.

— Привет!

Его глаза сверкали любовью и чем-то таинственным. От него у меня перехватило дыхание.

— Привет! — я улыбнулась ему в ответ. — Так куда ты хочешь пойти?

Я вырулила на дорогу, счастье затопило меня.

— Мне все равно. Куда угодно, главное с тобой.

— Может, поедем в нашу кофейню в Маленькую Италию?

Он поднял брови.

— Это немного публичное место для того, что у меня на уме.

— Для чего? — спросила я невинно.

Он соблазнительно улыбнулся и без слов наклонился, чтобы уткнуться лицом в мои колени, нежно укусив меня через тонкий материал моей юбки и проведя рукой

по моей голой ноге вверх к моим трусикам.

— Себастьян! Я врежусь куда-нибудь! — захныкала я.

Он позволил своим пальцам продвинуться немного дальше, и я ахнула. Затем он медленно сел, оставив мою юбку собранной в складки на бедрах.

Мое дыхание ускорилось, и мои руки были сжаты в кулаки на руле.

— Это было очень глупо и безрассудно! — сказала я, мой голос дрожал. — Я могла стать причиной аварии.

— Ты была в порядке, — сказал он нагло.

Я покачала головой, на самом

деле сердясь на него.

Он просто усмехнулся.

В эту игру могут играть двое.

Я остановила машину, поставив ее под углом у бордюра. Я вышла, встав с руками, упертыми в бока.

— Каро?

Он смотрел на меня с беспокойством, затем вышел и встал рядом со мной, волнуясь, что на самом деле расстроил меня.

Я передала ему ключи.

— Ты ведешь.

— Ладно, — сказал он тихо, по-прежнему обеспокоенный.

Не говоря ни слова, мы вернулись в машину и отъехали от бордюра. Я позволила ему немного

проехать, прежде чем потянулась и сильно сжала его яйца.

Машина отклонилась на полосе и грузовик, ехавший сзади, громко просигналил.

— Черт!

— Не так просто сконцентрироваться, даже? — сказала я.

Я просто поспособствовала важному уроку для его жизненных навыков и безопасности во время вождения. Они должны занести это в водительское удостоверение.

Себастьян посмотрел на меня, когда мы проехали заросший сорняками, заброшенный пустырь и затем внезапно остановился.

Он заглушил двигатель, и между нами повисла тишина.

Я ощущала дрожь предчувствия — я понятия не имела, что он собирался делать.

— У меня есть целая пачка презервативов.

Его голос был тихим, но его глаза горели. Я подумала, что мой рот открылся. Еще одна целая упаковка? Ничего себе!

На целых две секунды мы уставились друг на друга. Я не знаю, кто сделал шаг первым, но внезапно мы начали срывать одежду друг с друга.

— Заднее сиденье! — ахнула я.

Я перелезла через сиденье и

ощутила, как он укусил меня за задницу. Затем он заставил меня сесть на сиденье, сняв футболку через голову. Я жадно провела руками по его груди и животу, затем залезла в его карман правой рукой и вытащила пачку презервативов. Она все еще была в целлофане, поэтому я разорвала его зубами. Упаковка распалась на части, и презервативы посыпались вокруг нас.

Себастьян поднял один и встал на колени, разрывая фольгу. Я дернула молнию на его штанах.

— Ау! Осторожнее, Каро!

— Извини, — выдохнула я. — Позволь мне поцеловать его, чтобы все исправить.

На заднем сиденье было не очень много место для маневров, но я справилась, чтобы взять его в рот, прежде чем он отстранился и покачал головой.

— Каро, я кончу примерно через три секунды, если ты продолжишь это, а я хочу быть внутри тебя.

— Ладно, но позволь мне надеть презерватив, тебе достанется все веселье.

Он уставился на меня, как будто не мог поверить в то, что я только что сказала, но передал мне маленький кусочек латекса. Я схватилась за «сосочек», как я видела, он делал это прежде, и затем осторожно раскатала его по всей

длине. Казалось, что он не хотел оставаться на месте, поэтому я пыталась натянуть его.

Себастьян оттолкнул мои руки, громко застонав.

— Черт, Каро!

Скользкий маленький паразит не хотел оставаться на месте, но Себастьян в конечном итоге справился с ним. Видеть, как он касается себя, сводило меня с ума.

Его глаза были широко раскрыты, когда я схватила его джинсы и потянула вниз, проведя руками по его упругим ягодицам.

Он громко застонал, затем вцепился в мои трусики, сдернув их по моим дрожащим ногам. Они

висели над одной сандалией, размахивая как белый флаг побежденной армии, когда он погрузился в меня.

Он уткнулся лицом мне в шею, и я сжала его изнутри и снаружи.

— Шшш, Себастьян. Позволь мне почувствовать всего тебя.

Он медленно отстранился, и я крепко сжала его, заставив громко застонать.

— Да, вот так, — выдохнула я, проведя ногтями по его спине.

Он двигался внутри меня медленно, позволяя мне насладиться ощущением, наблюдая за выражением моего лица, когда я смотрела на него. Затем он закрыл

глаза.

— Я не могу! Я не могу! — застонал он. — Пожалуйста, Каро!

Не дожидаясь моего ответа, он начал вбиваться в меня. Я почувствовала, как его тело внезапно напряглось, и он громко закричал.

На мгновение я ощутила, как вес его тела обрушился на меня, но он приподнялся на локтях и поцеловал меня глубоко, с любовью.

Я погладила короткие, мягкие волоски у него на затылке, затем провела рукой по всей длине его спины.

— Извини, — наконец сказал он, выглядя стыдливо.

— За что? — спросила я,

искренне недоумевая.

— Ну, в большей степени, потому что я хотел, чтобы это продлилось дольше для тебя... но также и потому что чуть не вынудил тебя попасть в аварию. Хотя ты отплатила мне той же монетой.

Я улыбнулась ему.

— Считай это жизненным уроком, Себастьян.

Он нежно поцеловал меня.

— Я люблю ваши уроки, мэм.

— Не называй меня «мэм», — заворчала я на него. — От этого я чувствую себя старше.

Он заткнул меня еще одним поцелуем, затем осторожно отстранился.

Его лицо внезапно побледнело под его загаром.

— Что? — сказала я, пытаясь сесть.

— Я не могу найти презерватив! — сказал он, глядя на меня в панике.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что не можешь найти его?

— Я имею в виду... он не здесь.

Он указал на свою эрекцию, где все еще было на что посмотреть. Но он был прав: презерватива там не было.

— Он, должно быть, слетел, когда ты вышел из меня, — сказала я, все еще не чувствуя беспокойство.

— Я думаю... я думаю, что он все еще может быть в тебе! — сказал

он, шок и ужас смешались на его лице.

Ох, какого черта?

— Просто... просто закрой глаза, Себастьян, — приказала я.

— Что? Зачем?

— Закрой глаза!

Я не собиралась искать под его наблюдением. Но я не могла найти ничего, что ощущалось бы эластичным.

Мои щеки, должно быть, пылали красным цветом.

— Я думаю, что мне нужна дамская комната, — пробормотала я тихо.

— Ты хочешь, чтобы я...? — предложил он.

— Нет! — сказала я быстро.

Но я не смогла удержать небольшой смешок.

— Что? — спросил он, не то облегченно, не то озадаченно.

— Кажется, мы никогда не добьемся успеха? — вздохнула я.

Он поморщился, изогнув рот в подобии улыбки.

— Если не принимать во внимание встречу с тобой: нет, определенно нет.

Он закончил застегивать свои джинсы и галантно протянул мне мои трусики.

— Спасибо, — сказала я, мое лицо исказилось от гримасы.

— К вашим услугам, — сказал

он, пытаясь подавить улыбку.

В этот момент я поняла, что начну принимать противозачаточные таблетки, я больше не могу позволить себе таких конфузов, если можно так выразиться.

Себастьян проехал несколько миль вниз по дороге, и мы нашли торговый центр, где был туалет.

— Ты уверена, что тебе не нужна помощь с... эм... ситуацией? — сказал он, в его глазах мелькал похотливый блеск.

— Нет, спасибо, — сказала я чопорно.

Он рассмеялся, когда я пошла в туалет.

Потребовалось несколько минут,

прежде чем я смогла найти пропавший презерватив. Кто бы мог подумать, что он исчез так далеко. Если так будет продолжаться, у меня появятся кошмары о моих яичниках, связанных злодеем латексом.

Когда я, наконец, появилась, на лице Себастьяна отражалась тревога. Его лицо мгновенно прояснилось, когда он увидел меня.

— Все в порядке?

Я улыбнулась ему.

Он сжал мои пальцы и прошептал:

— В следующий раз я хочу поиграть в охотника за резинкой.

Я, не веря, покачала головой.

— Можем мы, пожалуйста,

пойти и выпить кофе?

Он властно обернул руку вокруг моих плеч.

— Конечно, детка.

Боже, он заставлял меня чувствовать себя подростком. За исключением того, что я им не была. Я отогнала эту мысль, и мы отправились в Маленькую Италию.

Папа Бензино расцеловал меня в обе щеки и сгреб Себастьяна в медвежьи объятия, которые он немного застенчиво вернул. Мама Би выбежала из-за прилавка, вытирая глаза передником, как будто мы были ее давно потерянной семьей. Они болтали на итальянском, и я могла сказать, что Себастьян понимал

гораздо больше, чем раньше. Возможно, я оказываю на него хоть немного хорошего влияния, в конце концов.

Нонна вышла из ее комнаты за магазином и обхватила мои щеки, пока целовала меня, и сказала, что я свечусь любовью. Затем она похлопала Себастьяна по груди, пощупала его бицепсы и подмигнула мне, и сказала что-то, что можно было перевести как: «хороший любовник, как хорошая салями», и послала мне понимающий взгляд.

Себастьян покраснел, то ли от ее слов, то ли от прикосновения, я не могла сказать точно, но из-за этого я громко рассмеялась, когда на его

лице появилась улыбка, что была и смущенной, и изумленной в одно и то же время.

Толпа людей пришла на обеденный перерыв, чтобы заказать еду, из-за чего семья вернулась к работе, поэтому мы сидели снаружи под зонтом от солнца и пили кофе, эспрессо для меня, регуляр для Себастьяна.

— Ты не рассказал мне, как прошел твой первый день на работе.

— Ох, это, — сказал он, нахмурившись.

— Он прошел плохо? — сказала я удивленно.

— Он... ну, я такого ожидал, — пробормотал он, и по каким-то

причинам он снова выглядел смущенным.

Кончиком пальца я потерла его руку.

— Расскажи мне.

— Нет, это просто глупо.

— Себастьян, ты только что наблюдал, как я вылавливаю заблудший презерватив. Это не может быть глупее!

Он осторожно улыбнулся.

— Да, это было довольно забавно!

— Это не было бы забавно, если бы я забеременела.

Он ахнул.

—Ты могла?

— Ну конечно, я могла, но не

беспокойся, я позабочусь об этом. Я решила, что будет безопасней, если я начну пить таблетки. Я не могу позволить себе еще один... инцидент.

Себастьян выглядел полностью сбитым с толку от смены темы разговора. Я направила нас к менее спорной теме.

— Ты расскажешь о своем первом дне в загородном клубе?

Он снова нахмурился, и я могла сказать, что он задавался вопросом, должен ли продолжать более серьезную тему. Он покачал головой и решил последовать моему примеру.

— Ну, я думал, что буду просто провожать до столов, но... они хотели, чтобы я также делал другие

вещи.

— Например?

Он колебался, вырисовывая узоры на ладони моей руки указательным пальцем.

— Себастьян?

— Просто это своего рода не очень приятно.

— В любом случае расскажи мне, я не расскажу никому, — сказала я, приподняв бровь.

— Они сказали, чтобы я обсуживал столы, — сказал он, наконец. — Разносил еду и напитки.

— Ладно. Это не звучит так плохо. И...?

— Я должен носить униформу.

— Это не удивительно.

Уверена, что у него не было проблем с униформой, он был сыном офицера ВМС.

— Шорты и футболка-поло, она немного... узкая.

Я начала представлять эту картину.

— Ладно, шорты и узкая футболка. И...?

Он закрыл глаза, выражение полное боли на его лице.

— Женщины там... они... хватали меня... много!

И я громко рассмеялась, я не могла сдержаться.

— Итак, ты говоришь мне, что ты мальчик на побегушках, и все женщины лапают тебя.

— Я должен был просто обслуживать столики!

Он звучал так возмущенно, это заставило меня рассмеяться сильнее.

— Я не могу обвинять их, — подразнила я. — У тебя были какие-то предложения? Кто-нибудь размахивал перед тобой телефонными номерами?

Его щеки покраснели, и он уставился на стол.

— Так и было! Себастьян!

— Я сказал «нет»!

Он поморщился, и я пожалела его.

— Tesoro(прим. с ит. Сокровище, дорогой), я нисколько не удивлена, это место славится наймом

молоденьких, привлекательных мальчиков, которые радуют глаз женам военных.

Он несчастно кивнул.

— Она только смотрит на тебя и видит знак доллара. Тебе просто нужно смириться с кучкой похотливых, взрослых женщин, что засовывают купюры в твой задний карман. Ты думаешь, сможешь сделать это?

— Наверное. Это будет не так весело, как я думал.

Я еще немного больше влюбилась в него.

Я погладила его щеку и положила свободную руку ему на колено.

— Ты всегда можешь найти другую работу, Себастьян. Кроме того, они не должны заставлять тебя подавать напитки в твоем возрасте. Они знают, как молод... сколько тебе лет?

Он поднял брови.

— Знают, но полагаю, я выгляжу старше.

Была моя очередь краснеть, особенно когда я вспомнила о «похотливых взрослых женщинах». С другой стороны...

— Я думаю, что присоединюсь.

— Что?

— К загородному клубу.

— Зачем?

— Я слышала, что там много

озабоченных, взрослых женщин, и думаю, что ты нуждаешься в защите. Кроме того, это будет весело.

Небольшая улыбка растянулась на его лице.

— Да! Это будет весело.

— Я оставлю хорошие чаевые!

— Ты предложишь мне свой номер телефона?

— Думаю, это можно будет устроить.

Мой телефон зазвонил, прервав нас. Это был номер, который я не узнала, что заставило меня нервничать.

— Алло?

— Кэролайн Уилсон?

— Да, говорите.

— Это Карл Винтерс, редактор «Сити Бит». Я позвонил сказать, что мне понравилась ваша статья. Я бы хотел включить ее в выпуск четверга. У вас также есть замечательные фото. Плата составит 325 долларов. И я буду рад любым другим статьям, что вы напишите о жизни на Базе. Народ здесь на самом деле заинтересован в историях с военной точки зрения. Около 1,500–2000 тысяч слов.

— Ничего себе! Здорово! Спасибо! Да, я уверена, что смогу написать еще много статей о жизни военных.

— У вас очень хороший стиль, миссис Уилсон, который

действительно привлечет читателей. Я удивлен, что не натолкнулся на вас раньше.

— Ох! — это был сюрприз, хороший сюрприз. — Мы только переехали с восточного побережья.

— Я полагаю, это все объясняет. Ну, загляните в новостное бюро на днях, и мы подпишем обычный контракт для внештатного сотрудника.

— Я приду. Спасибо, мистер Винтерс.

— Зовите меня Карл. Я буду рад познакомиться с вами, Кэролайн. И, может, в следующий раз, мы могли бы отправить одного и наших фотографов с вами.

Мы повесили трубки, и я обвила руки вокруг шеи Себастьяна.

— «Сити Бит» собираются напечатать статью о серфинге, — сказала я ему в грудь.

К удивлению нас обоих, я начала плакать.

— Эй! В чем проблема? Разве это не хорошо?

— Да, да, конечно. Я просто глупая.

Он обнял меня крепче.

— Я не понимаю.

Как я могла объяснить? Я даже не была уверена, что понимаю себя.

Он гладил мою спину и целовал волосы, его прикосновения успокаивали меня. Когда мои

рыдания, наконец, стихли, он отклонился назад и стер соленые слезы большим пальцем, на его лице было беспокойство.

— Каро? Почему ты плачешь?

Я сделала глубокий вдох и попыталась собрать свои мысли.

— Просто... одну из моих историй напечатают. Понимаешь, кто-то сказал, что я на самом деле хороша в чем-то. Я... не привыкла к этому. Дэвид никогда...

Я остановилась на полуслове, когда выражение его лица помрачнело.

— Просто это был приятный сюрприз, — закончила я, запинаясь.

Он поднял мою руку со стола и

нежно поцеловал.

— Да, я понимаю.

Мы сидели в тишине некоторое время.

— Пойдем, — сказал он, наконец. Он встал, все еще держа мою руку.

— Куда мы?

Его выражение лица смягчилось.

— На наше место.

— Наше место?

— К океану.

Я улыбнулась ему.

— Хорошо.

7 глава

Было что-то успокаивающее в океане. Почему так? Вечно в движении, никогда не замирает и, тем не менее, он спокойный, безмятежный, подвижный. Даже ярость зимнего шторма помогала устранять проблемы, хотя бы на краткий срок.

Это было наше место, где мы с Себастьяном были сами собой на несколько кратких, непрерывных часов.

Тем не менее, мы должны были быть осторожными.

Мы прогуливались в тишине, вдали от толпы отдыхающих, что

начала наполнять пляж.

Затем, рука об руку, мы остановились, чтобы найти уединенную дюну. Я опустилась на теплый песок, и Себастьян притянул меня к своему боку.

— Ты в порядке? — спросил он встревожено.

— Да. Извини насчет этого.

Я была смущена своей потерей контроля. Казалось, рядом с ним это случалось часто, как будто какая-то эмоциональная дамба была повреждена после долгого сдерживания.

Себастьян погладил мои волосы и сказал низким голосом:

— Не извиняйся. Я просто

ненавижу видеть тебя несчастливой.

Я не знала, как ответить, поэтому просто позволила ему держать меня.

Девятнадцать лет я была чьей-то дочерью и следующие одиннадцать чьей-то женой. Но кем я была сейчас? Был ли у меня шанс сделать карьеру, в конце концов? Могла я быть кем-то другим, кем-то еще?

— О чем ты думаешь?

Я покачала головой и улыбнулась.

— Ни о чем. Но мне придется придумать еще несколько идей для «Сити Бит», если он действительно имел в виду то, что сказал.

— Конечно, он имел это в виду.

Ты блестящий писатель.

— Ну, спасибо, мистер Бернштейн.

Его лицо поникло, и я немедленно пожалела о своих словах.

— Извини, я просто немного шокирована. Может, ты сможешь подкинуть мне несколько идей о жизни в семье военных.

Он поморщился.

— Все зависит от семьи.

Это было правдой.

— Как Митч и Чес?

Казалось, что это достаточно невинный вопрос, но Себастьян отвел взгляд.

— В порядке, я думаю. Я вижу Чеса только на работе.

— И?

Я ждала, что он продолжит, но он продолжал смотреть, как песок утекает сквозь его пальцы.

— Себастьян, что не так?

Он сделал глубокий вдох.

— Чес сказал, что знает, что я встречаюсь с кем-то.

Я почувствовала, как кровь отлила от моего лица.

— Откуда?

Себастьян смотрел на меня с беспокойством.

— Он... когда я не рассказал ему ничего, он начал говорить, что должна быть какая-то причина и в чем проблема. Он продолжал говорить, не переставая. Он просто

валял дурака, но...

Себастьяну не нужно было заканчивать предложение.

— Что заставило его... подозревать?

— Ну, во-первых, потому что я не зависал с ним какое-то время. Он предлагал мне пойти на серфинг с ним и парнями, и когда я продолжил отказываться... наверное, он задумался.

— И что... ты сказал «во-первых»?

Его выражение лица было неуверенным.

— Расскажи мне!

Он вздохнул.

— Чес видел, как я

переодеваюсь в рабочую униформу.

— И?

— Он заметил... царапины на моей спине.

Ох! Я вспомнила, что делала это.

— Что он сказал?

Себастьян пожал плечами, не в состоянии встретиться с моим обеспокоенным взглядом. Поразмыслив, мне не нужно было знать, что сказал Чес, я могла представить, как происходил разговор.

— Я сказал ему отстать, но он этого не сделал. Я разозлился на него...

— Мы не очень хороши в этом, не так ли? — сказала я мягко.

— Это тяжелее, чем я предполагал, — согласился он тихо.

Мое сердце больно кольнуло, и я почувствовала тошноту.

— Ты хочешь расстаться?

Он в ужасе посмотрел на меня.

— Нет! Каро, нет! Конечно, нет! Я не это имел в виду! Как ты можешь говорить такое?

— Просто... если станет сложнее...

Он притянул мое лицо к себе и яростно поцеловал.

— Не говори так! Пожалуйста, не говори так! Мы все уладим. Пообещай, что ты не откажешься от нас, Каро. Пообещай!

Я чувствовала отчаяние в его

голосе, поэтому поцеловала его в ответ, пытаясь наполнить его уверенностью с помощью прикосновения — заменить им слова, что я не могла сказать вслух, потому что боялась, что они могут оказаться ложью.

Он притянул меня вниз на песок, так что я полулежала на его груди. Одна его рука запуталась в моих волосах, другая лежала на моей спине. Мои губы обрушились на его, и его язык проскользнул в мой рот, соединяя нас вместе.

Я должна была разорвать поцелуй, прежде чем мы зашли слишком далеко, была середина дня, и я очень переживала, что кто-то

может наткнуться на нас в любое время.

Себастьян не хотел меня отпускать, и мне пришлось сильнее толкнуть его в грудь, чтобы он выпустил меня.

Я задыхалась, когда мы откатились друг от друга. Он положил одну руку себе на лицо и громко застонал.

— Черт, Каро,— сказал он тихо и повернулся, чтобы посмотреть на меня, буквально обвиняя меня своими глазами цвета морской волны.

— Мы должны возвращаться, — сказала я трусливо как никогда. — Ты опоздаешь на свою смену.

Я начала с трудом тащиться по берегу, и с неохотой он последовал за мной.

— Не забудь принести мне форму заявки для вступления в загородный клуб, — сказала я, стараясь улучшить его мрачное настроение.

Он слегка улыбнулся.

— Я думаю, что смогу взять несколько дневных смен, если ты соберешься туда.

— И, может, тебе лучше договориться, чтобы прогуляться с Чесом несколько раз.

— Для чего?

Я раздраженно вздохнула.

— Для того, чтобы сбить его со

следа и...

— И что?

— Ну, если наш план сработает, ты больше никогда его не увидишь.

Его глаза расширились от удивления. Очевидно, он не понимал, от чего откажется, если мы сбежим в Нью-Йорк.

Я смотрела на него в упор, наблюдая, как к нему возвращается равновесие.

— Чес — хороший друг, но я люблю тебя, и хочу быть с тобой.

И вот оно: его альфа и омега.

Я отвезла нас назад, разрываясь между радостью и страхом, и желая, чтобы ночь могла пройти быстрее, чтобы мы снова могли быть вместе.

Я остановила машину у обочины в нескольких кварталах от его дома. Он прикоснулся губами к моей руке и быстро поцеловал.

— До завтра, — сказал он, его слова были не вопросом, а утверждением... и обещанием.

Дом, мой так называемый дом, казался пустым и неприветливым. Это не беспокоило меня, на самом деле нет, больше нет, но я не могла не заметить, что с каждым днем пустоты становилось все больше.

Я поставила свой лэптоп на кухонном столе и набросала несколько тем для статей. Я была приятно удивлена, насколько легко они появлялись. Опять же, после

одиннадцати лет жизни женой военного, было мало того, чего я не знала о жизни Базы. И Дэвид так много говорил о жизни госпиталя, что я довольно уверенно написала целую статью, на одном дыхании.

Я так сильно наслаждалась собой, что даже не поняла, как наступил вечер. Внезапно я обнаружила, как Дэвид стоял надо мной, проверяя кухню на наличие еды, когда он понял, что ничего не было готово, его уже холодный взгляд стал ледяным.

— По крайней мере, ты могла бы готовить еду, когда я прихожу домой, Кэролайн, вместо того, чтобы играть на своем компьютере. Я должен

выбросить эту штуку.

— Я не играла, — сказала я кисло. — Я работаю над статьей для «Сити Бит» — я предложила одну, которую написала о серфинге, и они опубликуют ее в четверг с моими фотографиями.

Он нахмурился.

— С какой стати?

— Потому что они думают, что она хороша. Это может быть сюрпризом для тебя, Дэвид, но некоторые люди на самом деле думают, что я могу делать что-то полезное.

— Что было бы полезным для моей жены, так это готовить гребаную еду, когда я прихожу домой

по вечерам. — Он остановился, холодно уставившись на меня. — Я не знаю, что на тебя нашло в последнее время, Кэролайн. Ты забывчивая, неорганизованная, постоянно отвлекаешься. На самом деле, я бы сказал, что иногда ты ведешь себя очень странно.

Он остановился, ожидая, что его слова дойдут до меня. Я уставилась на него, боясь, что он что-то заподозрил. При всех своих недостатках, мой муж не был глупым человеком. По крайней мере, не в этом.

— Я думаю, что ты должна посетить доктора. Я взял тебе направление к доктору Равель, —

сказал он, наконец, его тон был нейтральным.

— Что? Со мной все в порядке! Кто такая доктор Равель?

— Компетентный гинеколог, Кэролайн. Я подозреваю, что у тебя ранняя менопауза.

Я не могла ничего поделать, просто стояла и глазела на него. Он действительно был невероятным.

— Дэвид, мне только тридцать! У большинства женщин не наступает менопауза до пятидесяти!

— Не будь такой глупой, Кэролайн. Ранняя менопауза не является редкой и у тебя все симптомы.

— Какие, черт побери,

симптомы?

— Не используй такие выражения, Кэролайн. Это отталкивающе и ненужно.

— Какие симптомы, Дэвид?

— Перепады настроения, раздражительность... потеря сексуального влечения. Доктор Равель проведет кольпоскопию, чтобы определить, на какой стадии ты находишься. Они ждут тебя на прием в отделении акушерства и гинекологии в десять утра. Я уже проверил, что наша страховка покрывает осмотр.

— Дэвид, я никогда не слышала ничего настолько же смехотворного. Я...

— Может, вместо этого я должен был взять тебе направление к психиатру!

Я была возмущена.

— Как ты смеешь?

— Тогда расскажи мне, почему ты отказываешься выполнять свой супружеский долг с мужем! — огрызнулся он.

Он отвернулся от меня, едва удерживая свой свирепый нрав в узде.

Осторожно, я закрыла свой ноутбук. Мои руки слегка дрожали, когда я готовила спагетти, но мой мозг яростно работал, отчаянно пытаясь придумать подходящий ответ, какие-то убедительные слова.

Как обычно его гнев заставил меня замолчать.

Я была в ярости на себя, что не выстояла перед ним. Как он посмел? Опять же, у него было одиннадцать лет практики, чтобы заставить меня чувствовать себя незначительной, для него не было причин останавливаться.

Хоть он и не подозревал правду, я не могла перестать думать, что это дело времени, и он узнает. Моя жизнь, раньше серая и определенная, сейчас была зыбучими песками. Какой бы ни был катализатор, никто не заставлял меня идти в том направлении, которое я выбрала. Я не была уверена, какие варианты

были у меня сейчас, кроме того, чтобы дождаться совершеннолетия Себастьяна. Если бы я пошла завтра к адвокату насчет развода, как много пройдет времени, прежде чем раскроется моя «интрижка»? Это была суть проблемы. Я совершила преступление. Единственное преступление, что совершил Дэвид — это то, что был рожден придурком и с возрастом становился все больше таким.

Мы ели в тишине, и он не заговорил со мной ни разу за вечер. Также он не прикасался ко мне, что было счастьем.

Завтрак прошел в обычной унылой рутине. Возможно, мы оба

вздохнули с облегчением, когда пришло время ему идти на работу. Он бросил мне направление на прием, когда уходил.

В 9:45 я стояла у стойки регистрации в отделении гинекологии и акушерства. Комната ожидания уже была переполнена беременными женщинами, младенцами и детьми, каждый из которых пытался издать как можно больше шума. Я чувствовала себя не очень хорошо, что бросалось в глаза. Одна из женщин по-доброму улыбнулась и подняла бровь, словно признавала шум. Она, вероятно, решила, что я была первый раз беременна.

Что, черт побери, я делаю здесь? У меня брали мазок всего шесть месяцев назад, и все было в порядке, у меня не было симптомов менопаузы, и я знала, что Дэвид использовал это просто в качестве демонстрации своей власти, и я позволила ему. Снова.

Мне было стыдно за себя, что я такая слабая. Часть меня хотела перехитрить его, чтобы успокоить еще на пару недель, но другая, новая, смелая часть, говорила мне держать удар перед ним.

Где-то открылась дверь и от сквозняка начали трепетать плакаты, прикрепленные к стенду. Заметка группы по защите прав женщин

привлекла мое внимание: Как бы мы не одевались, куда бы не шли — «да» значит «да», «нет» значит «нет».

Было кое-что в простой формулировке, что отозвалось во мне, возможно, пришел мой черед, по крайней мере, сказать «нет».

Я сделала глубокий вдох и встала. Девушка, назначающая приемы, выглядела раздраженной, когда увидела, что я второй раз стою возле ее окошка.

— Да, могу я чем-то помочь? — сказала она коротко, явно не желая помогать.

— Да, можете. У меня направление на десять часов к доктору Равель, но я решила

отменить.

— Отменить?

— Верно. Приношу извинения за то, что потратила время доктора Равель. — Но не твое, сучка с кислым лицом.

— Ну, это очень неправильно. Доктор Равель очень занятая женщина.

— Поэтому я и приношу извинения.

— Хмм, ну, я могу дать вам другое направление через пять недель и...

— Нет. Нет необходимости. Спасибо вам.

И я ушла, оставив ее озадаченной и разозленной.

Черт, это ощущалось хорошо! Хоть я и знала, что позже столкнусь с гневом Дэвида. Какого черта, я и так все время сталкивалась с его раздражением. Впервые мне пришло в голову, что он даже может быть счастливее без меня в своей жизни. Я не была уверена, что он понимает это, без его кухарки, уборщицы и той, кто организовывает вечеринки и иногда сексуальной игрушки, но это могло быть правдой.

Я отъехала от парковки госпиталя в приподнятом настроении, чувствуя себя немного нервно. Я сделала свои первые маленькие шажки к независимости.

В ударе и чувствуя необычную

смелость, я направилась в загородный клуб. Я знала, что Себастьян взял двойную смену. Он не был счастлив, что не увидит меня утром, но когда я сказала, что иду на осмотр к доктору, он сразу согласился и сказал, что будет работать, чтобы отвлечься. Он пообещал, что напишет мне на перерыве, но сейчас я надеялась, что увижу его перед этим — сюрприз.

Длинная подъездная дорожка, по бокам которой располагались пальмы, вела к загородному клубу. Одноэтажная постройка в испанском стиле: белая с высокими арками, широкой верандой на три стороны, на стенах которой вилась

бугенвиллия. Широкие ступени вели к впечатляющему палисаднику, и зеленые газоны переходили к полю для гольфа на восемнадцать лунок. За зданием я могла увидеть океан, растянувшийся до горизонта, волны которого урчали на заднем фоне. Кто выбрал расположение, сделал этим половину работы, чтобы продать членство.

Мой старенький «Форд» настолько не подходил к этому месту, что я бросила его на задней парковке, ловко избегая услуг работника, когда шла ко входу.

Было очевидно, что дресс-код был более рекомендуем: мужчины носили рубашки поло, а женщины —

юбки благопристойной длины. Привлекательный молодой человек в униформе улыбнулся мне, когда я поднялась по ступенькам. Себастьян намекнул на то, как были отобраны сотрудники: они были молодыми и привлекательными и носили темно-синие шорты, белую рубашку с мало заметным логотипом клуба.

Я была рада, что оделась для своего неудавшегося приемы в больницу, в противном случае я бы чувствовала себя более запуганно такой роскошной окрестностью.

— Могу я помочь вам, мэм? — сказала хорошо одетая молодая женщина за ресепшен.

— Да, я бы хотела форму для

оформления членства, пожалуйста.

— Конечно, мэм. Это будет индивидуальное членство, членство в ассоциации, членство руководителей, членство младших сотрудников, иногороднее членство или социальное членство?

— Я... Я...

— Индивидуальное членство начинается с тысячи долларов в месяц, с первоначальным взносом в размере четырех тысяч долларов или социальное членство, если вы не хотите играть в гольф...

— Я уверена, что миссис Уилсон имеет право на членство военнослужащих, находящиеся на действующей службе.

Голос заставил меня подпрыгнуть.

— Кончено, миссис Форштадт, — сказала девушка с ресепшена, копошась в папках, а затем вытащила толстую папку бумаг.

Я повернулась и увидела, что Донна стоит позади меня, улыбаясь удивленно.

— Я не думала, что ты тот тип людей, что вступают в загородный клуб, Кэролайн, или, возможно, это больше для Дэвида?

Я старалась избавиться от выражения шока на лице, но не думаю, преуспела в этом.

— Донна, как... как приятно увидеть тебя. Да, я просто пришла,

чтобы взять форму для членства, я понятия не имела, что есть столько разных типов. — Или что они такие дорогие.

— Одно из немногих преимуществ военной службы, что в итоге устанавливает плату до более приемлемых пятисот долларов в месяц, — прошептала она заговорщически.

Она взяла меня за локоть и повела к столикам в задней части. Несколько женщин потягивали коктейли, хотя было очень рано. Вид на океан был потрясающим, и клуб имел огромную площадку с бассейном, шезлонгами и высокими зонтами. Донна заказала два кофе

для нас.

— Я так рада, что ты здесь, Кэролайн. У нас не было возможности поболтать, и я хотела поблагодарить тебя за то, что пригласила нас в субботу. Я, правда, должна была позвонить тебе до этого момента.

— Ох, нет, все в порядке...

Последовала неловкая пауза, возможно, мы обе вспоминали, как закончился вечер, или две наши разные версии этого.

— Дэвид — игрок в гольф? — сказала она, наконец.

— Он немного играл во Флориде, — сказала я, растерянно. Я припоминала, что он играл пару раз.

— А ты?

— Я больше предпочитаю пляж, — сказала я честно. — Плаванье, рыбалка, что-то вроде этого.

— Ты пыталась заниматься серфингом?

Я уверена, что жутко покраснела, и была благодарна, что мой загар немного покрывает это.

— Нет, я никогда не пыталась.

— Ты должна попросить мальчиков научить тебя, — предложила она.

Я почти подавилась своим кофе.

— Я уверена, что Митч Петерс не будет против помочь тебе.

Я слабо улыбнулась. Очевидно «мальчики», о которых она думала,

весьма отличались от тех, — того единственного, — который был в моей голове.

— Я подумала, что ты, возможно, соблазнишься, — продолжила она.

Я была готова провалиться сквозь землю — непреднамеренно ее слова имели двойной смысл.

И затем я увидела Себастьяна.

Он выглядел так красиво в своей чистой, аккуратной форме, никто бы не предположил, что ему только семнадцать. И уж точно не я, для меня больше выглядел лет на двадцать. Было легко понять, как клуб мог позволить ему подавать алкоголь. Казалось, что я страдала от

того же лицемерия.

Донна повернулась посмотреть, на что, точнее на кого, я уставилась.

— О, тут паренек Хантеров. Я вспомнила, что Ширли Петерс упоминала, что ее сын предложил ему работу здесь.

Она помахала, чтобы привлечь его внимание, когда я вжалась в свое кресло.

Он замялся на мгновение, затем подошел.

— Доброе утро, дамы, — сказал он спокойно.

Его дерзость вызвала небольшую улыбку на моих губах.

— Привет, Себастьян, — сказала Донна.

— Привет, — сказала я застенчиво.

— Как долго ты работаешь здесь? — спросила Донна.

— Всего несколько дней. Чес Петерс предложил мне работу здесь.

— И как тебе здесь?

— Становится лучше, — сказал он, глядя на меня.

Донна подняла брови, и я могла сказать, что она старалась не улыбаться.

Я нахмурилась — безрассудство Себастьяна вряд ли было полезно.

— Могу я вам что-нибудь предложить, дамы? — сказал он немного взволновано, когда правильно интерпретировал мое

прохладное выражение.

— Нет, спасибо тебе. Мы просто попьем кофе.

— Ну, ладно, тогда... я лучше вернусь к работе.

Донна махнула ему, и последний раз посмотрев на меня, он ушел.

— Он такой милый мальчик, — сказала Донна задумчиво. — Удивительно, что он вырос таким хорошим, если учесть... — она остановилась. — Я была очень впечатлена, как он справился с родителями в прошлую субботу.

— Да, — быстро согласилась я, желая сменить тему, но, не зная, как.

— Конечно, — продолжила Донна, — ты знала его ребенком.

Каким он был тогда?

Я не могла сдержать улыбку.

— Ох, он был таким милым. Он обычно приходил к нам домой после школы. Мой отец любил его.

Мой любимый папа. Моя улыбка увяла. Он бы полюбил Себастьяна мужчину, как и мальчика, которого знал.

Донна коснулась моей руки.

— Извини, Кэролайн.

Я пожала плечами.

— Итак, думаешь, вы с Дэвидом присоединитесь к клубу?

Теперь, когда я знала, как популярен был клуб у семей Базы, я была менее склонна к тому, чтобы вступить, но я не знала, как теперь

отмазаться.

— Возможно. Это довольно дорого. Посмотрю, что скажет Дэвид.

Втайне, я не имела ни малейшего намерения рассказывать ему, что была здесь.

— Я знаю, что мы сделаем, — сказала Донна с энтузиазмом. — Я попрошу Йохана предложить ему.

— Ох, в этом нет необходимости, — сказала я, чувствуя небольшую панику.

— Это не проблема, — сказала Донна решительно. — Кроме того, мне будет гораздо веселее здесь с тобой. Ты играешь в теннис?

Моя поездка в загородный клуб

проходила не так, как планировалось. В действительности было тяжело представить, что она могла быть хуже. Несмотря на слабые возражения, я получила твердое обещание от Донны, что ее муж поговорит с моим о членстве.

Я сидела в своей нагретой машине на парковке клуба, окруженная дорогими иномарками, и терла лоб, пытаясь избавиться от зарождающейся головной боли.

Вся ситуация была нелепой — даже веселой — но не для меня.

Я отправила Себастьяну сообщение.

** Извини. Не тот сюрприз, что я планировала. Х **

Я подождала несколько минут, но ответа не последовало, вероятно, он все еще работал. Я поехала домой, решив наметить еще несколько идей статей для «Сити Бит». Ни в коем случае, я не позволю дню быть полностью провальным.

Когда стрелки на кухонных часах подкрались к шести вечера, я убрала лэптоп и блокнот и начала готовить ужин. Ризотто не было любимым блюдо Дэвида, но это было быстро и просто.

Когда стрелки на часах были выровнены по вертикали, я услышала, что снаружи подъехало «Камаро» Дэвида. Я поспешно накрыла стол и нервно ждала. Он

будет ругаться со мной о пропущенной кольпоскопии до или после еды?

Его лицо было невозмутимым, хотя я уверена, что мое было немного бледнее, чем обычно.

— Хочешь мне что-нибудь рассказать, Кэролайн? — сказал он, его голос был даже спокойным.

Я чувствовала, как моя смелость съеживается под его холодным взглядом.

— Например?

— Не прикидывайся дурочкой. Я говорил с капитаном Форштадтом сегодня, — сказал он, подчеркивая звание «капитан».

Я нахмурилась. Куда он вел с

этим?

— Очевидно, ты была в загородном клубе сегодня.

— Это была просто глупая идея, Дэвид, — сказала я поспешно.

— У тебя много глупых идей, Кэролайн, но если люди как Форштадт, являются членами загородного клуба, мы конечно должны присоединиться. Я рад видеть, что ты делаешь немного больше усилий для перемен.

Я уставилась на него.

— В действительности, капитан Форштадт предложил нам всем вместе поужинать там завтра вечером, — продолжил он самодовольно, — так я смогу увидеть

все возможности.

Дэвид выглядел отвратительно довольным собой, вероятно, потому что старший офицер пригласил его — вернее нас — на ужин.

Он бросил свою фуражку на диван, и даже не спросил о приеме, который я пропустила. Я знала, что отсрочка была временной, но я была счастлива принять и это.

Я провела вечер с тревогой, которая скручивала мой живот, но больше ничего не упоминалось. Когда Дэвид, наконец, направился в ванную, чтобы приготовиться ко сну, я быстро проверила свой телефон. Ответ Себастьяна заставил меня улыбнуться.

** Ты всегда заставляешь мое сердце биться быстрее. Завтра? **

Да, завтра.

8 глава

Дэвид был почти веселым, когда пришел с работы. Перспектива ужина с вышестоящим по рангу офицером обеспечила ему хорошее настроение на весь день.

— Надень что-нибудь красивое сегодня: коктейльное платье. И каблуки, конечно же. На самом деле, купи себе новое платье.

— Дэвид, в этом нет необходимости. Я приведу в порядок зеленое.

Я думала, что он будет доволен моей бережливостью, но, как обычно, я была не права.

— Ради всего святого, Кэролайн!

Форштадт не должны думать, что я могу позволить себе купить жене только одно приличное платье. Отправляйся за новым.

— У меня были планы на это утро...

— Какие?

— Ну, писать...

— Ты можешь заняться этим в любое время. Купи новое платье. Но не дороже ста пятидесяти долларов. Ты не должна выглядеть так, будто слишком усердно стараешься.

Ты имеешь в виду, как будто ты стараешься слишком усердно.

Я вздохнула. Это отменяло мои планы провести утро с Себастьяном на пляже. Ну, может, если я поеду в

торговый центр, я справлюсь за час.

Я смотрела, как Дэвид отъезжал, затем схватила телефон и написала Себастьяну.

** Я должна пойти по магазинам, чтобы купить кое-что из одежды.*

*Заберу тебя позже? Извини. х**

Мгновенно мой телефон начал звонить.

— Почему ты собираешься по магазинам? Ты не хочешь увидеть меня?

— Не будь... — я перефразировала. — Это не так. Форштадт пригласили нас на ужин сегодня. Дэвид настоял, чтобы я купила новое платье.

— Я бы не хотел, чтобы ты говорила это.

— Говорила, что?

— Когда ты говорила о тебе и... о нем. Ты сказала «нас».

Последовала долгая тишина, когда я пыталась сформулировать ответ, но Себастьян заговорил первым.

— Могу я пойти с тобой?

— Куда?

— Могу я пойти покупать одежду с тобой?

Я была в замешательстве.

— Ну, наверное... если ты хочешь.

— Здорово! Увидимся в парке в наше обычное время. Люблю тебя!

Я покачала головой, когда он завершил вызов. Я не могла перестать думать о тех моментах, когда я видела несчастных мужчин, которые ждали снаружи женских примерочных, глядя на весь мир, будто они были там с незапамятных времен. Но я также была заинтригована, и, если Себастьян хотел пойти со мной, я не собиралась спорить.

Он сидел на бордюре, капюшон от его толстовки был натянут на голову, как будто он был каким-то панком в поисках неприятностей. Эта мысль заставила меня улыбнуться — это была полная противоположность личности

Себастьяна, который был настолько ласковый и заботливый, и приятный, хотя я заметила в нем и безрассудство.

— Привет!

— Привет! — счастливо ответил он, когда уселся и пристегнул ремень.

Мне хотелось наклониться и поцеловать его, но мы не могли рисковать.

— Так куда мы направляемся?

Я покачала головой.

— Я не знаю, куда-нибудь в торговый центр.

— Мама обычно ездит в «Миссион Вэлли». У них там есть все эти фирменные магазины.

Я скривила лицо на это предложение.

— Это не для меня. Кроме того, я хочу избежать мест, где могу встретить твою маму! — что за ужасная мысль. Себастьян явно согласился, потому что я увидела, как он скривился.

— Я подумала, мы можем поехать в Мирамар — там есть торговый центр в Уэстфилде.

— Куда угодно.

— Итак, это твоя привычка?

Он выглядел озадаченным.

— Ходить по магазинам за одеждой для женщин?

Он широко улыбнулся.

— Это мое новое хобби,

особенно, если ты собираешься купить нижнее белье?

Я рассмеялась, немного покраснев.

— Ну, мне стоит прикупить, а то я кажется, я постоянно теряю свое.

Он хихикнул.

— Да! Это смешно.

Его хорошее настроение передалось мне, и я почувствовала, будто парю — шесть часов подряд с человеком, которого я любила. Шесть украденных часов.

— Я тебе говорил, что в школе я был членом клуба серфингистов-спасателей? — сказал он, меняя тему.

Я могла сказать, что у него было что-то на уме.

— Нет, но полагаю, что я не удивлена.

— Ну, моя инспектор по работе, миссис Перес, сказала, они выдадут мне сертификат по владению навыками оказания первой помощи и искусственного дыхания, поэтому я могу быть стажером-спасателем в бассейне. И также я могу пойти на дополнительные курсы. Хотя я не смогу сдать тест, пока мне исполнится восем... до определенного момента. Это может облегчить поиск работы в Нью-Йорке.

— Ох. Ладно.

— И я подумал, — быстро продолжил он, — если я пройду

курсы, чтобы быть личным тренером, я смогу зарабатывать, может, сто баксов в час, когда у меня будет квалификация. Ну, ты понимаешь, пока ты будешь заниматься своей карьерой журналистки. Я искал кое-какие квартиры по интернету: они довольно дорогие. Я не смог найти ничего дешевле двух тысяч долларов в месяц, если мы не будем жить в одном из внешних районов, нам придется добираться до места работы или учебы на поезде или пароме. Это немного медленнее, я полагаю, но гораздо дешевле. Но к концу лета у меня будет достаточно денег на первый месяц аренды, где бы мы не жили.

Он посмотрел на меня с тревогой.

Сильный поток эмоций нахлынул на меня. Ему было всего семнадцать, он планировал наше будущее, решительно настроенный на то, чтобы все получилось — и какой вклад я могла сделать? Никакой. Дэвид управлял моей жизнью последние одиннадцать лет: сейчас я позволяла — даже ожидала — что Себастьян будет делать то же самое. Я чувствовала стыд.

— Что ты думаешь, Каро?

— Я думаю, что ты необыкновенный, — сказала я честно.

Он моргнул, удивленный моим

неожиданным ответом. Затем ухмыльнулся.

— Необыкновенный, да? Я могу жить с этим. И ты называла меня «боже» в прошлые разы, это тоже нормально.

— Мне нравится твой план, — сказала я, намеренно игнорируя вторую половину его ответа. — Но нам нужно убедиться, что ты сможешь уладить дело со своими курсами в колледже. Я не хочу, чтобы ты отказывался от образования. Кроме того, я могу выполнять работу по переводу или даже, может быть, преподавать итальянский — разговорные классы — ничего официального, потому что у меня нет

квалификации учителя.

— Ну, ты знаешь, я тоже думал об этом. В Нью-Йорке ты можешь переводить для судов, за это платят сто двадцать пять долларов. Федеральные суды платят еще больше. — Он вытянул руку и взял мою, затем поцеловал ее. — Я не могу дождаться, когда мы будем вместе.

Так же, как и я.

— Ну, это определенно звучит как план. Если я смогу заработать столько денег... хотя им, вероятно, не понадобится столько итальянских переводов... ты все еще планируешь совместные профилирующие дисциплины английский и

итальянский?

— Конечно!

— Ты знаешь, что хочешь делать после?

Он медленно кивнул.

— Я бы хотел поехать в Европу. Я представлял, как мы с тобой разъезжаем по Италии на мотоцикле. Я не знаю, может, даже преподаваем английский язык или собираем виноград. Мне все равно. Я никогда не был за пределами США.

— Это звучит великолепно! Мы можем поехать до Капеццано Инфериоре — это небольшая деревня в горах выше Салерно, где родился папа. Я всегда хотела поехать туда.

— Значит, мы поедем, — сказал

он просто.

Моя улыбка была от уха до уха, а также я улыбалась изнутри.

— У тебя есть там семья? — сказал Себастьян задумчиво.

— На самом деле я не уверена, какие-нибудь двоюродные братья или сестры, я думаю. А почему ты спрашиваешь?

— Мы должны попытаться найти их, — сказал он. — Если они такие же безумные как твой отец, это может быть довольно круто.

Я громко рассмеялась, в восторге от картины, которую он описал. И я решила, что как только окажусь дома, начну планировать наш побег всерьез — больше никогда

не буду передавать бразды правления своей жизни.

— Вон знак Уэстфилда, — сказал Себастьян, снова привлекая мое внимание к дороге.

Я съехала с основной дороги и следовала знакам.

В торговом центре было много бутиков и мест, где можно перекусить, с Sears на одной стороне и Масу’s на другой.

— Откуда ты хочешь начать?

— Я понятия не имею, просто давай сделаем это быстро.

— Я думал, что девушки любят ходить по магазинам?

— Не я.

— Ты выглядишь прекрасно, что

бы ты ни надела.

Я уставилась на него.

— Ты всегда говоришь такие приятные комплименты! Как ты делаешь это?

Он пожал плечами, выглядя смущенным.

— Что насчет этого магазина?

— Ты сменил тему.

Он улыбнулся и потащил меня внутрь.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, мэм, сэр?

Видя, что это был магазин женской одежды, я не до конца была уверена, как продавец-консультант собиралась помогать Себастьяну, хотя, видя выражение на ее лице, я

могла догадываться. Конечно, она была моложе меня.

Внезапно, я захотела ударить ее.

— Я ищу черное коктейльное платье, — сказала я холодно. — Четвертый размер.

Мне пришло в голову, что я никогда не ревновала, когда другая женщина заглядывалась на Дэвида — может, это должно было мне что-то сказать. Я даже не могла сказать, связаны ли мои чувства к нему были с моей собственной неуверенностью. Я не хотела портить сегодняшний день, поэтому оттолкнула грустные мысли в сторону.

Консультант подобрала несколько платьев, и я взяла их в

примерочную.

Через занавеску я слышала, как она болтает с Себастьяном. Ну, я слышала, как она пытается флиртовать с ним.

— Ты с Базы? — спросила она.

— Да, но...

— Ты как пилот?

— Нет, я...

— Тогда ты морпех, да?

Я резко отдернула занавеску, и консультант подпрыгнула.

— Что насчет этого, милый? — спросила я, приняв несколько поз, чтобы покрасоваться перед ней и перед Себастьяном.

— Вау! Ты выглядишь великолепно, Каро!

Я завладела всем его вниманием. Своим боковым зрением я видела, что продавец-консультант надулась. Хмм, поход по магазинам оказался более веселым занятием, чем я представляла.

— Хочешь увидеть другие платья, милый? — сказала я, делая еще один медленный поворот.

— Да!

Я ухмыльнулась и вернулась в примерочную, стрельнув взглядом в консультанта, бросая ей вызов возобновить свой разговор с Себастьяном. Разумно, что она отклонила вызов.

Второе платье было более обтягивающим и заканчивалось

выше колена.

— Ты можешь застегнуть мне платье, милый? — прошептала я через занавеску, все еще наслаждаясь своим представлением.

Я посмотрела через плечо, пытаясь играть в соблазнение. Его присутствие заставляло меня чувствовать себя сексуальной. Его выражение лица сменилось на возбужденное, и внезапно в пределах примерочной стало невыносимо жарко. Он мучительно медленно застегнул молнию, оставив нежный поцелуй на моем плече.

— Ты выглядишь прекрасно, детка, — сказал он тихо.

Внезапно мы уже не играли.

Консультант прокашлялась, выглядя смущенной.

— Как размер, мэм?

— Подходит, спасибо.

— Идеально, — сказал Себастьян низким голосом.

Я вышла из магазина в оцепенении. Себастьян настоял, что понесет пакет и обернул свободную руку вокруг моих вялых пальцев.

— Ты хочешь пообедать где-нибудь?

— Себастьян, только 11:15 утра!

— Да, ну я голоден.

— Ты никогда не перестаешь есть. Ты будешь огромным, когда станешь старше.

— Не-а. Ты будешь держать меня

в форме.

Дорогой Боже, я надеюсь, что выдержу вызов. Несколько часов с Себастьяном заменяли йогу, пилатес, аэробику в одном лице — восхитительная тренировка.

— Донна сказала, что я должна попросить Митча научить меня серфингу, — прокомментировала я лукаво.

Себастьян был недоволен.

— Я могу научить тебя. Он не нужен тебе.

— Ты надулся? — я рассмеялась. — Да! Ты надулся.

Я поднесла его руку к своему рту и поцеловала пальцы.

— Я просто дразню тебя.

Он все еще выглядел обиженным, и я пожалела, что пыталась заставить его ревновать. Я предполагала, что это было по-детски — око за око, что консультант расстроила меня больше, чем я могла признать. Но это было несправедливо — отыгрываться на Себастьяне. Это была не его вина, что девушки бросаются на него.

— Пойдем, я куплю тебе кофе и пирожное.

Он выбрал пастрами, салат-латук и помидоры на хлебе чиабатта, чашку черного кофе регуляр с двумя ложками сахара и пирожное, как я обещала. Я взяла большой эспрессо и наблюдала, как он с жадностью

поглощает еду. Наши счета за еду в Нью-Йорке будут очень большими.

— Куда еще в Европе ты бы хотел поехать?

Он проглотил кусок и отпил немного кофе, пока думал.

— Ну везде, но я по-настоящему хотел бы оказаться на юге Испании — увидеть все эти мавританские штуки. Я видел фото дворца Альгамбра однажды, он выглядел, я не знаю, как в «Тысяча и одна ночь».

Я была удивлена и поняла, как мало знала о нем, его надеждах и мечтах. Чем больше я узнавала, тем больше очаровывалась.

— Ты читал «Тысяча и одна ночь»?

Он наклонил голову, чтобы посмотреть на меня.

— Ты не помнишь, да?

Я была в замешательстве.

— Что не помню?

— Ты дала мне эту книгу, чтобы прочитать, когда я был ребенком. Должно быть, я читал ее раз сто. Я думал, что ты была Шахерезада.

Шахерезада — принцесса, которая каждую ночь рассказывала истории, чтобы король не обезглавил ее. Я была не очень рада такому сравнению. За исключением того, что он влюбился в нее и женился.

— Ты была такой удивительной рассказчицей историй, — сказал Себастьян, чувствуя мою реакцию. —

Я, наверное, не удивлен, что ты стала писателем.

Я храбро улыбнулась.

— Я попробую стать писателем.

— Ты станешь, — сказал он, уверенность окрасила его голос. — Ты уже писатель.

Я старалась сдержать слезы, которые угрожали выдать меня. Его поощрение, его уверенность, что я достигну своей мечты, это значило больше для меня, чем я вообще могла ожидать.

— Что насчет тебя? — спросила я, стараясь говорить естественно. — После нашей поездки...

Он пожал плечами.

— Я не знаю. Мама и папа

всегда ожидали, что я стану военным.

— Ты этого хочешь?

Мне удалось подавить дрожь при мысли снова быть втянутой в жизнь на военных базах.

— Нет, я так не думаю. Я имею в виду, отчасти это будет хорошо, но я бы хотел путешествовать.

— Путешествия — это не работа, — рассмеялась я. — Если ты не хочешь работать на круизном судне.

— Может, — сказал он, улыбаясь. — Ты можешь быть писателем-путешественником, а я... буду носить твой багаж.

— Звучит как план.

Он наклонился и поцеловал

меня, так что я могла почувствовать улыбку на его губах.

Этот поцелуй был другим: более расслабленным, менее отчаянным — просто сладким и любящим. Я погладила его щеку, и он счастливо вздохнул, прижавшись к моей руке.

— Я знаю, — сказал он, внезапно сев. — Я буду учить тебя серфингу. Ты сказала, что хочешь учиться...

— Нет-нет! Это Донна сказала, что я должна...

— Ты трусишь?

— Да! Вода слишком холодная.

Он рассмеялся.

— Для этого есть гидрокостюмы. Ты будешь в порядке.

Я знаю место к северу от Ла-Хойя, где мы сможешь арендовать оборудование. Давай! У нас есть пара часов. Ты можешь забросить меня на работу на обратном пути. Мы все успеем.

У меня правда не было желания погружаться в холодные воды Тихого океана, но его энтузиазм был таким заразительным. Может, это была его безрассудность или его непробиваемый интерес к жизни. Может, я просто больше не боялась жить.

— Ладно, пойдем!

Мы оставили машину рядом с повидавшей виды лачугой с арендой оборудования для серфинга, что

располагалась над небольшой уединенной бухтой. Вода была бирюзовой, я представляла, что такой же цвет был у Средиземного моря, и задумывалась, увижу ли я его когда-нибудь море, у которого мой папа жил, когда был маленьким мальчиком.

— Привет, чувак, — сказал владелец лачуги. — Давно не виделись.

Я мгновенно почувствовала тревогу. Мне не нравилось, что Себастьян привел меня туда, где его знают. Мой взгляд беспокойно взлетел к его, и он успокаивающе сжал мою руку.

— Да, можем мы взять пару

костюмов, топов и доску?

— Конечно, чувак.

Себастьян позволил владельцу пройти вперед, затем прошептал мне в ухо:

— Не беспокойся, он говорит это каждому. Он понятия не имеет, кто я. Это круто.

Я пыталась расслабиться, но мое тело по-прежнему напрягалось от скачка адреналина — я слабо улыбнулась.

Владелец умело нашел нужные размеры и передал нам пару обрезанных гидрокостюмов, пару спортивных топов, чтобы надеть под неопрен, и огромную тяжелую доску. Я была рада, что Себастьян засунул

ее подмышку, она была слишком широкой для моих рук.

— Это будет стоить двадцать баксов, — растягивал слова владелец.

Прежде чем я смогла остановить его, Себастьян вытащил бумажник и протянул парню несколько купюр.

— И мне нужна кредитка для залога, чувак.

Глаза Себастьяна мерцали неуверенностью. Я знала, что у него нет кредитки, и я была не рада идее отдать свою, на которой написано «миссис Кэролайн Уилсон».

— Как насчет того, что мы дадим ключи от машины? — сказал Себастьян, быстро обдумав. — Мы припарковались недалеко.

Он указал на мой старый «Форд».

— Чувак, этот кусок дерьма ничего не стоит!

— Ой, да ладно тебе! Что мы можем сделать? Бежать по шоссе, неся в руках доску?

Владелец, сдавшись, поднял руку.

— Ладно-ладно, но только потому, что у твоей девушки такая милая улыбка, чувак!

Я быстро его поблагодарила, когда злой Себастьян начал тянуть меня за дверь.

— Он флиртовал с тобой, — проворчал он.

— Да ну прям!

— Так и было!

Я покачала головой.

— Ты собираешься учить меня серфингу или что?

Себастьян ухмыльнулся. На самом деле не требовалось многого, чтобы у него было хорошее настроение. Он так отличался от Дэвида этим.

Ни у кого из нас не было купальных принадлежностей. Я просто натянула костюм на свои трусики и сняла бюстгальтер, когда натянула топ, поэтому я была полуголая. Себастьян зачарованно наблюдал. Я не думала, что это было оправданием для такого пристального разглядывания. Он

увидел мое выражение лица и подмигнул, натянув свой гидрокостюм на серые боксеры, что заставили мой разум отвлечься.

Он нес доску по песку и дал мне быстрый урок, как всплывать, используя раскачивающиеся движения. С его слов это было легко, особенно если у тебя хорошо развита верхняя часть тела.

Тяжелая доска для начинающих была покрыта мягкой пеной для предотвращения травм среди непосвященных, но она также была пропитана песком и вскоре мои ладони болели.

— У тебя получается, — сказал Себастьян ободряюще. — Давай

попробуем на нескольких волнах. Я подтолкну тебя в них и скажу, когда всплывать.

Волны в бухте были небольшими, идеальными, чтобы учиться. Я легла лицом вниз на доску и почувствовала, что холодная вода плескается вокруг меня.

— Готовься! Греби, греби, греби. Сейчас!

Себастьян толкнул меня в небольшую волну и когда доска начала погружаться в бирюзовую воду, я всплыла, болтаясь несколько футов, затем завалилась на бок. Мне удалось закрыть рот, но я ощущала, как морская вода забивала мой нос. Моя голова вынырнула из воды, когда

я кашляла и потирала глаза. Мои длинные волосы свисали как водоросли на моем лице.

Себастьян смеялся, но он посмотрел на меня с гордостью.

— Вау, Каро! Ты только что поймала свою первую волну! Это было изумительно!

Он поцеловал мое соленое лицо и крепко обнял меня, пока вода колыхалась вокруг наших тел.

— Попробуй еще раз!

Мы провели остальной час, резвясь в океане, к концу я умудрилась поймать волну на несколько секунд и даже сделать небольшой поворот.

Себастьян не скучал, не кричал

на меня и не показывал никаких признаков нетерпения. Я была слегка в шоке, но в то же время ликовала.

— Итак, тебе понравилось быть серфером? — спросил он, глядя на меня с гордостью.

— Мне понравилось, но я истощена. Это почти так же утомительно, как провести ночь с тобой, — подразнила я его.

Он счастливо рассмеялся, затем вздохнул.

— Я бы хотел сделать это снова, но мы не можем. Не сейчас. — Он нахмурился и прищурился на солнце. — Мне на работу скоро, нам лучше возвращаться.

Мы не планировали эту поездку

ради серфинга, поэтому у меня в машине не было полотенца. Вместо этого мы натянули нашу одежду на мокрые соленые тела, и холодные капли падали с волос на мои плечи.

Для меня одеться было проще, так как на мне была юбка, но я наслаждалась своим личным подглядыванием, когда Себастьян стянул свои боксеры, только частично скрытый дверью автомобиля, и схватил свои джинсы. Мне нравилось наблюдать, как перекатываются его мускулы под загорелой кожей, то как его джинсы висят на бедрах и то как две крошечные линии залегают между бровями, когда он пытается на чем-

то сосредоточиться.

Он улыбнулся, когда увидел, что я подглядываю за ним и нарочито медленно натянул свою футболку на влажную грудь, так что ткань прилипала к нему.

Я на самом деле хотела снова стянуть ее с него, но ему скоро нужно было на работу, а мне провести несколько часов над моей новой статьей для «Сити Бит».

Я решила написать о том, каково это было для семьи военнослужащих переезжать с Базы на Базу по стране. У меня был опыт в этом, и я знала, что Донна жила, по крайней мере, в трех разных штатах с Йоханом, и дважды была за океаном, а еще у них

на горизонте была вероятность пребывания в Германии.

— Время возвращаться в реальный мир, — сказал Себастьян грустно. — Может, я увижу тебя сегодня вечером?

— Я думаю, что лучше не надо, — сказала я честно.

Себастьян выглядел обиженно.

— Сложно вести себя нормально, когда ты там, — объяснила я мягко.

Он медленно кивнул.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду... но тем не менее мне нравится видеть тебя.

Я вздохнула и покачала головой.

— Ну, могу я прийти в твой дом

завтра?

— Себастьян, я не думаю, что это хорошая идея. Ты знаешь, какие здесь люди, начнутся разговоры, если они увидят, как ты заходишь или выходишь. Или если кто-нибудь подойдет к двери, потому что увидит мою машину на подъездной дорожке, а я... мы....

Он знал, что я имела в виду, и так же, как и я, знал, какой риск был приемлемым, а какой нет. Мы могли нарушать правила, когда были вдвоем, но это все еще были правила.

— Когда я смогу увидеть тебя? — спросил он, надувшись.

— Я все еще свободна завтра. Может, мы снова сможем заняться

серфингом?

— Я хочу заняться с тобой любовью, Каро, — пробормотал он, смотря на мои пальцы, пока нежно их сжимал.

Я сделала глубокий вдох, когда знакомая смесь любви и похоти пронеслась через меня.

— Мы могли бы найти мотель, — сказала я нежно.

Он поднял голову, его глаза широко раскрыты.

— Ты хочешь этого?

— Да, — сказала я. — Я тоже хочу быть с тобой.

Он закрыл глаза и глубоко вдохнул, сверкающая улыбка растянулась на его губах.

Он притянул меня в свои объятия и наклонил голову к моей шее. Я вытянула руку и погладила его по волосам, которые уже были почти сухие.

Я высадила его в конце длинной дороги, ведущей в загородный клуб, и наблюдала, как он помахал мне, затем прошел по проспекту и скрылся из виду.

Я ехала домой с открытыми окнами в машине и под палящим солнцем. Быстрый взгляд в зеркало сказал мне, что я выглядела как дикарка, с солеными волосами, свисающими клочьями. Я не знала, как Себастьян не рассмеялся надо мной.

Я быстро приняла душ и сидела в халате, чтобы набросать первые несколько сотен слов для своей статьи, держа ухо в остро, что Дэвид вернется.

Как только я услышала, что его машина подъезжает, я быстро закрыла лэптоп и направилась в спальню, делая вид, как будто я читала. Дэвид думал, что все женщины тратят часы, приводя в порядок волосы и делая макияж — это был один из его любимых стереотипов. Это было полезно, когда я хотела дополнительные полчаса тишины и покоя.

Я скользнула в новое платье, вспоминая опаляющий взгляд

Себастьяна, когда он застегивал его. Это был мягкий шифон, сверху бюстье присоединялось к юбке, так просто, что почти строго, но также элегантно и утонченно.

Я нашла свое простое золотое ожерелье, которое мне подарил отец и подходящую к ним пару золотых сережек-колец.

Я как раз поднимала свои волосы, чтобы закрепить их, когда Дэвид вошел в спальню.

Он остановился и осмотрел меня.

— Это оно?

— Мое новое платье? Да.

— Мы собираемся на ужин, Кэролайн, а не на похороны.

Раньше эти слова обидели бы меня, но этим вечером я просто бесстрастно смотрела в зеркало на него.

— Это классическое маленькое черное платье, Дэвид.

— Оно скучное.

— Это все, что мне подошло.

Он нахмурился.

— Ради всего святого, Кэролайн. Я должен контролировать все, что ты делаешь? Ты даже не можешь купить гребаное платье, которое будет уместно к ужину.

Я не ответила. В этом не было смысла. К сожалению, это означало, что вечер начинался на неловкой ноте. Я надеялась, что он сможет

спрятать свое раздражение от Форштадтов, я не хотела, чтобы Донна бросала мне еще больше взглядов жалости.

Машина Йохана подъехала с типичной военной точностью. Дэвид был одет в темно-синий костюм с подходящим галстуком. Если бы не его постоянное кислое выражение лица, он был бы хорош.

Йохан вышел из машины, чтобы открыть дверь и моргнул, когда увидел меня.

— Добрый вечер, Кэролайн, Дэвид.

— Здравствуй, Йохан. Привет, Донна.

— Кэролайн, дорогая. Ты

выглядишь великолепно, — восторгалась Донна. — Йохан, скажи ведь, она выглядит изумительно?

— Не то слово! — с энтузиазмом согласился Йохан.

Я видела, что Дэвид нахмурился. Это будет долгий вечер.

Дэвид сел с Йоханом впереди, пока мы с Донной болтали сзади. Я расспрашивала об ее опыте переезда по стране, объясняя, что это было для новой статьи.

— Я могу представить тебя нескольким другим женам, — сказала она. — Ну, знаешь, Ширли Петерс, она переезжала даже чаще, чем я.

— Я говорила с ней по телефону,

но никогда на самом деле не встречалась с ней, — призналась я.

— Я кое-что придумала, — сказала она. — Ширли тоже член загородного клуба. Почему бы нам не встретиться завтра во второй половине дня? Я поведу.

Ох нет! Не завтра. Я обещала Себастьяну.

— Можем мы договориться на пятницу? У меня есть парочка дел завтра.

— Конечно! Я позвоню Ширли и договорюсь.

Я поняла, что с нетерпением жду этого, и мне любопытно встретить жену Митча. Тот факт, что Дэвид будет разрываться между

неодобрением Ширли и желанием поощрить мою дружбу с Донной, добавлял удовольствия. Но как, черт побери, я собираюсь выдержать еще три с половиной месяца с этим мужчиной?

Для начала мы должны выдержать ужин.

Йохан галантно предложил мне свою руку, когда мы поднимались по передним ступенькам, к явному удовольствию Донны и угрюмому раздражению Дэвида.

Метрдотель суетился вокруг нашего стола, выдвигая стулья для нас с Донной, прежде чем представить нам официанта вечера — знакомое лицо улыбалось, глядя

на нас.

— Ох, привет, Чес, — сказала Донна любезно. — Какой приятный сюрприз. Как ты?

— Очень хорошо, спасибо, миссис Форштадт. — Затем он повернулся к Йохану. — Здравствуйте, сэр. Привет, Кэролайн! — он улыбнулся мне.

Я улыбнулась в ответ.

— Привет, Чес, как...

Но прежде чем я закончила предложение, Дэвид огрызнулся:

— Ее зовут миссис Уилсон.

Улыбка Чеса увяла, а Донна и Йохан выглядели смущенными.

— Дэвид, — сказала я мягко. — Я встречала Чеса прежде, он и его

отец были так добры, чтобы помочь мне со статьей о серфинге.

— Я знаю, кто он, Кэролайн, — сказал Дэвид резко, — и неуместно, что он обращается к тебе по имени.

Донна спрятала взгляд отвращения за меню, и я увидела тяжелый взгляд на лице Йохана. Дэвид очень облажался на этот раз, испортив о себе впечатление. Мне было плевать насчет этого, но я была подавлена тем, как он обращался с Чесом.

— Возможно, ты можешь посоветовать нам что-то особенное? — сказала Донна.

— Конечно, миссис Форштадт, — сказал Чес сдержанным тоном.

Мы сделали наши заказы, и я пыталась придумать какой-нибудь способ, чтобы извиниться за ужасную грубость Дэвида.

— Кстати, Чес, — сказала я, — статья о серфинге будет опубликована в «Сити Бит» завтра. Ваше с отцом будет в ней. Я куплю копию для вас. Ты передашь отцу от меня? И Себастьяну, и Фидо. Я не нашла его настоящего имени.

Он улыбнулся мне.

— Хорошо, спасибо миссис Уилсон, я сделаю это.

Он ушел с улыбкой, но Дэвид сжал губы.

— Не будь такой чрезмерно фамильярной с обслуживающим

персоналом.

— Он наш сосед, — сказала Донна, подняв брови, подчеркивая свое высказывание.

— Конечно, — сказал Дэвид после паузы.

Йохан прочистил горло и послал своей жене предупреждающий взгляд.

Это удивительно, что у нас не было расстройства желудка, прежде чем мы начали. Но затем принесли наше вино и разговор перетек в обсуждение того, насколько хорош Новый Свет против Старого. Я держала свой рот на замке, это было не то время, чтобы раздражать Дэвида еще больше.

Йохан выбрал мягкое калифорнийский Мерло и заказал кувшин ледяной воды.

Наши основные блюда очень долго несли, и Йохан начал переводить глаза от стола к кухне. Метрдотель подошел, чтобы извиниться, сказав, что два члена смены внезапно заболели, и смена была не полностью укомплектована, но они постараются исправить ситуацию.

И в этот момент я увидела Себастьяна.

Он не был в своей обычной униформе помощника, вместо этого он был одет в длинные черные брюки и белую рубашку с черной бабочкой.

Он целенаправленно шел к нашему столу, неся полную корзинку маленьких булочек.

Нет! Нет! Дерьмо.

Я должна была вынести отвратительный спектакль, как мой любовник обслуживает моего мужа, пока я пытаюсь остановить себя от того, чтобы закричать и сбежать.

Донна заулыбалась, пока я изучала свою льняную салфетку.

— Привет, Себастьян, мы уже видели Чеса сегодня. Выглядит так, как будто вы, мальчики, обеспечиваете работу этого места сегодня.

Я не смела поднять взгляд, чтобы увидеть его лицо, но по его

голосу я могла сказать, что он нервничал, когда пытался рассмеяться.

— Не совсем. У них очень неукомплектованные смены, я не делал этого прежде.

— Я уверена, что ты будешь в порядке, дорогой. Ты выглядишь очень красиво, не так ли, Кэролайн?

Моя голова дернулась на звук моего имени.

— Ох, да. Очень.

Последовала пауза, которая ощущалась достаточно длинной для конца света.

— Вы хотите хлеба? — спросил Себастьян неловко.

Я покачала головой, когда Дэвид

вытянул руку, чтобы взять две булочки. Донна также отказалась, но Йохан выглядел голодным достаточно, чтобы съесть все булочки и в придачу к ним корзинку. К счастью, Чес был близко и нес наши основные блюда. Я понятия не имела, как буду есть, мой желудок был связан в узел. И я не могла смотреть на Себастьяна.

Мужчины с удовольствием набросились на еду. Я подняла взгляд и увидела, что Донна подмигнула мне, я понятия не имела, что она имела в виду, но улыбнулась в ответ, вероятно, я просто выглядела странно. Боковым зрением я видела, что Себастьян обслуживает другой

столик и Чес ходит туда-сюда.

— Мне интересно, будут ли эти мальчики поступать на военную службу, — сказала Донна, размышляя вслух, — ну вы знаете, последуют ли по стопам своих отцов.

— Паренек Хантеров собирается, — сказал Дэвид уверенно. — Я не знаю насчет другого.

— Правда? — сказала Донна. — Я очень удивлена, я думала, что Себастьян может заняться чем-то другим.

— Нет, — сказал Дэвид решительно. — Дональд сказал мне. Эстель уговорила его позволить мальчику отучиться первый год в

колледже, — он презрительно фыркнул, — но это все, за что он готов заплатить, парень поступит на военную службу после этого.

— Это кажется немного жестоко, — сказала Донна, нахмурившись. — Конечно они позволят ему получить диплом, как только он начнет учиться?

Дэвид пожал плечами. Ему на самом деле это было не интересно.

Я снова была шокирована от черствости Дональда и Эстель, я точно знала, что Себастьян не знал этого плана. Я была более чем уверена, что он получил бы диплом, если бы у нас с ним ничего не было.

Разговор перешел на других

общих знакомых и для меня, по крайней мере, на безопасную территорию.

— Где ты купила это великолепное платье, Кэролайн? — спросила Донна, пока Чес убирал блюда с горячим.

— В Уэстфилде, этим утром.

— Ох! Жаль, что я не знала. Я тоже была там утром. Мы могли бы съездить вместе. Какая жалость, что я не увидела тебя.

Я мысленно вздрогнула от того, чего избежала.

— Я не знаю, почему она выбрала черное, — пожаловался Дэвид. — Как будто для похорон.

Донна удивлённо посмотрела на

него, затем повернула свой сочувствующий взгляд ко мне. Я оглянулась и увидела, что Себастьян смотрит на меня. Он выглядел злым, очевидно он услышал нелестный комментарий Дэвида.

— У тебя есть какие-то планы, пока Дэвид будет в отъезде? — спросила Донна.

— Что?

— Пока он будет на конференции... симпозиум по торакальной хирургии в Далласе.

Я уставилась на нее в недоумении.

— Ради всего святого, Кэролайн! — пробормотал Дэвид. — Какой смысл заполнять график, если ты

никогда не смотришь в него?

— Когда ты уезжаешь?

— Улетают в пятницу вечером и возвращаются в воскресенье вечером, — добавила Донна услужливо.

Йохан кивнул Дэвиду.

— Ты уже подписал бумаги?

Я едва слушала, когда они обсуждали речь, мой разум обдумывал возможные способы, как я могу провести сорок восемь часов свободы.

— Чем ты будешь заниматься сама по себе, Кэролайн? — спросила Донна.

— Ох, я не знаю. Наверное, у меня появится возможность заняться

написанием статей.

— Ты пойдешь на барбекю на пляже в воскресенье?

Она немедленно ответила, увидев мое озадаченное выражение лица.

— Для семей военнослужащих. Там обычно довольно весело... поэтому соглашайся.

Все уставились на меня, и у меня не было выбора.

— Да, конечно, я приду, — сказала я.

Я чувствовала, как будто странный внутренний лифт катался вверх и вниз с моими эмоциями — поднялся от восторга, что Дэвид будет находиться вдали несколько

дней, и затем рухнул вниз от того, что вместо того, чтобы провести драгоценные часы с Себастьяном, я буду на пикнике для военных. Кое у кого паршивое чувство юмора.

Я сознательно растягивала свое время подготовки ко сну, когда мы вернулись из загородного клуба. Я надеялась, что была достаточно медленной, чтобы Дэвид уснул к тому времени, когда я скользну под покрывало. Пока мне удавалось избегать дальнейшей конфронтации о сексе, но я знала, что это будет вопрос времени, прежде чем Дэвид будет настаивать на его супружеских правах.

Я опустила крышку унитаза и

села, опустив голову на руки. Я не могла больше так продолжать — напряжение начало преобладать надо мной, а прошло только три недели. Это все, что понадобилось моей жизни, чтобы измениться полностью? Это было из-за моей измены? Или комментарий Донны о том, что мы были в торговом центре в одно и то же время заставил подняться уровень моей обеспокоенности?

Варианты были следующие: оставить Дэвида, начать бракоразводный процесс и держаться следующие одиннадцать недель подальше от Себастьяна и надеяться, что никто не поймет, что к чему;

остаться и копить деньги от статей, чтобы мы могли исчезнуть в Нью-Йорке вместе в конце сентября, и надеяться, что никто не поймет, что к чему. В любом случае люди будут додумывать, почему мы оба исчезли в одно и то же время, я надеялась, что, когда Себастьяну исполнится восемнадцать и не будет никаких доказательств противоправных действий, они оставят нас в покое. Это был мой грандиозный план. И деньги будут проблемой. Дэвид клал свою зарплату на сберегательный счет и давал мне тысячу долларов в месяц на хозяйство, газ, мою машину и коммунальные услуги. Этого хватало только на это. У меня не

было собственных денег. Когда у меня была работа на востоке, Дэвид настаивал, чтобы моя зарплата шла в общий котел. Так он называл это, хотя я никогда не видела денег снова, даже не знала, какая сумма была на нашем сберегательном счете. Какое унизительное признание.

Но если я смогу публиковать статьи в «Сити Бит» каждую неделю в течение следующих трех месяцев, это будет больше четырех тысяч долларов — хватит на семь или восемь недель аренды в Нью-Йорке. Будет тяжело, но когда это случится, какова цена свободы?

Хотя тот факт, что семнадцать лет было возрастом сексуального

согласия в Нью-Йорке, я старалась не думать об этом. Это не меняло того, что я делала в Калифорнии, и что планировала делать дальше.

Звук храпа Дэвида прорвался в мои мрачные мысли — было безопасно идти спать.

Я аккуратно скользнула под одеяло и попыталась мыслить позитивно. Завтра будет новый день: моя первая статья будет опубликована, и у меня было обещание Себастьяну.

9 глава

Я подобрала Себастьяна на нашем особом месте рядом с парком и быстро отъехала. Он был подозрительно тихим.

— Ты в порядке?

Он пожал плечами.

Я правда надеялась, что он не будет дуться долго — этого было достаточно в моей жизни, и в частности от Дэвида за последние двадцать четыре часа.

— Себастьян, поговори со мной!

Он вдохнул.

— Мне было ненавистно видеть тебя с этим придурком вчера. Как ты выдержала это?

Я побледнела от гнева в его голосе.

— Я привыкла к этому за долгие годы, — сказала я быстро. — Но становится тяжелее.

Я ощущала взгляд Себастьяна на себе, пока ехала.

— Извини, — пробормотал он.

Настала моя очередь пожать плечами. Ему не нужно было извиняться, — если это и была чья-то вина, то только моя. Я посмотрела на дорогу, чтобы сменить тему и разрядить напряжение между нами.

— Мне нужно купить полдюжины экземпляров «Сити Бит». Моя статья публикуется сегодня, ты и Чес будете в ней.

— Ох, да! Я не могу дождаться, чтобы увидеть ее! — сказал он, звуча счастливее.

Я подъехала к магазину, и мы оба выпрыгнули из машины, обгоняя друг друга на пути к стенду с газетами и чувствуя беззаботность.

Я открыла газету, мое сердце билось с невероятным волнением. Мне не нужно было листать далеко, моя статья была на странице номер пять с огромной фотографией Себастьяна, Митча, Билла, Чеса и Фидо.

Я почувствовала резкую боль в сердце, когда посмотрела на фотографию Себастьяна. На фото его, выгоревшие на солнце, волосы

были еще длинными, и он выглядел воплощением молодости и беззаботности. С того момента прошло несколько часов после того, как его отец грубо отрезал его волосы, и еще несколько часов перед тем, как мы переспали в первый раз. Но я чувствовала огромную гордость — видеть, что моя статья была напечатана с моим именем под ней. Меня охватило первое настоящее чувство, что я достигла чего-то с тех пор, как получила степень в вечерней школе три года назад.

— Они неправильно написали твое имя, — сказал Себастьян, нахмурившись.

Я быстро просмотрела статью.

— Где?

— Вот, — сказал он, указывая на небольшой жирный шрифт под заголовком.

— Нет, все верно, — сказала я, глядя на него немного озадаченно.

— Твое имя «Каролина»? Не «Кэролайн»?

— Каролина — это по-итальянски, — сказала я мягко, подчеркивая долгую гласную в середине. — Дэвид и моя мать предпочитали англоязычную версию, но в моем свидетельстве о рождении записано — Каролина Мария.

Я заметила, что губы Себастьяна напряженно сжались, а костяшки его пальцев побелели, когда он схватил

газету сильнее.

— Почему ты так расстроен? — спросила я, замявшись.

Себастьян сделал глубокий вдох.

— Этот ублюдок забрал у тебя все, — прорычал он, — даже твое имя!

Я вздохнула.

— На самом деле, это не правда, Себастьян. Я позволяла ему все это делать. Послушай, здесь неподходящее место для такого разговора — дай мне просто купить газеты, и мы уйдем. Пожалуйста.

Себастьян ждал снаружи, пока я оплатила шесть экземпляров.

Когда я вышла с газетами под мышкой, он стоял, прислонившись к

кирпичной стене, с закрытыми глазами. Я посмотрела на него с беспокойством.

Он открыл глаза и посмотрел на меня, вынужденно улыбнувшись.

— Давай отпразднуем твою первую статью, миссис Репортер!

Я улыбнулась в ответ, радуясь, что он попытался поднять свое настроение.

— У нас есть кое-что еще, чтобы отпраздновать. Дэвид уезжает на медицинский симпозиум. Он уезжает в пятницу вечером и не вернется до вечера воскресенья.

Огромная и искренняя улыбка расползлась на лице Себастьяна.

— Две ночи?

Я ничего не могла поделать и рассмеялась от его очевидного счастья.

Без предупреждения он притянул меня в свои объятия, прижав к груди. Свободной рукой я обняла его за шею и притянула его голову вниз. Его губы были теплыми и мягкими, а его поцелуй нежным и сладким. Затем я почувствовала, что его губы приоткрылись, и его язык проник в мой рот. Я задрожала от желания и могла ощущать его очевидное возбуждение сквозь джинсы.

Я попыталась вспомнить, что мы были на публике, и неохотно оттолкнула его от себя.

— Пойдем в мотель... как ты сказала.

Его голос был низким и хриплым, и он потирал рукой свои короткие волосы на затылке с очевидным разочарованием. Но прежде чем я смогла ответить, я услышала, как кто-то кричит его имя.

Я повернула голову и увидела, что Чес идет к нам, и мои щеки покраснели от стыда. Как много он успел увидеть?

— Привет, чувак! Как дела? Привет, миссис Уилсон.

Я попыталась улыбнуться.

— Привет, Чес. И, пожалуйста, зови меня Кэролайн. Мне жаль насчет вчерашнего, я надеюсь, что не

смутила тебя.

Он слегка нахмурился, затем рассмеялся.

— Нет, ничего такого. Все в порядке.

Затем он повернулся к Себастьяну, на его лице был озадаченный взгляд. Его глаза перемещались между нами.

— Статью Кэролайн опубликовали, — сказал Себастьян, указывая на груду газет под моей левой рукой.

— Я собиралась отправить их, — сказала я, улыбаясь более естественно, — но теперь вы оба здесь.

У меня был один экземпляр для

Чеса и другой для Себастьяна.

— Изумительно! — сказал Чес. — Отец будет в восторге, когда увидит это.

— Я также купила газеты для Фидо и Билла. Ты можешь их передать им от меня? — я отдала запасные экземпляры Чесу. — Кстати говоря, как настоящее имя Фидо?

Чес рассмеялся.

— Арнольд. Но не используй его, потому что он не откликнется, и если он узнает, что я рассказал вам, он разобьет мне лицо.

Его внимание вернулось к Себастьяну.

— Так чем занимаешься, чувак? Я собираюсь немного позаниматься

серфингом перед работой — они, вероятно, захотят, чтобы мы начали пораньше, потому что смена еще плохо укомплектована — в любом случае, не имеет значения, ведь это еще больше денег на бензин для фургона. Ты хочешь половить волны или ты снова занят?

Последовала короткая, неловкая пауза.

— Ну, ребята, веселитесь, — сказала я, вынужденно улыбнувшись. — Меня ждут дела, надо бежать.

— Ты собираешься в клуб позже? — спросил Себастьян, слишком быстро.

Я увидела, как Чес стрельнул в него взглядом.

— Ох... я не знаю. Я еще не член клуба, хотя Донна Форштадт предложила мне выпить кофе, но не знаю сегодня или завтра. Может, я увижу вас обоих позже. Чао.

Я пыталась отправить сообщение своими осторожными словами, но было трудно сказать, дошло ли оно до него: Себастьян выглядел взбешенным.

Я отходила со своим экземпляром «Сити Бит» под рукой, мой желудок завязался узлом.

Я чувствовала себя обделенной: я рассчитывала провести несколько часов с Себастьяном, и они были сорваны. Но я не собиралась тратить свое время впустую, больше нет.

Я вытащила телефон и набрала номер «Сити Бит».

— Здравствуйте, это Кэролайн Уилсон. Могу я, пожалуйста, поговорить с Карлом Винтерсом?

Я ждала несколько секунд, прежде чем услышала голос редактора.

— Здравствуйте, Каролина, как вы?

Он произносил мое имя на итальянский лад, так же как в статье.

— Хорошо, спасибо мистер Винтерс. Я хотела сказать, что думаю, статья получилась действительно хорошей. Спасибо огромное за то, что подарили такую возможность.

— Не стоит благодарностей, и зовите меня Карл. Я собирался позвонить вам. У вас есть задумка для следующей статьи?

— Да. У меня есть полторы тысячи слов о работе госпиталя Базы, и я почти закончила одну о военных семьях и каково для них так часто переезжать. Она может получиться немного больше, если это возможно. У меня есть пара интервью с женами, у которых имеется данный опыт.

— Отлично! Вы сможете мне их отправить, а еще лучше, может, приедете сами? Было бы хорошо встретиться лично.

Я быстро приняла решение.

— Я свободна сейчас. Могу быть там через тридцать минут.

— Отлично! Я с нетерпением жду, Каролина.

Следующей я позвонила Донне.

— Привет, Донна. Это Кэролайн.

— Привет! Как ты?

— Я хорошо. Я просто хотела поблагодарить тебя за прошлый вечер. Он был очень... приятным.

Она рассмеялась.

— Я рада, что ты наслаждалась. Йохан был очень впечатлен твоим платьем, думаю, что я должна ревновать.

Я немного неловко рассмеялась.

— Я хотела узнать, сможете ли вы с Ширли выпить ос мной кофе

сегодня чуть попозже?

Она была немного удивлена.

— Я буду, но мне нужно узнать у Ширли.

— Сейчас у меня будет встреча в «Сити Бит» с редактором, и будет здорово сказать ему, что у меня есть еще одна почти готовая статья.

— Ничего себе! Это здорово. Рада за тебя, Кэролайн. Послушай, дай мне позвонить Ширли, и я перезвоню тебе.

Офисы «Сити Бит» были размещены в здании, отделанном оранжевым цветом в стиле арт-деко на Линкольн Авеню. Мне удалось припарковаться рядом, и я поспешила со своим ноутбуком и

блокнотом. Я решила показать Карлу несколько фотографий из жизни Базы, я знала, что они довольно дилетантские, но три или четыре из них вышли довольно неплохими.

Когда я подошла к стойке администратора, я услышала, как мой телефон пиликнул. Донна прислала сообщение о согласовании встречи в загородном клубе, и еще было два пропущенных вызова от Себастьяна.

Я быстро напечатала ему ответ.

** Встреча в «Сити Бит». Очень волнуюсь. Затем встречаюсь с Донной и Ширли в три часа. Надеюсь, увидимся. Но выходные*

только для нас. *

Я быстро выключила телефон и представилась улыбающемуся администратору.

Карл Винтерс был гораздо моложе, чем я представляла — на самом деле, он, вероятно, был на пару лет старше меня. Тем не менее, он управлял целой газетой в крупном городе. Это заставило меня чувствовать себя неполноценной. Но он был дружелюбным и, казалось, из кожи вон лез, чтобы избавить меня от смущения.

— Приятно, наконец, познакомиться с вами, Каролина, — сказал он, пожимая руку. — У нас

уже есть несколько действительно хороших отзывов о статье. Что еще у вас есть для меня?

Я открыла свой древний ноутбук, и пока он медленно загружался, Карл начал задавать вопросы обо мне. Я ответила на три или четыре, прежде чем до меня дошло, что я на интервью.

— Как долго вы являетесь женой военного?

— Одиннадцать лет.

— Одиннадцать! Вы, должно быть, были ребенком, когда стали невестой.

— Ну, не совсем, но довольно молодой. Я знаю, что сейчас это не модно, хотя среди военных, я

полагаю, так положено.

— Что вы имеете в виду?

— Правила! — сказала я, слегка рассмеявшись. — Если собираешься ездить за своим супругом по стране, то сначала вы должны пожениться. Или, если вы хотите жить в грехе, то должны покинуть Базу.

— Это полностью отличается от гражданской штатской жизни, — сказал он задумчиво.

— Совершенно верно.

Я показала ему статью о больнице Базы, и он кивнул, когда прочитал ее, что, я думаю, было хорошим знаком. Затем показала ему мои фотографии.

— Они, правда, хороши, —

сказал он удивленно. — Вы не сказали, что вы фотограф.

— Нет. В смысле, я получаю удовольствие, делая фотографии, но у меня нет никакой подготовки. Я просто использую старый однообъективный зеркальный фотоаппарат моего отца. Он даже не цифровой, я должна обработать пленку, чтобы получить фото.

— Они, правда, хороши, и, безусловно, охватывают это чувство... организационного хаоса. Ну, Каролина, если мы будем также использовать ваши фото, будет дополнительная плата: четыреста пятьдесят долларов за статью и фото. Как это звучит?

— Это звучит великолепно. Спасибо.

Он посмотрел на свои часы.

— Я собираюсь пойти на ланч. Может, если вы не заняты, я могу купить вам сэндвич и кофе?

— Ох! Это очень любезно с вашей стороны, Карл. Но я запланировала интервью с парочкой жен с Базы, и уверена, что вы догадались, что никто из нас не опаздывает.

Он рассмеялся, но выглядел немного разочарованным.

— Тогда в другой раз?

Я улыбнулась, не отвечая, и, поблагодарив его еще раз, ушла. Он казался очень дружелюбным. Я

надеялась, что так и было.

Несмотря на легкую неловкость, я парила на седьмом небе, восторженная от ответа на мои статьи и чувствуя новую цель. На мгновение, я позволила себе быть счастливой и влюбленной.

Направляясь в загородный клуб, я прокручивала в голове вопросы, которые хотела спросить у Донны и Ширли. Оценка Карла дала мне уверенность в себе, новорожденную и слабую, но это была уверенность.

Я припарковалась там же, где и прежде. Было только два часа, и я надеялась, на самом деле надеялась, что смогу вырвать несколько личных моментов.

** Я у загородного клуба. **

Я посидела минуту, но ответа не последовало. Я не знала, можно ли было Себастьяну носить телефон, пока он работал. Мне просто нужно быть терпеливой.

На ресепшен я передала заполненную форму и чек, подписанный Дэвидом, за наш первый месяц членства. Дэвид решил, что прошлый ужин прошел хорошо, — казалось, что он явно не понял, как сильно раздражал Йохана и Донну. Понимание эмоционального состояния другого человека явно не было одним из качеств моего мужа. Мне было почти жаль его. Почти.

Я переоделась в бикини и направилась к бассейну со своим блокнотом, набросав еще несколько идей и улучшив свои вопросы. Я была так поглощена своей работой — работой, не хобби, — что потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что кто-то стоит рядом со мной.

— Ваша минеральная вода, мэм.

Я подняла взгляд и увидела, что Себастьян улыбается, глядя на меня.

— Привет, — прошептала я.

— Привет. Встретимся возле женской раздевалки через пять минут. Там в задней части есть дверь с надписью: «Только для персонала». Я буду ждать.

Мой рот все еще был широко открыт, когда он отошел, желание прошлось сквозь мое тело. Я сделала несколько глотков из матового стакана и встала настолько непринужденно, насколько это было возможно на дрожащих ногах.

К счастью, раздевалка была пуста. Я прошла дальше, оглядываясь через плечо каждую секунду, мое сердце билось сильнее с каждым шагом.

Я толкнула дверь с надписью: «Только для персонала» и заглянула в темноту большой кладовки. Я ахнула, когда руки Себастьяна затянули меня внутрь.

Он не произнес ни слова.

Его губы обрушились на мои, и я ощутила его руки везде, они поглощали меня, тянули меня, разжигают мою кровь.

Я провела руками по его груди и затем по спине, засовывая их под его футболку, чтобы ощутить его подтянутые мышцы и теплую, гладкую текстуру его кожи под моими пальцами.

Он схватил меня за волосы, дернул мою голову назад и провел зубами по моей шее. Я не знала, было ли это из-за темноты, ограниченного пространства или из-за чувства опасности, но движения Себастьяна были более уверенными, более дерзкими.

Я почувствовала, как завязки моего бикини внезапно ослабли, и тонкая ткань упала. Его рот переместился от моей шеи к моей груди, он провел языком по впадинке моей груди и ниже по животу, затем он встал на колени.

Он подцепил пальцами низ моего бикини и спустил трусики вниз. Я стояла голая перед ним в тусклом свете, пока он поклонялся моему телу.

Он медленно вставал, целуя меня повсюду.

Я схватила его за плечи, чувствуя, как его мышцы напряглись под моими руками, когда удовольствие прошло через меня. Я

потянула материал его футболки, отчаянно желая ощутить прикосновение, плоть к плоти. Он быстро встал и стянул ее через голову, прежде чем прижал меня к своей груди и страстно поцеловал.

Он прижался ко мне, и я знала, что он был возбужден так же, как и я.

Пальцами, я провела по переду его трусов и услышала его тихий вздох. Одним быстрым движением я стянула его трусы с бедер и вытянула руку, чтобы обхватить ею его член.

Он снова застонал, затем резко отдернул мою руку. Он наклонился и вытащил презерватив из кармана шорт. Звук разрываемой фольги казался настолько громким, что я

почти ожидала, что кто-то постучится в дверь и потребует разъяснений, что мы здесь делаем.

Себастьян выпрямился и положил руки на мои бедра, резко поднимая меня вверх. Я обхватила ногами его талию, когда он толкнулся в меня, заставив меня вскрикнуть. Я вцепилась в его плечи, когда он подтолкнул меня к стене, двигаясь быстрее и жестче, его лицо уткнулось в мою шею, его дыхание стало рваным.

За моей голой спиной были дверцы шкафа. Содержимое внутри гремело, когда Себастьян вбивался в меня.

Грубость и скорость нашего

занятия любовью толкнули меня за край, и я кончила, задержав дыхание от неожиданного поворота событий. Четыре минуты назад я спокойно работала у бассейна.

Я ощутила, как Себастьян толкнулся в меня последний раз и тихо вскрикнул, затем опустился на пол со мной на своих коленях.

Я погладила его лицо в темноте. Мне казалось, что я ощущала слезы на его лице, но я не была уверена.

Я положила ладонь на его грудь, ощущая, как его быстрое дыхание медленно приходит в норму.

— Я люблю тебя, — медленно выдохнул он, прижавшись нежным поцелуем к моим губам. — Я так

сильно люблю тебя.

Мы лежали несколько минут, укутанные тусклым светом, что пробивался через дверную щель.

— Ты должен вернуться к работе, — сказала я тихо.

Он вздохнул.

— Я знаю.

— У нас будут целые выходные впереди.

— Я должен работать весь день в пятницу и субботу, — сказал он грустно.

— Ночи все еще наши.

— Все ночи напролет.

— Да.

Я ощутила, как уголки его губ поднялись в улыбке, и он поцеловал

меня.

Я соскользнула с него, слегка вздрогнув. Я наслаждалась его агрессивной страстью, даже больше, чем наслаждалась, но ощущала небольшую боль. Мне было плевать, это была небольшая плата за удовольствие.

Мы оба рыскали в темноте, чтобы найти нашу одежду. Я не могла ничего поделать и рассмеялась над собой — конечно, в этом было не особо много достоинства, но, черт побери, это было горячо!

Мы слушали звуки, стоя возле двери, но в это время дня раздевалка была пуста. Я не знаю, что бы мы делали, если бы там кто-то был, —

мы бы застряли здесь на часы! Хмм, это звучит не так уж плохо.

Себастьян быстро чмокнул меня в губы и вышел первым. Он выглядел нормально, как всегда привлекательно, хотя возможно немного более раскрасневшийся, чем обычно.

С другой стороны, я выглядела, как будто у меня только что был грубый секс у шкафа в темноте. Я посмотрела в зеркало на свою покрасневшую кожу лица, шеи, груди и спины и на свой аккуратный хвост, который сейчас торчал на боку, а половина волос выпали из него.

Я потратила несколько минут, чтобы сполоснуть лицо холодной

водой, пытаясь вернуть коже обычный смуглый тон, и расчесала волосы пальцами. В конечном итоге я почувствовала себя достаточно спокойной, чтобы покинуть раздевалку. Когда я шла к бассейну, то представляла, что все, кого я вижу, точно знают, чем я занималась. Как будто на мне висела табличка: Шлюха из раздевалки!

Я скользнула на свой шезлонг и сделала глоток минеральной воды. Я подняла свой блокнот и ручку и попыталась сконцентрироваться, но мои мысли были по-настоящему разбросаны. Я не могла поверить в то, что только что делала. Это было так интенсивно и волнующе и совсем

не похоже на меня. Хотя я больше не была уверена, что вообще похоже на меня. Именно это я имела в виду, когда сказала Себастьяну, чтобы он не винил Дэвида, это я позволяла ему брать контроль и позволила забрать настоящую меня. Я была лунатиком в своем замужестве, мы оба заслуживали лучшего — Дэвид так же, как и я.

Я снова задалась вопросом, что Дэвид увидел во мне, — он видел что-то во мне, когда мне было девятнадцать, чего нет сейчас? Или он просто предпочел покорную, податливую, глупую жену? А что насчет Себастьяна? Почему он хотел меня? Это было больше, чем просто

секс для него, или я просто была наивной? Он сказал, что любит меня, но...

— Я вижу, что ты загорала, ты выглядишь немного красной, Кэролайн.

Доброе лицо Донны смотрело на меня.

— Ох, привет Донна, — сказала я, мой голос звучал немного выше, чем обычно.

— А это Ширли.

— Мы говорили по телефону, приятно познакомиться с тобой лично.

Я встала, чтобы быстро обнять Донну и обменяться скромным рукопожатием с Ширли, которая

была низкого роста, с темными волосами и озорными карими глазами. Сходство с Чесом было очевидным.

— Приятно познакомиться с тобой, Кэролайн. Я уже так много слышала о тебе. Ты произвела впечатление на мальчиков. Чес не мог дождаться твою статью, чтобы показать ее мне. — Она слегка рассмеялась. — Мой сын, несомненно, твой поклонник, и я подозреваю, Себастьян тоже.

Я замерла, когда она подмигнула Донне.

— Кажется, будто у меня есть второй сын — я клянусь, Себастьян проводит больше времени в нашем

доме, чем в своем. Хмм, хотя в последнее время не так много. Чес думает, что у него есть девушка, хотя я не знаю, почему это такой секрет. — Она вздохнула. — Ну, может, я догадываюсь — я не могу представить, что он захочет привести домой девушку, чтобы познакомить с Эстель и Дональдом.

Донна сочувствующе кивнула и устроилась на шезлонге под большим цветным зонтом от солнца. Ширли отправилась в раздевалку, чтобы переодеться в купальник.

— Как прошла твоя встреча в «Сити Бит»?

Я не смогла сдержать улыбку — Донне правда было интересно мое

написание статей. Я показала ей статью и наблюдала за ее лицом, когда она вчитывалась в детали.

— Ты на самом деле поймала дух серфинга, Кэролайн, — сказала она. — А еще эта супер фотография. Ох, посмотри, волосы Себастьяна все еще длинные. Мне интересно, почему он обрезал их? Я подозреваю, что его отец что-то сделал с ними.

Ширли вернулась, одетая в фиолетовый с оранжевым танкини.

— О чем ты подозреваешь? — спросила она, в ее голосе звучало любопытство.

— Ох, мы просто говорим о короткой стрижке Себастьяна.

— Ох, об этом, — сказала она

угрюмо. — Он не рассказал ничего Чесу, но мы, безусловно, уверены, что это не было добровольно. Все девушки в школе с ума сходили от Себастьяна, соответственно и от Чеса. Я думаю, что если бы они не были такими хорошими друзьями, у него была бы небольшая зависть, ну, больше, чем небольшая. Представляете, даже в ежегоднике было что-то о длинных волосах Себастьяна. — Она нахмурилась. — А вы видели этот синяк на его щеке на прошлой неделе?

Она втянула воздух сквозь зубы.

— Привет, мам!

Чес направлялся к нам в своей униформе. Он улыбнулся своей

матери и ласково поцеловал в щеку.

— Честер, милый! Как раз вовремя, мы с Донной вот-вот умрем от жажды.

— Привет Донна, Кэролайн, — улыбнулся он, но что бы он ни увидел позади нас, это заставило его улыбку дрогнуть. — Здравствуйте, миссис Хантер.

Мама Себастьяна шла к нам — было очевидно, что она провела некоторое время в баре.

— Донна, — выплюнула она. — И компания. — Она посмотрела на меня, — ве-ли-ко-леп-ная Кэролайн Уилсон. Я почти ожидала, что ты будешь плескаться в бассейне, а не лежать рядом с ними.

— Ты напилась, Эстель, — сказала Донна резко. — Возможно, тебе нужно отдохнуть на террасе, чтобы охладиться.

— Да, давайте отправим позорную пьяницу туда, где она не будет никого беспокоить, давайте спрячем ее ото всех, — фыркнула Эстель. — Ты говоришь, как Дональд.

Донна повернулась к Чесу и сказала тихим голосом:

— Себастьян здесь? Ты можешь позвать его?

Чес кивнул и быстро ушел.

Эстель подняла мой экземпляр «Сити Бит» и пыталась сфокусировать взгляд на фотографии.

Внезапно, она бросила газету в бассейн.

— Ты не одурачишь меня, миссис Уилсон, — фыркнула она. — Ты такая же самодовольная сучка, как и была девять лет назад. Просто ты усовершенствовала свои навыки, но ты не одурачишь меня.

— Эстель! Говори тише, — приказала Донна, когда другие люди вокруг начали глазеть. Я замерла на своем шезлонге, ужасаясь от того, что дальше могла сказать Эстель.

Она сердито посмотрела на меня, затем повернулась к Донне.

— Ты не будешь говорить мне, что делать, Донна. Я даже не знаю, почему она нравится тебе. Она

притворяется такой милой и невинной — но она не такая. Выставляет себя везде напоказ, заискивает перед всеми. Ну, она не одурачит меня. Она ничего, кроме...

— Мам, — голос Себастьяна был напряжен от злости, когда он шел к нам. — Что ты делаешь?

Чес стоял за ним, одна рука на плече, казалось, что он удерживает его.

— Мам, ты позоришь себя, — сказал он холодно. — Я отвезу тебя домой.

Эстель развернулась и залепила ему сильную пощечину. Я не могла сдержать крик, моя рука взлетела ко рту, и я начала вставать.

Глаза Себастьяна были почти черными от ярости. Чес схватил его за руку и потянул назад.

— Давай, приятель, пойдем.

Наступила внезапная тишина, все в ужасе смотрели на Эстель.

Медленно она пришла в себя, и ее щеки вспыхнули от смущения, когда она увидела шокированные лица, повернутые в ее направлении. Она перекинула сумку через плечо и пошла, пошатываясь.

— Что, черт возьми, это было? — прошептала Ширли.

Донна вздохнула.

— Я не знаю, но ситуация с ее алкоголизмом ухудшается. Дональду нужно принять меры.

Ширли высмеяла идею.

— Дональду плевать на нее — говорят, что он был замечен с какой-то молодой штатской медсестрой.

Донна медленно покачала головой.

— Бог знает, эти двое должны были развестись годы назад. Так было бы лучше для Себастьяна. Бедный мальчик, я надеюсь, он будет в порядке.

— С ним Чес, — сказала Ширли мягко. — Он будет в порядке. Он привык к этому.

Мое сердце сжалось от боли. Я отчаянно хотела обнять Себастьяна, чтобы успокоить и защитить, но не могла. Это так больно. И затем еще

больше причиняющая боль мысль пробралась в мой разум: может, он просто бежит от этого. И если это было так, я не могла обвинять его. Кроме того, разве не он говорил то же самое обо мне и Дэвиде?

Я не хотела верить в это, но как только мысль появилась, это, казалось, было более вероятным чем то, что Себастьян хотел быть со мной.

Он открыл мне глаза на мир возможностей, мир, где я могла любить себя, но будет ли моей новой жизнью быть с ним? Я боялась надеться.

Через мгновение Ширли встала.

— Я пойду, проверю мальчиков.

Донна сделала глубокий вдох и посмотрела на меня.

— Ты в порядке, Кэролайн?

Я кивнула, все еще ощущая дрожь. Эстель все знала?

— На самом деле это не из-за тебя, — продолжила она, — она просто завидует.

— Завидует? Из-за чего?

Донна печально улыбнулась.

— Не бери в голову, это не имеет значения. Теперь, какие у тебя были вопросы?

Я покачала головой.

— Сейчас они кажутся весьма незначительными.

Я уставилась на промокшие листы газеты, которую дети достали

из бассейна.

— Пожалуйста, спроси меня, — сказала Донна. — Мне нужно что-нибудь, чтобы отвлечься от этой ужасной сцены.

Мы болтали и делились опытом о жизни на разных Базах, прежде чем появилась Ширли.

— Как Себастьян? — спросила Донна, ее беспокойство было очевидным. — Ты видела Эстель?

— Чес и Себастьян посадили ее в машину, он везет ее домой.

Она покачала головой.

— Еще парочка таких инцидентов, и членство Эстель в клубе приостановят.

— Я поговорю с Йоханом, —

сказала Донна. — Может, он сможет убедить ее... обратиться за помощью. Она не была первой женой военного, которая... ну, она не была первой.

Подавленный Чес вернулся с апельсиновым соком. Ширли потерла его руку, и они обменялись короткими улыбками. Было приятно видеть тесную связь между ними — особенно после ужасной сцены между Эстель и Себастьяном.

Я прикусила язык, когда Чес вернулся к работе, — я хотела спросить его, в порядке ли Себастьян, но не могла.

Я вернула свое внимание к тому, чтобы завершить статью, как и предложила Донна.

Ширли невероятно помогла, раскрыв увлекательные детали из мира жены военного.

— Конечно, тяжело оставлять друзей, и тяжело для Честера начинать учебный год в новой школе каждые пару лет, но это также сблизило нас как семью. А морская пехота наша вторая семья, мы все довольно плотно общаемся. Она дала Честеру новых друзей, и он очень находчивый мальчик, очень самодостаточный. Но мы сделали все, чтобы убедиться, что последние четыре года школы он проведет на одном месте — это важно для его образования. Мне нравится путешествовать и узнавать новые

места — новые страны. По правде говоря, я боюсь того дня, когда Митч уйдет в отставку, я не знаю, что он будет делать. Он так привык к порядку и рутине морской пехоты, я не уверена, как каждый из нас будет адаптироваться к гражданской жизни.

— Но что насчет тебя, Кэролайн? Если Дэвид решит покинуть военно-морской флот, что ты будешь делать?

Я некомфортно заерзала, не ожидая стать центром внимания.

— Я не думаю, что наша рутина так сильно изменится, он все время работает в больнице, будет потом работать в клинике. Не будет

слишком большой разницы. Просто разница в униформе.

Донна улыбнулась.

— Да, ты права. У врачей свой собственный набор правил и своя рутина. Быть женой доктора это не такое резкое изменение.

Я наслаждалась разговором с Донной и Ширли — это было как с друзьями — но внезапно я осознала, что солнце переместилось на небе, и подскочила.

— Ох, мне жаль. Мне нужно вернуться и собрать Дэвида. Он возьмет все с собой в больницу завтра утром. У меня есть гора глажки.

Ширли рассмеялась, и Донна

сочувственно улыбнулась.

Я снова поблагодарила их и быстро махнула им рукой.

10 глава

Дэвид умудрился придраться ко всему в тот вечер: тому, что я приготовила, одежде, которую упаковала для него, тому, как погладила его рубашки, вероятно, даже к количеству воздуха, который я вдохнула.

Я пыталась вспомнить, всегда ли с ним было так сложно, и честно сказать, не смогла припомнить.

Он был чрезвычайно раздражен из-за того, что я отказывалась пойти с ним в кровать, настаивая, что мне нужно закончить свои заметки по интервью. В то время, когда он раздраженно пыхтел, я поняла, что у

него нет защитных механизмов, чтобы бороться с моим отказом — он не привык к ним и не знал, как себя вести. Мысль была странно освобождающей.

Когда он уехал следующим утром, он даже не спросил, как я собираюсь провести выходные. Не то чтобы «трахаться с моим молодым любовником в твоей постели» было на верхушке списка моих ответов на этот вопрос, но я думала, что он может хотя бы притвориться, что ему интересно.

Я получила одно короткое сообщение от Себастьяна, в котором говорилось, что он с нетерпением ждет выходных. Он не ответил, когда

я спросила, в порядке ли он.

Я провела день за написанием статей, а также выделила минутку, чтобы посмотреть курсы фотографии в Нью-Йорке. Карл Винтерс похвалил мои снимки, что заставило меня задуматься, могу ли я развивать эту сторону моей работы в дальнейшем.

Во второй половине дня мне позвонила Донна и пригласила на ужин. Я оценила ее любезность, но мне не было так уж одиноко, как она предполагала. Я просто сказала ей, что наслаждаюсь тишиной и покоем — она сразу поняла, только уточнила, что я буду на ежегодном пикнике Базы в воскресенье.

Я чувствовала себя немного

тревожно. Я не видела Себастьяна со вчерашней ужасной сцены, также это был первый раз, когда мы планировали провести вместе больше, чем несколько часов.

Была почти полночь, когда я услышала легкий стук в дверь. Я задремала на диване, пока ждала, когда он закончит свою смену в загородном клубе.

Я убедилась, что свет на кухне выключен, прежде чем открыла дверь.

— Привет.

— Привет.

Мы стояли, уставившись друг на друга, он слегка хмурился.

— Могу я войти?

— Конечно.

Я отошла, чтобы дать ему пройти, затем закрыла дверь. Когда я повернулась, он все еще смотрел на меня.

— Я хочу поцеловать тебя, — сказал он неуверенно.

— Хочешь поцеловать?

Я не знала, почему между нами было так много напряжения.

— Каро, что происходит?

— Ничего, просто поцелуй меня.

Он колебался меньше секунды, затем медленно подошел. Он прижал ладонь к моей щеке и опустил свое лицо к моему. Он поцеловал меня дважды, его губы легко коснулись моих, затем он обнял меня за талию

и наклонился, чтобы прижать свой рот к моему.

— Я скучал по тебе, — прошептал он.

Я улыбнулась и ощутила, как мое тело расслабилось.

— Скучал?

— Да. — Он притянул меня ближе. — Я сожалею о вчерашнем, насчет... того, что сказала моя мама.

Я резко выпрямилась, и его руки опустились по бокам, когда он с опаской смотрел на меня. Нам нужно поговорить об этом. Сейчас.

— Она знает? О тебе и обо мне?

Он яростно покачал головой.

— Конечно, нет!

Я посмотрела ему в глаза.

— Потому что она сказала кое-что, что заставило меня подумать, что знает.

Себастьян с ужасом посмотрел на меня.

— Что она сказала?

Я поджала плечами.

— Пожалуйста, скажи!

Я протяжно выдохнула, закрыла глаза от неприятного воспоминания.

— Она сказала, что я «выставляю себя напоказ», и что я не «невинная», какой хочу казаться, что она все знает. Себастьян, что она знает? Ей, должно быть, что-то известно или почему она так преподносит это?

Он провел рукой по волосам,

выглядя разозленным и расстроенным, но оставался решительно молчаливым.

— Ради всего святого, скажи мне!

Мой голос был громче, чем я хотела.

Он моргнул и отвернулся.

— Я клянусь, что она ничего не знает, Каро. Это просто…

Он сделал паузу.

— Просто что?

— Кое-какое дерьмо, которое говорил мой отец. Это ничто.

— Расскажи мне! — сказала я решительно.

Себастьян злобно на меня посмотрел.

— Мой отец сказал, что ты горячая цыпочка и что ты не была бы такой скованной сучкой, если бы твой муж хорошо трахал тебя.

Меня затошнило.

Я подошла к раковине на кухне и наклонилась над ней.

— Так... так люди думают обо мне? — пробормотала я.

— Нет! Боже, нет! Мой отец — мудак, Каро. Никто не думает так. Митч, Билл, Чес — все они считают тебя замечательной. Я имею в виду, да, они думают, что ты красивая, но кто так не думает? Но я уверяю, что они никогда не говорили ничего подобного!

Я медленно выпрямилась и

повернулась к нему лицом. Он стоял с вытянутыми руками, как будто хотел прикоснуться ко мне, но боялся.

— Ты голоден?

Он был смущен внезапной сменой темы, уходящей от моего самобичевания.

— Голоден?

— Да. Ты ел сегодня в клубе?

Его руки опустились по бокам, и на мгновение он устало закрыл глаза, прежде чем подошел ко мне и обнял.

Я пыталась сопротивляться, все еще расстроенная из-за слов его отца.

— Каро, не отталкивай меня.

Он обернул руки вокруг моих плеч и держал меня.

— Извини, ладно. Извини, что рассказал тебе то, что сказал этот мудак. Черт, ты должна услышать, как он иногда называет меня... ну, может, и нет. В любом случае я больше не обращаю внимания. Важно только то, что мы вместе, хорошо?

Я не ответила.

— Хорошо? — спросил он более решительно.

Я сделала глубокий вдох.

— Хорошо, — согласилась я тихо.

Он поцеловал меня в волосы и улыбнулся.

Мы стояли так несколько минут, наслаждаясь моментом покоя.

— Так ты голоден? — спросила я снова. — Ты ел сегодня?

Он закатил глаза, и я улыбнулась.

— Нет, мы были завалены работой — у меня не было времени.

— Я сделаю тебе что-нибудь поесть: лингвини, песто и кедровые орехи, хорошо?

— Ты не должна готовить для меня, Каро, — сказал он, слегка нахмурившись.

— Я хочу. Кроме того, ты не ел... и тебе понадобится энергия.

Я ухмыльнулась, и он все понял.

— Ну, в таком случае, да, я голоден.

Он отодвинул стул и сел за стол, наблюдая за мной.

— Итак, как работа? Что-нибудь интересное случилось сегодня?

Я была решительно настроена, чтобы у нас был нормальный разговор.

— Я сдал на свой сертификат по оказанию первой медицинской помощи сегодня утром. Нужно было показать то, что я уже делал в клубе серфинга, поэтому было довольно легко. С этого момента я буду в основном работать с Чесом в бассейне.

— Тебе не нравится обслуживать столики?

— Не очень, я бы лучше был снаружи.

— Ты уверен, что это не просто

шанс впечатлить скучающих, озабоченных жен военных своим великолепным телом?

— Есть только одна женщина, которую я хочу впечатлить, — сказал он, вернув улыбку.

— И как у тебя обстоят дела с ней?

— Ну, некоторое время я находился в опасном положении, я полагаю, но сейчас она готовит мне ужин, поэтому, я думаю, что все в порядке. Как прошел твой день?

— Хорошо. Я закончила еще одну статью и запланировала другую. Я переживала, что может не хватить материала, но у меня достаточно идей, чтобы написать целую книгу.

Ох, и я посмотрела кое-какие курсы фотографа в Нью-Йорке. Ты уже решил, какие классы хочешь взять весной?

Когда он не ответил, я оторвала взгляд от разделочной доски — Себастьян затих, раскачиваясь на стуле с огромной улыбкой на лице.

— Что?

— Я люблю, когда ты так говоришь.

Настал мой черед смутиться.

— Как так?

— Когда ты говоришь о том, что мы будем делать вместе — о нашем будущем.

Я опустила порванные листья базилика и посмотрела прямо на

него.

— Себастьян, у меня не было будущего, пока ты не заставил меня задуматься о нем. Бог знает, как бы я продолжала так существовать. Но ты должен пообещать мне кое-что...

— Все что угодно, я пообещаю тебе все что угодно.

Я сделала глубокий вдох.

— Я хочу, чтобы ты пообещал мне, что когда ты... когда ты начнешь думать о другом будущем... без меня...

Его выражение лица изменилось, и глаза потемнели от гнева.

— Иисус, Каро, как ты можешь говорить мне такое?

— Нет, пожалуйста! Дай мне

закончить. Мы можем игнорировать нашу разницу в возрасте, и однажды, когда... все изменится, я пойму. Я не хочу погрузиться в безразличие и неприязнь. Когда ты решишь уйти, просто... просто дай мне знак. Все, что я прошу.

Он уставился на меня.

Я была рада, что сказала это — мне нужно было сказать это, но Себастьян выглядел на самом деле разозленным.

— Каро, ты не понимаешь, что я чувствую к тебе? Я люблю тебя — это все, чего я хочу. Я хочу будущего с тобой — я хочу, чтобы наши жизни были связаны друг с другом. Я не ребенок — я быстро повзрослел. Я

забочусь о себе сам уже долгое время. И я хочу заботиться о тебе.

— Я просто говорю, что пойму, когда это изменится.

— Не опекай меня, Каро, — сказал он, еще больше злясь. — Ты думаешь, я не знаю, что означает брать на себя эти обязательства, но я знаю. Ты думаешь, что я откажусь от всего и затем пожалею об этом, но ты ошибаешься. Я видел, что такое несчастливый брак, я видел, как несчастны мои родители. Но когда я с тобой, я чувствую себя... таким невероятно счастливым, как будто мир, в конце концов, чего-то стоит. Я знаю, как это редко бывает, я видел это. Не отвергай мои чувства только

потому, что... только потому, что я моложе тебя. Ты красивая, и добрая, и талантливая, и у тебя есть дар... люди тянутся к тебе, а ты даже не видишь этого. И это одна из черт, за что я люблю тебя.

Я вздохнула, чувствуя его боль в каждом слове.

— А что насчет детей, Себастьян?

Он моргнул несколько раз.

— Что насчет детей?

— Ну, ты на самом деле хочешь быть обремененным детьми в двадцать лет? Нет, я так не думаю. Ну, что будет, когда тебе исполнится тридцать, и ты захочешь детей, мне будет за сорок, и я буду слишком

старой.

Он пожал плечами, стараясь выглядеть как обычно, но я могла сказать, что он был ошеломлен.

— Если ты хочешь детей, у нас будут дети.

Я грустно улыбнулась и покачала головой.

— Это так не работает, Себастьян. Мы оба должны захотеть их — и время не на нашей стороне. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, понимаю, и понимаю, что ты делаешь — ты пытаешься придумать любую причину, почему мы не можем быть вместе. Но ничего из этого не имеет значения, если ты хочешь быть со мной. — Он сделал

глубокий вдох. — Ты хочешь, Каро?

Я вздохнула. Я хотела его больше, чем воздух, но он должен был подумать, на самом деле подумать о том, что мы делаем.

— Себастьян, как ты думаешь, как долго длится это физическое притяжение? Шесть месяцев? Год? Два, если повезет? И что дальше? Что будет, когда у тебя в колледже появятся друзья, и ты представишь им свою взрослую подружку? Что насчет...

Но он перебил меня.

— Ничего из этого не имеет значения. И в любом случае, я думаю, что ты не права — я не могу представить, что не буду желать тебя.

Ты умная и забавная, и мне нравится быть с тобой, даже когда мы не... мы не... не занимаемся любовью. Когда мне было восемь лет, я представлял, что ты моя девушка, и мы убегаем вместе. И затем ты уехала, и я потерял свою лучшую подругу. Я продолжал мечтать о том, что ты вернешься. Когда я стал старше, я... я начал понимать... природу моих чувств к тебе лучше. Я не думал, что мечты воплощаются в жизнь — но для меня они воплотились, Каро. Почему ты так боишься? В смысле, забудь всю эту херню с законом... почему ты пытаешься... я не знаю, заставить меня изменить мое мнение? Ничего не удержит меня

здесь. Я поеду куда угодно, сделаю что угодно с тобой. — Он вздохнул. — Я знаю, что ты теряешь больше, и я ненавижу, что ответственен за это, но... ты хочешь быть со мной? Навечно. Sempre.

У меня больше не было слов противостоять ему. Будущее было не писанным, может быть, однажды я буду стара для него, и он уйдет от меня— это казалось неизбежным. Но разве пару лет любви не будут стоит этого? Я знала, что мой брак подошел к концу, он подошел к концу задолго до того, как я встретила Себастьяна — я просто была слишком труслива, чтобы признать это.

Была ли я готова дать шанс нашему будущему... шанс нашей любви? Я посмотрела на его лицо — напряжение, страх и беспокойство отразились на нем. Я снова задумалась над вопросом, который он задал мне: хочу ли я быть с ним?

— Да. Хочу.

Он выдохнул так, как будто сдерживал свое дыхание.

— Это все, что имеет значения.

Он отодвинул свой стул и подошел ко мне, обняв меня. Он опустил свой подбородок на мое плечо и уткнулся носом в мою шею, его теплое дыхание было на моей коже.

Мы стояли так какое-то время,

позволяя страху и напряжению уйти.

— Ты должен отпустить меня, чтобы я закончила твой ужин, — сказала я нежно.

Я ощутила его улыбку, когда он на мгновение усилил свою хватку, а затем разжал руки. Он снова сел за стол и улыбнулся мне.

— Приятно знать, что ты хочешь есть больше, чем хочешь секса, — я не могла удержаться от комментария.

Он рассмеялся.

— Ты сказала, что мне понадобится энергия, я просто следую твоему совету.

Мне нравилось видеть его таким — счастливым, расслабленным, подразнивающим меня. Я

чувствовала вину за то, что создала напряжение, но также и облегчение, что мы преодолели это, по крайней мере, сейчас.

Я закончила делать песто и сервировала лингвини с поджаренными кедровыми орехами, посыпая твердым пармезаном.

— Ты будешь что-нибудь?

Я покачала головой.

— Я ела несколько часов назад.

— Пахнет вкусно.

Он ел быстро, заглатывая огромные куски. Было видно, что он явно голоден. Я подумала, что это плохо, что загородный клуб не гарантировал своим молодым сотрудникам надлежащий обед.

— Что за курсы фотографии, которыми ты интересовалась? — сказал он между пережевыванием пищи.

— Когда я встретилась с Карлом Винтерсом в «Сити Бит», ему правда понравились мои фото о жизни на Базе. Я подумала, может попытаться пойти на курсы профессионального фотографа. Что ты думаешь?

— Звучит здорово. Я не видел твоих фото. И на самом деле хочу увидеть.

— Хочешь?

Он закатил глаза, когда снова заполнил рот едой.

— Ладно, ну я покажу тебе позже, если ты захочешь.

— Позже, например, завтра, — сказал он напористо.

Трепет от предвкушения прошел по моему телу. Да, позже.

— Я хочу выпить бокал вина. Ты хочешь?

— Разве это законно? — усмехнулся он. — Спаивание несовершеннолетних вином?

Я посмотрела на него через плечо, когда достала бутылку красного вина, которую открыла ранее.

— Если я и попаду в Ад, то как следует нагрешу для этого.

— Я буду пиво, если у тебя есть.

Я вытянула лицо.

— Пиво не пьют с песто. Вот,

попробуй это.

Я протянула ему небольшой бокал красного вина.

Он попробовал, колеблясь, а затем улыбнулся.

— Оно на самом деле прекрасно на вкус. Что это?

— Это Бароло десятилетней выдержки. Лучше, когда не слишком фруктовое. Многие ходят на курсы сомелье, но мне передались знания от отца.

Себастьян выглядел впечатленным.

— Ты много знаешь о вине?

— Немного. Только то, чему меня научил папа. Его семья выращивала виноград Мускаты. — Я

пожала плечами. — Может, все еще выращивает.

— Давай узнаем! — сказал он, в его глазах светился дух приключений. — Когда у нас будет эта дорожная поездка.

— Ты можешь водить мотоцикл?

— Конечно! Ну, у меня нет водительского удостоверения, но я брал несколько уроков, и я водил мотоцикл Чеса. Это круто.

Я увидела, что он очистил свою тарелку и поглядывал на вазу с фруктами.

— Угощайся!

— Спасибо!

Я встала и убрала его пустые тарелки. Мне нравилось слушать

музыку, когда я мыла посуду, поэтому я включила диск с моими любимыми ариями.

— Пуччини?

Я улыбнулась.

— Конечно. Ты знаешь эту оперу?

Себастьян покачал головой.

— Я узнаю ее, но не помню, откуда она.

— Это «O mio babbino caro» — ария сопранового репертуара из оперы «Джанни Скикки».

— Каро! Как твое имя, исключая этот мужской способ его произношения.

— Я не возражаю, мне нравится, что только ты называешь меня так.

Его ответная улыба была широкой.

— Папа обычно называл меня «mia cara» (прим. моя дорогая, а также созвучно с именем Каро).

Музыка закружила меня в поток воспоминаний.

— О чем эта песня? — спросил Себастьян после нескольких минут.

— Это ария в исполнении девушки ее любимому отцу, она умоляет его позволить ей выйти замуж за парня, которого она любит.

— Звучит как Ромео и Джульетта.

— Да, исключая комедию.

Он поднял брови.

— Да, верно!

Я рассмеялась над ним.

— Да.

Он еще немного послушал музыку.

— Я могу понять некоторые слова — что-то насчет… купить кольцо?

— Верно, и если он не позволит ей, она сбросится с моста Понте-Веккьо.

— Звучит немного чересчур.

— Ну, это опера.

— Я бы хотел купить тебе кольцо.

Он звучал так серьезно, что я отвернулась от раковины. Себастьян уставился на меня.

— Я хочу жениться на тебе,

Каро.

Я ахнула и уронила стакан, который держала. Он скатился в мыльную воду, но не разбился.

— Себастьян...

— Я хочу этого. Я хочу жениться на тебе. Ты хочешь этого? Ты выйдешь за меня замуж?

Я покачала головой.

— Себастьян... я не могу говорить об этом сейчас. Я замужем... за Дэвидом. И в любом случае я не могу сделать это, ты слишком... ты слишком...

— Слишком молод? Это ты собираешься сказать, потому что если да, то не утруждайся.

Он положил голову на руки,

затем снова поднял взгляд.

— Через три месяца мне будет восемнадцать. Я мог бы поступить на военную службу и через пару месяцев меня отправили бы на Ближний Восток. Я буду достаточно взрослым, чтобы сражаться, чтобы умереть за свою страну, но ты думаешь, что я не буду достаточно взрослым, чтобы жениться на тебе?

В его голосе не было гнева. Там была только решительность.

Мой мозг перестал функционировать, я просто продолжала смотреть на него.

Он укоризненно посмотрел на меня.

— Ты познакомилась с Дэвидом,

когда тебе не было восемнадцати, и почти сразу вышла за него.

— Да, и посмотри, к какой катастрофе это привело, — сказала я с горечью.

Себастьян выглядел так, будто я залепила ему пощечину.

Я немедленно пожалела о своих словах.

— Мне жаль, но...

— Но что?

— Себастьян, мы вместе всего пару недель — и в очень напряженных условиях. Можем мы просто... провести некоторое время вместе? Основательно узнать друг друга. Иногда я чувствую, что мы вообще едва знаем друг друга.

— Я люблю тебя, и я хочу жениться на тебе, что еще ты хочешь знать?

— Все! Какая твоя любимая книга? Какой твой любимый фильм? Какой был твой любимый предмет в школе? Кто был твоей первой любовью? Какой диск в твоем плеере дома прямо сейчас? Что ты ешь на завтрак? Ты предпочитаешь футбол или бейсбол? Был ли ты спортсменом в школе? Встречался ли ты с чирлидершей? Ты помнишь свои сны? Какой твой любимый цвет? Ты когда-нибудь плакал над фильмом? Я не знаю... все!

Он выдохнул.

— Ладно, я понял. Я тороплю

тебя.

Я нахмурилась.

— Это не так, ну, не совсем. Просто... мы делаем все наоборот.

Я подошла к нему и положила голову на его грудь.

— Я хочу знать все — как внутри, так и снаружи. Я хочу узнать тебя.

Он взял меня за руку и играл с моими пальцами, но все еще не смотрел на меня. Он был очень расстроен. Я думаю, это из-за того, что я отвергла его предложение выйти за него. Я обидела его, а он последний человек в мире, которого я бы хотела обидеть.

Я высвободила свою руку и

обхватила его лицо, чтобы он посмотрел на меня.

— Себастьян, я чувствую, как будто ты пробудил меня ото сна. Но едва знаю, кто я, не говоря уже... Я сожалею, что обидела тебя. Я никогда не хотела делать этого.

Я опустила свои губы на его, два, три раза, пытаясь передать сообщение легким прикосновением губ.

Он отстранился и посмотрел на меня.

— «Старый брехун».

— Извини?

— Это фильм, который заставляет меня плакать... когда он стреляет в свою собаку.

— Сколько тебе было, когда ты посмотрел его?

— Десять, может быть. Я не уверен. Я всегда надеялся, что мы заведем собаку, но мама сказала, что с ними слишком много хлопот. Ты любишь собак?

— Да. Когда я росла, у соседа был маленький джек-рассел терьер по имени Тано. Он сказал, что его имя значит: «номер пять», но я не помню, на каком это языке. Она была такой миленькой. Я плакала три дня, когда она умерла. Папа хотел купить мне щенка, но мама не позволила, поэтому вместо этого я получила золотую рыбку.

— Золотую рыбку?!

Я улыбнулась ему.

— Да. Это совсем не одно и то же! Я звала ее «Сплеш» (прим. пер. с англ. Всплеск, брызг) — не очень оригинально.

— Мы можем завести собаку.

— Что? И возить ее на заднем сиденье мотоцикла по Италии?

— Да! Собака-байкер! Это будет изумительно.

Я рассмеялась.

— Какой твой любимый фильм? — спросил он.

— Сейчас я могу думать только о фильмах про животных. Я не знаю, «Белый клык» или «Зов предков». Ох, но еще я люблю «Унесенные ветром».

Его лицо вытянулось.

— Какой последний фильм заставил тебя плакать?

— Я плачу над многими фильмами. Эм… «Эдвард-руки-ножницы» — он всегда заставляет меня плакать.

— Кто был твоей первой влюбленностью? Лучше пусть это будет кинозвезда. Хотя мне, возможно, придется выслеживать его.

— Лучше приготовь свое оружие.

— Почему?

— Энтони Кидис.

— Кто?

— Вокалист из Red Hot Chili Peppers.

— Тебе нравится рок?

— Я люблю разную музыку.

Он счастливо рассмеялся.

— Боже, я люблю тебя!

Я не смогла сдержать улыбку.

— Что?

— Просто, когда я думаю, что знаю тебя, ты чертовски меня удивляешь.

Я села к нему на колени и обвила руками его шею.

— Ладно, твой черед: любимая книга?

— «Сердце тьмы».

— Брр! Почему она? Это ужасная история!

— Я полагаю, потому что она показывает, как... как далеко человек

может зайти, когда ничем не ограничен.

— Хмм, я не думаю, что ты превратил меня в фаната Конрада. Ладно, первая девушка, которую ты поцеловал?

Он покраснел и опустил взгляд.

— Давай, расскажи мне. Я не буду ревновать. Ну, может, немного.

— Бренда Вайсман.

— И сколько тебе было?

— Шестнадцать.

Я подумала, что это было не так давно. И затем мой сверхактивный мозг представил, как он занимается любовью с ней и...

— Что с ней случилось?

— Ничего.

— Ну, что случилось у вас с ней?

Он покачал головой, выглядя смущенным. Я была заинтригована.

— Давай, расскажи мне. Это не может быть так плохо.

— Мы встречались некоторое время...

— И...

— Мы расстались.

— Когда это было? Когда ты порвал с ней?

Он заерзал подо мной от дискомфорта.

— Четыре месяца назад.

Казалось, будто меня ударили в живот.

— Ты встречался с ней два года?

Он покачал головой.

— Нет-нет... около десяти месяцев.

— Ох.

Я встала, и он беспомощно посмотрел на меня.

— Мне жаль, Каро.

— Нет, не извиняйся. Я просто... удивлена. У меня сложилось впечатление, что ты не…

— Мы не спали вместе.

— Почему нет? Большинство подростков... — слова обжигали мое горло, — большинство подростков отчаянно бы...

Он неудобно заерзал.

— Мы собирались, но затем я услышал, что она трахалась с Джеком — ты встречала его как-то.

— Он покачал головой. — Но я рад, что этого не произошло… с ней. Я не любил ее. Ты единственная женщина, которую я когда-либо любил, всегда была только ты.

Мне было трудно это принять. Откуда пришла его уверенность?

— Каро?

— Я в порядке. Я просто... удивлена. — Снова это слово. — Что бы ты делал, если бы я не вернулась?

Он пожал плечами.

— Я не знаю.

Но я знала. В один из дней, он встретил бы девушку своего возраста, особенную, и влюбился бы, у него был бы шанс на нормальные отношения. И что если бы я не

встретила его? Я бы все еще была лунатиком в своей собственной жизни.

Но я вернулась, и мы встретились. И я не могу вернуться к своей прежней жизни, я просто не хочу.

Я протянула ему руку.

— Ладно, уже поздно. Пойдем спать.

Мы поднялись по лестнице, рука об руку. Он неловко стоял в дверном проеме, пока я включала свет у кровати.

— Пойдешь в ванную первым?

— Ладно.

— Можешь использовать мою зубную щетку, если хочешь. Голубая.

Он на мгновение замялся, затем отправился в ванную. Я расстелила кровать, задумавшись, было бы лучше, если бы мы пошли в комнату для гостей. Но опять же, какая в действительности была бы разница?

Мы поменялись местами, и теперь я чистила зубы влажной щеткой, я уставилась на свое отражение в зеркале ванной — лицо было знакомое, но это все. Все остальное изменилось.

Когда я вышла, Себастьян сидел на краю кровати, все еще полностью одетый.

— Кстати, твои родители знают, где ты сегодня?

Он моргнул и посмотрел на

меня, очевидно, что его мысли были где-то совсем далеко.

— Они не заметят, что меня нет. Они, вероятно, снова вырубились после того как напились.

Он выплюнул свои слова.

— Чес подбросил меня до дома, и я отправился сюда, поэтому я задержался. Я не хотел, чтобы он знал, куда... он заберет меня в 10:30, поэтому я должен вернуться к этому времени. — Он вздохнул. — Кажется, что осталось не так много времени.

— Что, если твои родители увидят, что твоя комната пуста, и что в твоей кровати не спали?

Я чувствовала немного паники от этой мысли. Себастьян подарил

мне полуулыбку.

— Я не застилал кровать этим утром. Если они посмотрят — а они этого не сделают, они просто решат, что упустили, когда я ушел. Честно говоря, они не заметят. — Он нахмурился. — В любом случае они никогда не замечают ничего, связанного со мной, — за исключением моих гребаных волос.

Бессознательно он провел руками по голове, пока говорил.

— Но они привели нас к этому, не так ли, — сказала я тихо.

Он посмотрел на меня серьезно и медленно кивнул.

— Ты сожалеешь?

Я покачала головой.

— Нет. Ты заставляешь меня чувствовать себя... живой.

Я наклонилась и поцеловала его — нежный, мягкий, любящий поцелуй. Он ответил немедленно и страстно, целуя меня так, что мы оба едва могли дышать.

— Я... Мне нужно спуститься вниз, — сказал он, вставая.

— Что? Почему?

— Я оставил презервативы в кармане куртки, — сказал он смущенно.

— Ох, ну, я хотела кое-что сказать насчет этого.

Он посмотрел на меня с беспокойством.

— Я говорила тебе, что

собираюсь начать принимать противозачаточные таблетки, и я начала. Нам больше не нужно использовать презервативы.

— Правда? Ты уверена?

Я улыбнулась.

— Да. Никаких больше игр в охотника на презервативы.

Он мягко рассмеялся.

— Мне своего рода нравится эта игра.

— Ну, мне нет, — сказала я, изогнув бровь. — Ох, но я должна упомянуть... я не знаю, побеспокоит ли это тебя... но у меня месячные. Поэтому я знаю, что для нас безопасно перестать использовать презервативы. Это беспокоит тебя? Я

имею в виду, будет ли это беспокоить тебя?

Я внезапно занервничала — мы переходили на новый интимный уровень, и я не была уверена, какой будет его реакция.

— Можешь ты? Я имею в виду, нормально ли это... пока ты...? Я не хочу причинить тебе боль…

Я погладила его щеку. Он выглядел таким обеспокоенным.

— Да, мы все еще можем заниматься любовью. Я просто проверяю, в порядке ли ты с тем, что... будет немного крови.

Его глаза расширились.

— Я хочу заняться с тобой любовью, Каро. Боже, я хочу.

— Тогда я думаю, на тебе слишком много одежды.

Он отреагировал мгновенно, сбросив свои кроссовки и стянув футболку через голову. Мне показалось, я услышала, как один шов разошелся.

— Эй, все в порядке! У нас есть целая ночь. Я хочу, чтобы все было медленно.

Он выглядел смущенным на мгновение, затем застенчиво улыбнулся.

— Ладно.

Я толкнула его так, что он сел на край кровати, и затем оседлала его. Его руки обвились вокруг моей талии, притягивая меня к нему.

— Ммм, — сказала я и обняла его руками за шею, уткнувшись в его подбородок. — Это мое счастливое место.

Я нежно прикусила мочку его уха и была вознаграждена стоном. Я провела пальцами по его спине, наслаждаясь ощущением его кожи и упругостью его четко очерченных мышц. Кончиками пальцев я слегка массажировала его, отчего он снова застонал.

— Какой твой любимый цвет? — прошептала я ему в шею.

— Что? Эм... голубой. Нет, зеленый. Красный, может быть.

— А ты, я смотрю, прямо уверен! Так, футбол или бейсбол?

Или может баскетбол? Хоккей?

— Баскет... баск... эм...

— Ты не находишь, что трудно сосредоточиться? — подразнила я его.

— Каро, я едва помню свое имя, когда я с тобой!

Я тихо рассмеялась.

— Что тебе нравится есть на завтрак?

— Господи, я не знаю!

— Скажи мне!

— Обычно я не завтракаю.

— Ну, чего бы ты хотел завтра?

— Тебя! — сказал он.

Он резко встал, потянув меня за собой, затем бросил меня на кровать.

— Хватит медлительности, —

сказал он, его глаза были темными и серьезными.

Импульс желания, похоти и потребности воспламенился во мне.

Я медленно села и, продев пальцы в шлейки его ремня, притянула его к себе. Он дрожал, когда я провела кончиками пальцев над его ремнем. Обеими руками очертила его член через одежду. Он резко выдохнул.

Все время следя за его лицом, я расстегнула его джинсы, одну пуговицу за одной, и спустила их по его длинным, сильным, загорелым ногам. Его веки затрепетали и закрылись, и он глубоко задышал, когда я стянула его штаны ниже

колен.

Они запутались вокруг его лодыжек, и он чуть не упал, пытаясь сбросить их. Я подавила смех. Себастьян не был надменным, но он был мужчиной, а все мужчины — гордецы.

— Подойди и ляг рядом со мной, — сказала я, все еще улыбаясь.

Я стянула юбку и бросила ее на пол, сегодня не нужно было беспокоиться, чтобы одежда была не помятой.

Мы лежали лицом друг к другу: он в своих трусах, я в футболке и трусиках. Он спустился по кровати, чтобы наши лица были на одном уровне, и улыбнулся мне.

— Привет.

— Привет.

— Какой твой любимый цвет? — спросил он.

— Я понятия не имею.

Он счастливо рассмеялся и провел своими теплыми пальцами по моей руке.

— Ты так прекрасна, — выдохнул он.

— Как и ты, — парировала я, — и такой милый.

Он слегка нахмурился, а затем позволил своей руке путешествовать по моему телу, пока не обхватил мою задницу. Он нежно сжал ее, и я ответила, закинув ногу на его бедро.

Он мгновенно напрягся,

вжимаясь в меня, еще одна восхитительная волна дрожи прошла по моему телу.

Он осторожно перекатился так, что я была на спине, а он нависал надо мной.

— Ты все еще хочешь действовать медленно?

Я кивнула, подавив смешок.

Он неохотно улыбнулся.

— Ладно, я попытаюсь.

Он чуть опустился и зубами подтянул мою футболку вверх, оголяя живот. Он провел носом по моему телу и поцеловал каждый оголенный участок тела, пока опирался на руки.

Я провела рукой по передней части его трусов, и он застонал.

— Я не смогу действовать медленно, если ты снова это сделаешь, — сказал он с предупреждением в голосе.

Я слегка рассмеялась, неуверенная хочу я или нет, чтобы его медленная, восхитительная пытка продолжалась.

— Я хочу снять эту футболку с тебя.

Я быстро села, чтобы он мог стянуть ее через мою голову. Когда я снова легла, он уткнулся носом в мою грудь, проведя кончиком языка по стыку между моей кожей и тканью лифчика.

Я провела руками по его бицепсам, наслаждаясь их легкой

напряженностью.

Осторожно он отодвинул чашку лифчика, затем провел языком по моему соску и жестко всосал его. Ощущение было восхитительным, почти болезненным.

Я стянула его трусы за пояс вниз по ногам. Он скатился с меня, чтобы полностью снять их, и я села, чтобы расстегнуть лифчик.

— Нет, я сделаю это, — сказал он уверенно.

Несколько секунд он яростно тянул эластичные лямки.

— Черт! Повернись, я не вижу, что делаю.

Улыбнувшись про себя, я повернулась к нему спиной.

Мгновение спустя мой лифчик валялся на полу, и я стягивала свои трусики, бросая их к остальной одежде.

— Насколько медленно? — прошептал он, когда его тело снова нависло надо мной, легонько вжимая меня в матрас.

— Как медленно ты можешь действовать? — дразнила я.

Я скользнула рукой по его эрекции. Он задрожал и прикусил губу.

— Ты не помогаешь! — сказал он осуждающе.

Но мне было плевать. Я хотела почувствовать его внутри себя — всего его.

Я притянула его в себя и почувствовала, что матрас прогнулся, когда его вес переместился по кровати. С помощью свих коленей он шире раздвинул мои ноги, затем с болезненной медлительностью, скользнул в меня, выскользнул, затем снова скользнул, вращая бедрами, стимулируя меня везде.

Я приподняла бедра ему навстречу — казалось, что это движение толкнуло его за грань.

— Я не могу! Я не могу! — он внезапно ахнул и задвигался быстрее.

Я обхватила его талию ногами и вцепилась в его руки.

Он зажмурил глаза, и я почувствовала, как его тело

напрягается, когда он обрушился на меня с мягким стоном.

— Извини, — пробормотал он в мою шею, долгое мгновение спустя.

Я погладила его по волосам, улыбаясь.

— Все в порядке. Повторение — мать учения. У нас вся ночь впереди.

Он приподнялся и нежно поцеловал меня. Затем медленно вышел из меня и скатился с меня.

— Ох, ничего себе! — сказал он, смотря на кровь на своем члене. — Тебе, правда, не больно?

Я покачала головой, подавив улыбку.

— Хочешь принять душ?

— Эм, да, если ты не

возражаешь.

Он выглядел ошеломленным.

— Я не возражаю, если ты позволишь мне потереть тебе спинку.

Он усмехнулся и посмотрел на меня.

— Ох, определенно я за это.

Я включила горячую воду и завела его в душ.

— У тебя был долгий день в офисе, дорогой? — спросила я, когда провела мыльной губкой по его спине.

Он усмехнулся, растягивая руки.

— Боже, так хорошо! — вздохнул он.

Он прислонился головой к кафельной стене и позволил воде

бежать по его спине и голове. Когда я вытянула руку, чтобы намылить его перед, он слегка подпрыгнул. С нежностью я провела губкой ему по животу и бедрам и тому, что между ними, и он громко застонал.

Я ощутила, что его эрекция снова оживилась. Так быстро. Я была впечатлена и немного шокирована.

Он повернулся и страстно поцеловал меня, его язык требовательно проскользнул между моими губами. Он прижал меня к холодной кафельной стене, и я почти поскользнулась.

— Осторожнее!

— Извини! Боже, извини! — пробормотал он, едва отодвигая свой

рот от моих губ.

Мне было скользко, внезапно секс в душе не казался такой хорошей идеей.

Я оставила горячую воду течь и потянула его за собой. Он выглядел в замешательстве, когда я наклонилась над раковиной и схватилась за края обеими руками.

— Сзади, — прошептала я.

Я услышала, как он затаил дыхание, затем секунду спустя его руки обхватили меня за бедра. Когда он вошел в меня, это ощущалось изумительно глубоко. По правде говоря, я не ощущала ничего подобного прежде.

— Ох, черт! — зашипел он.

Я подняла взгляд к зеркалу — его глаза были расширены от удивления, а губы приоткрыты. Наши глаза встретились.

Я сжалась вокруг него, и наблюдала за его лицом, когда он снова выругался.

Он медленно вращал бедрами, и в этот раз вскрикнула я.

— Руку!

— Что? — сказал он сквозь сжатые зубы.

— Дай мне свою руку! — я полу выдохнула, полу прокричала ему.

Он склонился ко мне, его вес прижал меня к холодному, твердому фарфору, и я застонала, когда он дал мне свою руку. Я прижала ее между

своими бедрами, к клитору. Он быстро сообразил, что нужно делать, и в моей голове пронеслась мысль, что он, наверное, хорошо учился в школе. Мой оргазм начал нарастать, и я ощутила восхитительную дрожь внутри.

Я знала, что Себастьян чувствовал ее, потому что он снова наклонился и начал двигаться быстрее, его руки в идеальном ритме с его толчками.

Я закричала его имя. Звук моего освобождения был таким громким, как я и хотела, чтобы вокально показать ему, как он удовлетворил меня. Это было фантастически.

Он продолжал двигаться, его

бедра вбивались в меня. Я едва могла стоять, мои ноги дрожали, пытаясь удержаться в вертикальном положении.

Что? Нет? Конечно, нет! Я не могла поверить в это! Мои глаза широко раскрылись, когда второй оргазм начал нарастать. Я была шокирована от своего лона — я даже не знала, что можно испытать два оргазма так близко друг к другу. И затем я потеряла все мысли, так как мое тело стало ничем, кроме ощущений.

Я смутно осознавала, что Себастьян перестал двигаться, и что мы лежим на полу, задыхаясь.

Мне было очень некомфортно на

твердой поверхности, но я чувствовала себя слишком слабой, чтобы двигаться. Смешок слетел с моих губ — я была в буквальном смысле хорошо оттрахана. Это выражение никогда снова не будет иметь такого резонанса для меня с тех пор, как я испытала это.

Я начала смеяться.

— Что забавного?

Но я не ответила, я так сильно смеялась. Я приподнялась на своих коленях и руках, смутно осознавая, что на полу была кровь.

— Над чем ты смеешься? — спросил Себастьян обиженно.

Я залезла в душ, немного находясь в состоянии истерики.

— Что?! — сказал он, тоже начав смеяться.

— Я. Была. Тщательно. Оттрахана! — наконец смогла выдавить я из себя.

Себастьян тоже смеялся, когда подошел и присоединился ко мне в душе.

Мы сидели в поддоне, я прислонилась к нему между ног, позволяя горячей воде успокаивать нас.

В конечном итоге я смогла перестать смеяться, но чувствовала себя слишком слабой, чтобы встать.

— Это было восхитительно, — прошептал Себастьян мне на ухо.

Казалось, он был охвачен

восхищением.

— Определенно. Но я не могу стоять — ты должен помочь мне подняться.

Себастьян рассмеялся и легко встал, потянув меня вверх за руки.

Мне удалось выключить воду в душе, когда я, шатаясь, уходила. Я схватила чистое полотенце и бросила одно ему. Я немного обтерлась полотенцем и все еще наполовину мокрая рухнула на кровать.

— Эй, — сказал Себастьян, следуя за мной в комнату. — Ты вся мокрая.

Нежно и с любовью он вытер меня, стараясь как можно лучше выжать мои волосы.

— Я так устала, что едва могу держать глаза открытыми, — пробормотала я.

— Давай спать, детка, — сказал он нежно.

Я перекатилась на свою сторону и почувствовала, что теплое, немного влажное тело Себастьяна свернулось сзади меня. Он обернул свои руки вокруг моей талии, и я тотчас же уснула.

11 глава

В какой-то момент, спустя некоторое время после рассвета, я проснулась.

Себастьян все еще обнимал меня за талию, но я, должно быть, повернулась во сне, потому что лежала лицом к нему. Его губы были слегка приоткрыты, и он ровно дышал. Я подумала, что ему, должно быть, снился сон, потому что его веки трепетали, и он хмурился.

Бледный золотистый пушок покрывал его щеки, верхнюю губу и подбородок. Он был мягким, ничего общего с щетиной, и Себастьян выглядел молодым и красивым.

Его загар покрывал руки, спину, грудь и затем исчезал, оставляя его ягодицы и бедра сливочно-белыми, и снова появлялся на ногах.

Наслаждаясь видом его мускулистой груди и живота, я упивалась мыслью, что еще несколько часов — и еще одну целую ночь — он будет моим.

Я с трудом решалась представить себе, каково это просыпаться каждое утро и чувствовать такую радость. И я отказывалась думать о том, что случится, когда наши выходные закончатся.

Я провела еще несколько минут, любуясь его красотой, прежде чем

оторвалась и направилась в ванную.

— Куда ты собралась? — сонно спросил он, моргая.

— В туалет, — прошептала я. — Засыпай.

К тому времени как я вернулась в спальню, кровать была пуста. На мгновение я подумала, что он ушел. Затем я увидела его обувь, футболку и трусы, все еще разбросанные на полу. Только его джинсы отсутствовали.

С некоторым отвращением я уставилась на кровь на простынях. По крайней мере, у меня не было достаточно сильных выделений, и они не длились долго. И все же...

Я услышала мягкую поступь позади себя и повернулась.

Себастьян нес два стакана апельсинового сока и был одет, ну, наполовину одет в джинсы.

Они висели у него на бедрах и были застегнуты всего на пару пуговиц. Он был дико сексуален, я чувствовала, как мое лицо покраснело, — и затем я вспомнила, что стояла голая — и покраснела везде.

Я быстро вернулась в кровать под одеяло.

Себастьян смотрел на меня, как будто я была немного безумной.

— Я хотел сделать тебе завтрак, — сказал он, слегка пожав плечами, — но я не умею готовить. Однако я могу налить стакан сока.

Он передал мне стакан, и я сделала большой глоток.

— Мистер Хантер, вы действительно вкусно умеете налить апельсиновый сок.

Он усмехнулся, затем одним быстрым глотком осушил остатки своего стакана. Как, черт побери, мужчины делают это? Это было загадкой для меня.

— Ну, позволь мне приготовить тебе завтрак, чего бы ты хотел? Яичницу, блинчики, бекон, омлет?

— Я уже говорил тебе вчера, — сказал он.

Я нахмурилась.

— Тебя. Я хочу тебя на завтрак.

Он поставил стакан на

прикроватную тумбочку и медленно пошел ко мне, его глаза не отрывались от моего лица. Его выражение лица заставило меня затаить дыхание.

— Сегодня секс вместо еды?

— Да, мэм.

Я посмотрела на будильник. 6:45 утра.

— У нас есть примерно три часа, прежде чем мне нужно будет подвезти тебя. Ты думаешь, этого времени достаточно?

Он покачал головой.

— Не совсем.

Затем он вскочил на кровать, заставляя меня вскрикнуть от удивления. Я разлила сок себе на

грудь и на постельное белье.

— Себастьян!

Он проигнорировал меня и начал растирать сок по моей голой коже. Я почти расплавилась от его прикосновения, но мне почти удалось поставить свой изрядно опустевший стакан на тумбочку.

Я хотела стянуть с него джинсы, но он был намерен проложить свой путь вниз по моему телу. Шея и декольте — вот откуда он начал в первую очередь.

Спустя некоторое время, спустя значительное количество времени, сработал будильник.

Мы оба лежали на наших спинах, задыхаясь. Снова. И я

чувствовала, как будто у меня было десять раундов с Майком Тайсоном: каждая мышца болела, и я была вся потная. Себастьян мучил меня почти два часа. Он лежал на спине с блаженным выражением на лице.

Будильник был слишком далеко, чтобы его выключить. Я попыталась сесть, ползая по кровати и шаря по полу, чтобы найти противную электронную штуковину.

Себастьян пытался укусить меня за задницу, что на самом деле не помогало моей координации.

— Мы должны вставать! — застонала я.

Он не ответил.

— Вставай!

— Я встал, — пробормотал он у моей кожи.

Снова. О, боже мой.

— Время для душа. Иди! Сейчас же!

Он немного поворчал, но в конечном итоге встал с кровати, позволяя мне встать и натянуть халат. Я огляделась вокруг и увидела, как он идет в ванную. Это была правда: он встал.

Улыбнувшись, я пошла на кухню и пошарила в холодильнике. Так как он не сумел выразить предпочтения, я решила сделать омлет с сыром и беконом.

Я поджаривала бекон, когда услышала его шаги по лестнице.

Раздался громкий стук, и я догадывалась, что он перепрыгнул последние три или четыре ступеньки. Его энергичность заставила меня улыбнуться. И откуда он берет столько сил и энергии?

Он обнял меня за талию без колебаний и уткнулся носом в мою шею. Я почти уронила лопатку.

— Что я могу сделать?

Я удивилась. Ни один мужчина не говорил мне это на кухне прежде. Я развернулась и улыбнулась ему.

— Просто сиди и обеспечивай красивый вид.

Он посмотрел на меня изумленно и вытянул свои длинные ноги под кухонным столом,

раскачиваясь на стуле, как прошлой ночью.

То, что он сидел за моим столом в ожидании завтрака, чувствовалось удивительно новым, но одновременно естественным.

Когда я накрыла на стол, я положила большую часть омлета на его тарелку и четыре или пять кусочков бекона. Казалось, что он даже не заметил неравное распределение — он стремился поглотить пищу как можно быстрее.

Я все еще жевала, когда он отодвинул свою тарелку. Он огляделся вокруг, чтобы увидеть есть ли еще что-нибудь из еды. На самом деле его аппетит был огромен во

всевозможных видах. За последние десять часов — это было открытие.

— Тост?

— Пожалуйста! — сказал он счастливо.

Я отрезала четыре кусочка хлеба и засунула их в тостер.

— Ты хочешь джем?

Он вытянул лицо.

— Нет, просто масло, пожалуйста.

— Разве ты не любишь сладкое?

— Только тебя.

Я закатила глаза.

— Как ты можешь устоять перед шоколадом? Я серьезно! Это важный вопрос!

— Ты любишь шоколад, Каро?

Какой?

Я могла понять, о чем он думает: иногда его было так легко прочитать.

— Я не хочу, чтобы ты что-нибудь покупал мне, Себастьян.

— Почему нет?

Он надулся, и я хотела рассмеяться.

— Потому что мы копим деньги для более важных трат.

Он вздохнул.

— Да, наверное.

— Имей в виду, — сказала я застенчиво. — Я бы не возражала слизать немного шоколада с тебя. Бьюсь об заклад, это будет потрясающе на вкус.

На мгновение он выглядел

немного потрясенным, затем огромная ухмылка растянулась на его лице.

— Да! Это звучит горячо!

— Я подумаю, что могу сделать сегодня.

Он застонал.

— Что?

— Это изображение будет в моей голове весь день! Я буду работать со стояком!

— Это один из способов повысить чаевые на работе, — сказала я, рассмеявшись.

Он покачал головой и выглядел смущенным. Его было так легко дразнить. Я на самом деле была не очень справедлива.

Я посмотрела на свои часы. Было почти десять утра.

— Время идти, — сказала я, пытаясь не звучать слишком опустошенной.

Он нахмурился.

— Я позвоню и скажу, что болен.

— Ты не можешь сделать это, — сказала я терпеливо. — Во-первых, Чес будет стучаться в твою дверь через двадцати минут, а во-вторых это обязательно дойдет до твоей мамы. Ты хочешь, чтобы она задавала неловкие вопросы о том, где ты был?

Он вздохнул.

— Я полагаю, что нет.

— Давай, иди, будь спасателем.

Я прокляла тот день, когда оставила эти пустые коробки в гараже. Вместо того чтобы заехать внутрь, чтобы Себастьян мог покинуть дом незамеченным, мне пришлось дать задний ход прямо до передней двери, чтобы он мог прошмыгнуть на пассажирское сиденье и его никто не увидел. Я пыталась придумать несколько оправданий на всякий случай — какие-то причины, по которым Себастьян мог находиться в моем доме так рано утром. Ничего убедительного не приходило в голову. Я просто скрестила пальцы. Очень по-взрослому.

К удаче, к огромной удаче, мы

добрались до парка без инцидентов.

— Напишешь мне позже?

— Хорошо, — пообещал он мне. — Увидимся сегодня вечером. Люблю тебя!

Он захлопнул дверь и помахал на прощанье. Я смотрела, как он пересекает парк и, бросив на него последний взгляд, я сделала незаконный разворот и поехала в магазин. Я хотела приготовить ему что-то особенное для нашей последней ночи. И купить шоколад.

Я припарковалась снаружи магазина, когда мой телефон запиликал. Себастьян не стал тратить время и написал мне. Но когда я открыла сообщение, оно было

от Дэвида.

** Рейс2115. Мне нужна чистая униформа для официальных мероприятий в понедельник. **

И тебе тоже привет.

Из-за сообщения у меня испортилось настроение, напоминая мне, что завтра все закончится, и я снова окажусь в своей личной тюрьме — верная жена, мягкотелая прислужница. Я не знала, как, черт побери, собираюсь проходить через это дальше.

— Здравствуй, Кэролайн. Как дела? Выглядишь немного уставшей.

Донна стояла позади меня с

наполненной корзиной и доброй улыбкой на лице. Она похлопала меня по руке, когда мой мозг пытался заработать.

— Я понимаю, дорогая, — сказала она. — Я никогда не сплю, когда Йохан в отъезде. Я думаю, что скучаю даже по его храпу!

Я попыталась улыбнуться, и ее лицо исказилось беспокойством.

— Ты в порядке?

— Я в порядке, спасибо, Донна. Я получила сообщение от Дэвида — мне нужно отвезти его униформу в химчистку. Теперь мне придется вернуться домой за ней.

— О боже, ты снова забыла посмотреть в расписание? —

подразнила она.

Я не могла остановить смешок.

— Да! Думаю, я могла бы уже запомнить это.

— Ну, я рада, что встретила тебя. Я хотела узнать, могу ли я попросить тебя принести что-нибудь завтра для пикника. Может, твою восхитительную пасту? Только для нашей группы.

— Конечно! Я собиралась принести сэндвичи тоже.

— Как замечательно! Да, пожалуйста. Я думаю, что это будет веселый день, и, похоже, нам повезет с погодой. Мне забрать тебя? Там не очень много места для парковки и организационный комитет попросил

нас сгруппироваться. Кроме того, ты еще не знакома с моими мальчиками. Сейчас они вернулись из колледжа.

— Ох, да, это было бы прекрасно. — Я заикалась, чувствуя, как будто находилась под давлением. — Спасибо тебе!

— Тогда я заберу тебя в одиннадцать часов. И постарайся поспать сегодня, дорогая. Ты слишком молода, чтобы выглядеть такой уставшей. Ты не захочешь в конечном итоге получить такие мешки под глазами как у меня. Ну, хотя у меня даже не мешки, а чемоданы.

По правде говоря, я не планировала много спать этой

ночью, но, возможно, я вздремну позже. На мгновение я задумалась, должна ли позволить Себастьяну подольше поспать. Он, вероятно, спал около четырех часов прошлой ночью и работал весь день. Но с другой стороны, он был молод, и я не могла представить себе, что он согласится спать, так как была уверена, что у него на уме будет кое-что другое. Эта мысль заставила меня улыбнуться.

Черт побери! Я забыла спросить у Донны, сколько людей являются частью «группы», которую она упомянула.

Медленно перемещаясь по магазину, я заполнила тележку

пшеничными лепешками, колбасой и свежей пастой. Я чувствовала небольшую вину, что покупаю пасту, сделанную в магазине, но полагаю, что никто ничего не заподозрит. Я также купила бараньи отбивные, картофель и салат для Себастьяна. И бутылку шоколадного соуса, несмотря на то, что это было больше для меня.

Подумав, я взяла несколько любимых продуктов Дэвида. Он всегда был более сговорчив на полный желудок.

Было тяжело купить пленку 35 мм, особенно черно-белую, но я нашла несколько рулонов. Я задумалась, смогу ли купить

цифровой фотоаппарат, когда перееду в Нью-Йорк. Я понятия не имела, сколько они стоят. Мне будет жаль перестать использовать фотоаппарат отца, но затраты на покупку и обработку пленок были дополнительными расходами, без которых я вполне могла обойтись. Расходы, без которых мы могли обойтись.

Пока я счастливо мечтала о новой жизни в новом городе, мой телефон зазвонил.

— Здравствуйте, Каролина! Это Карл Винтерс. Как вы?

— Ну, неплохо, Карл. А вы?

— Хорошо, хорошо. Слушайте, я слышал, что народ с Базы устраивает

семейный развлекательный день завтра на пляже. Вы идете?

— Да.

— Великолепно! Мне интересно, смогли бы вы сделать несколько фото для газеты. Мы могли бы опубликовать их в воскресенье вечером.

— Ох, я бы с радостью сделала их, но я у меня нет цифровой камеры. Я не смогу так быстро обработать пленку.

— Нет проблем. У нас есть своя лаборатория, вам просто нужно завести пленку, и один из наших техников все сделает.

Я замолчала.

— Каролина! Вы все еще здесь?

— Ох, да. Я здесь.

— Проблема?

— Просто... что, если они будут недостаточно хороши? Я бы не хотела, чтобы вы понадеялись на меня и...

Он рассмеялся.

— Каролина, это семейный развлекательный день. Я уверен, что снимки будут просто отличными. Когда мы получим их, мы сможем сделать много, обрезая изображения. Не беспокойся об этом.

— Ну, ладно. Спасибо! Я действительно польщена!

— Хорошо. Решено. Увидимся завтра.

Он закончил звонок, оставив

меня озадаченной. Он был редактором еженедельной газеты и собирался быть там в воскресенье вечером? Кто бы мог подумать.

Заполнив покупками багажник машины, в том числе банкой шоколадного соуса, я ехала домой с непривычной улыбкой на лице. Потребовалось время, чтобы выгрузить все дополнительные покупки для пикника.

Но когда я вошла в спальню, она выглядела так, будто на нее сбросили бомбу. Со вздохом я подняла простыни, что валялись, сваленные в кучу, на полу и сняла остатки постельного белья с кровати. Затем спустилась вниз и загрузила это в

стиральную машину. Я не знала, что завести роман на стороне — означает дополнительную работу по дому.

И затем я вспомнила про гребаную униформу Дэвида. Бормоча проклятья под нос, я засунула ее в полиэтиленовый пакет и поехала в химчистку.

Я почти засыпала, вернувшись назад, и когда зашла в гостиную, не могла перестать думать, что диван выглядел очень соблазнительно. Возможно, только пять минут....

Мой телефон запиликал сигналом сообщения, пробуждая меня от очень интересного сна, который включал душ из шоколада

вместо воды... и голого Себастьяна.

** Очень долгий день. Скучаю по тебе. Не могу дождаться встречи. Ты купила шоколад? С. хх **

Я улыбнулась и написала ответ.

** Да. Но как долго ты сможешь продержаться в медленном темпе? **

Он ответил немедленно.

** Узнаем вечером хх **

У меня была огромная улыбка на лице, когда я закрыла свой телефон. Но затем я посмотрела на время и с ужасом поняла, что спала больше трех часов. Мне нужно было приготовить гору еды для пикника на завтра, и я была чертовски уверена, что не собираюсь тратить на это свое время, когда Себастьян будет здесь.

Несмотря на горькое разочарование, я чувствовала себя лучше из-за своего длительного сна и с желанием приступила к работе. У меня было так много еды, что пришлось притащить несколько картонных коробок из гаража и складывать ее туда. Я не могла перестать думать о том утре, когда Себастьян пришел помочь мне разобраться с этими коробками. Казалось, это было так давно — мне было интересно, как это ощущалось для него.

Я копалась в кухонных ящиках в поиске свечей. Я купила их на случай отключения электроэнергии — конечно же, я никогда не

использовала бы их для романтических вечеров с Дэвидом. Я хотела того, чего у меня никогда не было: я хотела, чтобы вечер сегодня был идеальным.

Стол был накрыт очень красиво: я положила льняные салфетки и украсила его свечами и небольшим букетом цветов, что я сорвала во дворе. Я переоделась в черное платье, которое Себастьян помог мне выбрать, и подходящие ему элегантные замшевые туфли-лодочки — я хотела выглядеть красивой для него.

После того как закрыла дверь на кухню, я свернулась с книгой на диване. Я, должно быть, снова

уснула, потому что когда открыла глаза, было темно. Я была в шоке, увидев, что был почти час ночи. Где он?

Первое, что я сделала, — проверила свой телефон, но сообщений и пропущенных звонков не было. Неуверенность соперничала с паникой — с ним что-то случилось или я просто надоела ему? Я задумалась, могу ли рискнуть и позвонить ему. В конце концов, я решила отправить сообщение, просто на всякий случай. И также это была наша обычная форма общения.

** Ты в порядке? Я беспокоюсь. **

Я села на край дивана, с тревогой ожидая ответа. Когда

больше не могла сдержать напряжение, я встала и начала расхаживать по комнате.

Прошло еще полчаса, и я все еще ничего не слышала от него. Я размышляла, стоит ли сесть в машину и поехать искать его, когда, наконец, раздался стук в дверь.

Я влетела в кухню, дернула дверь и к своему ужасу разрыдалась, когда увидела его. Он с улыбкой смотрел на меня.

— Эй! Что не так? Мне жаль, я опоздал. Не плачь, Каро. Пожалуйста, не плачь. Детка!

Он обнял меня, поглаживая волосы, позволяя мне выплакать все страхи, беспричинную тревогу, весь

стресс последних трех недель, надежду на большее, такую хрупкую и деликатную — все это вылилось из меня.

— Извини. — Я задыхалась. — Я просто волновалась. Ты не отвечал на телефон, и я не знала, как связаться с тобой.

— У нас прокололо колесо по дороге, — сказал он успокаивающе. — У нас с Чесом ушла вечность, чтобы поставить новую шину в темноте.

— Я писала тебе!

— Я не смог зарядить свой телефон вчера, и сегодня он разрядилась через несколько часов. Я не думал, что это имеет значение.

Ты, правда, беспокоилась обо мне?

Я кивнула. Я чувствовала себя такой идиоткой, что впала в такое состояние из-за разряженного телефона и проколотой шины. Я хотела закричать: заряжай свой телефон, придурок! Но не стала — я просто была ряда, что он был здесь, со мной и в безопасности.

Он вытер мои слезы пальцами.

— Мне нравится, что ты беспокоишься обо мне, — сказал он мягко.

Он посмотрел через мое плечо на кухонный стол.

— Это тоже для меня?

Я снова кивнула и попыталась улыбнуться.

— Сюрприз! — пробормотала я.

Он тихо рассмеялся.

— Мне нравится. Спасибо. И... ты выглядишь прекрасно, Каро.

— Красные глаза и ужасный вид, конечно, но спасибо за попытку.

— Для меня ты всегда выглядишь красиво.

— Да, ну это, должно быть, потому что ты снова надел эти розовые очки.

Он вздохнул и покачал головой. Я не могла сказать, был ли он раздражен или это его позабавило — возможно, и то, и другое.

— Ты голоден?

— Боже, да! Сейчас мой желудок думает, что кто-то перерезал мне

горло.

— Им действительно нужно кормить вас на работе, — проворчала я.

Он пожал плечами.

— Мы были заняты. Я взял на завтра выходной.

Он смотрел на меня выжидающе, но когда увидел мою встревоженную реакцию, его лицо вытянулось.

— Я подумал... я просто надеялся, что мы сможем провести день вместе, но... это нормально... если ты занята.

Я выругалась. Он удивился. Я не часто материлась.

— Ох, я бы хотела знать это! Я

сказала Донне, что приду на семейный развлекательный день на пляже. Ты знаешь, тот большой пикник.

Он нахмурился.

— Ты можешь сказать ей, что изменила свое решение?

— Я бы с радостью! Но я еще согласилась сделать фотографии для «Сити Бит». Они заплатят мне. Ох, Себастьян, мне жаль! Если бы я знала, что ты возьмешь выходной...

— Все решилось в последний момент, — пробормотал он. — Они также дали выходной Чесу. Наверное, потому что многие будут на пикнике.

Возможность провести целый день с Себастьяном дрейфовала в

моем уме как в тумане.

Я обняла его руками за талию и снова положила голову ему на грудь.

— Будут другие дни, — сказала я, мой голос был печальным.

— Да, я знаю. Просто каждый день... каждое мгновение с тобой...

— Дорого, — я закончила предложение за него.

— Очень.

Я нежно поцеловала его.

— Я подогрею ужин.

— Я зажгу свечи.

Я была удивлена, когда он вытащил зажигалку из кармана. Я никогда не видела, чтобы Себастьян курил, и точно никогда не ощущала запах табака на нем. Странно.

Я выключила свет, поэтому единственным освещением в кухне были свечи. Мерцающие огни отбрасывали странные изображения на стены, как будто какая-то причудливая игра теней. Мурашки пробежали по моему телу. Я стряхнула наваждение и сконцентрировалась на том, как свет от свечей играет на лице Себастьяна, выделяя его скулы и заставляя его глаза блестеть. Он улыбнулся мне, и в тусклом свете его зрачки выглядели черными как уголь. Я могла потерять нить своей мысли, просто посмотрев на него.

Я положила приготовленные на гриле бараньи котлеты, и Себастьян

уплетал за обе щеки, а я вяло ковырялась в своей еде. Я чувствовала обиду из-за завтрашней упущенной возможности, но не могла позволить ей испортить и сегодняшний вечер. Я сделала усилие, чтобы взять себя в руки.

— Как на работе сегодня?

— Был занят. Проходил турнир по гольфу, и было очень много приезжих.

— Какие-нибудь инциденты в бассейне?

Он рассмеялся, как будто что-то вспомнил.

— Да! Одна из гостей уронила телефон на самое дно. И я нырял за ним.

— Она была благодарна?

— Я думаю, что она больше была взбешена, но дала мне десять баксов... и свой номер телефона.

— Ты издеваешься надо мной!

Как она посмела? Она красивая? Сколько ей лет.

Это были те вопросы, которые я не спросила.

— Я имею в виду, насколько глупой можно быть? — продолжил Себастьян. — Она только что уронила свой гребаный телефон в бассейн и дает мне его номер.

— Себастьян, — сказала я, указывая на очевидное, по крайней мере, для меня, — номер все еще работает — ей просто нужно купить

новый телефон.

Он посмотрел на меня.

— Правда?

— Да!

Он покачал головой.

— Ну, это не имеет никакого значения, я выбросил ее номер.

— Выбросил?

— Конечно!

Он выглядел раздраженным.

— Я не изменю тебе, Кэролайн!

Я не могла сдержаться, чтобы подчеркнуть иронию в этом заявлении. Вместо этого я сменила тему.

— Ты хочешь какой-нибудь десерт?

Его выражение лица изменилось

мгновенно — от праведного негодования до откровенной похоти.

— Шоколад? — его голос был низким и соблазнительным.

— Я... я сделала торт с полентой[8] ... но и шоколад купила.

Он не отвел взгляда от меня, и его голос не дрогнул.

— Только шоколад.

Он встал, его стул заскрежетал по кухонному полу, и он протянул мне свою руку. Я взяла ее без слов, и Себастьян притянул меня в свои объятия, затем поцеловал, пока я не перестала дышать.

— Я хочу заняться с тобой любовью, — сказал он, его голос был хриплым. — Я думал об этом весь

день. Черт! Я не мог думать ни о чем другом. — Он моргнул, и в его глазах плескалось изумление. — Люди могли утонуть в бассейне, и не думаю, что заметил бы это.

— Пойдем в кровать.

— О да, детка!

Внезапно он оторвал меня от пола и перекинул через плечо, от удивления я закричала. Он практически побежал по лестнице и бросил меня на кровать. Я не могла сдержать смех от его рвения и абсолютной радости на его лице.

— Черт! Мы забыли шоколад.

— Нет, не забыли. — Я указала на бутылку шоколадного соуса рядом с будильником и заметила, как его

глаза засветились.

Он отвернул крышку, и соус издал хлюпающий звук, когда она открылась. Он просунул указательный палец и вытащил его весь в шоколаде. Он протянул его ко мне.

— Соси, — сказал он.

Так я и сделала.

В какой-то момент ночи мы должно быть уснули. Это не было сознательным решением, больше в какой-то степени признание истощения.

Пробуждение было тяжелым. Мои глаза не хотели открываться от усталости, и мое тело сильно болело. И везде был шоколад!

Ох, шоколад! Ммм, это было хорошо. Нет, это было великолепно. Это было весело.

Мы так много смеялись. Я не могла вспомнить, чтобы я так много смеялась когда-либо.

И то, как мы исследовали тела друг друга. Я снова вспомнила прикосновения его пальцев, тепло его кожи напротив моей, нежное, влажное тепло его губ везде. Страсть, которая тлела в течение нескольких часов, внезапно запылав пламенем.

Я развернулась и увидела, что его глаза открыты, улыбка растянулась на его лице.

Мы не говорили, просто смотрели друг на друга. Я думаю, что

тоже улыбалась.

Его пальцы гладили мою руку, медленно, ритмично.

Я вытянула руку и положила ее ему на щеку, но он притянул ее к своим губам и поцеловал ладонь. Я прижалась к его телу, он опустил руку и погладил мою спину.

Я прислушивалась к тихому, ровному биению его сердца.

— Мы должны вставать, — сказала я печально.

Он медленно кивнул, но никто из нас не двигался.

— Когда я снова тебя увижу? — пробормотал он.

— Сегодня пикник, — сказала я, пытаясь звучать оптимистично.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Я вздохнула. Я знала, что он имел в виду. У меня просто не было ответа. Для нас не было завтра.

— Мы что-нибудь придумаем, — сказала я, пытаясь подбодрить его.

— Я ненавижу это, — сказал он угрюмо. — То, что мы скрываемся, лжем. Я бы хотел, чтобы все знали, что мы вместе.

— Отлично! — огрызнулась я. — Вперед! Расскажи всем! И затем я проведу следующие, бог знает сколько лет, в тюрьме, войду в реестр, совершивших сексуальное преступление, и никогда не смогу найти работу.

Я знала, что вела себя плохо, по-

детски, но казалось, не могла остановиться.

Он шокировано ахнул и пробормотал:

— Я не это имел в виду.

— Тогда что ты имел в виду? — сказала я, мой голос начал становиться громче. — Ты думаешь, для меня это легко? Ты думаешь, я наслаждаюсь тем, что предаю и лгу достойным людям, как Донна и Ширли? Обманывая всех? Думаешь, это не тяжело для меня? Это не игра, Себастьян!

— Я знаю это! — закричал он в ответ. — Это и моя жизнь.

Я закрыла глаза и сделала глубокий вдох.

— Извини. Я просто... немного устала. Ты измотал меня.

На его губах появилась небольшая улыбка, но в глаза все еще была боль и злость.

Я знала, что не должна вымещать свое постоянное беспокойство на нем.

— Мне жаль, это расстраивает и меня тоже.

— Я не хочу ругаться с тобой, Каро. Я просто хочу быть с тобой все время. Ты все, о чем я думаю.

Мы лежали еще несколько минут, желая, чтобы стрелки на часах замедлились в сочувствии.

— Донна будет здесь через час, — сказала я быстро. — Мы должны

вставать.

Наш душ был очень быстрым, и мои руки неохотно отпустили его. Мы одевались в тишине, боль от разлуки уже разрасталась.

Я посмотрела на кровать, где он так нежно занимался со мной любовью, простыни в шоколаде напоминали о беззаботной ночи.

— У них есть другие вкусы? — спросил Себастьян, проследив мой взгляд.

— Я не знаю... вероятно. Может, мы должны провести исследование?

— Мне нравится арахисовое масло, — сказал он задумчиво.

Я подняла бровь.

— С кусочками арахиса или без?

Он рассмеялся немного грустно и притянул меня в объятия.

— Я лучше пойду.

— Ты не хочешь завтрак? — Я была удивлена.

— Ты не можешь рисковать и везти меня в парк сегодня — половина соседей будет снаружи в своих дворах. Я выйду через заднюю дверь.

По крайней мере, один из нас думал ясно.

— Я увижу тебя позже? — спросил он.

— Да, — сказала я просто.

Он улыбнулся.

Мы спускались по лестнице в тишине.

На кухне я притянула его к себе, и мы жадно целовались, поглощая друг друга. Я держала его так долго, как могла, но слишком скоро настало время ему уходить. Он нежно поцеловал меня в лоб и затем прошмыгнул через кухонную дверь.

Я забыла напомнить, чтобы он зарядил свой телефон.

Чувствуя себя несчастной, я бросила простыни в шоколаде в стиральную машину и постелила чистое белье. Я убрала все улики, каждый след того, что в доме был кто-то еще, кроме меня — бесхарактерной жены агрессивного человека.

Я испытывала отвращение к

себе, и список причин был бесконечен.

12 глава

Донна приехала вовремя. Конечно же.

— Доброе утро, Кэролайн. Как ты сегодня?

— В порядке, спасибо, Донна. Это твои сыновья?

Два привлекательных парня со скандинавской внешностью Йохана, на вид им было около двадцати лет, вышли из универсала Донны.

— Курт, Стефан — Кэролайн Уилсон.

— Привет. Рада познакомиться с вами. Я слышала, вы вернулись из колледжа на летние каникулы?

Мы болтали, пока мальчики

загружали в багажник Донны коробки с едой из моей кухни.

— Боже мой, — сказала она. — Здесь достаточно еды, чтобы накормить пять тысяч человек!

— Слишком много? — спросила я беспокойно.

Она рассмеялась.

— Я уверена, что все это съедят. Выглядит великолепно.

Я взяла свой блокнот и камеру, засунула запасные пленки в карманы шорт, и мы отправились.

— Как думаешь, много людей будет там сегодня?

— Ох, ну, вероятно около пары тысяч — в основном будут из медицинского центра Базы, но также

несколько семей из морской пехоты. Петерсы будут там, и я думаю, что Ширли говорила, что мальчики взяли выходной, так что, думаю, они тоже будут... особенно если узнают, что ты там... с едой.

Я уставилась в окно, надеясь, что мои покрасневшие щеки не выдадут меня.

Я и не осознавала, что пикник такое большое событие. Конечно, если бы я не была так поглощена своими мыслями, я, возможно, была бы более осведомлена. Но с другой стороны, я никогда не прилагала усилий вникнуть в жизнь семей Базы, не имея семьи.

Я была на Харбор Бич всего один

раз. Это была широкая, плоская площадка с мелким песком, идеальная для семей. Спасательские башни располагались по всей длине пляжа между причалами, где несколько серферов ловили волны. Детская площадка на песке была главной достопримечательностью для детей, и Донна сказала мне, что несколько детей постарше и их родители натянут волейбольную сетку.

На пляже уже толпилось много людей, военнослужащие выделялись за милю с их короткими стрижками и стрижками под «ежик». На парковке была веселая толпа с горой еды, которую переносили к барбекю.

Был прилив, и это было хорошо для тех, кто хотел поплавать. Но большинство людей, казалось, были увлечены игрой и едой.

Я видела игроков в волейбол, футбол, людей с фрисби, досками для серфинга и много-много детей с красочными воздушными змеями, некоторые из которых были в форме самолетов. Одна группа матерей организовала конкурс замков из песка для своих детей. Компания взрослых пехотинцев планировала чемпионат по поеданию пирогов. Я находила нечто мерзкое в том, как взрослый мужчина будет засовывать столько пирога в рот за короткий срок. Я не могла понять, почему кто-

то хотел делать это. Казалось, что они просто переводят хорошую еду.

Несмотря на то, что алкоголь был запрещен на пляже, я видела, что несколько мужчин несли шесть ящиков. На самом деле, я знала, что вряд ли полицейские решатся выписать штраф военному. Я предполагала, что это было своего рода братством. Я потеряла счет количеству штрафов, которые Дэвид избежал из-за наклейки морского флота на стекле.

Я бы хотела чувствовать себя весело в такой день, но меня постигло уныние, хотя я знала, что позже увижу Себастьяна. Тем не менее, у меня была работа, которую

нужно было сделать. Я вытащила фотоаппарат и начала делать снимки военных в игре. К своему удивлению я наслаждалась, когда ловила сцены веселья: игра в футбол, которая, казалось, была без правил, маленькие дети бегали за своими здоровыми отцами, дети бегали в купальниках, и вокруг было достаточно еды, чтобы накормить армию.

Хотя это провозглашалось как «семейный» день, здесь было множество одиноких мужчин (и несколько женщин), принятые в семьи подразделения, в котором они служили. Не было сомнения, что опираться друг на друга в таком

сложном деле и рисковать своей жизнью, зная, что тебя прикрывают, создавало настоящую связь между людьми.

До меня дошло, что я была одной из «одиночек», и что Донна приняла меня в свою семью на день. Это был худший способ приглашения.

Я услышала грузовик Чеса прежде, чем увидела его, но я старательно держала глаза на коробках с едой, которые Стефан и Курт относили к месту, где сидела Донна.

Она услышала шум и замахала, чтобы привлечь их внимание. Грузовик с грохотом остановился

рядом, и я увидела, что Митч был за рулем, а Билл и Ширли делили переднее сиденье.

Мое сердце начало биться немного быстрее, когда я поняла, что Себастьян в нескольких шагах от меня, хотя он, возможно, также был не в настроении, потому что я не смогу прикасаться к нему. Я даже едва смогу смотреть на него.

Я не знала, что было хуже: видеть его и не прикасаться или совсем не видеть его.

Ширли выпрыгнула первая, за ней последовал Билл, который к большому изумлению Донны подмигнул мне. Митч обошел грузовик, чтобы открыть багажник. Я

удерживала свой взгляд на машине Донны и продолжала распаковываться.

— Могу я помочь тебе с этим?

Тихий голос Себастьяна заставил меня подпрыгнуть. Он переоделся в чистую белую футболку и цветные шорты, на голове у него были очки. Он также побрился. Я чувствовала головокружение при виде его, но быстро опустила глаза.

— Ох, спасибо! — сумела пробормотать я.

Он улыбнулся мне и взял коробку из моих трясущихся рук, следуя за сыновьями Донны, Биллом и Митчем. Я вытащила торт с полентой, все еще нетронутый с

прошлой ночи, и присоединилась к линии.

— Мне на самом деле понравилась ваша статья, миссис Уилсон.

Я повернулась и увидела, что Фидо улыбается мне. Я была удивлена — никогда не слышала, как он говорит.

— Спасибо! Рада, что она понравилась вам всем, и пожалуйста, называй меня Кэролайн.

Себастьян, должно быть, услышал, потому что он повернулся и нахмурился, бросив гневный взгляд на Фидо. Фидо просто улыбнулся и настоял на том, что понесет торт. Я пыталась улыбаться, но внутри

умирала — разве этот день не был достаточно трудным без того, чтобы беспокоиться, к кому Себастьян будет ревновать меня?

Не думаю, что это было совпадением, что Себастьян выбрал именно этот момент, чтобы снять футболку, красуясь своей золотистой кожей, обнажая грудь под солнцем. Он знал, что я не смогу удержаться и не бросать в него кроткие взгляды. Конечно, остальные парни последовали его примеру, и вскоре я была окружена избытком загорелой, подтянутой плоти. Я нацепила очки на глаза и пыталась думать о чем-то другом.

Мы заняли место вокруг своей

ямы для барбекю, Себастьян уселся напротив меня, и каждый раз, когда я вставала, чтобы принести еще еды или передать что-то, он тоже вставал и «помогал». Затем он касался меня: невинно. Каждый раз моя кожа гудела от потребности, и я хотела крикнуть ему, чтобы он остановился или не останавливался, но сделать что-то с возбуждением, просыпающимся во мне. Каким-то образом мне удавалось поддерживать разговор с Ширли о том, чтобы завести куриц, для дополнительного дохода. Я ничего не знала о домашней живности, поэтому это была односторонняя дискуссия.

Билл и Митч постоянно

дружески подшучивали друг над другом, когда приступили к жарке мяса. Я решила придерживаться колбасы и салата, когда раскладывала остальные продукты.

Несколько морских пехотинцев из подразделения Митча и Билла подходили, чтобы скоротать время и помочь уничтожить огромное количество еды. Все мужчины ели так, как будто их жизнь зависела от этого, и я беспокоилась, что все слишком быстро исчезало.

Донна представила меня подходившим, и я увидела удивление на лицах некоторых из них, когда она объяснила, что я жена капитан-лейтенанта Уилсона. Очевидно,

репутация Дэвида шла впереди него.

Курт и Стефан делились историями из жизни в колледже, каждый пытался перещеголять другого. Они были привлекательными, образованными молодыми людьми и очень общительными. Стефан пошел по стопам отца и изучал медицину в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, Курт выбрал гражданское строительство и пошел в школу Маккормик в Чикаго. К сожалению, казалось, братья любили конкуренцию, и в данном случае они использовали ее, по очереди флиртуя со мной. Это очень смущало, особенно когда я видела

убийственный взгляд Себастьяна напротив, и изумление на лице Чеса. Фидо просто уставился на меня, что очень нервировало.

В ходе второй половины дня Себастьян становился все тише и тише, и я чувствовала, что он был готов взорваться. Хуже всего, что преданность Фидо ко мне становилась все более очевидной. Каждый раз, когда я тянулась за чем-нибудь, он вскакивал, чтобы передать это мне. Я никогда не была такой популярной, и мне никогда не было так неуютно.

Я не переставала думать, мог ли секс, который у меня был, разносить какие-то невидимые флюиды, какие-

то запахи, феромоны. Было ли это возможно? Раньше я никогда не была в похожей ситуации, чтобы задавать этот вопрос.

Так ненавязчиво как могла, я встала, решив ускользнуть и побыть одной на некоторое время.

— Ты в порядке, Кэролайн? — спросила Донна.

Я поморщилась, когда все уставились на меня.

— Ох, я просто хотела пойти пофотографировать игру в волейбол и конкурс замков из песка, — легко сказала я.

— Я пойду с тобой, — мгновенно сказал Себастьян.

— Нет-нет! Я в порядке. Сиди и

наслаждайся, — сказала я, слишком настойчиво.

Его глаза потемнели от злости, и он снова опустился на песок с угрюмым выражением лица.

Честно! Он хотел сделать это настолько очевидным?

Я поспешила сделать несколько фото, в том числе с ужасного конкурса по поеданию пирогов. Хотя и я тосковала по компании Себастьяна, везде было слишком много глаз. Я вернулась полчаса спустя, когда мое давление вернулось в норму, и я избегала встречи с его слишком пылким взглядом. Но я видела, как Донна подняла свою бровь и улыбнулась. Эта женщина

была слишком наблюдательной. Это заставляло меня нервничать.

Чес интересовался моим стареньким фотоаппаратом, поэтому я показала ему, как менять фокус и как настраивать уровень распределения освещённости. Я позволила ему сделать несколько фото нашей группы. Билл, конечно же, подпортил фотографию, захватив меня в объятия, чем заработал злобный взгляд Себастьяна. Затем Чес настоял на том, чтобы сделать мой снимок. Я не возражала — не то чтобы увижу ее — все фото будут предоставлены в «Сити Бит».

— Когда-то у меня был однообъективный зеркальный

фотоаппарат, — сказал Билл. — Интересно, что с ним случилось, я любил делать фотографии.

— Впервые слышу об этом, — сказал Митч, поднимая бровь.

— Эй! У меня есть один или два секрета, приятель! — ответил Билл, поднимая бутылку с пивом. — Так, что еще ты любишь фотографировать, Кэролайн?

— Ты имеешь в виду, любит ли она фотографировать мужчин с такими фигурами, как у тебя? — рассмеялась Ширли.

— Верно! — сказал Билл, поигрывая бицепсами. — Ты хочешь сделать несколько моих фото, Кэролайн? Личных фото? В любое

время, дорогая, но тебе понадобится длиннофокусный объектив.

Я рассмеялась, пытаясь сделать вид, будто наслаждаюсь шуткой. Это было тяжело, когда Себастьян выглядел так, как будто хотел ударить Билла.

— Мне нравится фотографировать людей, — сказала я, пытаясь изменить направление смущающего разговора, — когда они не знают, что я наблюдаю — просто снимать людей, когда они живут своей жизнью. Я не сильно увлечена пейзажами, я всегда восхищалась такими людьми как Роберт Капа и Картье-Брессон и...

— Ох, я люблю, когда ты

говоришь по-французски со мной, Кэролайн! — сказал Билл, подмигнув мне.

Это было за гранью смущения.

Внимание Чеса перемещалось между Биллом и Себастьяном, как будто он наблюдал за каким-то теннисным матчем.

Я видела, как Ширли послала Биллу предупреждающий взгляд. Он ответил ей усмешкой и сделал еще один глоток пива.

Я задавалась вопросом: что если он сознательно пытался вывести Себастьяна из себя. Боже упаси, но казалось общеизвестным фактом, что я нравлюсь Себастьяну. Это было очевидно от того, как все глаза были

устремлены на него, когда бы я ни становилась предметом разговора, как будто все что-то знали. К счастью, никто не догадался, что его чувства были более чем взаимны.

Я хотела встряхнуть его или отправить на курсы актерского мастерства или сделать хоть что-то, чтобы он менее очевидно показывал свои чувства ко мне.

Не только это меня беспокоило, но также у меня возникал вопрос, насколько успешны были мои попытки, когда я вела себя так, как будто не замечала его, или мне наплевать на него. От всего этого у меня разболелась голова, и я хотела, чтобы пикник закончился. Этот день

уже не казалось таким «развлекательным».

Я начала немного злиться на Донну — больше всего я хотела, чтобы я не пользовалась ее любезностью и приехала сюда на своей собственной машине.

Гора еды начала уменьшаться, и Донна предложила мне сервировать лимонный торт с полентой, когда я заметила, что все взгляды мужчин уставились за мое правое плечо.

— Привет всем, — сказал женский голос.

— Привет, Бренда, — сказал Чес, его тон был дружелюбным, но осторожным.

Я увидела, как он посмотрел на

Себастьяна.

Ох. Бывшая девушка.

Бренда Вайсман была несомненно прекрасной: идеальная, гибкая фигура, прямые светлые волосы, которые она постоянно смахивала за плечи, голубые глаза и самое маленькое бикини, которое я когда-либо видела за пределами мужских журналов. К моему раздражению, у нее, конечно же, была подходящая для него фигура.

Пока все уставились на Бренду, глаза Билла почти выкатились из орбит, а губы Донны сжались от неприязни, я увидела, что Себастьян нервно смотрит на меня. Я опустила глаза на торт и продолжила резать

его, сжимая ручку ножа слишком крепко. Это было неудачное время для появления Бренды, когда у меня в руке было подобное оружие.

— Привет, Себастьян, — сказала она.

— Привет.

Его ответ был коротким и без энтузиазма.

Я задавалась вопросом, было ли это исключительно из-за меня.

Она колебалась мгновение, как будто ждала приглашения. Когда его ни от кого не последовало, она все равно села рядом с ним, вытянув свои длинные загорелые ноги и откинувшись на руках.

— Я не видела тебя с

выпускного.

Себастьян уставился в песок. Было очевидно, что он не знал, что делать в этой ситуации.

Это было довольно забавно — если не быть мной.

— Где ты тусуешься? — расспрашивала она, ее голос был неестественно веселым.

Я задавалась вопросом, репетировала ли она это.

— Я занят.

— Чес сказал, что вы, ребята, работаете в загородном клубе, — спросила она его.

Себастьян посмотрел на Чеса, который виновато пожал плечами.

— Так, что вы делаете там?

— Спасатели в бассейне, — быстро ответил Чес, — и иногда обслуживаем столики, когда у них не хватает людей.

— Круто! — сказала Бренда, снова перекинув волосы через плечо.

Я хотела перепрыгнуть через яму для барбекю и заставить ее есть песок.

Мужчины выглядели удивленными, когда Себастьяну становилось все больше и больше некомфортно, и его щеки краснели от каждой неловкой секунды. На лицах Ширли и Донны было сочувствие, и они вежливо пытались сохранить отдельный разговор. Я ненавидела мысль о том, какое

выражение было на моем лице.

— Эй, ты обрезал волосы, — сказала Бренда, вытянув руку, чтобы провести ему по затылку.

Я захотела сломать ее пальцы.

Себастьян отстранился от нее и выглядел раздраженным. Я надеялась, что Бренда поймет намек, но она еще не воспользовалась своим главным оружием.

— Ну, тебе идет, — сказала она, подтягивая верх от бикини.

Я была готова поклясться, что ее сиськи были как магниты, к которым притягивались все мужские глаза, даже Себастьяна.

— Хотя, мне нравится, когда у тебя длинные волосы, но ты и так

знаешь это.

— Я тоже обрезал волосы, — сказал Чес в смехотворной попытке, чтобы защитить друга от неустанного натиска Бренды.

Она посмотрела на него оскорбительно кратко.

— Мило.

— Ты решила, в какой колледж пойдешь осенью? — спросил Стефан, пытаясь привлечь ее внимание.

— Меня приняли в Калифорнийский университет в ЛА и Сан-Диего, — сказала она, ее взгляд не отрывался от Себастьяна.

— Ты должна поехать в ЛА, — сказал Стефан. — Там, правда,

отличная школа. Какой твой профильный предмет?

Она полностью игнорировала его, и он пнул песок в огонь к большому изумлению своего брата. Бренда подтянула свои колени к груди и задела руку Себастьяна.

— Можем мы поговорить? — сказала она тихо.

— Я думал, что ты разговариваешь с Джеком, — сказал он холодно.

Она покраснела.

— Пожалуйста, Себастьян? Наедине.

Внезапная робость в ее глазах заставила меня поднять взгляд. Она уставилась на Себастьяна, складка

беспокойства пролегла между ее бровей. Я должна была отдать ей должное: она была хороша. И решительна. Она публично заявила, что у нее все еще есть чувства к нему. В действительности, исходя из недавнего опыта, я бы сказала, что она от него без ума.

Огонь ревности вспыхнул в моем горле и опустился до желудка. Она была красивая, милая, смелая, чрезвычайно решительная и знала, чего хочет. Ох, и они были одного возраста. Она была идеальна для него, она была из тех девушек, с которыми он должен быть.

Было несправедливо удерживать его. Это было неправильно.

Я чувствовала, что мои глаза начали наполняться слезами, я надеялась, что дым от барбекю, будет достоверным оправданием.

Я ждала, что Себастьян скажет ей, что им не о чем говорить.

Но он этого не сделал.

Он поднялся на ноги одним грациозным движением.

— Ладно, — пробормотал он.

Я не знала, смотрел ли он на меня, потому что мой взгляд все еще был на гребаном торте — я больше никогда не смогу есть лимонную Поленту.

— Она милая девушка, — сказала Ширли, когда Бренда ушла с Себастьяном. — Я была так

удивлена, когда они расстались. — Она посмотрела на Чеса, который избегал взгляда матери. — Я не знаю, что случилось между ними.

Я злобно воткнула нож в торт.

— Она горячая! — заявил Стефан.

— Я помню ее, когда она была тощей и носила брекеты, — сказал Курт. — Сейчас посмотрите на размер этих титек.

— Курт! — сказала Донна с предупреждением в голосе.

Митч и Билл рассмеялись.

Я передавала торт, вымученная улыбка была приклеена к моему лицу. Я говорила себе, что это неправильно наблюдать за

Себастьяном и Брендой, и я не хотела бы увидеть, что между ними происходит — и случайно вышло, что когда я села, раздав всем торт, у меня был идеальный обзор на них.

Из того, что я видела, она использовала каждый трюк в своем арсенале. Умная девочка, черт побери!

Она притворилась, что слегка споткнулась, потеряв равновесие, чтобы она могла уцепиться за его руку; она играла с лямкой бикини, чтобы привлечь его взгляд. Затем она перекидывала волосы через плечо и заправляла прядь за ухо. Я отчаянно хотела узнать, о чем они говорят. Себастьян качал головой, а она

стояла слишком близко и гладила его руку. Затем казалось, что они спорили. Она умоляла его, раскинув руки, он яростно качал головой, положив руку на бедро. Я не знала, что произошло, но затем она обвила руками его шею, ее щека оказалась на его голой груди, а он обнимал ее, нежно раскачивая, так же как он обнимал меня ночью.

— Я ставлю десять баксов, что мы не увидим Себастьяна до завтрашнего утра, — сказал Стефан, показывая неприличный жест руками.

— Ты не найдешь желающих на это пари! — рассмеялся Курт. — Она уже использует свои силы на всю

катушку.

Во взгляде Чеса было отвращение, и он выбросил остатки сэндвича в яму.

— Мальчики! — сказала Донна с предупреждением в голосе.

Я увидела достаточно. Увидела и услышала достаточно.

— Кэролайн? Ты куда-то собираешься?

Внимание Донны было направлено на меня.

Я сухо улыбнулась, заставляя слова выходить из моего рта.

— Я просто хочу пойти и сделать еще фотографий до наступления темноты — мне нужно убедиться, что я запечатлела все. —

И убраться к чертям собачьим отсюда.

Я бродила по пляжу, чувствуя оцепенение, даже если предательские слезы катились из глаз. Я щелкала снимки наугад, едва осознавая, что снимаю. В моей голове было только одно изображение — то, как Себастьян обнимает свою бывшую девушку. Его красивую, сексуальную, молодую бывшую девушку.

Я была зла, черт побери! Казалось, что мое лицемерие не знало границ. Я была зла на Себастьяна, потому что он оставил меня и ушел с Брендой — шлюхой, которая трахалась с его другом

Джеком. Да, я изменяла своему мужу, да, я была ужасной женой. Но я рисковала всем ради Себастьяна — всем. Жизнью, которую знала, свободой, чтобы не попасть в тюрьму, положением в обществе, ради всего святого.

Я смотрела, как он уходил и улыбался, пока играл в мерзавца. Я задыхалась от ревности и злости, и мне было так больно, больше чем я могла выдержать.

Я обнаружила, что стою на краю океана. Приливная волна начала свое медленное путешествие назад по нагретому солнцем песку. Нежные всплески воды у моих ног были успокаивающими. Я позволила

своему разуму воскресить в памяти головокружительные воспоминания последних трех недель — смехотворно короткий промежуток времени в течение жизни. И тем не менее... тем не менее я никогда не чувствовала себя такой живой — страх, как и надежда, окрасили эти три недели, но я поняла что не могу продолжать так дальше.

Я возложила на Себастьяна слишком большие надежды — это было несправедливо. Он был так молод... слишком молод, чтобы взвалить на себя все это, с моей нелепой неуверенностью и эмоциональностью. Если я на самом деле заботилась о нем, я должна

сделать так, чтобы ему легко было уйти. Конечно, с виду не казалось, что ему нужно мое благословение — стоило только увидеть, как Бренда вцепилась в него и как он обнимал ее.

Как мое тело, так и все мое существо изнывало от жажды его прикосновений, но я открыла одну важную вещь в себе — я могу сделать все, что мы задумали, сама по себе, я была достаточно сильной для этого. Возможно, он дал мне свою силу, я не знала. В одном я была уверена — я больше не могу быть с Дэвидом. И если Себастьян не хочет меня, нет причин для меня оставаться.

Но это больно. Это очень

больно. Я открыла свое сердце для возможности полюбить, и любовь ударила по мне.

Я чувствовала раскол в своей груди — часть моего сердца была разбита, зная, что, по всей вероятности, я больше не увижу Себастьяна. Я сделала глубокий вдох и уставилась в направлении горизонта: настало время для меня, наконец, повзрослеть.

Я посмотрела на часы. Я надеялась, что Донна была готова уезжать, потому что мне нужно было успеть в «Сити Бит», оставить им пленки. Ох, и забрать форму Дэвида из химчистки. Я дрогнула от мысли встретиться с ним лицом к лицу,

вернее, признаться, что я ухожу. Мне нужно было очистить голову, и я думала, как собираюсь сделать это. Только при мысли об этом мне было плохо. Мне нужно быть сильной! Я точно собиралась заставить свой план работать. Каким-то образом.

К тому времени как я вернулась к яме барбекю, Донна и Ширли остались одни, медленно складывая остатки еды — женская работа. Я поспешила помочь им.

— Ты сделала все фото, которые хотела? — спросила Донна.

— Да, думаю, что да. Вы уезжаете сейчас? Мне нужно завезти пленку в «Сити Бит».

— Сегодня? — сказала Донна

удивленно. — Газета не выйдет до четверга.

— Я знаю, но редактор попросил меня привезти их, поэтому....

— Ну, мы с Ширли уезжаем сейчас. Парни поедут домой с Митчем. В любом случае я ожидала, что они отправятся позже.

Она приподняла брови и покачала головой, будто говоря: мальчишки такие мальчишки.

Свалив все в универсал Донны, мы отъехали от пляжа. Я посмотрела через плечо, солнце начало свой медленный спуск к горизонту. Я не знала, что высматриваю — мягкое шипение пара, когда солнце

достигнет моря, или возможно очертание какого-то силуэта на песке. Конечно, не было ничего.

Я чувствовала, как будто это конец чего-то, но это могло быть и началом.

— Все прошло неплохо, так ведь? — сказала Донна весело.

На мгновение я не могла понять, о чем она говорила. О, развлекательный день. Верно. Так много веселья.

Мои одинокие мысли сжигали меня как кислота. Я так глупо ожидала чего-то другого.

Ширли улыбнулась.

— Да, я думаю, что все хорошо провели время. Конечно, мальчики

планируют растянуть веселье. Надеюсь, что Митч присмотрит за ними.

Я не хотела думать о том, какое веселье Себастьян может растягивать в данный момент.

Донна улыбнулась.

— Я уверена, что так и есть.

На мгновение я подумала, что она ответила на невысказанные мысли.

— Хмм, он не позволит им выпить слишком много, но я уверена, что кое у кого будет болеть голова утром. Митч сказал, что есть вероятность, что они будут спать в фургоне сегодня, если не смогут поехать обратно, хотя я не уверена,

как они поместятся, если сейчас с ними Стефан и Курт.

Донна покачала головой и улыбнулась.

— Я сомневаюсь, что им есть до этого дело. Ты знаешь, какие они, когда собираются все вместе. — Затем ее серьезное выражение вернулось. — Хотя они, правда, не должны пить на пляже — Честер все еще несовершеннолетний. И Себастьян. И другой парень — Фидо.

Ширли рассмеялась.

— Ты не помнишь себя в их возрасте, Донна? Я помню, ты рассказывала, что нарушила парочку правил в свое время. В действительности я помню, ты

говорила, что Йохан забирался в общежитие частной школы, в которой ты училась.

Я удивленно посмотрела на Донну. Она была милой дамой, но всегда казалась мне чересчур правильной.

— Ох, да, — сказала Ширли, улыбаясь мне. — У Донны есть свои тайны, не так ли?

— Ты дашь Кэролайн неверное представление обо мне.

— Ох, самое верное, — рассмеялась Ширли. — Да, Йохан прокрадывался к ней в общежитие, чтобы получить пару поцелуев. Ее чуть не исключили, не так ли Донна?

— Да, признаю это все, —

сказала Донна.

— Ну, теперь ты понимаешь, откуда у твоих мальчиков эта дикая жилка, — сказала Ширли, подмигнув.

— Да, ну... и в кого тогда Честер?

— В своего отца! — утверждала Ширли. Затем она вздохнула. — Я не знаю, в кого пошел Себастьян, к счастью бедный мальчик не похож ни на одного из своих родителей. Иногда я задаюсь вопросом, на самом ли деле Дональд его отец.

— Ширли! — сказала Донна, выглядя шокировано.

— Ну, сама посмотри, он не пошел ни в кого из них, на самом

деле он даже не похож ни на одного из них. Затем вспомни репутацию Эстель. И это объяснило бы, почему они всегда так ужасно относятся к нему.

— Ну, — сказала Донна тихо. — Я не думаю, что мы должны строить предположения на эту тему. Не имея фактов.

Ширли пожала плечами и на мгновение в машине повисла неловкая тишина.

— Ты очень тихая, Кэролайн. Ты в порядке? — спросила Донна, в ее глазах застыл вопрос.

— Просто планирую неделю наперед, — ответила я любезно.

Неделю. Месяц. Остаток жизни.

На самом деле я была увлечена, слушая домыслы Ширли о корнях Себастьяна. Я задумалась, было ли хоть немного правды в этом, или возможно это были бесполезные, необоснованные сплетни, которые гуляли в военной среде.

С уколом боли я вспомнила, что на самом деле все это было не мое дело, Себастьян больше меня не касался. Но я не могла сопротивляться и не помучить себя еще немного.

— Что случилось с Себастьяном в этот вечер? — сказала я невинно, пока почти не подавилась своими словами. — Они все исчезли, когда я вернулась.

— Думаю, что он остался с Брендой, — сказала Ширли, подтверждая мысли, которые мучили меня.

— Ох, я не знаю, — не согласилась Донна. — Он немного говорил с Честером, не так ли? Или это было до того, как пришла та девушка? Я думала, что она была немного... раздета.

Я определенно согласилась с этой точкой зрения. Маленькая шлюшка.

Ширли улыбнулась.

— Все молодые девушки так одеваются, Донна. И честно говоря, если она хотела привлечь внимание Себастьяна, чего она, очевидно,

добилась, она все сделала правильно! — она остановилась. — Хотя, если быть честной, я была немного удивлена, — она всегда казалась более милой, когда они встречались, но сегодня так и не скажешь. Но кто знает: у них вероятно безумный, страстный секс за пристанью.

Я бы с удовольствием несколько раз хлопнула пассажирской дверью по голове Ширли. Не то чтобы она говорила что-то, о чем я не думала, но слышать это предположение от третьей стороны было новым источником унижения и боли.

— Я надеюсь, что нет! — строго сказала Донна.

— Ох, да ладно тебе, Донна. Мы

бываем молоды только раз. У тебя два сына: ты знаешь, что любят подростки. Они думают о сексе каждую секунду — или даже чаще. Ты видела их лица, когда пришла Бренда — и то, что она была практически раздета. Не удивлюсь, если каждый член в ста ярдах вскочил от этого и отдал честь, когда она возилась со своими лямками от бикини. Кто из них сможет сказать нет, когда им предлагают все на голубой тарелочке? Ну, я пыталась поговорить с Чесом, что стоит подождать, пока он не влюбится и не будет уважать женщину и все такое, но я определенно плыла против течения — и вероятно было уже

слишком поздно. В основном я надеюсь, что он будет осторожен. Меня не приводит в восторг мысль так рано стать бабушкой.

Донна покачала головой, но было очевидно, что она была не согласна с более свободомыслящими взглядами Ширли.

— Думаю, что я бы постоянно нервничала, если бы у меня были дочери вместо сыновей. И их отец держал бы их взаперти, пока они не окончат колледж... или возможно дольше.

Затем мой телефон пиликнул. Я решила игнорировать его. Донна посмотрела на меня с озабоченным выражением на лице.

— Вероятно это Дэвид, хочет убедиться, что я забрала вещи из химчистки, — сказала я, пытаясь скрыть горечь в своем голосе.

Она улыбнулась.

— Да, Йохан что-то говорил о торжественном ужине в столовой завтра. Я не думаю, что он очень заинтересован в этом, будучи так далеко целых две ночи. Но кто ждет, что военные проявят сочувствие к бедным женам?

Ширли кивнула, соглашаясь, и тема перешла на других жен и партнеров, которые подходили, чтобы поздороваться во второй половине дня.

— Я думаю, что Билл

наслаждался собой сегодня, — сказала Ширли. — Я не видела его таким с тех пор, как они с Денис развелись.

— Как долго они с Митчем друзья?

— Ох, с тех пор как мы переехали в Сан-Диего, где-то года четыре. Мы хотели, чтобы у Чеса была более постоянная старшая школа.

Я прислонилась к своему сидению, когда разговор продолжился, позволяя усталости накрыть меня с головой. Я почти спала к тому времени, как Донна подъехала к моему дому.

— Дэвид упоминал, что я

забираю их обоих из аэропорта?

— Ох, мне, вероятно, нужно было прочитать сообщение Дэвида, — сказала я виновато.

— Не имеет значения, — сказала она, улыбаясь. — У тебя много всего в голове, например, мысли о химчистке.

Я рассмеялась, хоть и немного отстраненно.

— И я должна попасть в город. Ну, спасибо за прекрасный день, вам обеим. И спасибо за поездку, и за то, что приглядывали за мной.

Я быстро обняла Донну и послала Ширли воздушный поцелуй.

— К нашему удовольствию, Кэролайн, — сказала Донна.

— Но нужно снова собраться за кофе в ближайшем будущем, — согласилась Ширли. — Может, в загородном клубе?

У меня не было никакого намерения когда-нибудь снова оказываться поблизости с этим местом, но я слабо улыбнулась. Я помахала им на прощание и смотрела, как они исчезают из виду. Они, правда, были очень добры ко мне. Мне будет жаль оставлять их позади.

Устало я села в свою машину и направилась в химчистку. Мой телефон запиликал во второй раз, но я проигнорировала его.

Униформа Дэвида была готова,

женщина, работавшая в химчистке, с гордостью сказала мне, что это их долг отдавать военным приоритет. Я слабо улыбнулась и поблагодарила ее, бросив униформу, обернутую в полиэтиленовый пакет в машину. Я так устала, что была готова уснуть за рулем.

Я припарковалась так близко к «Сити Бит», как могла, и направилась в офис.

На ресепшен было темно, и дверь была закрыта. Я нажала на кнопку интеркома и обдумывала идею опустить пленки в почтовый ящик, когда Карл шагнул к двери.

— Каролина, привет! Рад видеть тебя! Ты хорошо выглядишь, немного

загорела на пляже.

Я слишком поздно поняла, что появление в шортах и короткой футболке было непрофессионально.

— Ох, да, — согласилась я неловко. — Это был хороший день. Все наслаждались происходящим.

— Твой муж тоже наслаждался этим?

Его вопрос выбил меня из равновесия.

— Эм, нет. Он был на медицинском симпозиуме в это время.

— Ох, как жаль, — сказал Карл, хотя его выражение лица говорило совсем другое. — Ну, возможно ты бы хотела присоединиться ко мне,

чтобы пропустить по стаканчику? Я как раз закончил здесь только что.

Я определено дала ему неправильное впечатление, надев шорты для пляжа.

— Очень любезно, Карл, — ответила я быстро, — но на самом деле я сейчас должна ехать в аэропорт, чтобы забрать мужа.

Он выглядел разочарованным.

— Уверена, что у тебя нет времени для одного напитка?

— Извините. Мне, правда, нужно идти.

— Ладно, хорошо… полагаю, увидимся.

— Конечно. Приятного вечера. Мне будет интересно увидеть,

какими выйдут фотографии.

— Заглядывай в любое время.

Я быстро помахала и ушла. Мой побитый старый Форд был хорошей заменой убежища.

Я решила проверить телефон, чтобы посмотреть какие команды Дэвид отправил на этот раз.

Но сообщения были не от Дэвида, а от Себастьяна. Мое сердце вздрогнуло от смеси боли и удовольствия. Дрожащими руками я открыла свой телефон. К моему удивлению там было три сообщения, каждое более настойчивое, чем предыдущее.

** Где ты? **

** Мне нужно поговорить с*

*тобой. Где ты? **

И последнее.

** Я еду в твой дом. СЕЙЧАС ЖЕ. **

Я ахнула и, хотя я пыталась задвинуть ее обратно, надежда вспыхнула внезапно и ярко. Это так сбивало с толку — я все еще сгорала от злости и ревности. Он оставил меня на пикнике ради этой девушки.

Я посмотрела на часы — было почти девять вечера. Донна сейчас в аэропорту. Через тридцать минут Дэвид зайдет через парадную дверь. Чтобы добраться до дома у меня займет около двадцати минут. Я сделала подсчет.

Черт.

Сейчас мои руки дрожали так сильно, что мне потребовалось три попытки, чтобы прокрутить телефонную книжку и найти номер Себастьяна в своем телефоне.

Телефон звонил, звонил и звонил. А затем он перешел на голосовую почту.

Я повесила трубку и попыталась снова. На этот раз он мгновенно перешел на голосовую почту. На этот раз я оставила сообщение.

— Себастьян, нет. Повторяю, НЕ ходи в мой дом. Я в центре города, и Дэвид будет дома с минуты на минуту. Пожалуйста, пожалуйста, не приходи.

Я понятия не имела, получил он

сообщение или нет, если получил, сделает ли он так, как я сказала. И затем я начала чувствовать злость — настоящую злость. Он ушел со своей бывшей, и он еще угрожал прийти в мой дом, когда Дэвид должен был вернуться.

Может, мой гнев был неразумным, но он не ощущался таковым, прямо сейчас я нуждалась в нем.

Я приехала домой так быстро, как хватило смелости. У меня не было никаких наклеек на машине, которые помогли бы мне избежать тюрьмы, и я не могла рисковать, чтобы меня остановили за превышение скорости.

Я ворвалась в дом, почувствовав облегчение, что он тих и пуст. По крайней мере, я приехала домой раньше Дэвида.

Я чуть не выпрыгнула из кожи, когда услышала голос Себастьяна в темноте.

— Где ты была?

— Себастьян! — зашипела я. — Ты не можешь здесь находиться. Дэвид будет дома в любую секунду!

— Я не собираюсь уходить, пока ты не поговоришь со мной.

Его голос был напряженным и злым.

Ну, да пошел он! Я тоже была чертовски зла!

Я сунула ключ в замок и открыла

дверь.

— Входи! — зло сказала я. — Пока кто-нибудь не увидел тебя!

Он прошмыгнул мимо меня, и я захлопнула за ним дверь.

— Ты не можешь здесь находиться! — повторила я.

Он не ответил, но внезапно схватил меня за талию и притянул к себе. Без предупреждения, он яростно поцеловал меня, обрушив свои губы на мои.

Мое тело начало отвечать, но злость и страх одержали верх. Я сильно толкнула его в грудь. Он отпустил, его руки опустились по бокам, на его лице было выражение шока.

— Каро!

— Я серьезно, Себастьян. Я хочу, чтобы ты ушел. Сейчас же!

Его голос стал умоляющим.

— Мне нужно поговорить с тобой, Каро. Ты просто исчезла. Я не знал, где ты. Я знаю, как это, должно быть, выглядело... с Брендой... но ничего не было. Я уверяю тебя. Она была расстроена, и я не мог проигнорировать ее.

Да, ты мог! Я хотела накричать на него.

— Почему ты просто уехала? Почему не поговорила со мной? Ты могла позвонить мне! Пожалуйста! Я люблю тебя!

Я не знала, чему верить. Но я

знала, что видела.

Свет от сине-белых фар автомобиля внезапно наводнил коридор, и я услышала звук универсала Донны снаружи.

— Ради всего святого, Себастьян! Просто уходи!

— Когда я увижу тебя? Каро, пожалуйста!

— Я не знаю, просто уходи. Просто убирайся! — прокричала я.

Он еще один, последний раз, посмотрел на меня с болью, затем повернулся и побежал на кухню. Я слышала, как он возится с замком на задней двери, когда я быстро включала свет по дому.

Мое сердце так громко стучало в

груди, что я едва услышала резкий стук в дверь.

Не дыша я открыла ее.

— Ты здесь, Кэролайн. Я начал задаваться вопросом, вернулась ты или нет.

Его тон был резким. И мне нужно было это услышать — мой страх ушел.

— Я не была там долго, мне пришлось отвезти несколько пленок с фото, которые я сделала, в «Сити Бит». Как прошел твой полет? Сделать тебе кофе?

— Ты знаешь, что я не пью кофеин так поздно, Кэролайн.

— Тогда бокал вина?

— Мне не нужно пить каждый

день, в отличие от тебя.

Я моргнула. Это было новое и интересное развитие событий. Теперь я стала алкоголичкой? Я почти рассмеялась. И затем у меня было прозрение: я больше не боялась его.

— Ну, рада видеть, что полет не повлиял на твое хорошее настроение, Дэвид. Я собираюсь выпить бокал вина. Дай мне знать, если тебе понадобится что-нибудь.

Я оставила его с открытым ртом в коридоре.

В конечно итоге я услышала, как он поднимается наверх со своими сумками. Мой уровень адреналина подскочил, и я чувствовала, что

немного дрожала. Я не ела много на пикнике, но теперь была голодная.

Покопавшись в холодильнике, я нашла банку арахисового масла. Я купила его для Дэвида, не для веселья, но прямо сейчас я нуждалась в ней. Я нашла десертную ложку и погрузила ее в масло.

Я вспомнила, что только этим утром Себастьян говорил мне, что любит арахисовое масло. Это, правда, было только этим утром? Казалось, что это было так давно.. В каком-то смысле так и было.

Я начала чувствовать себя плохо из-за того, как говорила с ним. Я думала, что он вел себя безрассудно, настаивая на том, чтобы прийти в

мой дом, и поставив нас под такой риск. Да, это было глупо, но по правде говоря, я была единственной, кто повел себя плохо. На его лице было столько боли, когда он уходил. Нет, черт побери! Я была права, что злилась!

Мои эмоции кружили вихрем, переходя от печали к гневу. Некоторое время спустя я поняла, что Дэвид был необычно тих.

Я поднялась наверх и увидела, что он уже под одеялом, его грязная одежда разбросана на моей стороне кровати.

Когда я увидела это, то должна была признать, что Дэвид обскакал Себастьяна в детском поведении.

Я направилась в гостевую комнату. Там было прохладно и спокойно и не было никаких ассоциаций с Дэвидом или Себастьяном. Прежде чем я поставила будильник на утро, я на мгновение задумалась о сообщении для Себастьяна, но не была уверена, что хотела сказать.

Я засыпала, а перед глазами стояло выражение его лица, искаженного от боли.

13 глава

Во время завтрака Дэвид был угрюмым. Что за глупое поведение?

Без слов я положила ему бекон, блинчики и яйца, показала приведенную в порядок униформу и спокойно села с ломтиком тоста за свой лэптоп.

Я ощущала на себе его взгляд — тихое порицание. Ну, пока это сопровождалось тишиной, меня это устраивало.

Как обычно, он вышел из дома, не говоря со мной. Я заметила, что он взял свою парадную униформу, поэтому, если мне повезет, я не увижу его до самого утра. Я

определенно могла использовать двадцать четыре часа отсрочки.

Перед разговором с Дэвидом мне нужно взять себя в руки и поговорить с Себастьяном. Я была чертовски уверена, что не буду извиняться за то, что сказала вчера, нам нужно поговорить. По крайней мере, я думала, что нужно. Что бы между ними с Брендой случилось или не случилось, как он утверждал... как бы прав или не прав он не был, когда подверг нас риску разоблачения, придя ко мне вчера ночью, предполагалась, что я взрослая в наших отношениях. Я решила, что позволю ему уйти с несколькими клочками моего

неповрежденного достоинства.

Я вытащила свой телефон, чтобы написать ему.

Сообщения были не столь эффективны: они могли сказать так много и так мало — и все же они помогали избежать всех ужасных эмоций от встречи лицом к лицу. Я понимала, почему решения проблем посредством сообщений было таким популярным: это был метод общения трусов. Ну... тогда это идеально подходило для меня.

Я собиралась напечатать сообщение, когда услышала легкий стук в дверь. Оказалось, что Себастьян опередил меня. По крайней мере, он не собирался

бросить меня по смс. Я предполагала, что это хороший знак.

Боже, он был так красив. Я не смогла сдержать один последний, поглощающий взгляд.

Даже если это было прощанием, я чувствовала себя счастливой, что встретила его. Понимает или нет, но он стал катализатором для изменения моей жизни. Я всегда буду благодарна ему за это.

— Привет. Зайдешь?

Он безмолвно кивнул, и я толкнула дверь шире, чтобы дать ему войти.

— Я как раз собиралась пить кофе, ты хочешь?

— Почему ты ведешь себя так?

— прошептал он.

— Как? — сказала я холодно.

— Вот... так! — он беспомощно махнул рукой.

Его голос пронзил мой тщательно выстроенный фасад — он звучал так повержено. Я села за стол, обхватив холодными руками кофейную чашку. Я начала свою предварительно подготовленную речь.

— Мне жаль, что я ушла не попрощавшись. Я не хотела заставить тебя беспокоиться. Я видела тебя с Брендой... И подумала, что для меня будет лучше уйти.

— Я знал это! Я знал, что это из-за этого! Черт, Каро!

Он сел напротив меня и потер руками лицо.

— Ничего не было с Брендой. Ничего! Почему ты ведешь себя так?

Ох, нет, он не будет потерпевшей стороной.

— Это не выглядело как «ничего», — зашипела я, мой контроль полетел ко всем чертям. — Ты говоришь, что любишь меня, и так просто уходишь с Брендой? Есть ли у тебя хоть малейшее представление, насколько это больно? Есть? Ты начал отношения со мной, зная, что я замужем. Но для тебя нормально злиться на моего мужа, для тебя нормально дуться, когда Билл флиртует со мной, и ты сказал, как

тебе грустно, что ты не можешь быть со мной на публике в этот глупый развлекательный день... но знаешь что, Себастьян? Ты подписался на это. Со мной. Я уверена, что не подписывалась на то, чтобы видеть, как ты уходишь с другой девушкой. Ты правда думаешь, что это было красиво с твоей стороны, прогуливаться вдоль пляжа с твоей бывшей девушкой, у которой явно есть чувства к тебе, и которая хочет вернуть обратно? Ты так думаешь? Потому что это ненормально. Это, правда, ненормально.

— Ничего себе. Ты... ты, правда, злишься. Каро...

Ни черта подобного!

Я зыркнула на него, и он опустил глаза на стол, тяжело вздохнув.

— Мне жаль, правда. Просто... Бренда... она... я полагал, что она будет там вчера. Ее отец — приятель Митча. Я должен был сказать что-то... сейчас я понимаю это... но я не знал, что сказать... я имею в виду, я порвал с ней несколько месяцев назад, еще до того, как встретил тебя снова, поэтому не думал, что будет иметь значение, если она будет там... но я не знал, что она собирается... Она не интересна мне, поэтому это не то... что ты могла подумать...

Он сделал глубокий вдох.

— Каро, я снова и снова тебе повторяю, что люблю тебя. Ты

никогда не говоришь... почему ты не веришь мне? Почему не доверяешь? Я никогда, никогда не причиню тебе боль. Я люблю тебя.

— Ты причинил мне боль, Себастьян, — сказала я серьезно. — Очень сильно. Ты сказал, что никогда не сделаешь это, но затем пройдет время, и это случится. Мне будет больно.

Я думала, что он собирается потянуться ко мне, но он закрыл глаза, медленно покачав головой.

— Боже, Каро, прости. Я не хотел обидеть тебя. Я просто... Я не знал, что Бренда собирается сказать, и не хотел, чтобы ты сидела там и слушала это. Я подумал... подумал,

что будет правильно увести ее от тебя. И... она была расстроена, и я полагаю... я чувствовал, будто должен ей что-то. Ей действительно нелегко пришлось с того момента, как...

Он остановился. Возможно, из-за моего взгляда. Я не хотела слышать, как он говорит мне, что в долгу перед своей шлюхой бывшей, и что он еще достаточно заботится о ней, чтобы не желать расстроить ее. Но меня расстроить было нормально.

Я вздохнула. Я знала, что он сделал это ненамеренно. Он, очевидно, думал, что увести ее от меня подальше будет лучшим решением на случай, если она начнет

просить его вернуть их отношения. Иногда он бывает чертовски милым, заботясь о других.

— Каро, мне жаль. Пожалуйста, пожалуйста. Не злись на меня. Я люблю тебя.

Его голос дрожал, а глаза умоляли поверить. И я поверила. Я просто не была уверена, что верю в нас.

Я взяла его за руку, моя решимость немного угасла от его заявления.

Но это было ошибкой: тепло его кожи, прикосновение плоть к плоти — все мое тело вспыхнуло от желания. Приготовленная речь застряла у меня на языке.

— Вы так хорошо смотрелись вместе, — выдавила я признание.

Он медленно покачал головой, его напуганные глаза уставились на меня.

— И затем... другие говорят, какая она милая и красивая, и что из вас получается хорошая пара... я не могла спорить с ними. И я увидела, как она вела себя с тобой. Она сделала чертовски очевидным, что она хочет вернуть тебя. Я полагаю, что не могу обвинить ее. Или тебя. И… ты не нуждаешься в этом... моем эмоциональном багаже. Ты должен быть с Брендой — или с кем-то вроде нее... с кем-то твоего возраста. И... я видела тебя! Я видела тебя с ней, как

ты вел себя с ней, как держал ее.

Он притянул мою ладонь к своему лицу и нежно поцеловал ладонь.

Затем медленно он всосал кончик каждого пальца. По моему лицу он мог видеть, что это делало со мной.

— Я хочу заняться любовью с тобой, — прошептал он.

Я попыталась высвободить свою руку, но он удержал.

— Не отказывайся от нас, Каро. Потому что я не могу.

Я потянула свою руку, и на этот раз он отпустил ее.

— Себастьян, я буду честной с тобой — я не знаю, что лучше всего

сделать, поэтому я хочу двигаться дальше. Но... все это... это сумасшествие — мы уничтожаем все на своем пути. Заниматься любовью с тобой — удивительно: я никогда, никогда в жизни так себя не ощущала. Но это неправильно для меня... начинать эти отношения с тобой — я имею в виду не из-за того, что говорит закон, хотя это, конечно, проблема... а потому, что это несправедливо по отношению к тебе.

Он пытался прервать меня, но я была намерена закончить.

— Пожалуйста, мне нужно сказать это. Много лет я чувствовала себя неполноценной, недостаточно хорошей — мне не нужно

обрисовывать картину, думаю, ты догадываешься из-за чего. И каждый раз, каждый раз, когда я вижу тебя с женщиной моложе, независимо от обстоятельств — это разрывает меня. Я не хочу, чтобы лучшее, что когда-либо было со мной, испортила моя неуверенность — я не вынесу этого. Ты вернул меня к жизни — и ты никогда не поймешь, в каком долгу я перед тобой из-за этого. Но ты только начинаешь свою жизнь. Это несправедливо обременять тебя мной. Ты заслуживаешь лучшего, чем это. Я должна отпустить тебя.

Он безмолвно смотрел на меня несколько секунд, как будто ему нужно было убедиться, что я на

самом деле закончила. Он сделал глубокий вдох — и я задержала свой.

— Ты хочешь честности? Ну, ответь мне: если бы мне было двадцать пять, а тебе тридцать восемь, у нас был бы этот разговор?

Я беспомощно пожала плечами.

— О том, что ты уходишь со своей бывшей? Да. Определено.

Он нетерпеливо покачал головой.

— Нет, я о возрасте.

— Может быть, — сказала я осторожно.

— Нет, я так не думаю, как и ты на самом деле. Вот о чем я говорю, Каро. Это не будет иметь значения. Это не имеет значения. Ты не

думаешь, что я чувствую то же самое, что я недостаточно хорош для тебя? Черт, что я могу дать тебе? Дерьмовую квартирку и две работы, пока ты пытаешься отправить меня в колледж? Ты думаешь, я нормально чувствую себя насчет этого? Потому что это убивает меня! Я хочу заботиться о тебе, мне... Мне плевать на колледж, мне плевать, что нужно уехать из Сан-Диего. Имеют значение только наши отношения. И этот гребаный спор возникает у нас снова и снова. Ты сводишь меня с ума! Я люблю тебя! Если ты оставишь меня сейчас...

Но он не смог закончить свои слова. Он смахнул слезы со своих

щек и опустил взгляд.

— Каждый раз, когда что-то не так, ты отказываешься от нас. Ты убиваешь меня, Каро.

Я прижала руку ко рту, не в состоянии двигаться или говорить, потрясенная тем, что сделала с ним.

Он поднял взгляд.

— Ты хочешь честности? Ну, я не знаю, что случится... как и ты. Может, у нас получится... может, нет. Но ты уже отказываешься, прежде чем мы попытались. Я не понимаю. Почему ты не рискуешь?

Это я делаю? Я нашла еще один способ быть трусихой? Я думала, что освобождаю его, но он видел мой отказ рискнуть... с ним, с нами, с

любовью и даже с самой собой.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? — спросила я тихо.

— Попытайся. Просто попытайся.

Да. Я могла это сделать.

— Ладно.

— Ладно?

— Да, я попытаюсь.

— Ты должна иметь в виду именно это, Каро. Обещай мне.

— Я обещаю, что попытаюсь.

Его плечи опустились от облегчения.

— Я скучал по тебе прошлой ночью, — сказал он.

Я пыталась улыбнуться, но мое лицо все еще было напряжено от

нашей недавней ссоры.

— Может, пойдем в нашу любимую кофейню? — предложила я, подумав, что нейтральная территория будет хорошей идеей.

Он покачал головой.

— Я не хочу делиться тобой.

Мы уставились друг на друга через кухонный стол.

— Можем мы пойти в кровать? — спросил он. — Мне... Ты, правда, нужна мне, Каро. Прикасаться к тебе... показать тебе, как сильно я люблю тебя. Пожалуйста.

Это разрушало все мои тщательно выстроенные планы. Что, если кто-то увидит мою машину на подъездной дорожке и подойдет? Что

если кто-то видел, как приходил Себастьян? Что если кто-то увидит, как он уйдет позже? Что, если? Что, если? Но я устала бояться, и прямо сейчас мне было плевать. Я тоже нуждалась в нем.

Я встала и протянула руку. На мгновение он продолжал пялиться на меня, затем огромная улыбка осветила его лицо.

Мы поднялись по лестнице рука об руку, каждый шаг уменьшал расстояние от нашей ссоры.

Он был удивлен, когда я повернула налево в гостевую комнату, послав мне вопросительный взгляд.

— Теперь я сплю здесь, — сказала я.

Я видела, как он пытался подавить торжествую улыбку. Он почти справился с этим.

Медленно мы раздели друг друга, давая время, чтобы заново обрести связь.

Он расстегнул мою рубашку, остановившись, чтобы поцеловать мою грудь, немного наклоняясь каждый раз. Он расстегнул манжеты и поцеловал запястья, затем позволил материалу соскользнуть по моим плечам. Я провела руками по его груди, затем схватилась за низ футболки, потянув вверх, чтобы снять ее через голову. Я проводила руками по его коже, зарылась лицом в его грудь, вдыхая его запах. Он пах

как солнце и океан.

Он наблюдал за мной, его глаза потемнели, заполняясь желанием, и я медленно расстегнула молнию на его джинсах. Он спустил их по своим ногам и выступил из них, также быстро стянув свои боксеры по ногам, поэтому он стоял голым передо мной, источая любовь.

Он опустился на колени и расположил руки на моих бедрах, его глаза все еще были прикованы ко мне, затем они закрылись, и он поцеловал мой живот, уткнувшись в него нежно.

Я положила руку на его плечо и погладила голову другой.

Он улыбнулся мне и затем снова

вернул внимание к молнии. Осторожно, он помог мне избавиться от джинсов и трусиков. Он быстро поцеловал мое тело, затем встал и притянул меня в нежные объятия.

— Ты понимаешь, как много значишь для меня? Как сильно я люблю тебя? — прошептал он в мои волосы. — Я ненавижу ругаться с тобой.

— Я тоже ненавижу это. Просто поцелуй меня.

Его рот медленно опустился на мой, и я почувствовала мягкость его губ, когда они задвигались на моих. Его пальцы коснулись моих плеч, затем опустились мне на спину, и обе его руки обхватили меня сзади.

Я проводила руками по его ребрам, затем вверх по его телу, пока мои руки не смокнулись у него на шее, притягивая его голову, чтобы углубить поцелуй.

Здесь, в этой комнате, когда наши тела были сплетены, я чувствовала, что могла доверять этой неистовой любви, которая разбила и по кусочкам заново собрала мою жизнь. Я не знала, будет ли любви достаточно, но я обещала попытаться.

Я ахнула, когда внезапно он наклонился и в буквальном смысле сбил меня с ног, подняв на руки. Он держал меня в своих руках и снова поцеловал.

— Я хочу делать это всю жизнь, — сказал он, его голос был нежным рокотом.

— Себастьян, ты поднимаешь меня на руки каждую ночь, когда мы вместе.

Он ухмыльнулся.

— Да, но я хочу делать это постоянно с этого времени.

Осторожно, он положил меня на кровать и выпрямился, смотря на меня. В его взгляде читалась любовь и нежность.

— Я хочу поцеловать каждый сантиметр твоего тела, — сказал он.

— Звучит приятно, с чего ты собираешься начать?

Он слегка рассмеялся.

— Хмм... сложный выбор. Сегодня, думаю, я начну с твоих пальцев на ногах.

— С моих пальцев на ногах?

— Конечно, почему нет? У тебя удивительные ножки.

И чтобы доказать это, он поднял мою левую ногу и всосал мой большой палец, покусывая его игриво.

Я не могла сказать, почему это было так эротично, но это заставляло меня так отчаянно хотеть почувствовать его в себе. Я вытянула руку, чтобы прикоснуться к нему, но он отодвинулся.

— Нет! Ты хотела, чтобы я действовал медленно... твое желание

для меня закон.

— Но...!

— Нет... медленно.

Он поцеловал переднюю часть моей ступни и провел языком вверх по моей коже. Затем он поднялся выше и коснулся языком моего колена, наблюдая за мной сквозь ресницы, в его глазах был озорной блеск. Когда я подумала, что он движется к моему бедру, он поставил мою ногу на кровать и начал все заново с моей правой ногой.

Зачем, черт побери, я попросила «медленно»? Это было мучением. Медленным, восхитительным, невероятным мучением. Боже, он был хорошим учеником.

В этот раз он не остановился на моем колене, но перекинул мою ногу через плечо и продолжил свое мучение.

Я выгнула спину и ахнула, когда его язык ударил по моему сладкому местечку, затем кружил по нему.

Я простонала его имя и сжала его плечо, но он просто прижался сильнее, и я почувствовала, как начинает нарастать удовольствие.

— Себастьян, — я снова застонала. — Пожалуйста.

Я даже не была уверена, о чем умоляла его: о себе, о нем, о нас.

Затем он начал дразнить меня своими пальцами, медленно кружа, массируя меня изнутри и снаружи. Я

не думала, что смогу выдержать больше и попыталась оттолкнуть его руки, но он был неумолим. Мое тело дрожало, и он встал. Между своими рваными вдохами я видела выражение удовлетворения на его лице.

— Достаточно медленно для тебя? — пробормотал он, когда продолжил прокладывать поцелуи вверх по моему телу, наконец, коснувшись моей груди, которую он сосал и дразнил игривыми покусываниями.

Я подтянула свое колено и почувствовала его эрекцию между моих бедер, но он не пытался войти в меня. Я провела руками вверх и вниз

по нему, и он закрыл глаза, моментально потеряв свою сосредоточенность.

— Нет, — сказал он.

— Но, я...

— Ты должна подождать, Каро.

— Почему?!

— Ты хотела медленно, я дам тебе это.

— Я поменяла свое мнение, — проскулила я. — Я хочу быстро. Пожалуйста. Сейчас.

Он выгнул спину и улыбнулся.

— Нет. Мне нравится медленно. Кто бы мог подумать?

И чтобы доказать это, он схватил обе мои руки и поднял над головой, чтобы я не могла прикасаться к нему,

в это время он оставлял поцелуи на моей груди.

От этого я разозлилась. Мне не нравилось, что я не могла прикасаться к нему.

— Отпусти мои руки!

Он проигнорировал меня, поэтому я укусила его за шею и начала пинать его ногами.

— Вау, ты хочешь бороться со мной? Мне нравится.

— Прекрати дразнить меня!

— Я думал, ты хотела медленно.

— Нет! — сказала я яростно, и он рассмеялся.

— Тогда что ты хочешь?

Я стряхнула его руки с себя и схватила его твердую эрекцию,

располагаю ее у своего входа. Если это не было достаточной подсказкой, я тогда не знаю, что было бы!

Слава богу, он понял намек и проскользнул в меня. Я была так возбуждена, что почувствовала и облегчение, и боль, и удовольствие, когда он, наконец, вошел в меня. И вот тогда его план действовать медленно полностью рухнул.

— Ох, черт! — прошипел он. — Ты ощущаешься так чертовски великолепно. Ох, Каро!

Я приподняла свои бедра, и он начал на самом деле двигаться — длинными, жесткими толчками, что раскачивали кровать, из-за чего изголовье ударялось о стену.

Я сжалась вокруг него, и это привело его к краю. Он жестко врезался в меня в последний раз, его мышцы напряглись, его дыхание было обжигающим и быстрым на коже моей шеи. Он расположил свою голову на моем плече и медленно вышел из меня, рухнув на свою сторону.

Задыхаясь, я переместилась по кровати и расположилась рядом с ним. Он обнял меня, и мы лежали, ничего не говоря.

Наконец, мы были умиротворены. Моя голова лежала на его груди, прислушиваясь к биению его сердца, его грудь поднималась и опадала, и далекие звуки внешнего

мира были за окном. Его пальцы медленно гладили мою спину.

Я чувствовала себя настолько довольной, что начала проваливаться в сон, но Себастьян вернул меня обратно в настоящее время.

— Дэвид что-нибудь говорил, когда вернулся домой?

Я вздохнула. Я правда не хотела говорить о нем.

— Не очень много.

— Он, должно быть, сказал что-то.

— Он предположил, что я слишком много пью.

— Что? Почему?

Я безрадостно рассмеялась.

— Я думаю, потому что я

предложила ему бокал вина. Я пыталась быть... вежливой.

Себастьян пробормотал ругательства себе под нос.

Ну, теперь, раз он начал задавать свои вопросы... настал мой черед.

— Как ты добрался домой вчера? Я помню, что Ширли сказала, что все будут спать в фургоне.

— Прицепился к одной компании, — сказал он кратко.

А сейчас важный вопрос.

— Что Бренда говорила тебе, когда вы ушли с ней?

Он выдохнул сквозь зубы. Да, что-то назревало.

— Она хотела, чтобы мы снова начали встречаться.

Я так и полагала. Черт, она не могла бы быть более очевидной, даже если бы написала это в небе красными буквами, затем разорвала свою одежду и повалила его на песок перед всеми.

— И что ты сказал?

— Я сказал, что не чувствую того же... сказал, что встретил кое-кого другого.

Я резко вдохнула.

— Думаешь, стоило это говорить?

Он пожал плечами.

— Я подумал, что это заставит ее отступить.

— Но это не так?

Он покачал головой.

— Поначалу нет. Она продолжала настаивать и спрашивать, кто это.

— И?

— Она продолжала перечислять всех девушек из нашей школы... — он вздохнул. — Затем она сказала, что то, что случилось с Джеком, было ошибкой... и начала плакать.

Все эти девушки…

Я чувствовала, что он рассказал мне не все. Должна ли я знать? Если он не рассказал мне, я, вероятно, должна представить самое худшее.

— Как ты справился с этим?

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, когда она начала плакать, что ты сделал?

— Ты видела, что я делал, — сказал он раздраженно.

— Да, но Ширли и Донна сказали, что ты ушел на целую вечность.

Он ответил не сразу.

— Мы пошли прогуляться, — сказал он, наконец. — Бренда была... смущена. Она не хотела возвращаться к друзьям и выглядеть, как будто плакала.

— Она очень красивая.

Он выглядел так, как будто ему некомфортно.

— Да, наверное.

— Что случилось дальше?

— Это все. Я проводил ее к ее друзьям. Казалось, что она в порядке.

Я вернулся к нашей яме, но ты уже собралась и уехала. Я писал тебе, — сказал он осуждающе.

— Я не проверяла свой телефон.

Я видела, что его не убедили мои слова, но он не стал давить на меня. Я была благодарна за это.

— Почему ты была в центре так поздно?

— Я завозила пленки, которые сделала на развлекательном дне.

— В воскресенье?

— Да, редактор хотел получить их как можно раньше, я не знаю почему. — Хотя у меня было подозрение, в чем была причина.

Он сделал паузу. Я была рада, что он решил оставить эту тему.

— Билл — придурок.

Эу. Он не отпустил все так легко. Теперь я ожидала грядущего гнева.

— Ты не должен позволять ему так легко взвинчивать тебя.

— Мне не нравилось то, как он говорил с тобой!

— Я знаю, каково это, — сказала я спокойно.

Мы лежали тихо несколько минут, позволяя одинаковым признакам нашей ревности утихнуть.

Я подумала, что Себастьян, наконец, решил попытаться и оставить вчерашний день позади, потому что он внезапно сказал:

— Я никогда не спрашивал: ты бывала в Нью-Йорке прежде?

— Да, пару раз. А ты?

— Нет. Мама и папа ездили пару раз, но всегда оставляли меня с соседом.

Его голос был резким. Я задумалась, были ли сплетни Ширли о его происхождении точными.

— Тогда почему ты хочешь, чтобы мы поехали туда?

Он пожал плечами.

— По той же самой причине, по которой ты хочешь вернуться на восток, — чтобы быть как можно дальше отсюда.

— Что мы должны делать, когда окажемся там? — спросила я, счастливая от того, что мы пытаемся представить наше будущее. — Я

имею в виду, есть ли что-то специальное, что бы ты хотел сделать?

— Заниматься сексом. Много.

Я закатила глаза.

— Это понятно. Что-то еще? Может, что-то на улице?

— Заниматься сексом на улице.

Я рассмеялась.

— Я не думаю, что в Нью-Йорке много пляжей.

— Да, они есть! Я проверял. Ну, не в самом городе, но в окрестностях есть сообщество серфингистов на Рокуэй Бич. Если мы будем жить в Бруклине или Квинсе, это меньше чем в десяти милях.

Я улыбнулась.

— Ты проводил исследование?

— Конечно! И парень, который, я знаю, привык заниматься серфингом на Лонг Бич, сказал, что это будет довольно «гнарли» (прим. пер. этот термин в серфинге означает: 1. весьма опасные условия для занятия серфингом в данный момент; 2. трудности).

— Я думаю, что ты должен составить мне словарь терминов о серфинге, чтобы я знала, о чем ты говоришь.

— Ну, ты уже знакома с Sex Wax, детка.

— Что?!

— Да, ты втирала его на свою твердость.

— Ладно, у тебя есть пять секунд, чтобы объяснить это, или...

— Или что?

— Больше никакого арахисового масла для тебя!

— Ничего себе! Ты действительно играешь грубо!

— Тебе лучше поверить в это.

Он рассмеялся и осторожно потянул меня за волосы.

— Sex Wax — это торговая марка одного из видов воска, которым ты смазываешь доску — свою твердость. Он предотвратит скольжение. Не так уж и весело, как это звучит.

— Preferisci una inceratura a caldo ... o a freddo?

— Что это значит? Потому что звучит очень непристойно!

— Я сказала: «Ты бы хотел, чтобы это было покрыто горячим воском... или холодным?»

— О, черт! Это звучит так горячо!

— Si è alzata l'onda, o sei proprio contento di vedermi?

— А?

— Ты поймал волну или просто рад меня видеть?

— Черт! Это так возбуждает меня, когда ты говоришь подобное.

— Себастьян, я могу прочитать расписание автобусов, и ты скажешь, что это звучит возбуждающе.

Он улыбнулся.

— Да, ты права. У меня есть расписание приливов и отливов в кармане джинсов. Ты прочитаешь мне его?

— Ты хочешь сказку на ночь? Это звучит хорошо?

— Supra la luna!

— Ты выучил!

— Ты хороший учитель, — пробормотал он в мои волосы.

Его живот громко заурчал, прерывая наш хороший настрой.

— Ты голоден?

— Голоден по тебе.

— Это так банально, Себастьян!

— Да, но, тем не менее, правда.

Я убрала одело и оттолкнула его в сторону, потянувшись за халатом.

— Пойдем. Я накормлю тебя и дам небольшой урок по итальянской кухне.

— Пицца? — сказал он с надеждой.

— Это неправильная итальянская еда! Папа бы перевернулся в могиле! Нет, мы сделаем свежие тортеллини.

— Это займет много времени?

— Это может быть немного сложно.

Он сел, опираясь на подушку.

— У нас не так много времени, — сказал он, его тон был серьезным. — Мне нужно быть на работе в два часа.

Я сдержала вздох, когда затянула

свой халат.

— Ох, хорошо. Тогда что-то быстрое. Как ты будешь добираться туда? С Чесом?

Когда он не ответил, я посмотрела на него.

— Что не так?

— Мне придется попросить маму отвезти меня.

— Ох, почему?

Он выдохнул полные легкие воздуха и возился с простынями.

— Чес злится на меня.

— Не могу представить это. Он кажется таким беззаботным.

Себастьян выглядел так, будто ему некомфортно.

— Наверное. Но... он не

понимает, почему я не расскажу ему, с кем я... встречаюсь.

Я не смогла сдержать хихиканье.

— Мне жаль, правда. Так это называется просто... встречаешься?!

Он послал мне полуулыбку и провел рукой по волосам.

— Как угодно. Он сказал, что я не должен рассчитывать, что он будет прикрывать меня перед моими близкими, если я не доверяю ему полностью.

Я почувствовала мурашки.

— Он прикрывал тебя?

Он не ответил.

— Скажи мне!

Он поморщился.

— Мама... она заметила, что я не

был дома две ночи. Она... она немного раздула из мухи слона.

Я застонала.

— Я знала это!

— Она позвонила маме Чеса, и Чес сказал, что я оставался у них. Я полагаю, что миссис Петерс тоже меня прикрыла. Она знала, что я не был у них.

— Мы должны быть более осторожны, — прошептала я.

— Возможно... возможно мне стоит рассказать Чесу. Он сохранит это втайне, я уверен в этом.

Я была потрясена. Я понимала, почему он хотел рассказать своему другу, но не могла позволить этому случиться.

— Мы не можем так рисковать, Себастьян, я не могу так рисковать. И... если кто-нибудь узнает, он будет соучастником... преступления, ты ведь понимаешь это?

Он пожал плечами и опустил взгляд.

— Да, наверное.

Он, очевидно, не был рад моему ответу.

Я вздохнула.

— Ты хочешь, чтобы я подвезла тебя до загородного клуба?

— Да, — пробормотал он. — Спасибо.

Громкий стук в дверь заставил меня подпрыгнуть.

— Черт!

Я слышала, как Себастьян ругнулся, как будто это было издалека, но я не могла двигаться.

Стук в дверь начался снова.

— Каро!

Паникующий голос Себастьяна разморозил меня. Он метался, одеваясь так быстро, как мог. Негде было спрятаться. Он не мог спуститься вниз и выйти через заднюю дверь, чтобы не быть замеченным. Это был самый худший кошмар, который я представляла себе.

Я еще крепче затянула халат.

Стук начался снова.

— Каро! Открой гребаную дверь! — сказал Себастьян одними

губами.

Я побежала вниз по лестнице и замерла. Я сделала глубокий вдох и открыла дверь.

— Доставка, мэм, — сказал мужчина в красно-желтой форме DHL, когда протянул мне большой пакет, — распишитесь здесь, пожалуйста.

Я не могла ничего с собой поделать и начала хихикать.

— Вы в порядке, мэм?

— Да! — я ахнула, вытирая слезы облегчения с глаз.

Он странно на меня посмотрел и направился к своему фургону, качая головой. Сигнал тревоги возле женщины с истерикой: просто уходи.

Я опустилась на пол и начала плакать, больше от шока, чем от чего-либо еще. Себастьян спустился вниз и сел рядом со мной.

— Черт! Это чертовски меня напугало! Не плачь, Каро. Все в порядке.

Он обернул руки вокруг моих плеч и медленно качал меня.

В конце концов он поднял меня с пола.

— Пойдем. Давай позавтракаем. Я сделаю тебе один из своих особых омлетов.

— Я думала, что ты не умеешь готовить, — сказала я, мой голос все еще дрожал от взрыва адреналина.

— Я не умею... поэтому он и

будет особым.

Он посадил меня за кухонным столом и начал копаться в холодильнике.

— Как много яиц мне нужно?

— Насколько ты голоден?

— Умираю от голода!

Конечно.

— Тогда доставай шесть. И тебе нужно добавить капельку молока в смесь.

Он посмотрел на меня из-за двери.

— Правда? Молоко? Ох, ладно.

Он нахмурился и затем снова исчез в холодильнике.

Я встала, чтобы достать сковородку и миску, но он махнул,

чтобы я вернулась за стол.

— Я справлюсь, — сказал он уверенно, когда повернулся к плитке и поставил на нее сковородку.

Я подождала мгновение, поерзав на стуле. Мне нужно было заговорить.

— Эм, Себастьян?

— Что? — сказал он, когда пристально смотрел на яйца, небрежно их взбивая.

— Сковородка раскаляется, и ты не налил масла в нее…

— Ох, черт!

Он убрал сковороду с плиты и выругался, когда горячий металл обжег его запястье.

— Быстро! Подставь руку под

холодную воду.

Он стоял, подставив руку под холодную воду, тихо ругаясь себе под нос. Он на самом деле был очарователен, и я не могла ничего поделать и улыбнулась.

— Что?

— Сейчас ты позволишь мне помочь тебе?

— Ладно, — сказал он обреченно. — Ты можешь помочь.

В спокойной, более организованной манере, я показала ему, как сделать простой омлет, приправив его черным перцем и небольшим количеством соли, добавив немного томатов сбоку, поставила кофейник, и завтрак,

точнее поздний завтрак, был готов.

— Кстати, — сказала я, мысль не давала мне покоя, — что ты собирался делать… ты знаешь, если бы это кто-то... другой постучал?

— Понятия не имею, — сказал он честно. — Вылез в окно, спрятался под кроватью? Есть еще какие-нибудь предложения?

— Никакого окна, ты мог упасть и пораниться. Кроме того, это окно прямо над передней дверью — это было бы очевидно.

— Я мог бы расплющить ублюдка, — сказал Себастьян просто.

Пока я поднималась наверх, чтобы принять душ, Себастьян

настоял на том, чтобы вымыть посуду, что было в новинку для меня. Я наделась, что он справится, ничего не разбив.

Я закончила прополаскивать свои волосы от кондиционера, когда дверь душевой открылась, и Себастьян прижался грудью к моей спине.

— Ммм, ты пахнешь великолепно, — сказал он одобрительно.

— Себастьян! — сказала я, в моем голосе было предупреждение, когда он провел руками по моей груди и поцеловал меня в шею. — У нас нет времени на это.

— Я быстро, — пробормотал он

в мою кожу.

Я не смогла отказать ему.

Из-за этого мы ужасно опоздали.

— Я говорила тебе! — сердито сказала я, когда мы попали в пробку. — Ты опоздаешь, и тебя уволят!

— Это того стоило, — ухмыльнулся он, натянув очки на глаза и наклоняя свое сиденье назад.

Он вел себя так, будто его ничего не волновало в целом мире. Как он делал это?

— Смотри, я подвезу тебя до задней части загородного клуба, у тебя будет время, чтобы дойти до входа.

— Как угодно, — сказал он беззаботно.

Я покачала головой, немного раздраженная, хотя я была также виновата.

Я быстро проехала по аллее, которая вела к клубу, и остановилась на своем любимом парковочном месте позади клуба.

— Когда я снова увижу тебя? — сказал он, накручивая мои волосы себе на палец.

— Завтра утром?

— Это целая вечность. Ты не сможешь улизнуть сегодня? Я имею виду, ты спишь в гостевой комнате, — он не узнает, верно?

— Себастьян, я так не думаю. Это слишком рискованно. Мы должны быть осторожны оставшиеся

три месяца. После этого ты будешь видеть меня каждый день и вскоре устанешь от меня.

— Это не смешно, — сказал он, нахмурившись.

— Извини. Плохая шутка.

Он вздохнул.

— Ладно, тогда завтра.

Вместо того чтобы выйти из машины, от подался вперед и поцеловал меня с отчаянием из-за нашей неминуемой разлуки.

На мгновение он прислонил свой лоб к моему, и затем начал открывать пассажирскую дверь. И замер.

Чес смотрел прямо на нас — и из-за шока на его лице было

очевидно, что он видел все. И я в ужасе пялилась на него.

— Черт возьми, — сказал Себастьян горько. — Дай мне поговорить с ним, все будет в порядке, Каро. Я обещаю.

Мои руки сжимали руль, когда Себастьян подошел к своему другу. Три самые долгие минуты своей жизни я наблюдала, как они разговаривали. Ну, казалось, что в основном говорил Себастьян, в действительности это выглядело, как будто он умолял Чеса. Это был испорченный повтор вчерашнего разговора с Брендой, только на этот раз Себастьян был тем, кто умолял.

Язык тела Чеса был враждебно

настроен: он скрестил руки на груди, его лицо сердитое и злое. В конце концов я увидела, как он кивнул и направился в направлении загородного клуба.

Себастьян выглядел расстроенным, когда вернулся в машину и захлопнул дверь.

— Все в порядке, — сказал он. В его выражение лица отпечаталась печаль.

— Что он сказал? — прошептала я.

— Он пообещал ничего не говорить.

— Он не выглядел счастливым от этого.

Себастьян вздохнул.

— Так и есть.

— Что он сказал?

Себастьян покачал головой.

— Пожалуйста, скажи мне, — сказала я тихо. — Я должна знать.

— Это не имеет значения — самое важное, что он не расскажет никому.

— Пожалуйста, скажи мне, — повторила я тихо.

— Зачем? — сказал Себастьян злобно. — Что это изменит? Он в любом случае зол на меня.

— Я думала, что ты хотел, чтобы мы были честны друг с другом, — осторожно напомнила я ему.

Он потерял контроль.

— Почему ты хочешь этого,

Каро? Почему тебе нужно вытащить каждое гребаное, мерзкое слово? Почему ты просто не можешь отпустить это?

— Как, черт побери, я должна «отпустить это»? — прорычала я, мой страх и гнев одержали надо мной верх. — Я та, кто будет нести ответственность перед законом, если он кому-нибудь расскажет!

— Он не расскажет! — закричал Себастьян.

— Ну, я рада, что ты так сильно ему доверяешь! — крикнула я в ответ. — Потому что он тот самый идиотский болтун, который рассказал Бренде, что ты работаешь здесь!

— Какого черта Бренда имеет отношение к этому?

— Никакое! Самое прямое! Я не знаю! Просто скажи мне, что сказал Чес, мне нужно знать!

— Он сказал, что я глупый гребаный придурок, который трахается с замужней женщиной, которая, вероятно, просто хочет развлечься на лето, и он надеется, что трах этого стоит, потому что мой отец выбьет все дерьмо из меня, если узнает.

Он отвернулся от меня и стукнул кулаком по двери машины.

Я вонзила ногти в ладони, отказываясь плакать.

Несколько минут мы сидели в

тишине, атмосфера была напряженной и злой.

— Тебе лучше идти на работу, — наконец сказала я низким голосом.

Он холодно уставился на меня, затем распахнул дверь и быстро вышел.

Я продолжала ждать, что он вернется или повернется посмотреть на меня — хоть какой-то признак признания. Но он этого не сделал.

Желчь поднималась в моем горле, я поспешно высунулась из машины, и меня вырвало, и я наблюдала, как мой поздний завтрак падает на гравий.

Я ехала домой, дрожа и чувствуя слабость.

Всю вторую половину дня я ждала, что Себастьян напишет мне. Десяток раз я поднимала свой телефон, чтобы отправить сообщение, но не делала этого.

Когда я больше не выдержала, я напечатала шесть букв.

** Извини. **

Зачем я заставила Себастьяна повторить гневные слова Чеса? Почему я продолжала позволять своей жалкой неуверенности портить самое лучшее, что было в моей жизни? Это была какая-то форма преднамеренного самоуничтожения, какой-то способ доказать, что я не заслуживаю любви Себастьяна? И это, должно быть, любовь — иначе,

зачем бы он мирился с моими смехотворными вспышками и моим эмоциональным багажом, который весил как свинец? Потому что это точно было не ради забавы.

Чувствуя себя несчастной, я прибралась в гостевой комнате — моей комнате — и размышляла над плачевным состоянием своей жизни. У меня правда был талан все портить. Если бы военным была нужна улыбка с негативной энергией, у них была бы одна с оружием массового поражения.

Когда я повесила одежду, мне в голову пришла мысль, о чем я забыла в вихре последний дней. Я потянулась в карман и вытащила

клочок волос Себастьяна, который я сохранила с пола в ванной, когда встретила его в парке, в ту ночь, когда мы в первый раз занялись любовью. Его волосы были светло-каштановые у корней, выгоревшие на солнце до золотистых к концу — парень-серфер, которым он был, когда я впервые встретила его после стольких лет.

Я взяла конверт из запасов Дэвида и засунула туда волосы, написав имя Себастьяна и дату в углу конверта, затем я расположила его между страниц своего экземпляра Лолиты — этакую осквернённую книгу, к которой, я знала, Дэвид никогда не прикоснется, как будто

это мусор. Это была моя личная шутка, не то чтобы я была в состоянии смеяться. В действительности я едва могла сдержать слезы.

И я знала, что меня ждет неспокойное время с Дэвидом — он не примет, что я буду снова спать в гостевой комнате без разумного объяснения.

У меня было два выбора. Я могла солгать:

«Я в порядке. Мне просто нужно немного личного пространства».

Или я могла сказать часть правды:

«Наша женитьба окончена, и я хочу развод. Нет, у меня никого нет».

В любом случае я была напугана, не зная, что он сделает. Его нрав был так непредсказуем, я не знала, что случится, если я толкну его к этой крайности. Обсуждение развода, естественно было «крайностью».

Я пошла на кухню, чтобы сделать что-нибудь на ужин. Даже не осознавая своих движений, я засунула лазанью в духовку.

Было шесть пятнадцать, когда я начала задаваться вопросом, где Дэвид, и внезапно я вспомнила про его официальный ужин. Он был прав: мне и правда стоит чаще проверять расписание.

Я хотела выбросить лазанью в мусорку, но ненавидела переводить

еду. Дэвид разогреет ее в микроволновке завтра. Ему придется привыкнуть использовать микроволновку, как только мы разойдемся — я подумала, что ему стоит начать практиковаться.

Эта мысль заставила меня чувствовать себя немного лучше. Я решила рискнуть проверить свой телефон. Может, там будет сообщение от Себастьяна, или, может, я помучаю себя немного сильнее, увидев, что там ничего нет.

Но он ответил.

** И ты меня. **

Боже, я любила этого мужчину.

Я отправила еще одно сообщение.

** Могу я увидеть тебя сегодня? Я могу приехать ненадолго, если ты сможешь. Во сколько ты заканчиваешь? Забрать тебя?! **

Он немедленно ответил.

** в 10. **

** Я буду там. **

** :) **

От этих нескольких слов счастье нахлынуло на меня.

И затем я вспомнила про Чеса — я надеялась, что не столкнусь с ним больше сегодня. Было сложно видеть его взгляд на лице сегодня утром, и было ужасно ругаться с Себастьяном. Я просто хотела увидеть его, прикоснуться к нему и позволить ему держать меня и слушать сладкую

ложь, что все будет в порядке.

Но это был не мой день.

Он ждал меня… «он» это — Чес, не Себастьян.

Он стоял, прислонившись к фургону на задней стоянке, где он видел нас утром. Он скрестил руки на груди, когда я подъехала, и бросил на меня такой взгляд презрения и отвращения, что мой желудок завязался узлом. Больше всего я хотела дать газу и убраться в обратном направлении.

Собрав все силы, которые неизвестно откуда у меня взялись, я сделала глубокий вдох и вышла из машины, столкнувшись с ним лицом к лицу.

— Здравствуй, Чес.

— Миссис Уилсон, — сказал он, подчеркивая «миссис».

Он хмуро посмотрел на меня, бросая мне вызов первой начать говорить.

— Я догадываюсь, что ты думаешь обо мне, — сказала я тихо.

— Догадываетесь? — сказал он холодно, подняв одну бровь в неверии и отвращении.

— Ты думаешь, что я использую Себастьяна. Но это не так.

— Тогда расскажите мне как это, — фыркнул он, — потому что я, правда, хочу знать. Себ мой друг, а вы...

— Я не хочу причинить ему

боль, — сказала я, выдавливая слова изо рта, когда мое горло начало сжиматься.

— Да? Ну, вы проделали реально отличную работу здесь. Полностью вскружили ему голову, он не знает, что, черт побери, делает. Вы очень хорошо его испортили.

Я подавилась своим ответом, но он и не дал мне время, чтобы оправиться.

— Вы встречали его отца. Вы знаете, как много раз он выбивал из него дерьмо? Представляете, что он сделает с ним, когда узнает все это? — в его голосе была горечь. — Да, военный герой выйдет из себя, потому что его сын опозорил

фамилию Хантер и тому подобное дерьмо, завязав интрижку с замужней женщиной.

У меня не было слов.

Он сердито смотрел на меня.

— А что будет, когда ваш муж узнает? Я предполагаю, вы бросите Себастьяна так быстро, что...

— Я ухожу от Дэвида.

Я говорила так тихо, что не была уверена, что он услышит меня.

— Что?

Я подняла взгляд.

— Я собираюсь просить Дэвида о разводе.

Он уставился на меня, затем покачал головой.

— Я не верю вам.

— Это правда... Мы... Я... как только Себастьяну исполнится восемнадцать.

— Вы лжете.

— Нет, она не лжет.

Голос Себастьяна появился из темноты, и я закрыла глаза от облегчения. Он подошел и обнял мои плечи руками, быстро поцеловав меня в губы.

— Привет, детка.

Затем он повернулся к своему другу.

— Мы дождемся, когда мне исполнится восемнадцать, и затем я буду законно свободен от своей семьи. Мы отправимся в Нью-Йорк. — Он притянул меня ближе и

уткнулся носом в мои волосы. — Я нашел нам квартиру. В Бенсонхерсте. На сайте написано, что они называют эту часть Бруклина — маленькой Италией. Я подумал, что тебе понравится.

Он улыбнулся мне, затем снова посмотрел на Чеса, который смотрел на нас со смесью ярости и удивления.

— О чем, черт побери, ты говоришь, чувак? Нью-Йорк?

— Да, так скоро, как сможем, и так далеко, как получится.

— Но... Нью-Йорк?

— Каро будет работать, пока я буду ходить в колледж. И я найду работу. У нас все получится.

— Ты сумасшедший, чувак?

Я подумала, что Себастьян выйдет из себя, но он просто продолжил говорить:

— Мы знаем, что это будет нелегко, но мы хотим быть вместе. Это единственный способ.

Чес моргнул, открыл и закрыл свой рот несколько раз.

— Почему ты не рассказал мне, чувак? — сказал он обиженно.

— Мы не хотели говорить никому, потому что... не могли. Каро нарушает закон, вступив в отношения со мной.

Было очевидно, что Чес был в шоке. Он стоял и смотрел на нас с открытым ртом.

— Я несовершеннолетний, — сказал Себастьян мягко. — Если кто-то узнает... если кто-то раскроет нас... это уголовное преступление, потому что... из-за разницы в возрасте. — Он пожал плечами. — Каро может попасть в тюрьму. Вот почему я не рассказал.

— Ничего себе, извини. Я не знал! — сказал Чес беспомощно.

— Она взяла на себя большой риск. Она хотела, чтобы мы подождали, но... я не мог держаться от нее подальше. Поэтому, если кого и надо обвинять, то меня. — Он смотрел Чесу прямо в глаза. — Я думаю, что ты задолжал ей извинения.

Я коснулась его руки.

— Все в порядке, Себастьян. Он просто заботится о тебе. Я понимаю.

Чес выглядел огорченным.

— Я не знал! Я просто думал... это серьезно? Я имею в виду, что может случиться с ней?

Казалось, что ему было сложно понять это. Я не могла обвинить его, мне самой было сложно привыкнуть к тому, что я так любима, и настолько влюблена, что это причиняет боль.

Себастьян кивнул, и я уставилась на землю, чувствуя смесь гордости и стыда от нашей исповеди.

— Извини, Кэролайн, — сказал Чес, качая головой. — Вы ребята...

вау... я...

— Спасибо тебе, — ответила я быстро. Я посмотрела на Себастьяна. — Я подожду в машине.

Они разговаривали еще несколько минут, пока я ждала, наблюдая за ними. В конечном итоге Чес сгреб Себа в объятия и затем похлопал его по руке. Я полагала, что он говорил ему, что все будет в порядке.

Себастьян открыл пассажирскую дверь и плюхнулся на сиденье.

— Все в порядке? — спросила я осторожно.

— Полагаю, что да, — сказал Себастьян устало, потирая глаза. — Он... понимает, как ты много

значишь для меня.

— Но?

— Он все еще думает, что это безумно. Но он не расскажет никому.

Я надеялась, он был прав.

Себастьян коснулся рукой моей щеки.

— Не беспокойся. Чес — мой лучший друг, мой брат, — сказал он просто.

Я прислонилась к нему, чувствуя тепло его тела через футболку. Я уставилась на звезды в небе, задаваясь вопросом, будет ли какая-нибудь из них нашей счастливой звездой.

Я осмотрела силуэт Себастьяна в темноте: его прямой нос, полные,

чувственные губы, сильный подбородок, изящный профиль его головы.

Он откинулся на сиденье и повернулся ко мне с улыбкой.

Любовь, самое невероятное из всех чувств, зажглась внутри меня. Я была так счастлива. Он был добрым и чутким, и заботливым. С ним было весело, он был красив изнутри и снаружи. Я не знала, что любимый также может быть другом. А он любил меня.

Меня.

Но была ли я достаточно сильной, чтобы идти по зову своего сердца и послать к черту последствия? Могла ли я ожидать,

что семнадцатилетний парень... мужчина... будет сильным для всего этого? Нет, это было неверно. Я должна быть сильной: за нас двоих.

В этом момент я знала вопрос и ответ. Была ли я достаточно сильной? Да, была.

14 глава

— Мне нужно обнять тебя, — сказал Себастьян мягко.

Я забралась к нему на колени, и мы цеплялись друг за друга в темноте на парковке загородного клуба.

Наши страхи и надежды были обнажены при разговоре с Чесом. Себастьян был силен во многом, но он также был молод. И теперь он нуждался во мне, и я дарила ему объятья, чтобы успокоить его, чтобы защитить от мира. Он нуждался во мне, а я в нем.

Я держала его крепко, притягивая ближе. Постепенно его

тело начало расслабляться, напряжение уходило.

— Итак, — сказала я, разрушая напряженную тишину, — ты нашел квартиру в Маленькой Италии?

Я почувствовала, что он улыбается возле моей шеи.

— Да, я думал, что тебе понравится.

— Так и есть. Расскажи мне о ней.

Он глубоко вдохнул и устроил меня удобнее в своих руках.

— В ней одна спальня и ванная, и она на четвертом этаже дома на 82-ой улице. У нас даже будет лифт.

Я улыбнулась. Мне было все равно, сколько там лифтов. Я просто

хотела, чтобы это было реальным.

— С вершины здания можно увидеть Статен-Айленд и Статую Свободы. Мы сможем прогуливаться по набережной Белт-Паркуэй или ездить на велосипедах, люди также запускают там воздушных змеев... — он сделал паузу. — И арендная плата только 1250 долларов в месяц, но это без мебели, и у нас будет 80 квадратных метров.

— Так много места.

Я не могла сказать ему, что, несмотря на небольшой размер квартиры, арендная плата была в два раза больше, чем денег на моем счете сейчас.

— Да, точно... — он продолжил.

— Но там сказано, что рядом метро, и мы сможем дойти до Кони Айленда за тридцать минут. Ох, и это в четырех кварталах от парка.

— Звучит идеально.

Он вздохнул.

— Я уже хотел позвонить в агентство по недвижимости, но...

— Слишком рано.

— Я знаю, — он снова вздохнул. — Иисус, Каро. Как, черт побери, мы продержимся так три месяца?

— Мы должны, — сказала я ровным голосом. — И поэтому мы продержимся.

Взгляд восхищения промелькнул на его лице.

— Боже, я люблю тебя! — сказал

он.

Он слегка поцеловал меня в губы, но его прикосновения разожгли огонь во мне. Я страстно поцеловала его в ответ, делясь с ним всеми страхами, страстью и тоской, которые были во мне в этот момент, показывая ему, как сильно любила его и нуждалась в нем.

Его тело ответило немедленно, и я почувствовала, что его руки напряглись вокруг меня.

— Пойдем куда-нибудь, — его голос был низким и хриплым.

— Я не хочу идти к себе, — сказала я, мурашки пробежали по моей спине. — Я не знаю, во сколько вернется Дэвид. Мы не можем так

рисковать.

— Где этот ублюдок? — Себастьян выплюнул эти слова.

— На официальном ужине.

— Ох, да. Я забыл об этом. Отец тоже там. Обычно они заканчиваются довольно поздно, — сказал Себастьян задумчиво.

Я покачала головой.

— Нет, я лучше вернусь на пляж. Куда угодно, но не домой.

Слова звучали как ложь на моих губах. Это был не мой дом… уже нет.

— Мы можем поехать на пляж? Правда, сегодня довольно холодно, нет облаков. Я думаю, мы можем остаться в машине.

Он вздохнул. Я знала, о чем он

думает. После роскоши находиться вместе в кровати, ни один из нас не хотел возвращаться к неловким движениям на заднем сиденье.

— Мы можем найти дешевый мотель, — неуверенно сказал он.

— Мы не можем позволить себе это, — напомнила я ему. — Давай просто поедем на пляж и ...

— Мы можем поехать ко мне, — внезапно сказал Себастьян.

— Извини? — я правильно его расслышала?

— Да! Отец на ужине с офицерами и с этим придурком. Он всегда остается допоздна и отключается, где придется, — сказал он с отвращением в голосе.

— Что насчет твоей мамы?

Он указал на клуб своим подбородком.

— Пьет.

— Как она доберется домой?

— Как будто мне не все равно? На такси, вероятно. Но она не заходит в мою комнату. Никогда. Она перестала заходить туда с тех пор, как мне исполнилось десять. — Он сделал паузу. Его губы сморщились от презрения. — В любом случае она даже не сможет добраться до своей комнаты, она просто будет спать на диване.

— Я не знаю, Себастьян...

Я чувствовала страх при мысли, что буду в доме Дональда и Эстель,

но теперь, когда Себастьян предложил это, я сгорала от любопытства увидеть его комнату.

— Как я попаду в него незамеченной?

— Рядом с домом есть пустырь, и мы пройдем через задний двор. Никто не увидит нас.

В его голосе ощущалось волнение.

— Ладно, — сказала я, покачав головой от удивления на что, черт побери, я согласилась.

Он улыбнулся мне красивой, широкой, сияющей улыбкой.

Мы ехали, слушая «Лючия ди Ламмермур», — историю о девушке, попавшей в войну между ее

собственной семьей и другим могущественным кланом. И затем она сошла с ума. Я надеялась, что это не было предзнаменованием.

Я припарковала машину рядом с пустырем, убедившись, что она хорошо спрятана, насколько это было возможно на общественной улице.

— Порядок? — сказал Себастьян, сжимая мою руку.

Я нервно рассмеялась на свое собственное безрассудство.

Он повел меня сквозь темноту, следуя за высоким забором. Когда мы достигли огромного и красивого японского клена, он остановился. Деревья частично скрывали забор.

— Каковы твои способности

взбираться наверх? — он ухмыльнулся.

— Ты шутишь? — он просто улыбнулся мне. — Ты не шутишь?

— Я помогу тебе.

Он легко перелез через забор, подтянувшись на своих сильных руках вверх. Очевидно, прежде он делал это много раз. На мгновение он исчез из виду, затем снова появился, его туловище было выше забора, а руки опущены вниз, ко мне.

— Прыгай! Я подтяну тебя!

Я сделала глубокий вдох и подбежала к забору, подпрыгнув так высоко, как могла. Себастьян схватил меня за запястья и подтянул вверх, но наше совместное движение привело

к тому, что мы рухнули вниз на газон.

Воздух выбило из моих легких, и несколько секунд я лежала запыхавшись. Себастьян попытался сесть, что было не так уж просто, так как я приземлилась на него.

— Каро! Ты в порядке?

Я не могла ответить.

— Каро!

Я втянула воздух в легкие и начала хихикать.

— Дерьмо! Ты заставила меня беспокоиться. Серьезно, ты в порядке?

— Ох! — я медленно села, все еще находясь в легкой истерике. — Если я снова соберусь проходить через твой задний двор, мне

придется купить лестницу.

Внезапно он притянул меня к своей груди и страстно поцеловал.

— Что... что это было? — ахнула я.

— Просто ты такая... смелая! — сказал он с благоговением.

Я была уверена, что он спутал меня с кем-то другим.

— Так и есть! — настаивал он. — Ты всегда справляешься с препятствиями. Боже! Я люблю это в тебе.

Я покраснела от неожиданной похвалы, я, правда, не думала, что заслужила ее, но мне нравилось, что он подумал об этом, и еще больше мне понравилось, что он произнес

это вслух.

— Пойдем, — прошептала я. — Я хочу увидеть твою спальню.

— Я определенно «за», — согласился он, тихо рассмеявшись.

Он поставил меня на ноги.

— Подожди здесь секунду. Мне надо убедиться, что никого нет.

Я увидела, как он взобрался по бочке для воды, стоявшей снаружи одной из комнат, и влез в узкое окно. У меня было четкое ощущение, что он наслаждался самим собой.

Я стояла одна в темноте, зная, что окончательно сошла с ума или, возможно, наконец, приняла правильное решение и перестала бороться.

Я увидела свет на верхнем этаже, и мгновение спустя Себастьян открыл заднюю дверь.

— Путь свободен, — сказал он, ухмыляясь. — Никого нет.

В полумраке я видела, что кухня Хантеров была чистой и современно обставленной. Но у всего был нетронутый вид, как будто всем этим никогда не пользовались. Я вспомнила, как Себастьян говорил, что его мама никогда не готовила. Я бы энергично взялась за дело на такой кухне. Она была профессионального уровня. Я задавалась вопросом, почему женщина, или вообще кто-то хотел иметь такую кухню, но не

использовал ее. Может, ответ был в показухе: кухня для шоу, как и все в жизни Эстель Хантер. Несмотря на роскошный дизайн, в комнате был затхлый воздух: повсюду были коробки из-под пиццы и огромное количество пустых бутылок вина, пивных банок и бутылка ликера, случайно брошенная в мусорное ведро.

Себастьян быстро провел меня через коридор и вверх по лестнице, стремясь проводить меня в свою комнату. Неприятная мысль мелькнула в моей голове: как много раз он приводил Бренду сюда, может, занимался с ней петтингом в своей комнате?

Я пыталась игнорировать это, но мысль была как червь в моем мозгу, извиваясь и все больше просачиваясь внутрь.

Наверху мы прошли несколько пустых комнат, что выглядели как комнаты для гостей, прежде чем Себастьян открыл дверь в конце коридора. По расположению я догадалась, что из его комнаты должен открываться вид на задний двор. Тот факт, что родители поместили сына как можно дальше от своей комнаты, в конце концов, возможно, был хорош для Себастьяна.

Он включил прикроватный свет и задернул шторы. Я могла

чувствовать сдерживаемое волнение, которое исходило от него.

Его комната была маленькой, чуть больше кладовки, с узкой односпальной кроватью, прижатой к одной из стен. Несколько старых плакатов с серфингом были прикреплены к единственному свободному пространству на стене, остальное было завешано книжными полками, напичканными компакт-дисками, книгами в мягкой обложке, несколькими книгами в твердом переплете, еще там было нечто похожее на трофеи соревнований по серфингу.

Стоял огромный комод, один из ящиков которого был почти

полностью выдвинут, и оттуда болталось несколько футболок.

Мои глаза были прикованы к кровати, которая была завалена джинсами, футболками и бордшортами, которые были на нем вчера на пляже. Однако простынь и покрывало были аккуратно заправлены, почти с военной точностью. Я задрожала от мысли, как Дональд «учил» сына делать это.

Себастьян поспешно убрал одежду, бросив ее на деревянный стул, который уже был завален вещами.

— Она довольно маленькая, — сказал он смущенно.

— Она очень в твоем стиле, —

сказала я, смотря, как он бросает еще больше одежды на стул. Я повернулась, чтобы посмотреть его книги. Я всегда считала, что многое можно узнать о человеке по его книжной полке. У Дэвида не было книг, он читал только газеты и иногда медицинские журналы.

У Себастьяна было много Конрада, несколько книг Аллана Квотермейна в мягкой обложке, Джек Лондон «Дорога», бесчисленное количество книг о путешествиях, «Красный конь» Корти в переводе попался мне на глаза.

— Что это? — я вытащила тяжелую книгу в тканевом переплете

и провела пальцами по обложке. Я недоверчиво уставилась на него. — Ты все еще хранишь ее?

Он кивнул, его лицо было серьезным.

Я полистала изображения: Гензель и Гретель, Румпельштильцхен, Рапунц... все ужасные истории братьев Гримм.

Я перевернула обложку, зная, что увижу.

«Себастьяну от Кэролайн».

И дата. Девять лет назад.

— Ты сохранил ее.

— Конечно, — сказал он просто. — Ты подарила ее мне.

Я не знала, что чувствую, стоя там с доказательством его детства в

моих руках, и с взрослым парнем передо мной.

— Всегда была только ты, Каро.

Я продолжала смотреть на книгу, на свой почерк, доказательство нашей невинной дружбы в письменной форме.

Его голос стал обеспокоенным.

— Это ничего не значит, Каро, не в этом смысле.

Но это значило, для меня, по крайней мере. Прийти сюда было огромной ошибкой.

— Думаю, я лучше пойду, — сказала я тихо.

— Это просто книга, Каро, просто гребаная книга. Не уходи!

Он схватил меня за плечи и

заставил посмотреть на себя.

— Каро! Прекрати это! — сказал он почти грубо. — Я был ребенком, мы были друзьями. Вот и все. Ты не сделала ничего неправильного. — Он потряс меня, заставив меня схватить его за руки. — Я моложе, чем ты, и что? Это ничего не значит!

Внезапно мои колени подкосились, и я осела на кровать. Меня затошнило. Я ничего не ела, кроме омлета, и то он остался на дороге возле загородного клуба.

— Каро?

— Можно мне стакан воды, пожалуйста? — мой голос дрожал.

— Конечно! Конечно!

Я слышала, как он бежит по

лестнице. Я опустила голову и попыталась глубоко вдохнуть.

Мгновение спустя он вернулся с большим стаканом холодной воды. Я взяла стакан и сделала несколько глотков.

— Ты в порядке? — спросил он обеспокоенно.

— Да, я в порядке. Извини. Это просто... немного... — Волнующе? Шокирующе? Разрушающе?

Мои руки все еще дрожали, и я чуть не пролила остатки воды на подушку. Он взял стакан из моих рук и поставил его на прикроватную тумбочку.

— Давай, ложись со мной, — сказал он, нежно потянув меня за

руку. — Просто полежи со мной. Я не буду делать того, чего ты не захочешь, ты знаешь это.

Он потянул меня и держал в своих руках, ласково поглаживая по волосам. Мы лежали в тишине. Где-то в комнате я слышала тиканье часов — моя жизнь проходила с каждой секундой.

Он продолжал успокаивать меня: целовал мои волосы, гладил спину и руки, переплетя свои длинные ноги с моими.

— Ты хочешь услышать сказку на ночь? — сказал он, в его голосе был слышен юмор.

— Не смешно, — сказала я ему в грудь.

Он нежно рассмеялся.

— Тебе понравится эта. Она о парне и девушке, и мотоцикле, и полном баке бензина.

— Очень романтично.

— Я тебе говорю, тебе понравится. Ну, парень сказал девушке: «Эй, малышка, поехали, посмотрим мир». И ты знаешь, что ответила девушка?

— «Я мою голову?»

— Ха! Нет, не так. Она сказала: «Поехали, посмотрим Италию, потому что весь мир начинается с нее».

— Это звучит по-идиотски.

— Эй! Это моя сказка на ночь.

— Ладно, я буду молчать.

— Это вообще возможно?

Я легонько толкнула его в плечо, и он рассмеялся.

— Ладно, так что парень сказал: «У меня есть идея. Давай слетаем в Швейцарию…»

— На мотоцикле? Мне кажется, стоит объяснить тебе...

Он положил руку на мой рот, поэтому я поцеловала его ладонь и прижалась немного сильнее.

— «Давай слетаем в Швейцарию, доедем до Альп, затем вернемся в Милан и посмотрим «Трубадура» в Ла Скала».

— Это опера, где все в конце умирают.

— Ты сказала, будешь молчать.

— Извини.

— Итак, они остановились в красивом отеле, где завтракали в кровати из серебряной посуды...

— И сбежали утром, потому что у них не было денег оплатить счет?

— Да! Затем они укатили на своем верном мотоцикле и отправились в Верону, в один из самых романтичных городов в мире...

— Он не романтичный — Ромео отравил себя, а Джульетта заколола себя ножом до смерти.

— Шшш! Затем они объездили побережье Италии, останавливались поесть пасту... и у них было много секса...

— История с рейтингом 17+.

— Да, потому что это моя сказка на ночь. Затем они поехали в Салерно и совершили свое маленькое путешествие в горы в деревушку Капеццано Инфериоре, где встретили много прекрасных, безумных людей, которые были кузенами и тетушками, и дядюшками девушки, потому что она тоже была в какой-то степени безумна....

— И что потом?

— Они счастливо жили после этого.

Я вздохнула.

— Ладно, это была довольно хорошая история.

— Я говорил, что тебе понравится.

Я комфортно устроилась в его руках, и мои чувства вины и отвращения начали сходить на нет.

Он не говорил после этого, как и я. Мы начали засыпать, переплетенные друг с другом.

Громкий шум внезапно разбудил меня. Я села, дезориентированная и охваченная паникой в темной комнате.

— Ох, черт. Мама дома, — сказал Себастьян угрюмо. — Ты в порядке, Каро? Не переживай, она не придет сюда.

Мое сердце забилось быстрее. Оно стучало так громко, что я была почти уверена, он слышит, как оно бьется о мои ребра.

— Ты уверен? Дверь закрыта?

— У меня нет замка — я подставляю стул к двери, когда хочу уединения.

Я не могла поверить, что он так спокойно говорит это. Я почти выпрыгнула из своей кожи, когда он вытянул руку, чтобы погладить мои волосы.

— Я пойду, посмотрю отрубилась ли она, — сказал он, поняв мой настрой.

Я кивнула, нервно крутя свое обручальное кольцо на пальце.

Он нахмурился, затем скатился с кровати и осторожно открыл дверь своей спальни. Он вернулся меньше, чем через минуту, пока я с

беспокойством ждала.

— Она в отключке, как я и сказал. Никаких проблем.

Он вытащил стул и прислонил его к двери, плотно под ручку, позволив своей одежде сбиться в кучу.

Он медленно повернулся, уставившись на меня.

По взгляду на его лице я догадалась, что он хотел получить те страстные поцелуи, что я обещала ему. Я определенно не была того же мнения, адреналин, вызванный приходом Эстель, снова заставил меня волноваться и паниковать.

Я вытащила свой телефон из кармана джинсов и включила его,

чтобы проверить время, было больше часа ночи.

— Уже поздно, — прошептала я. — Мне нужно уходить.

— Останься. Пожалуйста.

Он снова сел рядом со мной и провел кончиками пальцев по моей руке.

— Мы не знаем, когда нам снова удастся провести ночь вместе, — сказал он убедительно, целуя мое плечо. — Какая разница, уйдешь ли ты сейчас или через несколько часов?

Когда он не встретил никакого сопротивления, то нежно толкнул меня назад на кровать и прижал своим телом к матрасу. Я

чувствовала, что он уже возбужден. Боже, это не заняло много времени. Я все еще дрожала, но одновременно я была в восторге от того, что могла вызвать в нем подобные чувства, заставить его тело вот так отвечать.

— Останься, — прошептал он, когда провел своим языком по моей шее вверх к уху и прикусил мочку.

Его правая рука залезла под мою футболку и обхватила грудь, вырисовывая круги на моем соске.

— Пожалуйста, останься.

В это мгновение его прикосновение оттолкнуло все мои страхи, все вялые соображения разума, и я обвила его шею руками, притянув его ближе.

Мой язык проскользнул в его рот, и я провела ногтями по его спине, заставив его вскрикнуть.

— Шшш, ты должен быть тихим, tesoro, — я напомнила ему.

Я потянула край его футболки, и он сразу же снял ее через голову, бросив через всю комнату. Моя вскоре последовала за его, и холодный метал пуговицы на его штанах прижался к моему животу, заставив меня дрожать.

Я лежала на боку, поэтому он мог расстегнуть мой лифчик, на этот раз он не мешкал — через несколько секунд бюстгальтер присоединился к растущей куче вещей. На самом деле, на полу не было места, которое не

было бы завалено одеждой, его и моей.

Он опустился на колени, чтобы наблюдать, как я расстегнула молнию и стянула свои джинсы и трусики. Он провел руками по моему телу и затем скользнул пальцем по внутренней стороне моего бедра. Я закрыла глаза и глубоко вдохнула от удовольствия и желания.

Его тело снова накрыло мое, и я наслаждалась тем, как грубая ткань его джинсов ощущалась на моей коже. Я потянула его за пояс к себе и засунула руку внутрь, проведя рукой по его отличной подтянутой заднице. Дрожь прошла через него, и он наклонился, чтобы поцеловать меня.

Поспешно я расстегнула джинсы, спустив их по его бедрам. Когда он сел, чтобы скинуть их, я протянула руку, чтобы провести ногтем указательного пальца от его груди к животу, наблюдая как слабый белый знак. который я оставила, исчезает. Его глаза закрылись, и он сделал глубокий вдох, когда его тело задрожало.

— Раз уж ты заполучил меня, — подразнивала я, — что ты собираешься делать со мной?

Его глаза расширились от удивления.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, чем ты хочешь заняться?

— Я хочу заняться с тобой

любовью, — сказал он, немного сконфуженно.

Я мягко рассмеялась.

— Да, я вижу это! Но, будешь ли ты сверху, или я буду сверху, или может, ты снова хочешь сделать это сзади? Или может мне стоить замолчать? Тебе выбирать.

Он облизнул свои губы, когда колебался, его глаза сверкнули.

— Сзади, — прошептал он.

— Твое желание для меня закон.

Я встала на колени на кровати, нарочито медленно, затем развернулась и опустилась на четвереньки. Затем посмотрела на него через плечо, стряхивая волосы с глаз.

Я слышала, как он сделал глубокий вдох, и затем пружины кровати громко заскрипели, когда он опустился на матрас. Он встал на колени сзади меня, держа меня за бедра одной рукой, и располагая свой член другой. Он медленно скользнул в меня и громко застонал.

— Черт! О, черт!

Я толкнулась бедрами назад к нему, и все его тело задрожало.

Я могла сказать, что он пытался контролировать себя, медленно двигаясь, но его тело выиграло борьбу над разумом. Я даже не пыталась бороться за контроль. Я хотела его всего. Сейчас.

Я снова толкнулась по

направлению к нему, и Себастьян полностью потерял себя, схватив мои бедра обеими руками и вбиваясь в меня. Пружины кровати громко скрипели с каждым толчком. Задыхаясь, я захихикала — было бы не столь очевидно, чем мы тут занимаемся, если бы даже неоновая вывеска висела над дверью: «Секс в процессе, не входить». Хотя я наслаждалась тем, как он входил в меня. И выходил. И снова входил.

Его рука двинулась к моему сладкому местечку так, как я ему показывала прежде, и в этот самый момент я потеряла все связные мысли, когда сильные и неконтролируемые ощущения

прошли сквозь меня. Он так хорошо находил мои слабые места: физические и психические. Он был чертовски хорошим учеником. Я согнула локти, приняв наш общий вес на свои предплечья, так чтобы я могла погрузиться лицом в подушку, пытаясь заглушить свои самые громкие стоны. Между нами было достаточно шума, чтобы разбудить мертвого — к счастью, недостаточно, чтобы разбудить Эстель.

Я почувствовала, как Себастьян врезался в меня одним последним мощным толчком — он ахнул, сдерживаясь и произнося что-то искаженно, что могло быть моим именем.

Мы опустились вниз и легли на его узкую кровать. Через мгновение он сдвинулся на бок и притянул меня к себе так, что моя спина полулежала на его груди.

— Это было... черт, Каро! Я не знал...

Он сделал паузу.

— Не знал что, tesoro? — спросила я, все еще задыхаясь.

— Ничего.

Он звучал смущенно.

— Продолжай. Теперь мне любопытно. — Я остановилась и покачала головой. — Извини... я снова это делаю?

— Делаешь что?

— Заставляю тебя говорить,

когда ты не хочешь. Извини.

— Черт! Не извиняйся, Каро! Я просто… ладно, но не злись на меня. Я просто не знал, что девушки на самом деле любят это вот так.

На мгновение я растерялась, а потом начала смеяться.

— Что? Ты думал, что только порно-звезды любят это сзади... догги-стайл?

— Ну, да! — он звучал шокировано.

Я неловко повернулась на узкой кровати так, чтобы могла смотреть на него. Я погладила его лицо, но не могла перестать улыбаться.

— Себастьян, женщины любят секс так же, как и мужчины... если он

хорош.

Он попытался улыбнуться, но выглядел неуверенным, его лоб был сморщен.

— А я...?

Он закусил губу.

Я знала, что он пытался спросить у меня.

— Да, ты хорош. В действительности, ты изумителен, во многом. — Я не собиралась дразнить его — ну, может, немного. Просто он был невероятно мил. — Кроме того, — продолжила я, — оргазм женщины — это подсказка, что она на самом деле наслаждается этим. На случай если тебе интересно.

— Да, так и есть. В какой-то

степени. Я имею в виду, это всегда чувствуется потрясающе с тобой, но я не был уверен, думаешь ли ты так же.

— Ну, я думаю. Поэтому перестань волноваться, — я задумалась на мгновение. — Я бы могла выставить оценки, если ты хочешь: оценить технику исполнения и артистизм, как в фигурном катании.

Он рассмеялся.

— Ладно! Так какая оценка?

— Три шестерки.

Он не отвечал мгновение, затем сказал тихо, звуча обиженно:

— Только шесть?

Я почти подавилась, от того как сильно рассмеялась.

— Шесть из шести!

Он рассмеялся тоже, хотя звучал немного смущенно.

— Ох, ладно тогда.

Он вытянул руку и накинул простынь мне на плечи. Мне было тепло и комфортно в его маленькой кровати, и я легко смогла уснуть.

Когда я почувствовала, что мои глаза начали закрываться, я подтолкнула его подбородок своим носом.

— Я должна идти. Скоро будет светать.

Он притянул меня крепче.

— Еще пять минут.

— Ладно, но я начинаю считать: 300, 299, 298…

— Ладно, ладно! Я двигаюсь.

Он отбросил простынь и немного задрожал. Он опустился на колени, роясь на полу, пытаясь найти нашу одежду.

— Эй, могу я оставить твой бюстгальтер?

— Извини?

— У меня нет ничего твоего, Каро, пожалуйста!

— Себастьян! — я покачала головой, не веря.

— Пожалуйста, Каро!

— Ладно! Но ты мой должник, Хантер. Это второй бюстгальтер, который пропадает из-за тебя.

Он ухмыльнулся, и я бросила в него своей футболкой.

Когда мы оба были одеты, он открыл дверь, и мы на цыпочках вышли на лестницу. Ну, я шла на цыпочках, он шел нормально, смотря на меня и качая головой, как будто я была немного сумасшедшая. Я никогда не сбегала из кровати парня прежде — это было более забавно, чем я могла представить.

Как только мы вышли за границы дома во двор, я начала дышать немного легче. Себастьян настоял на том, чтобы перекатить бочку к забору, чтобы мне было легче перелезть.

Был тусклый намек на свет на востоке, и воздух был холодным и пах сосной.

Мы прислонились к машине, держа друг друга, перед неизбежным расставанием, что всегда происходило.

— Твои волосы начинают отрастать, — сказала я, рассеяно проводя пальцами по его волосам.

— Да, наверное.

Было очевидно, что его мысли были где-то в другом месте.

— Могу я прийти завтра перед работой?

— Уже сегодня, — напомнила я ему.

— Так могу?

— Полагаю да, но я напишу тебе. — Я нахмурилась, когда поняла, что должна встретиться с

Дэвидом сейчас или очень скоро. — Просто на всякий случай.

Он вздохнул.

— Ладно. Люблю тебя, Каро.

Я обняла его еще крепче, затем отпустила.

— Увидимся позже.

— Мы всегда прощаемся. Я ненавижу это, Каро.

— Это не продлится долго, — сказала я, со всей уверенностью, что у меня была.

Садиться в машину и уезжать от него было самым сложным, что я делала.

Несколько минут спустя я была дома — или не так... в доме, где спал мой совсем-скоро-бывший муж. Я

очень надеялась, что он спал, когда проходила через заднюю дверь.

Но затем я замерла. На кухне я увидела ногу, свисающую с края дивана. Она была одета в форму.

Дерьмо!

Я сняла обувь и прошмыгнула мимо него босиком, едва смея дышать. Его храп становился глубже, поэтому, когда я достигла вершины лестницы без происшествий, я выдохнула, чувствуя слабое облегчение.

Смотря на нашу... его спальню, я заметила, что в кровати никто не спал. Он пришел домой настолько пьяным, что даже не смог подняться по лестнице.

Как и Эстель.

Часы над моей тумбочкой проинформировали меня, что сейчас 6 утра, у меня еще был час до того, как прозвенит будильник. Я сняла футболку и джинсы и скользнула на холодные простыни. Я скучала по теплому телу Себастьяна рядом со мной и не могла расслабиться, вместо того, чтобы спать, я поймала себя на том, что пялюсь в потолок почти весь час.

За пять минут до сигнала будильника я сдалась и пошла в душ. Горячая вода успокаивала и придавала мне сил, и затем я провела несколько минут, массируя тело, втирая лосьон. Мне лучше начать

тщательнее ухаживать за кожей, если я собиралась быть с парнем, который был настолько лет младше меня. Вряд ли немного пальмового лосьона могло достаточно помочь, но я была готова попробовать много чего — всё, что могла себе позволить, что на самом деле было не очень и много.

Когда я смотрелась в зеркало, рассматривая мелкие морщинки и ища признаки седых волос, я заметила небольшой синяк чуть выше моей левой груди. О, боже мой! Засос! У меня не было таких годами! Ну, больше десяти лет. Хотя, я даже была не уверена, что у меня вообще были засосы. Как звали того парня, который позвал меня на свидание за

семестр прежде чем я встретила Дэвида? Кевин? Колин? Я помню, что он пытался заняться со мной петтингом в кинотеатре, но мне больше был интересен фильм.

Я сделала себе мысленную заметку напомнить Себастьяну, что такие штуки были запрещены до того, как мы уедем в НЙ. Жаль.

После того как закончила сушить свои волосы полотенцем, я выложила рабочую форму Дэвида. Я надеялась, что это позволит избежать или, по крайней мере, отложить следующую ссору так надолго, как было возможно. Нужда приведет и к такому.

Он только начал шевелиться,

когда я начала делать завтрак. Я гремела на кухне так громко, как могла, вымещая немного раздражения на сковородке и раковине, чувствуя, как его, налитые виски глаза, сердито таращатся на меня.

— Доброе утро, Дэвид. Завтракать будешь? — спросила я беззаботно.

— Просто кофе, — сказал он угрюмо, затем добавил: — спасибо.

Я чуть не уронила тарелку, которую несла, уставившись на него недоверчиво. Я не могла вспомнить последний раз, когда он благодарил меня за что-нибудь. Я задавалась вопросом, что же привело к этой

вспышке цивилизованности. Это было слишком странно. Тем не менее, это было лучше, чем быть обруганной, что происходило обычно, когда у него было похмелье. Чудеса никогда не прекращаются.

Вежливое соглашение было довольно недолгим. Он покинул дом, больше не заговорив со мной, за что я была премного благодарна.

Солнце начало пробиваться через слой облаков и освещать Сан-Диего, и обещать еще один солнечный июньский денек. На моем сердце было удивительно легко — и я знала, что все будет идеально. Я сразу же написала Себастьяну, зная, что он ждет что-нибудь от меня.

** В парке через двадцать минут? Возьми свои пляжные шорты. **

Его ответ заставил меня смеяться.

** Разве не время ложиться спать? **

** Нет! Через двадцать минут? **

** ок :) **

Я переоделась в бикини и натянула шорты и майку с лямками, затем спустилась вниз, чтобы соорудить что-нибудь для пикника. Я знала, что он не позавтракает, и даже если сделает это, то будет жутко голодным к ланчу.

Подумав, я взяла свой ноутбук и

блокнот, бросив в багажник автомобиля. У меня все еще были кое-какие заметки, которые нужно было напечатать, и больше чем когда-либо я нуждалась в деньгах за статью для «Сити Бит», за которую они были готовы заплатить мне. Кроме того, сейчас я была членом загородного клуба и могла бы использовать это. Конечно, были дополнительные преимущества в раздевалке, если она снова окажется пустой, но кто знал, что может случиться.

Себастьян сидел на бордюре на своем обычном месте. Мой дорогой сладкий салага.

— Мы будем заниматься

серфингом?

Надежда и удивление были очевидны в его голосе.

— Почему нет? Прекрасный день. Может, ты бы смог научить меня каким-то новым движениям.

— Мне понравились движения, которым ты научила меня прошлой ночью.

— Себастьян!

Он пожал плечами.

— Это правда.

— Ну, возможно. Мы можем позже проверить, свободна ли их раздевалка.

Он застонал.

— Ох, черт. Это так горячо!

Я не могла не согласиться с

такой оценкой.

Мы ехали с опущенными окнами. Себастьян включил станцию с джазом. Я была уверена, что он интересовался оперой, только чтобы угодить мне. Это на самом деле было очень мило.

Я припарковалась у той же лачуги с оборудование для серфинга Ла-Хойя. Я называла ее так, потому что у нее был настолько ветхий вид, что, казалось, она могла рухнуть от малейшего порыва ветра.

Владелец немедленно узнал нас — или он использовал одно и то же поведение со всеми.

— Привет, сладкая! Давно не виделись. Ты хочешь арендовать

доску?

— Да, пожалуйста, — сказала я вежливо, пихнув Себастьяна в ребро, когда он оскалился на мужчину. — И два гидрокостюма.

— Мне не надо, — пробормотал Себастьян. — Только ей.

— Жаль, — сказал владелец, оценивая мой размер. — Держу пари на тебе отличное бикини.

Я быстро оплатила, снова оставив свои ключи от машины под залог, и вытолкнула Себастьяна из магазина, прежде чем он решил что-то начать. Владелец ухмыльнулся мне и подмигнул. Когда он протянул мне сдачу, я заметила, что он написал свой номер телефона на одной из

купюр.

Класс. Брр.

Какой парень будет приударять за девушкой, которая пришла со своим парнем? Вы не найдете женщину, которая... и затем я подумала о Бренде. Да, она определенно именно такая женщина.

Я задалась вопросом, сохранила бы она себе номер телефона этого парня, он был довольно привлекательным. И я знала, что ей нравились серферы. Я, правда, хотела, чтобы он не писал свой номер на десятидолларовой купюре. Ох, ну, я просто использую ее для чаевых кому-нибудь. Больших чаевых.

Себастьян нес тяжелую доску по

пляжу и поплыл со мной. Я не знала, как он будет стоять на воде без гидрокостюма — мне было холодно. Но он рассмеялся и сказал, что привык.

Я неуверенно раскачивалась и упала больше раз, чем могла сосчитать, но все же смогла устоять несколько раз, когда рассекала серфом зеленую воду перед очередной набегающей волной.

Когда мы резвились уже почти час, знакомый фургон припарковался с моим стареньким Фордом, и Чес вышел на пляж, со своей гладкой, легкой доской с тремя плавниками под мышкой.

Я толкнула Себастьяна в бок, и

его счастливое выражение лица исчезло.

— Пойдем, поздороваемся, — предложила я.

Он пожал плечами, но пошел вслед за мной.

— Привет, Чес, — сказала я доброжелательно, когда тащила свою тяжелую доску по песку.

— Здравствуйте, миссис... Кэролайн, — сказал он, осторожно глядя на Себастьяна. — Я не знал, что ты опять занимаешься серфингом.

— Себастьян учит меня.

— Да, мы не все время трахаемся, — сказал агрессивно Себастьян, скрестив руки на груди.

Я скривилась и почувствовала, что мои щеки покраснели. Помимо всего прочего он был еще и лицемером.

Чес поморщился и завозился со своей доской.

— Мне все еще проблематично делать повороты, — сказала я, отчаянно пытаясь разрядить атмосферу.

— Ну, вы смотрелись довольно неплохо, — пробормотал Чес.

— Почему бы вам, парни, немного не повеселиться, я готова отдохнуть. Себастьян, возьми мою доску.

Я протянула ее ему, практически не давая ему выбора в этом вопросе.

Он упрямо взглянул на меня, но побрел к морю.

Чес секунду смотрел беспомощно, затем пробормотал что-то невнятное и побрел следом. Я наблюдала некоторое время, надеясь, что они разрешат это как-нибудь, затем сняла гидрокостюм и растянулась на пляжном полотенце. Солнце было восхитительно теплым на моей холодной коже, и вскоре я задремала после счастливых непрекращающихся мыслей. Кроме того, я не очень много спала в последнее время.

Я резко проснулась, когда что-то очень холодное капнуло на меня. Я прищурилась на солнце и увидела,

что Себастьян ухмыляется. Мое сердце внезапно екнуло — это так походило на тот первый день, когда мы встретились. Столько всего случилось с тех пор: я уже едва была тем же человеком. А он?

По крайней мере, Себастьян выглядел счастливее сейчас.

— Эй, детка, я разбудил тебя?

— В какой-то степени. Не совсем так. Ты повеселился?

Он пожал плечами.

— Все в порядке. Волны не очень сегодня. Береговой ветер, так что они довольно мягкие. С тобой было веселее.

Я задрожала, когда он лег рядом со мной.

— Брр! Ты холодный и мокрый!

— Я мог бы согреть тебя, — с намеком сказал он, проведя рукой по моему животу и нависая надо мной.

Я оттолкнула его.

— Не здесь!

Я посмотрела и увидела смущенного Чеса, который отчаянно пытался не смотреть, как его лучший друг лапает замужнюю женщину.

— Веди себя прилично! — сказала я строго, нахмурившись на Себастьяна.

Он просто улыбнулся мне с той же раздражающей беззаботностью. Боже! Он мог так злить!

Я села и убрала его руку, когда он пытался зажать ее между моими

бедрами. Я потянулась в сумку и вытащила свою майку. Я подумала, что Чесу будет немного комфортнее, если на мне будет больше одежды. По правде говоря, уровень комфорта Чеса будет зависеть от того, перестанет ли его друг вести себя как осел.

— Чес, хочешь сэндвичи? Я сделала более чем достаточно.

— Да, это будет здорово, Кэролайн, — ответил он быстро.

Его взгляд нервно переместился на Себастьяна, который вел себя как капризный подросток. Ладно, может он не вел себя так — а на самом деле был таким. Я вздохнула. Он портил такой чудесный день. Чес ведь был

не виноват, что выбрал тот же пляж. Мы должны быть благодарны, что это был Чес, а не какой-нибудь другой приятель Себастьяна по серфингу.

В течение обеда отношения стали налаживаться. Себастьян перестал выпендриваться, и Чес начал расслабляться. Еда оказалась универсальной панацеей для мужских темпераментов. На меня накатило облегчение — последнее, что я хотела — это встать между Себастьяном и его другом. И если дела пойдут плохо, ему будут нужны все друзья, что будут рядом. Я задрожала от этой мысли.

После нашего приятного пикника Себастьян начал настаивать,

что он вернет мою доску и гидрокостюм в хижину, а я настояла, что он поедет до загородного клуба в фургоне Чеса.

— Я увижу тебя достаточно скоро, — сказала я, обрывая его протест. — Пожалуйста, tesoro.

Он жадно поцеловал меня, и в этот раз я знала, что это не было игрой. Когда мы смогли остановиться, он прислонил свой лоб к моему.

— Пока, Каро, — сказал он тихо.

Я поцеловала его в губы и наблюдала, как он забирается в фургон Чеса.

Он был прав в одном — мы всегда прощаемся.

Когда я приехала в загородный клуб, мое мрачное настроение превратилось в нечто более темное. Девушка в очень открытом бикини лежала на шезлонге у бассейна.

Бренда, гребаная, Вайсман.

15 глава

Бренда посмотрела наверх и нахмурилась, когда я уселась за стол под зонтиком и открыла лэптоп.

По ее смущенному выражению лица было очевидно, что она знает меня, она просто не могла понять откуда. У меня не было желания помочь ей в этом. Чем меньше она будет связана со мной и Себастьяном, тем счастливее я буду. В действительности, самой умной вещью будет собраться и уйти домой, по той же причине.

Несмотря на то, что я только пришла, я должна уйти — может, мне просто притвориться, что я что-то

забыла, и тогда я смогу уйти, не привлекая много внимания.

Я аккуратно закрыла крышку лэптопа и засунула его в сумку, хотя бедный аппарат еще жужжал от звуков загрузки. Я встала, но опоздала на каких-то десять секунд. Себастьян шел ко мне в униформе загородного клуба и с огромной улыбкой на лице, будто он не видел меня несколько дней, а не минут. Я чувствовала то же самое.

Я посмотрела на Бренду, затем уставилась в пол, но казалось, он был не в состоянии прочитать мои мысли, что в этот момент было крайне неудобно.

— Привет! — сказал он

счастливо. Затем нахмурился. — Ты куда-то собираешься?

Я была похожа на оленя, пойманного в свете фар, которыми была Бренда Вайсман — и меня собирались раздавить. Ее глаза сверлили нас, а выражение на ее лице и то, как она рассматривала его тело, так и намекало, что у нее есть суперсила, возможно, рентгеновское зрение.

— Привет, Себ! — пропела она. — Ох, мне нравится твоя униформа, она такая милая!

Ее истерические вопли, как у капитана команды чирлидеров, вызвали у меня желание окунуть ее голову в бассейн и наблюдать, как ее

ноги с педикюром будут отплясывать тарантеллу.

Выражение лица Себастьяна сменилось со счастливого на раздраженное, а затем слегка нахмуренное. Он не зря беспокоился — его актерские способности были еще хуже моих. Мы вдвоем находились в непосредственной близости от сверхнаблюдательной Бренды, что могло привести к катастрофе. Возможно для нее, так как я буду вынуждена оторвать ее язык и скормить акулам вместо приманки.

Я все еще думала, что лучше было бы уйти в любой подходящий момент, хоть это и означало оставить

Себастьяна в лапах гарпии. Незаметно я опустилась вниз на сиденье и достала лэптоп из сумки.

— Эм, нет, — сказала я тихо, стараясь не выглядеть слишком сбитой с толку. — Я просто собиралась за... кофе.

Мгновение Бренда смотрела на меня, затем ее взгляд стал более снисходительным.

— Ох, я думаю, что узнала вас, — вы были на пикнике в воскресенье, миссис...

— Кэролайн Уилсон, — ответила я вежливо. — А ты...

— Бренда Вайсман, — сказала она, подняв бровь, явно полагая, что она была незабываема. Как права она

была.

Взгляд Себастьяна метался между нами.

— Приятно снова увидеть тебя, Бренда, — сказала я, подражая ее лицемерию.

Она поправила свое крошечное бикини — ее испытанный метод для привлечения внимания Себастьяна. На этот раз это не дало результата, он по-прежнему смотрел на меня. Боже, я наделась, что кто-нибудь в ближайшее время начнет тонуть, чтобы ему было чем заняться, хотя это было сомнительно.

Бренда прищурила глаза — она почувствовала конкуренцию, поэтому теперь планировала

убийство. В то время как взгляд Себастьяна все еще был прикован ко мне, я видела, как она сняла одну из своих сережек и засунула ее в сумочку. Что она собиралась делать?

Я решила разобраться.

— Себ? — заскулила она. — Я потеряла сережку, я думаю, что она где-то на дне. Ты мог бы нырнуть и достать ее?

Вау, у нее, и правда, нет стыда! Она разыграла женскую беспомощность, чтобы заставить его снять футболку — и все это одним коротким предложением. Я никогда не думала об этом: я должна многому научиться.

Себастьян нахмурился, глядя на

нее.

— Ты уверена, что потеряла ее где-то на дне бассейна? — он укоризненно уставился на нее. — Твои волосы сухие.

Она покраснела.

— Я тут уже некоторое время... я плавала, когда заметила, что ее нет. Пожалуйста, можешь посмотреть?

— Ладно, — сказал он, уставившись на бассейн.

Я увидела выражение триумфа на ее лице, которое вскоре сменилось похотью, как только Себастьян стянул футболку и разулся.

Было тяжело представить, что они так долго встречались. Еще труднее было представить, что она не

сорвала его одежду и не лишила его девственности за все это время. Она стала такой отчаянной, когда он расстался с ней, или всегда была такой? Я напомнила себе причину, почему они расстались, — она переспала с кем-то другим. Возможно, у Себастьяна был хороший самоконтроль, когда он был с ней — только не со мной, самодовольно подумала я.

На другой стороне бассейна, я увидела, как две женщины возраста Ширли подтолкнули друг друга и опустили свои солнцезащитные очки, чтобы лучше все рассмотреть.

Большие чаевые от озабоченных, взрослых женщин.

Ревность была такой новой и непривычной эмоцией, что я должна была напоминать себе, что мои одержимые убийством мысли были чрезмерны.

Я испытала облегчение, когда увидела, что следы от моих ногтей, которые я нанесла ему прошлой ночью — или этим ранним утром — в основном исчезли. Себастьян был не единственным, кто должен быть осторожен, чтобы не увлечься.

С грацией, от которой у меня перехватило дыхание, он нырнул в глубокий бассейн и оставался под водой полминуты, ища потерянную сережку, которую Дьявол Бренда спрятала в своей сумочке. Он

вынырнул набрать воздух, а затем снова занырнул. Больше двух раз он обшарил дно бассейна, но, конечно же, ничего не нашел.

В конечном итоге он сдался и вынырнул из бассейна, прямо рядом с тем местом, где сидела Бренда, лисица, которая пыталась выглядеть беспомощной и благодарной. Его плавательные шорты прилипли к телу, когда вода стекала с него, и его кожа блестела на солнце, капли отражались от груди и рук.

Бренда выглядела так, будто умерла и оказалась на небесах. Хотя... мысль пришла мне в голову... не видела ли она этого раньше? Разве он никогда не брал ее на серфинг?

Мне нужно запомнить это и спросить его. Затем я отвергла эту идею, я обещала себе бросить преследовать его вопросами, что только взбесят нас обоих.

Две женщины с другой стороны бассейна улыбались друг другу, и я клянусь, что они дали друг другу «пять». Я подозревала, что Себастьян проведет вторую половину дня за просьбами извлечь потерянные украшения из бассейна. Или если то, что пили женщины, было алкоголем, он в конечном итоге будет спасать их обеих, когда они бросятся глубоко в бассейн с надеждой, что он сделает им искусственное дыхание.

— Мне жаль, — сказал он,

наконец. — Я не нашел ее. Возможно, она попала в систему фильтра. Я напишу менеджеру, и она попросит парня, что чистит бассейн посмотреть. Но это будет не раньше завтрашнего утра.

Бренда пожала плечами.

— Неважно. Так ты решил, в какой колледж поступишь? В университет Калифорнии? Какие классы ты выберешь?

— Я работаю, Брен, — сказал он не очень сдержанно.

Она надулась.

— Ты не так уж занят.

Он нахмурился.

— Я не должен разговаривать с посетителями.

— Я никому не расскажу, — сказала она, улыбаясь ему.

Мне было отчаянно жаль Себастьяна, он был совершенно беспомощен, чтобы отшить ее. Он, и правда, понятия не имел, что таким хорошим поведением сам себе вредил.

Я задавалась вопросом: оценит ли он мою помощь, если я атакую ее шезлонгом и изобью, тогда она отвлечется достаточно, чтобы оставить его в покое. С другой стороны, это определенно привлечет нежеланное внимание.

Вместо этого я пыталась сосредоточиться на небольшом экране передо мной, но я не могла не

заметить, что глаза Себастьяна беспокойно поглядывали на меня.

Бренда раздражалась, когда ее хитрости не срабатывали, и она должна была заметить, что он смотрит на меня, а не на нее.

В этот момент Чес подошел к Себастьяну и тихо с ним заговорил. Что бы он ни сказал, Себастьян испытал огромное облегчение. Он поднял свою футболку и натянул на мокрое тело, скользнул в шлепанцы, и, уходя, один раз взглянул на меня и улыбнулся.

Но этого было достаточно: Бренда увидела взгляд.

Ее глаза опасно сощурились, и я нервно сглотнула. Затем

выпрямилась и решила, что не собираюсь позволить ей одержать надо мной верх.

— Куда он пошел? — сердито спросила Бренда Чеса.

— Нам сказали поменяться обязанностями, — солгал он обыденным тоном.

Я точно знала, что Себастьян должен быть всю смену у бассейна.

— Они потребовали его в тренажерный зал, — убедительно продолжил Чес. Я была рада, что он был на нашей стороне — на стороне Себастьяна.

Затем он посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Привет, миссис Уилсон. Как

вы?

— Я хорошо, спасибо, Чес, — сказала я, улыбаясь ему с благодарностью. — Как твои папа с мамой?

Мы так прекрасно играли вместе, как будто делали это всю нашу жизнь.

— Хорошо, спасибо. Вы пишите очередную статью?

— Я думала, что персонал не должен разговаривать с членами клуба, — пробормотала Бренда угрюмым тоном.

Чес притворился, что не услышал ее и продолжил говорить со мной еще несколько минут, прежде чем занял свое место спасателя.

Я была совершенно не готова к дальнейшей атаке Бренды.

— Так, вы, вроде как, писатель? — спросила она, подходя и становясь рядом со мной и уперев руку в бедро.

Я подняла глаза и увидела мимолетный взгляд сочувствия в глазах Чеса.

— Пытаюсь быть, — вежливо ответила я.

— Разве вы, вроде как, не слишком старая, чтобы начинать?

Я была поражена ее грубостью.

— Я не думаю, что бывает слишком поздно начинать что-то новое.

Она фыркнула и начала читать мои заметки через мое плечо. С меня

хватит.

Я закрыла лэптоп и посмотрела ей в глаза.

— Я могу чем-то помочь тебе, Барбара?

— Бренда!

— Ох, да?

— Вы знали Себа, когда он был ребенком, верно? — спросила она, не смущенная моей открытой враждебностью.

— Немного, — призналась я.

— То есть, вы знаете его, вроде как, вечность?

Если она скажет «вроде как» снова, мне придется ударить ее по голове учебником грамматики. Или мне просто уйти — эта идея казалась

более привлекательной.

Я холодно посмотрела на нее, и она выглядела немного сконфуженной.

— Ох, извини, Барб... Бренда. Это был вопрос?

Она быстро кивнула.

— Нет, не совсем, — сказала я кратко. Я не собиралась давать ей никакой информации.

— Вы знаете его родителей, верно?

— Немного, — сказала я, зная, что это разозлит ее еще больше.

— Мы с Себастьяном встречаемся с десятого класса, — открыто лгала она.

— Как мило, — сказала я,

улыбаясь во все зубы. — Ширли, должно быть, ошиблась, когда сказала мне, что вы двое расстались.

Она перекинула свои светлые волосы через плечо.

— Мы расставались, но он захотел вернуть меня.

Она говорила с такой уверенностью, что я была в каком-то роде в восторге от нее. Как она так легко лгала и была при этом такой уверенной? Мне нужно было взять у нее пару уроков — поскольку у меня оставались еще три месяца жизни с Дэвидом.

Напоминание вызвало неприятные ощущения, и с меня было достаточно ее игр.

— Как хорошо для тебя. Ну, это был милый разговор, но, если ты извинишь меня, у меня есть сроки сдачи материала.

Сейчас она выглядела разозленной. Оказалось, я могу отшить ее лучше, чем Себастьян.

Она сердито фыркнула, схватила свое полотенце и направилась в помещение. Я предполагала, что она собиралась преследовать Себастьяна в тренажерном зале. Я взглянула на Чеса. Он пожал плечами и беспомощно покачал головой. Нет, он тоже не знал, что делать с Барбар... Брендой.

Я решила отойти, чтобы, наконец, получить этот

вымышленный кофе. Я поставила лэптоп на стол, и Чес благородно предложил присмотреть за ним. Натянув футболку и шорты, я направилась к бару, но прежде чем дошла туда, услышала злой женский голос.

— В ваши обязанности не входит болтать со своей девушкой, пока вы на работе, мистер Хантер.

— Она не моя...

Латиноамериканка средних лет в брючном костюме отчитывала Себастьяна. Моей немедленной реакцией было ворваться внутрь и защитить его. Вместо этого я безмолвно наблюдала со стороны. Со мной всегда так.

— У нас есть правила по веским причинам. Мы не хотим, чтобы члены нашего клуба получили травмы, находясь в тренажерном зале, — вот почему у нас есть персонал, чтобы они помогали им правильно использовать оборудование. Если вы болтаете со своей девушкой, мистер Хантер, то может произойти несчастный случай.

— Она не моя девушка, мэм. Она член клуба и...

— Ну... я все прекрасно вижу, мистер Хантер. И если кто-то из ваших других друзей решит приехать и поболтать, я уверена, вы отговорите их от этого. Не так ли?

— Да, мэм.

— И я хотела бы спросить, почему в тренажерном зале работаешь ты, а не Петерс?

Себастьян покраснел и опустил свой взгляд, чтобы уставиться прямо на плечо менеджера.

— Я... я попросил поменяться, мэм.

— Я составляю расписание, мистер Хантер, не вы. Будьте любезны вернуться к своим обязанностям спасателя и отправьте ко мне мистера Петерса.

— Но Чес...

— Сейчас же, мистер Хантер.

— Да, мисс Перес.

Себастьян развернулся и зашагал

обратно к бассейну.

К счастью он не знал, что я слышала эту немного унизительную сцену. Я бы с радостью ударила Бренду за то, что причинила так много неприятностей.

Я задержалась, чтобы заказать кофе, и молодой бариста предложил принести его к бассейну, когда он будет готов. Сейчас, когда Себастьян был снаружи, это было единственное место, где я хотела быть.

К счастью, Бренда, казалось, исчезла. Что было к счастью для нее, учитывая мои чувства к ней.

Себастьян сидел в кресле спасателя, когда я вышла на свет из мрака клуба. Он лучезарно улыбнулся

мне, когда я снова заняла свое место под зонтиком. Я, правда, хотела поговорить с ним о том, чтобы притворяться безразличным. Я послала ему быструю улыбку и вернулась к своему лэптопу. Сейчас, когда Бренда ушла, у меня был шанс напечатать хоть что-нибудь.

Было удивительно успокаивающе, что Себастьян сидел рядом, пока я работала. Я писала в течение некоторого времени, потягивая кофе, который принесли к моему столу, все более и более вникая в описание жизни Базы, с ее странной смесью дисциплины и игры, правил и разделения нас и мира за стеной. Это заставило меня

понять, как сильно я полагалась на порядок и сплоченность семьи. Я так долго чувствовала себя чуждо в этом мире, что даже не заметила, как медленно погрузилась в изолированную, альтернативную жизнь. Я задавалась вопросом, буду ли я скучать, когда уеду. Я так не думала, но я знала эту жизнь уже одиннадцать лет. По крайней мере, сейчас Себастьян предлагал мне что-то другое.

Я посмотрела на часы, удивившись, что уже было больше пяти вечера. Я должна ехать домой и встретиться с Дэвидом. Я не знала, как выдержу еще двенадцать недель такого. И я буду без теплого тела

Себастьяна сегодня ночью. От этой мысли я почувствовала себя лишенной чего-то важного.

Я подняла голову и увидела, что он смотрит на меня, небольшие морщинки испещряли его лоб. Я быстро улыбнулась и незначительно постучала по часам. Уголок его губ приподнялся, и он неуловимо кивнул.

Со вздохом я собрала свой лэптоп и блокнот и оставила его позади.

В шесть вечера я услышала, что подъехал Дэвид. Я убедилась, что его ужин — подогретая лазанья и салат — был готов.

Когда он вошел, я нацепила улыбку на свое лицо, вытащила

дымящуюся тарелку из микроволновки и поставила ее на стол рядом с миской салата.

Но он не смотрел на еду — он смотрел прямо на меня, его выражение лица было жестким и злым, пока он сидел за столом, выпрямившись.

— Хочешь мне что-нибудь рассказать мне, Кэролайн?

Я была уверена, что краска отхлынула от моего лица, потому что внезапно я почувствовала слабость. Я пыталась говорить, но не могла произнести ни слова.

— Ну?

— Я...

— Я видел доктора Равель

сегодня, — он сердито посмотрел на меня, — которая сообщила мне, что ты пропустила свой прием!

Я почувствовала внезапное желание рассмеяться. Это все, что его беспокоило.

— Верно,— сказала я, чувствуя храбрость, так как была уверена, что это не связано с Себастьяном.

— Ты потрудишься объяснить это? — зашипел он.

— Я не чувствовала надобности идти на прием, ты записал меня не посоветовавшись. Если ты не помнишь, то я напомню, что у меня брали мазок шесть месяцев назад, и не было никаких проблем. И у меня, конечно, нет ранней менопаузы — я

уверена в этом.

Тишина наполнила комнату, и наши взгляды схлестнулись.

— И какого черта доктор Равель обсуждала меня — ее пациента — с тобой? Она не слышала о законе «О перемещаемости и подотчетности страхования здоровья»?

— Если это не физическое, значит психологическое, — сказал он холодно, игнорируя мой комментарий. — Я устрою для тебя встречу с психиатром Базы...

— Нет, не устроишь, Дэвид, — ответила я, пытаясь соответствовать его оптимистичному тону, но это не очень получалось. — Я не пойду к мозгоправу, со мной все в порядке.

— Тогда почему ты спишь в гостевой комнате? — крикнул он, все намеки на контроль испарились. — Сегодня это прекратится. Я хочу, чтобы ты вернулась в мою кровать, где ты и должна быть!

— Нет! — крикнула я в ответ. — Черт побери, нет!

Выражение лица Дэвида было шокированным.

— Да, ты вернешься, — сказал он с меньшим нажимом.

Я уставилась на него и уперла руки в бока.

— Нет.

Мы сердито смотрели друг на друга через кухонный стол.

— Что, черт побери, с тобой не

так? — внезапно крикнул он, заставив меня подпрыгнуть.

Адреналин и гнев придали резкости моему тону.

— Ничего! Со мной все в порядке! Я стираю твою гребаную одежду, глажу гребаные брюки, готовлю, убираюсь...

— Это твоя работа! То, что ты должна здесь делать!

— Я НЕ гребаная рабыня!

— Ты становишься истеричной, Кэролайн, я думаю...

— Мне плевать, что ты думаешь, Дэвид! Я устала от твоей агрессии ко мне, что ты принижаешь меня, свысока смотришь на меня, обращаешься как с какой-то

простачкой. Я должна была стать партнером в этих отношениях — вот, на что я подписывалась. Не на это!

— Ты ведешь себя как ребенок, Кэролайн!

— Тогда перестань обращаться со мной так! Мне, черт побери, тридцать лет!

— И, пожалуйста, перестань использовать этот мерзкий язык!

— АААААА! — закричала я во всю мощь своих легких.

Мгновение он выглядел напуганным. Затем он резко встал и с силой оттолкнул лазанью и салат от себя. Тарелка заскользила по кухонному столу и упала на пол, из-за чего поток горячего соуса и

обжигающих овощей попал мне на ноги.

Я закричала и отпрыгнула, пытаясь стряхнуть обжигающую еду.

— Ты ублюдок! — я закричала на него. — Ты гребаный ублюдок!

Он выглядел шокированным.

— Кэролайн... я... я не хотел сделать те... тебе больно?

Я побежала к раковине, пытаясь плеснуть холодной воды на свои обожженные ноги и ступни.

— Кэролайн!

Слезы текли из моих глаз, и мой голос был резким.

— Уходи, Дэвид. Оставь меня в покое.

Вместо этого он виновато стоял,

пока я пыталась очистить себя в тишине. Горячая еда оставила красные ожоги на моих бедрах и голенях спереди. Я думала, что быстро убрала горячий соус, чтобы предотвратить волдыри или реальные повреждения.

Дэвид беспомощно смотрел на меня. Было очевидно, что он понятия не имел, что сказать или сделать. Если бы он дотронулся до меня, я бы не смогла отвечать за свои действия. Великий доктор даже не предложил принести аптечку.

Я осторожно протерла свою ногу изрядной порцией антисептического крема, и даже не посмотрев в его направлении, покинула комнату.

Лазанья все еще была раскидана по полу как на месте преступления.

Я поднялась по лестнице и легла на кровать в своей комнате. Я хотела свернуться в клубок, но моя кожа была слишком чувствительная, чтобы попытаться так растянуться. Вместо этого я легла на спину и уставилась в потолок. Дэвид никогда прежде не причинял мне боль — не физически. Я знала, что это был несчастный случай, но ненависть, которую я чувствовала к нему в этот момент, накатила на меня. Все годы издевок и унижений, все разы, когда он заставлял меня чувствовать себя глупой и неадекватной, все это сейчас кипело внутри меня.

Ярость, которую я чувствовала, когда Бренда так явно флиртовала с Себастьяном, была ничем — незначительным раздражением по сравнению с тем, что я чувствовал сейчас.

Я была рада, что у меня был роман за его спиной. Я была рада, что затащила молодого парня в его кровать. Я была в восторге от мысли, какие страдания он испытает, когда узнает правду. Я хотела выплюнуть ему это в лицо и посмотреть, как он, черт побери, развалится на части.

Даже когда я услышала, что передняя дверь хлопнула, и его машина отъехала, я продолжала представлять яростную радость,

когда я, наконец, расскажу ему, каким жалким маленьким мужчиной он на самом деле был.

Я лежала на кровати, когда дом погрузился во мрак. Я ощущала, как заканчивался день, а жизни людей продолжались по тому же определенному сценарию. Я тоже была такой когда-то, — проживая час за часом, как лунатик бродила по пути, что был выбран для меня, не просыпаясь, ничего не зная.

Все это было пылью и прахом.

Должно быть, я уснула, потому что, когда мой телефон завибрировал текстовым сообщением, я дернулась и проснулась. Я попыталась сесть, задаваясь вопросом, почему чувствую

боль, и затем воспоминания налетели на меня как саранча. Кожа на моей ноге огрубела и сильно стянулась, будто от плохого загара. Я была поражена, обнаружив, что мое лицо было мокрым. Я не знала, что это было возможно — плакать во сне. Это было не от боли, по крайней мере, не от физической.

Я повернулась на свою сторону, чтобы потянуться к прикроватному столику. Маленькие часы-будильник говорили мне, что было больше одиннадцати вечера. Я проспала почти четыре часа.

Я ожидала, что это будет сообщение от Себастьяна, так и было, но не пожелание спокойной

ночи, как я думала.

** Я снаружи. Он там?*

Машины нет.

*Могу я войти? **

Я вскочила с кровати и тут же пожалела, что двигалась так быстро. Даже в слабом свете настольной лампы мои ноги выглядели ужасно. Мне нужно было найти что-то, чтобы прикрыть их. На задворках шкафа я нашла старую юбку. Она вышла из моды и выглядела слегка причудливо, но это был единственный материал, который я могла стерпеть сейчас. И что лучше всего, она была длинной.

Двигаясь осторожно, я пошла на кухню. Я с отвращением уставилась на покрытый лазаньей, которая

выглядела как рвота, пол. Этот ублюдок даже не попытался убрать за собой. Я колебалась, думая, должна ли убрать все, прежде чем позволить Себастьяну войти — он будет задавать вопросы, которых я хотела избежать. Но было слишком поздно, он увидел мой силуэт, как только я вошла на кухню, а я могла видеть его тень, которая нетерпеливо раскачивалась на пятках.

Его улыбка исчезла, когда он увидел мое лицо. Моя попытка обмануть его даже на секунду была напрасной.

— Каро, что не так?

Я просто затрясла головой, и он притянул меня в крепкие объятия.

Его джинсы коснулись моих ног, потирая ткань моей юбки о мои обожженные ноги. Я вздрогнула и почувствовала, что он тоже задрожал.

— Что это значит? Что-то случилось? Расскажи мне.

Я выдохнула в его грудь.

— Мы с Дэвидом поругались, — сказала я.

Он замер, как только я это сказала.

— Он знает?

Я медленно покачала головой.

— Нет. Это не связано с тобой... просто глупая ссора.

Он выдохнул от облегчения.

— Тогда насчет чего она была?

Он не собирался просто так

оставить это.

— Он разозлился, потому что я отказываюсь спать с ним, я имею в виду, спать в его кровати, но... я сказала ему, что останусь в гостевой комнате.

— Мудак! Черт, Каро! Я очень хочу...

Он не закончил предложение, но не надо было быть гением, чтобы понять, о чем он думал.

— Он... ушел?

Я кивнула.

— Да. Он ушел. Я понятия не имею, когда... или вернется ли он.

— Могу я войти?

Его голос был полон надежды.

— Ладно, на минуту.

Он нахмурился на мой сдержанный ответ. Я была такой уставшей и изможденной, что не смогла бы выдержать ревнивого и злого Себастьяна прямо сейчас.

Он остановился как вкопанный, когда увидел беспорядок на полу.

— Он сделал это?

Я молча кивнула и принесла тряпку, чтобы начать очищать пол.

Не говоря ни слова, Себастьян забрал у меня тряпку. Я была слишком слаба, чтобы спорить, хоть и хотела. Просто это было так неправильно, что мой любовник убирал беспорядок, который создал мой муж на нашей кухне, когда ругался со мной по поводу нашей

супружеской постели. Мой мозг завязался в узлы, чтобы просто сохранить все кусочки на правильных местах. Каким-то образом все стало настолько смешанным и запутанным.

В конце концов, пол был очищен, а остатки ужина Дэвида выброшены в мусорное ведро. Себастьян помыл руки и вытер о заднюю часть штанов.

Он сел за стол и обернул руку вокруг меня. Я прислонила голову к его плечу и закрыла глаза. Он обернул свою вторую руку вокруг моей талии и притянул меня ближе к своей груди, просто держа меня. Время от времени он оставлял легкие поцелуи на моих волосах.

Его доброта была тем, что сломило меня, и слезы начали течь по моим щекам.

— Не плачь, Каро, — сказал он мягко, в его голосе была печаль. — Не плачь, детка.

Он переместил одну руку под мое колено и осторожно поднял меня. Я заскулила от боли, затем прикусила губу, чтобы заглушить любые звуки.

Медленно и осторожно, он понес меня наверх и положил на кровать, расположив свое тело рядом с моим.

Мы лежали вместе, пока я тихо плакала. Мы не разговаривали.

Когда мои слезы, наконец,

высохли, он поцеловал меня в щеку.

— Давай разденем тебя.

Его рука поднялась к моему поясу, но я оттолкнула его.

— Нет!

Он выглядел так, будто ему больно.

— Я не собираюсь ничего делать, Каро. Ты истощена. Тебе нужно отдохнуть. Давай, позволь мне помочь тебе.

Я пыталась оттолкнуть его, но мое тело будто весило тысячу фунтов, и он потянул вверх подол моей юбки, прежде чем я смогла остановить его.

Я услышала, как он ахнул, а затем выругался.

— Какого черта, Каро? Что произошло? Он...

— Это несчастный случай, — сказала я устало. — Он не хотел делать этого.

Себастьян был в ярости, как я и думала. Я видела, как вены вздуваются на его шее, а его глаза горят от злости.

— Что за мудак!

Он подскочил с кровати и сжал руки в кулаки, будто хотел ударить что-то или кого-то. Он пытался держать себя под контролем, но ему это плохо удавалось. Затем он увидел мое лицо, свежие слезы прорвались наружу.

— Дерьмо, я должен отвезти

тебя к доктору!

Я медленно покачала головой.

— Я в порядке. Это просто... слабый ожог... от соуса. Я в порядке.

— Ты должна заявить об этом, черт побери! Ты не можешь позволить ему выйти сухим из воды.

— Это был несчастный случай, — быстро повторила я. — Пожалуйста, Себастьян, просто оставь это.

— Оставить? — закричал он. — Посмотри, что этот мешок дерьма сделал тебе! Черт, Каро!

Я закрыла уши руками и зажмурила глаза, пытаясь остановить новый поток слез. Его громкая речь остановилась на середине.

— О боже, Каро!

Я почувствовала, как матрас прогнулся, когда он лег на кровать и обнял меня. Все, что мне нужно было: его объятия.

Некоторое время спустя Себастьян нарушил тишину.

— Что ты собираешься делать?

Его голос был тихим, невысказанные эмоции делали его тон немного грубым.

— Я не знаю.

— Ты больше не можешь здесь оставаться, Каро. Ты знаешь это, верно?

Я протяжно выдохнула.

— Мне некуда пойти.

— Может, Митч и Ширли? Они

помогут, я уверен.

Я медленно покачала головой.

— Я не вынесу свои проблемы за дверь! — я вздохнула. — Я все еще... в незаконных отношениях с несовершеннолетним — я не могу сделать это с ними.

Он не спорил, поэтому я знала, что он воспринял мои слова всерьез.

— Что насчет твоей мамы? Я знаю, что вы не близки, но...

— Нет. Она практически вышвырнула меня, когда мне было девятнадцать, — сказала я горько. — Почему, ты думаешь, я так быстро вышла за Дэвида?

Он затих на мгновение, затем я ощутила, как его тело напряглось,

так было каждый раз, когда я упоминала имя Дэвида. Я полагаю, это какая-то примитивная реакция.

— Что насчет друзей на востоке?

— Такие же проблемы, — прошептала я. — Тогда я вовлеку их в... ну, ты знаешь.

Он прижал меня ближе, и я могла ощущать его теплое дыхание на моей коже.

— Есть приют для женщин рядом с западным парком... я... я слышал, как мама упоминала его. Может...

— Я не могу, потому что...

Мои шепотом сказанные слова затихли.

— Из-за меня.

В его голосе была горечь.

— Ты не можешь пойти в любое из этих мест, где тебе помогут... из-за меня.

Я знала, почему он думал так и так говорил, но не могла позволить ему обвинять себя.

— Это не твоя вина, Себастьян,— сказала я нежно, поглаживая его руку. — Ты самое лучшее в моей жизни. Я не променяю это ни на что. Ни на что. Я, наконец, чувствую себя живой.

Я услышала, как он ахнул и притянул меня ближе.

— Я чувствую то же самое, Каро. Ты научила меня всему, что я знаю.

Я моргнула в удивлении.

— Так и есть. Ты научила меня, кто я такой на самом деле, сделала меня сильнее. Ты заставила меня увидеть волшебство в мире. Я... я не знал, что влюбляться может быть... так.

Он на самом деле это чувствовал? Вот, как он видел меня — как кого-то, кто делает его сильнее? Вот как он чувствовал? Я была такой слабой и трусливой. Но и я чувствовала небольшой расцвет надежды внутри себя. Я становилась сильнее — не полностью сильной, но я стремилась к этому.

Казалось, будто и он учил меня. Возможно, мы учили друг друга.

Он обнимал меня осторожно, убедившись, что ноги случайно не касались моих.

— Я не знаю, что делать, — сказал он тихо. — Я так сильно хочу быть с тобой, но каждый раз, когда я с тобой, заканчивается тем, что тебе больно. Почему для нас так трудно быть вместе? Это так чертовски несправедливо!

— Я знаю, tesoro.

Ему было так больно, и он был в замешательстве, и было так мало того, что я могла сделать, чтобы помочь нам.

Я выпустила долгий выдох.

— Я думаю, что сейчас тебе лучше уйти.

— Нет! — он ахнул. — Ни за что! — повысил он голос. — Я не оставлю тебя с этим придурком!

— Я не могу ругаться и с тобой, Себастьян, — прошептала я. — У меня нет сил на это.

— Нет! Я не... что если он... я не могу оставить тебя здесь одну! — сказал он отчаянно.

Я осторожно повернулась, чтобы посмотреть на него.

— Ты не можешь это исправить, Себастьян. Я так облажалась, и я должна исправить это. Но ты прав в одном — я не могу оставаться здесь, — я протяжно выдохнула. — Много пустых комнат в студенческом городке, пока студенты на каникулах.

Я проверю списки тех людей, что ищут соседей. Места, где плата меньше пятисот долларов. Я смогу позволить себе это.

Я не сказала Себастьяну, что понятия не имела, как одновременно позволить себе еду и топливо для машины.

— И есть мотель «6» в Сан Исидро за пятьдесят долларов в сутки. Это может быть последним пристанищем, в случае необходимости.

Лицо Себастьяна стало мрачным.

— У меня есть почти семьсот долларов. Этого хватит оплатить еще один месяц, плюс вода и бензин.

Может, он может читать мои мысли.

Я погладила его щеку.

— Я не могу взять твои деньги.

— Да, ты можешь! Я хочу этого, Каро. Позволь мне помочь тебе. Я хочу позаботиться о тебе. Все, что мое....

Я приложила палец к его губам. Мне невыносимо было слышать отчаяние в его голосе, пока он пытался заботиться обо мне, как мужчина о женщине.

Он поцеловал мой палец и убрал мою руку от своего рта.

— Ты должна пойти к адвокату, Каро. Забрать половину того, что есть у этого ублюдка.

Я покачала головой.

— Нет, Себастьян, я не буду делать это.

— Почему, нет? — сказал он порывисто. — Ты заслуживаешь...

Я осторожно прервала его.

— Я не хочу ничего, что принадлежит ему. Ты понимаешь? Ничего. Но есть еще одна причина... Если я буду судиться с ним, я боюсь, что он узнает о нас. Я знаю его: он будет копать и копать, и копать, пока не найдет причину, почему я оставила его после всего этого времени. Его эго будет требовать, что есть причина кроме... кроме него самого. И затем он уничтожит меня.

Я могла чувствовать, что тело

Себастьяна напряглось, — все его мышцы были твердыми, и он едва сдерживал свой нрав. Он притянул меня крепче к своей груди, его руки дрожали, но он не говорил. Он зарылся лицом в мою шею, и мы обнимали друг друга всю ночь напролет.

Я гладила его спину, и постепенно его тело начало расслабляться, его дыхание становилось глубже.

Я не могла спать, но радовалась, что Себастьян уснул. Я слушала его тихое дыхание, и смотрела, как его лицо становилось расслабленным и умиротворенным. Я чувствовала, что вина обрушивалась на меня, когда я

смотрела на него — он такой красивый, такой милый и молодой. Все что он делал — это любил меня, и теперь он был в опасности быть уничтоженным паводковыми водами моего неудавшегося брака.

Правильным для меня было бы тихо уехать и направиться в Нью-Йорк, чтобы мы с Дэвидом достойно могли провести наш развод, — я надеялась на это, — и мои отношения с Себастьяном могли остаться скрытыми. Как только ему исполнится восемнадцать, и меня уже здесь не будет, он мог бы сбежать. Люди будут говорить и возможно догадаются о правде, но у них не будет доказательств, и мы

будем в безопасности.

Но кое-что удерживало меня от этого решения: первое, я знала, что Себастьян никогда не согласится на это, и будет еще одна ссора, и второе, я чувствовала ответственность за его хрупкую душу и не хотела оставлять его незащищенным.

Я знала, что Ширли и Митч присмотрят за ним, они и так заботились о нем как о сыне, но у них не было власти защитить его от желаний Дональда и Эстель. И ко всему прочему Дональд был одним из них — частью военной семьи. Это работало в двух направлениях. Военные присматривали дуг за другом, но при этом существовал

другой закон: не лезть в чужое дело.

Я не думала, что Митч захочет идти по этому пути — это будет концом его карьеры. Если бы Себастьян был моложе, то возможно, но не сейчас, когда ему почти восемнадцать, возраст совершеннолетия и выхода из-под родительской опеки.

Поэтому мой план был такой: провести несколько дней в поисках комнаты, затем набраться мужества, чтобы сказать Дэвиду, что ухожу от него.

Я достаточно хорошо знала своего мужа, и была уверена, что он будет чувствовать вину за сегодняшний несчастный случай, и

поэтому будет вести себя тихо несколько дней, в которых я нуждалась.

По крайней мере, на это я и надеялась.

16 глава

На рассвете я осторожно потрясла Себастьяна, чтобы он проснулся.

Всю ночь я прислушивалась, не вернулся ли Дэвид, но дом оставался в тишине, а наша связь в тайне.

Он зевнул и потянулся, одарив меня самой ослепительной улыбкой.

— Боже, я люблю просыпаться с тобой, Каро. Я хочу делать это всю оставшуюся жизнь.

От его слов у меня болезненно сжалось сердце. Я отчаянно хотела верить ему.

Затем его улыбка увяла, и я увидела, что он вспомнил про ожоги. Он нахмурился.

— Как ты? Как твои ноги?

— Не так уж плохо. На самом деле лучше.

В действительности они болели больше, чем немного, особенно когда я сгибала колени, но ничего такого, о чем стоило бы беспокоиться. Хуже всего выглядела верхняя часть правой ступни, и было очень больно. Проведя небольшой осмотр, я почувствовала, что она покрылась волдырями за ночь. Скорее всего,

будет адски больно надевать любую обувь, даже шлепанцы будут натирать.

Он подозрительно посмотрел на меня.

— Правда?

— Конечно, — сказала я, не встречаясь с его взглядом и выпрямляясь.

Он вытянул руку и притянул меня назад, заставляя посмотреть на него.

— Правда?

— Моя правая нога немного болит, — призналась я. — Мне просто нужно заклеить пластырем, вот и все.

На это раз он позволил мне

встать с кровати и лег, наблюдая за мной.

Я ничего не могла поделать и заметила, что он стянул джинсы ночью и был одет только в футболку и боксеры — из которых четко проявлялась большая выпуклость. И хотя мое тело сразу начало покалывать, я была не в настроении заниматься чем-то подобным, что Себастьян, казалось, даже не осознавал. Возможно, он просыпался так каждое утро. Я улыбнулась про себя, обдумывая, что в ближайшее время буду в состоянии ответить на этот вопрос.

Когда я вернулась из ванной, он был полностью одет. Он даже

заправил кровать.

Я прокралась вниз, проверяя, что возвращение Дэвида нам не угрожало. У нас будет около двух минут, прежде чем мы услышим его машину снаружи — достаточно времени, чтобы Себастьян мог прошмыгнуть через заднюю дверь. Я бы хотела сделать завтрак для него, но была вероятность, что Дэвид скоро вернется, чтобы переодеться.

Мы стояли на кухне и обнимались, поддерживая друг друга, — так много ключевых событий происходило в наших жизнях.

— Я буду скучать по тебе каждую минуту, — сказал он нежно.

Я выдохнула в его грудь.

— Встретимся в парке в девять?

— Да, — сказал он непринужденно.

И затем настало время ему уйти. Мне казалось, что всегда наступало время для него уходить. Я знала, что он чувствовал то же самое.

Но Дэвид не вернулся. Вместо этого я провела часы до встречи с Себастьяном, слоняясь по пустому дому и проводя пальцами по старой знакомой мебели, и в моей голове крутились старые воспоминания.

Я решала, что возьму с собой из этого дома. Этого было немного: моя одежда, украшения, которые отец подарил мне, мой старый лэптоп, несколько книг и любимые диски,

которые уже были в машине. Я была счастлива, что уродливый свадебный фарфор, который подарили нам родители, по выбору моей мамы, останется у Дэвида. Было не так много всего за одиннадцать лет брака, но с новой жизнью, которая ждала меня впереди, мне было плевать. Это говорило само за себя.

Когда я все еще жила в северной Каролине, мы с несколькими друзьями выпивали вечером и играли в игру, какие бы три вещи мы спасли из дома при пожаре. Одна женщина, которую я не очень хорошо знала, сказала, и я запомнила это очень хорошо: «Мою собаку, мою сумку и мой свадебный альбом».

— Что насчет твоего мужа? — спросили мы, смеясь.

— Он может позаботиться о себе сам, — ответила она.

Я делала только одно, прежде чем покинула дом, — я просматривала сайты и искала, кто сдает комнаты, составив список пяти мест, которые нужно было посмотреть. Меня не заботило, какой была комната, если она была дешевой и выглядела опрятно. Я не собиралась задерживаться там надолго.

Несмотря на недостаток сна, я чувствовала, как во мне бурлит беспокойная энергия. Я приняла свое решение и сейчас была готова взять

свою жизнь в свои же руки. Последний месяц пролетел, но ближайшие несколько дней казались ужасно долгими.

Я направилась в ванную и, стиснув зубы, приняла холодный душ, который жалил мою сверхчувствительную кожу. Все ожоги выглядели ужасно, но меня беспокоили только ступни. Я порылась в шкафу и в конечном итоге нашла пару длинных свободных штанов и какие-то старые кроссовки, которые носить было терпимо, когда я сделала марлевую повязку, чтобы прикрыть большой волдырь. Не самый мой элегантный наряд, но, черт побери, Себастьяна это не

заботило. И это все, что имело значение.

Он ждал меня, конечно же, день становился лучше от его присутствия рядом.

— Как ты? — снова спросил он, с тревогой вглядываясь в мое лицо.

— Я... на удивление хорошо, — сказала я честно.

Он улыбнулся своей красивой улыбкой, и я увидела, что его плечи расслабились.

— Как ты? — улыбнулась я в ответ. — Голоден?

— Да, ужасно голоден!

— Ты снова пропустил завтрак? — спросила я.

Он уныло улыбнулся.

— Да.

— Почему?

Он пожал плечами.

— Дома не было еды.

Я чувствовала себя плохо из-за этого, зная, что отпустила его голодным.

— Это... всегда так?

Он продолжал пялиться в окно.

— Наверное. Хотя сейчас стало хуже. Они все время ругаются. Я не знаю, почему они еще не разошлись — и, черт побери, это точно не из-за меня. Возможно, чтобы защитить свою репутацию — как будто это вообще возможно. Боже, я не могу дождаться момента, когда уеду от них.

Я вытянула руку и нежно сжала его бедро. Он опустил взгляд, и мгновение спустя осторожно переплел свои пальцы с моими.

— Я подумала, что мы можем поехать в нашу кофейню, — сказала я тихо.

Он все еще смотрел на наши сплетенные руки, когда ответил:

— Да, это будет хорошо.

— Я бы хотела позавтракать, — сказала я, надеясь, что он улыбнется. — Я видела у них в меню, что они делают свежие зепполе (прим. пер. пончики) и три различных вида кростаты (прим. пер. песочный пирог).

— Всего три? — сказал он, и его

губы приподнялись в улыбке.

— Хмм, ну!!! Я думаю, что они должны быть вкусные.

Бензино поприветствовали нас с распростертыми объятиями, громко ругая нас, что мы так долго не появлялись. Я допустила ошибку, упомянув, что Себастьян пропустил завтрак, и маленькая старая бабушка ругала его пять минут, сыпала упреки на беглом итальянском, пока Себастьян не поник под ее строгим взглядом, затем она повернулась ко мне, погрозила пальцем и сказала, что я плохая жена, потому что не кормлю мужа. Я согласилась с каждым словом. Если бы только она знала.

Почти каждый пункт в меню был скоро на нашем столе, и я не могла сдержать улыбку, когда Себастьян вытаращил глаза на такое изобилие еды. Но затем я вспомнила причину, почему он был таким голодным, и моя улыбка увяла.

Он съел все, что было на столе, за исключением одного кусочка кростаты, который, по его настоянию, должна съесть я.

— Ох, вау, изумительно! — сказал он, наконец, пресытившись. — Я стану таким толстым, когда мы приедем в Италию.

— Если ты продолжишь столько же есть, ты станешь огромным еще до того, как мы доберемся до

Италии, — рассмеялась я. — Здесь в меню нет ничего, чего бы я не могла сделать сама.

— Ты шутишь? Вау, правда? Иисус, я знаю причину, почему люблю тебя!

И он наклонился вперед, чтобы поцеловать меня.

Маленькая бабушка хлопнула руками от переизбытка чувств, затем метнулась ко мне и завалила вопросами, ее карие глаза быстро сновали между нами. Я покачала головой, смущенная. Она тяжело вздохнула, указала на часы и встала, чтобы обслужить новоприбывших посетителей, все еще качая головой.

— Это то, о чем я думаю? —

сказал Себастьян, приподняв бровь.

— Как много ты понял? — спросила я, сгорая от любопытства, как много он понимал по-итальянски, одновременно пытаясь избежать ответа на вопрос.

— Что-то насчет детей и времени?

— Ну, да, — согласилась я, чувствуя волнение. — Она хотела узнать, когда мы собираемся завести семью. — Я попыталась улыбнуться. — Она сказала, что время не ждет женщину.

Он поднял мою руку со стола и нахмурился, когда уставился на мое обручальное кольцо.

— Я сделаю все, что сделает

тебя счастливой, Каро. Я думаю, что мог бы справиться с идеей о паре детишек. Уверен, у нас бы это получилось лучше, чем у моих родителей.

Я попыталась улыбнуться, но не хотела позволять себе думать о том, что так далеко впереди. В чем смысл? Он был слишком молод, чтобы говорить об этом. И когда он достаточно созреет...

От этого разговора я чувствовала себя подавленно, поэтому подумала, как сменить тему.

— Во сколько сегодня начинается твой рабочий день?

— Не раньше четырех, — сказал он, снова улыбнувшись. — Чем ты

хочешь заняться?

— Ничего особенного, — призналась я.

— Ты хочешь пойти на пляж?

Моя улыбка увяла.

— Я не думаю, что это хорошая идея — я бы не хотела мочить ноги или чтобы песок попал в волдыри. — Я замолчала, увидев злобный взгляд у него на лице.

Он сделал видимое усилие и подавил свой взрывной нрав.

— Может, мы могли бы осмотреть некоторые из тех комнат, что можно арендовать?

— Нет, все в порядке, спасибо. Я сделаю это во второй половине дня, когда ты будешь на работе.

Он задумался на мгновение.

— Группа, исполняющая джаз, играет в Гасламп Куортер сегодня. Мы могли бы пойти послушать, если тебе нравится?

— Снова джаз! — подразнила я его. — А я думала, что ты увлечен оперой.

— Я люблю и то, и то, — сказал он, выглядя немного робко.

Я улыбнулась ему.

— Я тоже.

Он встал, потянулся и вытянул руки, чтобы поднять меня.

Мы спрятали плату за счет под тарелками и попытались прошмыгнуть, прежде чем Бензино увидит нас, но бабушка, должно

быть, смотрела в нашу сторону, потому что она отправила своего сына к нам с деньгами, возражая против нашего трюка и напоминая, что семья не платит. Затем он расцеловал нас обоих, отдал деньги в руки Себастьяна и поспешил обратно по своим делам. Как они получали хоть какую-то прибыль, было за гранью моего понимания.

Мы бродили по Гасламп Куортер, наслаждаясь викторианской архитектурой и шармом старого света, наслаждаясь солнцем и теплом, люди наблюдали и отдыхали по дороге, что было новым и довольно замечательным для меня.

Мы услышали звуки джаза,

заполняющего летнее утро, еще задолго до того, как увидели группу. Перейдя из переулка на большую площадь, я увидела, что на одной стороне была мини-сцена, где выступали музыканты, одетые в черные джинсы и футболки, и черные солнцезащитные очки, по-видимому, чтобы показать, что они были джазмены, если музыка уже не доказала это. Они выглядели молодо, как студенты, и играли раскрученную версию джаза в стиле Диксиленд, смешанную с более современными звуками и латиноамериканскими ритмами. Несколько девушек подростков уже танцевали, потерявшись в музыке.

Вскоре другие люди присоединились к ним, и толпа начала разрастаться.

Мы не хотели тратить деньги, сидя за столиками в кафе, что шли по кругу площади, поэтому присоединились к группе, которая развалилась на тротуаре. Себастьян услужливо стянул свою кофту, чтобы я могла сесть на землю.

Он делал все таким естественным, без суеты и приукрашивания, что мое сердце увеличивалось от восторга и боли каждый раз. Себастьян всегда в первую очередь думал обо мне. Я не могла привыкнуть к этому.

Мы сидели плечом к плечу, и он, как всегда, обнял меня,

поворачиваясь временами, чтобы поцеловать меня в волосы. Я бы хотела, чтобы это мгновение длилось вечность.

Я не могла не заметить, что его руки и ноги двигались в ритме с музыкой, его пальцы барабанили по моей руке.

— Ты когда-нибудь учился играть на музыкальных инструментах? — полюбопытствовала я.

Он улыбнулся.

— Нет, но я всегда хотел играть на гитаре.

— Мы должны купить тебе гитару, когда приедем в Нью-Йорк. Только не электрическую,

пожалуйста! Акустическую.

— Я думал, что в душе ты рок-цыпочка, что напоминает мне, что я должен задать трепку Энтони Кидису! — он сделал паузу. — Ты училась играть на чем-нибудь?

— Не совсем. Я брала уроки игры на пианино, когда мне было восемь. Я ненавидела их. Мама хотела, чтобы я играла, но я умоляла папу остановить эти мучения, и он сделал это.

Он колебался мгновение.

— Ты расскажешь своей маме…? — его вопрос оборвался.

— Когда уйду от Дэвида? Да, думаю, что да. В конце концов.

Он сильнее сжал мою руку и

поцеловал мои пальцы.

— По крайней мере, у тебя был твой отец — на одного хорошего родителя больше, чем у меня. — Он задумался на мгновение. — Но у меня есть Ширли и Митч — они были больше родителями для меня, чем мои мать и отец. Я ненавижу то, что не могу рассказать им о нас.

Он нахмурился, и я погладила его руку, пытаясь сгладить неприятные ощущения или, что было невозможно, сказать, что понимаю.

— Я знаю и тоже ненавижу это. Но когда все это кончится, если... если они простят меня, можем, мы сможем...

Он поднял мой подбородок

своими руками, чтобы я посмотрела ему в глаза.

— Здесь нечего прощать, — сказал он, его голос был твердым. — Мы влюблены — это не преступление.

Но это все равно казалось преступлением. Иногда.

Он поцеловал меня в губы, пытаясь облегчить наше внезапное мрачное настроение.

— Давай, — сказал он, потянув меня за руку. — Давай потанцуем!

— Что? Ты же не умеешь танцевать?

— Ох, да? Вот что ты думаешь? Позволь мне показать тебе, детка!

И он показал, на самом деле,

показал!

Он расположил мои руки так, чтобы я обнимала его за шею, обернул свои вокруг моей талии и подставил свою правую ногу между моих, и так мы присоединились к танцорам. Если бы не тот факт, что мы были практически переплетены вместе, я бы упала от шока. Никто не танцевал со мной так прежде. Это было так хорошо, что я почти была уверена, что это было незаконно. Я уверена, то, как наши тела были переплетены вместе, было незаконным в ряде штатов.

С Дэвидом мы танцевали очень медленно, обычно под совершенно другую мелодию, в отличие от той,

что играла сейчас, и просто двигались на месте. Еще один мужчина, с которым я когда-либо танцевала, — это папа, — и это был вальс. Я даже не ходила на выпускной в старшей школе, я уже встречалась с Дэвидом, поэтому не видела смысла.

Но это! Это было больше как секс под музыку, но без помятого постельного белья. И на публике.

Он вжался в меня, наши тела двигались вместе с музыкой. Затем он покрутил меня и снова притянул крепко к себе. Я поймала проблески зависти на лицах других женщин. Затем его руки опустились на мою задницу, и он толкнул мои бедра к

своим, растопырив пальцы на моих ягодицах.

Когда мелодия закончилась, мое лицо было красным, и я задыхалась и была чертовски возбуждена! Он озорно улыбался мне, точно зная, что сделал. Он опустил меня почти до земли, затем поднял и страстно поцеловал.

Наблюдающая за нами толпа рассмеялась, и некоторые из них крикнули нам снять номер. Это было лучшее предложение за весь день. Вместо этого Себастьян отсалютовал веселой толпе и, взяв меня за руку, потащил к машине.

— Где... где ты научился делать это? — выдохнула я.

— Ширли и Митч, — сказал он, идя так быстро, что я должна была бежать, чтобы успеть за ним.

— Ты издеваешься надо мной!

— Нет! Чемпионы базы по сальсе четыре года подряд.

Он тянул меня по улице с решительным выражением на лице. Когда мы достигли парковки, я увидела, что его глаза сканируют ряды припаркованных машин, пока он не увидел мой Форд. Я пыталась вытащить ключи из сумочки, но он шел так быстро, было тяжело поспевать за ним и делать что-то еще.

Когда мы вернулись к машине, он прижал меня к двери, его руки

были в моих волосах, его губы и зубы на моем горле.

— Я так сильно хочу тебя, — выдохнул он в мою кожу.

— Пустое парковочное место.

— Что?

— Ну помнишь... пустое парковочное место.

— Черт, да!

С трясущимися руками, я забралась на водительское сиденье и возилась со своим ремнем. Себастьян потянулся ко мне и помог пристегнуть его, его пальцы задели мой живот, когда он делал это, и от возбуждения, написанного у него на лице, в моем горле пересохло.

Я не знаю, как смогла вести

машину и не попасть в аварию, — все мое тело изнывало от желания. Себастьян откинулся на пассажирском сиденье, его глаза закрыты. Он выглядел спокойным, но его слишком быстрое дыхание выдавало его.

Я заехала на покрытое сорняками пространство, ударила по тормозам, и машина остановилась. Я только успела расстегнуть ремень безопасности, прежде чем Себастьян расстегнул свои штаны и показал мне, как сильно он хочет меня. Я так возбуждалась, когда видела его желание. Я забралась к нему на колени и поблагодарила судьбу, что я выбрала свободные штаны с

эластичным поясом. Я стащила их по бедрам, игнорируя боль от ожогов, и опустилась на него.

Не было прелюдии, никаких нежных прикосновений — это было грубо, быстро и жестко. Себастьян схватил меня за бедра, опуская меня вниз и поднимая еще быстрее. Его глаза были крепко зажмурены, и его голова уткнулась в мою грудь, все мышцы напряглись. Он кончил жестко, изливаясь в меня. Я захныкала, когда мое тело взорвалось от удовольствия, не желая того, я укусила его за шею.

Его руки обхватили меня крепче, и мы сидели так, пытаясь успокоить наше дыхание.

Наконец, боль от моей израненной кожи прорвалась сквозь ощущения от оргазма, и я неловко заерзала, возвращаясь на водительское сиденье.

Я взглянула и увидела, что Себастьян застегивает свои брюки, с огромной улыбкой на лице.

— Мы должны придумать название этому пустому месту, — сказал он.

— Например? Пункт первой помощи?

— Да! — Он громко рассмеялся. — Я надеюсь, что они никогда не застроят его.

— Может, они построят один из этих японских отелей любви и

поставят мемориальную доску в память о нас.

— Что за отель любви?

— Места, где влюбленные пары могут найти уединение. Ты можешь вносить почасовую оплату.

Он поднял брови.

— Серьезно? В Сан-Диего есть такие?

— Я знаю, о чем ты думаешь, Хантер, и ответ: ни за что!

Он сощурил глаза и затем наклонился ко мне с похотливой улыбкой. Он провел пальцами по моему горлу, затем опустился к моей футболке, провел между грудями и дальше вниз к моему животу.

— Ты уверена насчет этого?

Мои веки затрепетали. Я не могла вспомнить, о чем были мои рассуждения.

Внезапно он выругался.

— Черт!

Офицер полиции шел к нам.

Он постучал в мое окно, и я опустила его. Если бы он подошел на две минуты раньше... я правда не хотела думать об этом.

— Могу я увидеть ваши права, мэм?

На вид ему было около пятидесяти, у него было обветренное и не очень доброе лицо.

— Да! Да, конечно!

Я потянулась на заднее сиденье и достала свою сумочку. Я немного

дрожала, Себастьян просто выглядел взбешенным.

Офицер посмотрел мои права и затем посмотрел на Себастьяна.

— Ты тоже с Базы, сынок?

— Да, сэр.

— Хм, ну, это частная собственность. Поэтому вы и миссис Уилсон должны найти другое место, чтобы... припарковаться.

— Да, сэр. Мы сделаем это. Спасибо, сэр.

Офицер протянул мне назад мои права и наблюдал, как я сдаю назад, и мы уезжаем.

Себастьян выпустил длинный выдох и улыбнулся мне.

— Это было так неловко, —

захныкала я.

Он рассмеялся и покачал головой.

— Это того стоило.

— Куда мы теперь? — сказала я, все еще чувствуя раздражение.

— Куда-то, где мы сможем поесть.

— Ты снова голоден?

Он послал мне озорную улыбку.

— Конечно! Должно быть, это все из-за... упражнений.

Я шлепнула его по ноге.

— Это оказывает на тебя плохое влияние!

— Да, детка, но тебе нравится это.

Я не могла с этим поспорить.

Я отвезла нас назад к I-5/5 шоссе и повернула на Мишен Бич, направляясь на север по прибрежной дороге, пока Себастьян не сказал мне остановиться.

— Здесь есть место, где мы можем перекусить, — сказал он тихо. — Эта бухта реально крутая — мы можем просто сидеть и наслаждаться прохладным бризом.

— Звучит здорово, — сказала я, улыбнувшись ему. — Хотя я больше хочу пить, чем есть.

— Ты должна что-нибудь съесть, — сказал он серьезно.

Я просто обожала то, как он заботился обо мне... так мило.

— Ладно, я съем сэндвич.

Любой, какой у них есть.

Я спустилась по ступенькам к небольшой бухте и осторожно расстелила одеяло для пикника рядом с бетонными ступеньками, насколько это было возможно, но не настолько близко, чтобы люди могли споткнуться об меня.

Находиться на берегу океана было успокаивающе. Я представляла, как блаженно будет слушать шум набегающих волн, как будто это было также естественно, как дышать. Я чувствовала себя наполненной надеждой на будущее, я даже не понимала, что упускала в своей жизни, пока не появился Себастьян и не открыл мне глаза.

Мне не нужно было поворачиваться, чтобы узнать его тихие шаги позади меня. Он держал бутылку воды и банку кока-колы в одной руке, и две упаковки с сэндвичами в другой. Улыбаясь, он плюхнулся рядом со мной и поцеловал меня в плечо.

— С тунцом или с беконом?

— С тунцом, пожалуйста.

Он протянул мне сэндвич, и я откусила большой кусок. Он был свежий и довольно вкусный.

— Голодна? — сказал он, подняв бровь.

— Должно быть, из-за упражнений, — сказала я, с набитым ртом и взглянула на него.

Он рассмеялся и распаковал свой сэндвич.

Конечно же, он закончил есть раньше меня и стянул свою футболку, чтобы облокотиться на локти и подставить свое тело солнцу. Его гладкая кожа блестела от солнечных лучей, отвлекая меня от моего сэндвича. Я пробежала глазами по его плоскому животу и мускулистой груди, и решила, что лучше поем его.

Я положила остатки сэндвича на одну сторону и толкнула его вниз на одеяле для пикника.

Его глаза удивленно распахнулись, и затем он протяжно выдохнул, когда я целовала его грудь и дразнила его соски своим языком.

Ммм. Он был на вкус лучше, чем сэндвич, независимо от того, каким свежим он был.

Я погладила плоть чуть ниже его пояса, проведя пальцами над краем джинсовой ткани, зная, что он готов к действиям. Он застонал.

— Каро, что ты со мной делаешь?

— Говорю тебе спасибо за сэндвич, — пробормотала я у его живота.

— Ты сводишь меня с ума! Как я должен о чем-нибудь думать, когда ты делаешь со мной такое?

Он слабым жестом указал на свою ширинку.

— В этом весь смысл, — сказала

я, улыбаясь напротив его груди. — Ты не должен вообще ни о чем думать.

— Это работает, — пробормотал он, затем провел руками по моей спине, притягивая меня ближе.

Я очень сильно хотела его и могла обвинять в этом только себя. Я задавалась вопросом, нет ли на двери кладовой в раздевалке таблички «свободно». Но у него была работа, которую нужно сделать, а мне нужно было посмотреть комнаты.

Я закончила нашу взаимную пытку, осыпая поцелуями кожу до его пупка, затем прижалась к его плечу, положив голову ему на грудь.

— Когда ты стала такой плохой девочкой? — спросил он, поглаживая

мои волосы.

— Как ни странно, примерно в то время, когда встретила тебя, — сказала я резко, когда засунула свои пальцы в место, где могла его пощекотать.

— Ладно-ладно! Я сдаюсь! Иисус, ты играешь грязно.

— Я заметила, тебе нравится, когда грязно, — сказала я, наклонившись, чтобы посмотреть на него.

Он сразу же стал выглядеть встревоженным.

— О, боже мой, Каро! Я не сделал тебе больно?

— Конечно, нет! И поверь мне, я наслаждалась нашим

противозаконным сексом в машине, так же сильно, как и ты.

— Ты уверена?

— Да! Как много оргазмов я должна получить, чтобы ты поверил мне?

Он улыбнулся и выглядел самодовольным.

— Пять — это рекорд.

— Что? Ты считал?

Он пожал плечами и выглядел немного смущенным, как будто раскрыли его секрет.

— Ничего не могу поделать... это так типично для парней.

— Ты... ты же не говорил ничего Чесу? Потому что если да, то я не смогу больше смотреть ему в глаза...

— Конечно, нет! — в его голосе звучала злоба. — Я бы никогда никому ничего не рассказал о нас. Чес знает столько, сколько должен знать.

— Он сказал что-нибудь еще?

Себастьян вдохнул.

— Он беспокоится, наверное, но он не сказал никому.

Я решила отпустить эту тему. Если он доверял Чесу, ну... ну в любом случае, я ничего сделать не могла.

— Кстати, Бренда нашла тебя вчера снова?

Он нахмурился.

— Из-за этой глупой суки меня чуть не уволили.

Хотя я и не сожалела, что Бренда раздражала его, я была шокирована, что он говорит о своей бывшей таким образом.

— Она... эм... снова пыталась после того как я ушла?

Он вздохнул.

— Что-то типа того, но...

— Но что?

— Я сказал ей, что встречаюсь кое с кем, и что ни за что не вернусь к ней после того, как...

Теперь у него было мое полное и безраздельное внимание.

— После чего?

— Ничего, — пробормотал он.

Я прикусила язык, решив не давить на него, если он не хотел

говорить. Но чудо из чудес, мое молчание, казалось, произвело противоположный эффект.

— Чес рассказал мне кое-что... после того, как я порвал с Брендой, она начала зависать с разными парнями, с которыми мы занимались серфингом. Она часто... тусовалась.

— Ох.

По выражению на его лице я поняла, что это был эвфемизм к слову «спала со всеми подряд». Я понимала, что Себастьян не был впечатлен этим.

Я вздохнула про себя. Мужчины были поклонниками двойных стандартов — вот и он, имел интрижку с замужней женщиной, и

обвинял свою бывшую девушку, потому что она спала с другими парнями, когда они расстались. Я знала, что он не думал о наших отношениях как об интрижке, но это было его личное видение, и если бы он спросил своего друга Чеса, как это называется, то Чес бы точно назвал это «интрижкой».

Мне было почти жаль Бренду. Почти.

— Знаешь, я просто не вижу вас двоих вместе. Она всегда была такой... непробиваемой?

— Непробиваемой?

Он ухмыльнулся, затем тень омрачила его лицо.

— Не всегда. Я имею в виду, она

любила быть в центре внимания, королевой выпускного бала и подобное дерьмо. И это было не для меня — из-за этого мы часто ругались. Но также она была очень забавной и милой.

Это была моя вина, что я спросила об этом, но я правда не хотела слышать такое ее описание. Моя ранняя жалость к ней исчезла.

— Что случилось? — Это было не мое дело, но я правда хотела знать. — Почему она изменила?

Он пожал плечами и лег на спину, подложив руки за голову.

— Некоторые из ее подруг спали со своими парнями, и она подумала, что мы тоже должны. А я думал, что

неправильно делать это, только из-за ее друзей.

— И ты никогда не поддавался искушению?

— И да, и нет. Я много думал об этом... — затем он улыбнулся. — Не так много, как я думаю о сексе с тобой, но да, я думал об этом. Мы были близки к этому пару раз. Я довольно много обдумывал, как собираюсь...

— Следовательно, вот откуда практика с презервативом?

Он покраснел и ничего не ответил.

— Так что остановило тебя?

— Чес сказал, что видел, как она целуется с другим парнем. Он не

сказал мне с кем именно, и я понял, что, вероятно, это кто-то, кого я знаю. Я подумал, что, может, Джек... она отрицала это вначале, затем обвинила во всем алкоголь. Но для меня это был конец. Я подумал... Я думал, что был особенным, что она хотела сделать это... со мной... но... полагаю, что нет.

Я наклонилась и нежно поцеловала его в губы.

— Ну, я думаю, что ты особенный, а потеря Бренды к моей удаче. Хотя я удивлена, что она думала, что ты вернешься к ней после этого.

Он улыбнулся.

— Она сказала, что не верит, что

я с кем-то встречаюсь, и что я говорю это только, чтобы отделаться от нее.

— Ну, будем надеяться, что она будет продолжать так думать.

Он нахмурился.

— Зачем?

— Потому что так долго, как она думает так, она не подозревает меня. Вчера ты не мог бы действовать еще очевиднее, если бы даже попытался.

Он выглядел так, будто ему больно.

— Я даже едва говорил с тобой!

— Себастьян, ты пялился на меня все время, даже когда она вывалила свои огромные сиськи, ты не смотрел на нее. Она, должно быть, подумала, что ты слепой.

— Огромные сиськи! — он громко рассмеялся. — Да, я полагаю, что их довольно трудно не заметить. Но я предпочитаю твои.

— Я думала, все мужчины любят женщин с большими грудями?

Он понюхал мои волосы.

— Я больше любитель задниц, — он провел рукой по моему заду, нежно сжав его, подчеркнув свою точку зрения.

— Ну, я рада слышать это, потому что я определенно не могу конкурировать с ее... объемом груди.

Он тихо рассмеялся и продолжил гладить мою спину, кода я прижалась к нему ближе.

Затем его руки замерли, и

казалось, что он задумался.

— Мне интересно, — сказал он тихо, — могу я спросить у тебя кое-что... о тебе и Дэвиде.

Ох.

— Что тебе интересно?

— Как вы стали встречаться? Кажется, что у вас не так много общего.

На самом деле совсем ничего.

— Он был размещен на Базе, возле которой я жила. Я отправилась в аптеку, чтобы купить кое-что для своей мамы, и он подъехал на своей маленькой спортивной машине — «Корвет». Он был в униформе и просто подошел и начал говорить. Я не могла поверить, что

заинтересовала его — опытного взрослого человека.

Я закатила глаза.

— Просто я видела то, что хотела... и отчаянно хотела покинуть дом.

Он кивнул.

— Я полностью понимаю это.

— Я была в выпускном классе... когда он сделал предложение. И я сказала «да».

— Ты... любила его?

— Поначалу я убеждала себя, что да. Но вскоре разобралась, что совершила ошибку. Просто мне было некуда возвращаться. Мама дала мне ясно понять, что пути назад нет, а папа просто делал то, что она

говорила, кроме того, у меня была возможность немного попутешествовать.

Он затих на мгновение, но могу сказать, у него было много вопросов. Затем он прочистил горло и попытался, чтобы его тон звучал обыденно.

— Когда ты и... он, первый раз... эм...

— Первый раз занялись сексом?

— Ну, да.

Он имел право знать, он рассказал мне о Бренде.

— За неделю до моего восемнадцатилетия было какое-то событие на территории Базы — мое первое большое мероприятие. Тогда я

принарядилась, это казалось таким гламурным для меня. — Я сделала глубокий вдох. — Мы сделали это на пассажирском сиденье его машины. Это было... неприятно. И больно.

— Ты... — он прикусил губу, не в состоянии закончить предложение.

— Что я?

— Я знаю, что не имею права спрашивать, но с тех пор как… с тех пор как мы с тобой... ты... спала... с ним?

Я была уверена, что он уже давно хотел задать этот вопрос.

— Нет, tesoro. Я не позволила ему прикасаться ко мне с нашей первой ночи вместе.

Я решила, что ему не стоит знать

о том, что вместо этого я удовлетворила Дэвида рукой.

— Извини.

— Не извиняйся, tesoro. Когда я встретила тебя, я узнала, что значит заниматься любовью — по-настоящему заниматься любовью.

И я поцеловала его, отчаянно, страстно, чтобы показать ему, что каждое слово было правдой. Он прижал меня к себе, наши рты слились воедино, и мы дышали друг другом.

— Не возвращайся сегодня к нему, Каро, пожалуйста.

— Я должна, Себастьян. После того как подброшу тебя до клуба, я посмотрю комнаты. Уверена, одна из

них подойдет. Я оставлю залог и перевезу вещи завтра. Затем, когда у меня будет куда уйти, я скажу ему, что хочу развод — завтра вечером. И сразу уйду.

— Мне не нравится, что ты живешь с этим придурком! Ты не знаешь, что он сделает! Он снова может причинить тебе боль!

Тело Себастьяна напряглось, и он сжал руки в кулаки по бокам.

— Он не причинит мне боль. Вчера был несчастный случай. Да, он ублюдок, но не в этом.

Было очевидно, что он не верит мне. Возможно, ему нужно было, чтобы Дэвид был таким же ублюдком, как и его отец.

— Я могу прийти завтра утром и помочь тебе упаковать вещи, — предложил он, потерев глаза костяшками пальцев.

— Там немного всего: только одежда и еще некоторые вещи.

— Я хочу помочь.

— Лучше, если я сделаю это сама, когда он завтра уйдет на работу. Я встречусь с тобой после того, как перееду на новое место.

Он нахмурился, расстроившись из-за моего плана.

— Себастьян, я должна сделать это сама. Это моя проблема, я не хочу, чтобы ты был рядом с ним.

— Если он хоть пальцем тебя тронет, я изобью его!

— Он не тронет. Я тебя уверяю. Я буду в порядке. — Я посмотрела на свои часы. — Слушай, мы должны идти. Ты должен быть на работе через полчаса.

— Я серьезно, Каро. Я бы оторвал его гребаные руки!

Я не думала, что стоило отвечать, поэтому подняла свою пустую бутылку и банку Себастьяна и закинула их в сумку, и ждала, пока он поднимет покрывало, чтобы я могла сложить его.

Он встал и натянул свою футболку, но его выражение лица все еще было злым.

— Эй, иди сюда!

Я бросила свою сумку на землю

и обняла его, желая, чтобы его напряжение и гнев ушли.

— Еще один день, который нужно пережить, и я буду свободна от него. Еще один день, tesoro. Только один, мы сможем выдержать это.

Мы шли к машине молча, но я могла сказать, что он обдумывал все, что я сказала ему. Я надеялась, что работа отвлечет его.

Пока я ехала, моя правая нога начала сильно болеть. Я опустила взгляд и заметила, что ткань была мокрая. Черт. Должно быть, волдыри лопнули. Мне нужно было сменить повязку прежде, чем я начну колесить по городу и станет хуже. Я решила спросить у администратора

клуба, есть ли у них пластырь, как только я высажу Себастьяна на парковке. Я, правда, не хотела давать ему еще одну причину думать, что я подверглась насилию от Дэвида.

— Я увижу тебя сегодня? — спросил он, хотя уже заранее знал мой ответ.

— Нет, мне нужно собрать вещи и разобрать кое-что. Я напишу тебе завтра, когда... перееду.

Он вздохнул и вышел из машины, затем выпрямился и ждал, пока я выйду.

— Я... я должна идти и кое-что узнать на ресепшене, — сказала я. — Я напишу тебе позже.

— Обещаешь?

— Да, обещаю.

Он ушел, его руки были в карманах. По положению его плеч я могла сказать, что он чувствовал себя несчастным. Я чувствовала себя точно также.

Я ждала, пока он исчезнет из виду, затем направилась на ресепшен, где объяснила свое затруднительное положение.

— Конечно, мэм, — сказала администратор. — Я просто позову одного из наших ребят, кто оказывает первую помощь.

— Ох, в этом нет необходимости, я могу сделать это сама.

— Извините, мэм, — сказала

она, очевидно, не раскаявшись. — Я должна позвать.

Она сделала звонок, и несколько мгновений спустя пришел Чес, на его лице было удивление, когда он увидел меня.

— Здравствуйте, Кэролайн. Как вы?

— Хорошо, Чес. А ты?

— Я получил вызов, что кто-то нуждается в первой помощи?

— Да, нужно помочь этой леди, — сказала администратор, очевидно слушая одним ухом наш разговор.

— На самом деле это пустяки, — сказала я торопливо.

— Я отведу миссис Уилсон в медицинскую комнату, Нэнси, —

сказал Чес администратору.

Она кивнула и вернулась к экрану своего компьютера, уже потеряв интерес.

Неохотно я последовала за ним, если бы я знала, к какой суете это приведет, я бы подождала, пока не смогу попасть в аптеку в городе.

Я чувствовала себя неловко из-за того, что находилась наедине с Чесом в маленькой комнате. Он выглядел так, будто ему некомфортно, переминаясь с ноги на ногу. Может, он думал, что я запрыгну на него.

— Мне нужно сменить повязку на ноге, — сказала я тихо. — У тебя есть марлевая салфетка и пластырь?

— Конечно. Хотите, чтобы я сделал это?

— Нет, все в порядке, спасибо Чес. Я сделаю все сама.

Я села на низкую больничную койку и засучила штанину до лодыжки, затем потянула пластырь. Он прилип. Мне нужно было оторвать его и это будет больно.

Я сделала глубокий вдох и сильно потянула, огромный лоскут кожи оторвался вместе с тканью. Моя нога выглядела как сырое мясо.

— Ничего себе! Выглядит не очень, — сказал Чес, в его взгляде было замешательство. — Я думаю, может, стоит обратиться к доктору.

Затем он покраснел, вспомнив,

что я была замужем за доктором.

Мы услышали голоса снаружи, затем ворвался Себастьян, а за ним по пятам шла обеспокоенная Нэнси.

— Каро! Ты в порядке?

Черт побери! Он не слушал, когда я сказала ему быть более осторожным?

— Я в порядке, спасибо, — сказала я так спокойно, как только могла. — Чес помог мне.

Возможно, заметив мой прохладный прием или панический взгляд Чеса, Себастьян понял намек и закрыл дверь перед носом Нэнси.

— Чувак, выглядит довольно плохо, — сказал Чес Себастьяну, указывая на мою ногу.

— Я в порядке, — повторила я, не желая быть предметом их совместного внимания. Как будто я была уродливым экспонатом в зоопарке.

— Что случилось? — спросил Чес.

— Просто глупый несчастный случай.

— Это не был несчастный случай, — сердито сказал Себастьян. — Ее ублюдок муж сделал это с ней. Покажи ему остальные свои ожоги!

Он дернул мою штанину, и в глазах Чеса застыл ужас.

— Это был несчастный случай, — снова прошептала я, отталкивая его руки.

Я не могла выдержать жалость, которую видела на лице Чеса, и злость на лице Себастьяна.

Под их взглядами, я очистила рану соленым раствором, нанесла толстый слой крема-антибиотика и снова залепила ее. Себастьян следил за каждым моим движением. Чесу было не по себе, я решила помочь ему уйти и уменьшить количество напряжения в комнате.

— Чес, можешь ты оставить нас на минутку, пожалуйста?

— Конечно-конечно. Себ, я увижу тебя позже, чувак.

Себастьян кивнул, но не смотрел на Чеса, когда тот выходил из комнаты.

— Я хочу убить его! — сказал он сквозь стиснутые зубы.

— Себастьян, пожалуйста, не надо.

— Что ее надо? — огрызнулся он.

— Не усложняй все еще больше.

Он моргнул, ярость на его лице сменилась болью.

— Как я усложняю? Я просто хочу помочь. Я люблю тебя!

— Я знаю это, но прямо сейчас мне нужно, чтобы ты был спокоен и держал себя под контролем. Если ты продолжишь скакать на белом коне, чтобы спасти меня — люди начнут замечать, — если уже не начали. И последнее, что мне нужно прямо

сейчас, чтобы кто-нибудь увидел, что ты относишься ко мне не так, как к остальным членам клуба. Ты понимаешь?

— Конечно, я понимаю... я не гребаный идиот!

— Хорошо. Тогда, пожалуйста, скажи мне, почему ты устраиваешь здесь сцену, в приемной, когда Чес присматривает за мной?

Каждая эмоция была видна на его лица, когда одна сменяла другую: удивление, гнев, боль, снова и снова, затем понимание и стыд.

— Извини. Просто... я немного обезумел, когда подумал, что тебе больно.

— Я знаю, tesoro. Но ты

понимаешь, как все для меня усложняешь?

— Да, я понимаю, прости.

— Ладно, просто обними меня.

Он притянул меня ближе, и мы стояли в тишине, позволяя напряжению угаснуть.

— Все хорошо? — спросила я, поглаживая его щеку.

Он сделал глубокий вдох.

— Да, я в порядке.

Но выглядел он напряженным и обеспокоенным.

— Ладно, я напишу тебе позже, надеюсь, чтобы сказать, что нашла комнату.

Он растянулся в улыбке.

— А до этого держись подальше

от неприятностей, — сказала я тихо.

— Я попытаюсь, —сказал он, вынужденно улыбнувшись, — но не даю никаких обещаний.

Я нежно поцеловала его и прошла по вестибюлю, избегая чрезмерно любопытного взгляда Нэнси.

Я была так отвлечена, что я едва не врезалась в Бренду, когда она заходила в парадные двери.

— Привет, Барбара! — сказала я весело, когда спускалась по ступенькам на крыльце.

— Бренда! — прорычала она.

Маленькие вещи в жизни имели значение.

17 глава

Первая комната, которую сдавали, была такой дырой, что я бы не позволила спать в ней даже Дэвиду. Ну, вероятно, нет.

Мало того, что хозяин открыл мне дверь в майке, которая выглядела так, будто на ней были пятна от завтрака с прошлого месяца, так он говорил с моим декольте, а не с моим лицом, и комната, казалось, пахла капустой и кошачьей мочой, а ковер под моими ногами был липким. Я даже не хотела думать о разводах и пятнах на голом матрасе, который был объявлен мне как постель, а на самом деле, больше был похож на

место сброса отходов.

Вторая комната в модной части города была идеальной — маленькая, но чистая, квартиру делили две взрослые студентки-юристки, Фил и Бет. Я оставила залог шестьдесят долларов, пообещав, что вернусь завтра, и обе стороны были довольны.

Они не особо расспрашивали, почему я искала комнату, но они были умными женщинами, и я уверена, что сложили два плюс два в ходе нашего короткого разговора.

Когда я вернулась домой (в ближайшем будущем я уже не буду использовать это слово), я была удивлена, увидев, что Дэвид

вернулся, — доказательством была грязная посуда в раковине и полная корзина грязной одежды рядом со стиральной машиной. Он, очевидно, ждал, когда я уйду, чтобы вернуться втихушку. В этом были мы. Два труса, запертые в браке без любви.

Но это ненадолго.

Я проигнорировала уборку, немного позабавившись, что он должен научиться стирать свою гребаную одежду, или переехать жить в какой-нибудь отель, что я полагала, он и сделает.

Я заполнила чемодан всей одеждой, какую только могла вместить и засунула все остальное в черные мешки для мусора. Когда я

убрала свои вещи из дома, почти ничего не изменилось, только если Дэвид заглянет в мой шкаф и заметит отсутствие одежды. То, что одиннадцать лет, проведенные с Дэвидом, оставили такой маленький отпечаток, было отрезвляющей мыслью. Я не была плохой женой, но я также не была компаньоном для него. Хотя кажется сомнительным, что он вообще хотел компаньона. Тем не менее, мы оба жили как одиночки.

В шесть часов вечера еще не было никаких признаков Дэвида. Я не была точно уверена, как собиралась сказать ему, что ухожу от него, когда его не было рядом: оставить записку, отправить смс,

позвонить ему на работу или даже... взглянуть ему в лицо? Ничего из этого не казалось особенно приятным. Когда я представляла, как говорю ему, я всегда думала, это будет в нашей гостиной.

После десяти вечера я получила сообщение от Себастьяна.

** Как дела? Ты нашла комнату? Этот засранец дома? **

Я знала, что если скажу Себастьяну, что Дэвида нет, он захочет прийти. Но, не зная, где был Дэвид, или его намерения, это было рискованно. Самым логичным было подождать двадцать четыре часа. Но быть логичной и быть влюбленной, ну... это были несравнимые вещи.

** Я одна. Чес подбросит тебя до центра? **

Нужно выбираться отсюда.

Он ответил немедленно, как я и думала.

** Через тридцать минут, площадь, где играли джаз. Ты в порядке? **

Я не знала, как ответить, поэтому просто отправила сообщение, согласившись встретиться с ним там, где группа играла джаз.

Город ночью ощущался по-другому. Как только солнце скрывалось, аура умиротворения окрашивалась дрожью предвкушения и волнения и наполняла воздух

неосязаемыми возможностями. Я была так близка к свободе, так близка к новому началу своей жизни — это было опьяняющее чувство. Я чувствовала головокружение от непривычной легкомысленности, и я собиралась увидеть Себастьяна.

У нас осталось чуть больше трех месяцев, прежде чем мы сбежим в Нью-Йорк, — это будет суровым временем, нам нужно быть осторожными, не то чтобы меня заботило это, но я думаю, мы заслужили одну ночь, чтобы по-настоящему отпраздновать. Поэтому, когда я обнаружила, что стою снаружи отеля с низкими и средними ценами, я приняла

решение раньше, чем мое сердце сделало удар, и забронировала номер, оплатила наличным и положила ключ в свою сумку.

Из-за своего импульсивного решения я немного опоздала на площадь. Мой телефон начал звонить, когда я заметила, как он осматривает толпу и проводит рукой по волосам.

Я наблюдала за ним на расстоянии, наслаждаясь этим моментом — увидеть его перед прикосновением. Он был одет в поношенные джинсы и простую черную футболку, что подчеркивала его сильное, худощавое телосложение, но, тем не менее, он

был точкой света, окруженный кружащейся толпой.

— Привет! — сказала я в трубку.

— Где ты? — сказал он обеспокоенно.

— На пути к тебе, — сказала я тихо, когда подобралась к нему сзади и провела рукой по его упругой заднице.

Он подпрыгнул и повернулся с нахмуренным лицом, которое озарилось улыбкой, когда он увидел меня.

— Я должен идти, — выдохнул он в трубку, — красивая женщина лапает меня.

— Вот так, да?

Спрятавшись в толпе, я провела

рукой вверх и вниз по его джинсам.

— Да, — сказал он в трубку. — Я не знаю, чего она хочет.

— Она даже не дала тебе подсказку? — спросила я, снова потерев его рукой, и почувствовала, как его тело ответило.

— Думаю, что я должен перезвонить, — сказал он и закрыл свой телефон.

Мы уставились друг на друга, когда я медленно опустила свой телефон.

Он сделал шаг вперед и наши тела почти соприкоснулись, когда он слегка провел руками по моим и прижал свой рот к моему. Я почувствовала, что его теплое

дыхание касается моего лица, и его губы приоткрылись.

Было трудно вспомнить, что мы находились в общественном месте, когда он углубил свой поцелуй, и его язык проник в мой рот. Пробовать его, касаться его, терять себя в нем — мир отошел на второй план. В конечном итоге я отстранилась, зная, что для этого нужно время и место, и сегодня у нас было и то, и другое.

— Боже, Каро! — прошептал он и закрыл глаза, просто прижав меня к своей груди.

— Пойдем, — сказала я, — давай прогуляемся.

Он нахмурился, выглядя озадаченным.

— Ты в порядке?

— Конечно, почему ты спрашиваешь?

Он пожал плечами.

— Я не ожидал увидеть тебя сегодня. Я имею в виду, я рад, что ты здесь, но...

— Ну, я все упаковала, и это лежит в моей машине. Мне... мне просто нужно сказать Дэвиду. Я собиралась сделать это утром, но он не пришел домой. И я захотела увидеть тебя.

— Хорошо, — сказал он счастливо.

Я улыбнулась ему.

— Ты голоден или это глупый вопрос?

Он рассмеялся.

— Да, я бы определенно съел что-нибудь.

— Давай направимся в Маленькую Италию.

— Да! Мы можем притвориться, что мы на мотоцикле и совершаем свое дорожное путешествие.

Нам не пришлось идти далеко, прежде чем мы нашли маленькое сицилийское кафе, где подавали «кус-кус аль песче» — одно из моих любимых блюд, и я поняла, что мне тяжело пройти мимо.

— Я не знаю, Каро, — сказал Себастьян, осматривая меню, которое висело снаружи. — Здесь не так уж дешево.

— Я знаю, но сегодня меня это не заботит, — сегодня я начинаю новую жизнь. Благодаря тебе.

Он улыбнулся, смотря на меня, и его глаза заискрились любовью.

— Правда?

— Правда. Мы празднуем... и у меня есть еще один сюрприз. Но о нем позже.

Я пыталась подтолкнуть его к кафе, но он сопротивлялся.

— Скажи мне! — его голос внезапно стал хриплым.

Я покачала головой и улыбнулась.

— Нет, если я расскажу, это уже не будет сюрпризом.

— Каро, ты сводишь меня с ума!

Пожалуйста!

— Ну, ладно, я не хочу быть причиной того, что ты сойдешь с ума... я забронировала для нас номер в отеле.

Его дыхание застряло в горле, а глаза расширились.

— Номер?

Я кивнула и сглотнула, когда увидела, что выражение на его лице сменилось с любви на похоть.

— Пойдем сейчас, — сказал он, потянув меня за руку.

— Нет, я хочу есть, и ты сам сказал, что голоден.

— Мы возьмем еду на вынос! — зарычал он, потянув меня по улице.

Я встала на месте и потянула его

назад.

— Себастьян, нет!

Он остановился, расстроенно уставившись на меня.

— Почему нет?

Я ничего не могла поделать и улыбнулась, увидев его выражение лица, но мой голос был серьезным. Я провела некоторое время, раздумывая.

— Потому что после сегодняшнего вечера, мы не сможем позволить себе делать это какое-то время, и, по крайней мере, сегодня, я не хочу прятаться.

Он ухмыльнулся.

— Свидание? Да, мне нравится это. С сексом после?

Я рассмеялась.

— О, да. После будет много секса.

Мы сели за столик у окна, и пожилой официант зажег свечу и засунул ее в старую винную бутылку, покрытую воском.

Я вежливо поговорила с ним на итальянском, и он широко улыбнулся.

Его акцент был сильным, и он объяснил, что он из Трапани, на носу Сицилии. Я видела, что Себастьяну было тяжело понимать разговор, поэтому перешла на английский.

— Мы надеемся в скором времени посетить Сицилию, — сказала я, бросив кроткий взгляд на Себастьяна, который улыбнулся в

ответ.

— Ах, тогда вы должны посетить мой родной город и пожелать ему всего хорошего от меня, — сказал пожилой мужчина, — и вы будете плакать перед красотой Мадонна ди Трапани (прим. пер. мраморная статуя Мадонны с младенцем).

Он отошел, счастливо болтая сам с собой, когда вспомнил свой родной город. Я улыбнулась Себастьяну, когда он держал мою руку через стол, но затем его глаза расширились в удивлении.

— Ты сняла свое кольцо, — прошептал он.

Я молча кивнула.

Это было правдой: пока я наматывала круги по дому, я случайно посмотрела на свою руку и увидела кольцо — и я имею в виду, по-настоящему его увидела, и все, что оно означало. Я сняла свое помолвочное кольцо, то самое с тремя мелкими бриллиантами и затем сняла золотое обручальное кольцо. Я держала их в своей руке, задаваясь вопросом, что делать с ними. Я раздумывала оставить их на кухонном столе или на тумбочке рядом с половиной кровати Дэвида, но в конечном итоге бросила их в кошелек.

Моя рука ощущалась настолько легкой без обручального кольца,

будто она плыла. Себастьян прижал мою руку к своей щеке и закрыл глаза. Когда он снова открыл их, его глаза заблестели от непролитых слез.

— Ты, и правда, уходишь от него, — сказал он, и я не была уверена, вопрос это или утверждение.

— Да, ты думал, я этого не сделаю?

Он выглядел изумленным.

— И да, и нет. Я продолжал надеяться... я знаю, что ты многим жертвуешь. И... я знаю, что не могу предложить тебе ничего...

Я подняла руки, чтобы остановить его.

— Это не так Себастьян. Ты уже дал мне так много — ты просто не

понимаешь это.

Он нетерпеливо покачал головой.

— Не утруждайся подбадривать меня потому, что...

Я снова перебила его.

— Я этого не делаю! Ты вернул мне мою самооценку и дал надежду на будущее. Ты подарил мне любовь. Ты подарил мне себя. Больше мне ничего не нужно.

Он потянулся через стол и прижал руку к моему лицу. Я наклонилась к нему и закрыла глаза.

— Я люблю тебя, — сказал он.

Официант прервал нас вежливым покашливанием, улыбкой и подмигнул Себастьяну, который

ухмыльнулся в ответ.

Себастьян наотрез отказался заказывать закуски, и я не могла сказать, было ли это, потому что его беспокоила их стоимость или он как можно быстрее хотел отправиться в отель. В любом случае я не могла убедить его изменить свое мнение, поэтому отказалась от своих мыслей о капонато и заказала кус-кус вторым блюдом с половиной графина красного вина.

Я не возражала, он был не единственный, кто мечтал об огромной кровати в отеле с чистым бельем и двухместным душем. Хм, мне не нужно будет стирать простыни — как прекрасно. Хм,

намыленный влажный Себастьян в двухместном душе. Подождите! Там была большая ванна или я просто нафантазировала это? Черт! Я не помнила. Эта идея захватила мой разум.

— Что такое? Ты выглядишь своего рода разозленной, — сказал он осторожно. — Я не возражаю, если ты все выскажешь.

Я подняла взгляд в замешательстве, затем улыбнулась ему.

— Нет, все в порядке, я просто пытаюсь вспомнить, есть ли ванна в номере.

— Ты об этом думаешь?

На секунду он выглядел слегка

шокированным, затем шаловливая улыбка озарила его лицо.

— Круто!

Я отвлеклась на мгновение, когда заметила, что кто-то отворачивается от окна, и затем увидела проблеск длинных светлых волос...

— Что ты думаешь делать, если там есть ванная?

Я подняла бровь.

— Ну, я думаю, что стану очень грязной. И затем очень чистой.

Он сглотнул и моргнул несколько раз.

— Насколько грязной?

Сейчас он застал меня врасплох, потому что я не знала. Дэвид

предпочитал все обыденное. Только в последние несколько недель с Себастьяном я начала постигать возможные грани удовольствия.

Я уставилась прямо на него.

— Давай узнаем вместе.

Его ответная улыбка была великолепной.

Официант прибыл с нашими блюдами и наполнил для нас бокалы. Я увидела, что Себастьян опешил, а затем вспомнила про его возраст. Как забавно, что я могла забыть об этом, учитывая необычные обстоятельства наших взаимоотношений. Очевидно, официант был готов поверить, что Себастьяну уже исполнился двадцать один год — он даже не проверил. От

этого я испытала некую надежду.

Себастьян поднял свой бокал с вином и провел пальцем по ободку. На секунду я представила его в черном смокинге и белой рубашке, в частной зоне в Ла Скала. Я подняла свой бокал и наклонила к его.

— За нас!

Он улыбнулся и чокнулся своим бокалом с моим.

— За нас.

Самый лучший тост.

Я наклонилась через стол к нему и прошептала заговорщически:

— Конечно, ты слишком молод, чтобы пить легально.

Он улыбнулся и сделал большой глоток.

— Я слишком молод, чтобы делать многие вещи, — сказал он, опустил свой палец в вино и протянул его мне.

Я взяла его палец в рот и слегка прикусила, когда всосала его.

Он выдохнул через стиснутые зубы и закрыл глаза. Когда он снова открыл их, темная поволока желания затянула его радужки цвета морской волны.

Я задрожала, освобождая его палец.

Он улыбнулся — медленной, сексуальной, соблазнительной улыбкой. Я хотела провести языком по этим губам, почувствовать их мягкость, их полноту, их влажность,

когда он приоткроет их. Я воображала, как попробую языком каждый сантиметр его твердого, подтянутого тела, впитаю его запахи, попробую соль на его коже.

Он не сводил своих глаз с моих, и я уверена, что мои глаза показывали каждую мысль. Он облизнул губы и сглотнул.

Официант разрушил чары, незаметно располагая посуду перед нами и игнорируя наши пылкие взгляды. Возможно, он постоянно видел такое, хотя, если так и было, я не могла представить, почему ресторан еще не сгорел в пламени.

Себастьян откинулся на своем кресле и сделал глубокий вдох.

— Это всегда так? — внезапно выглядя потерянным и уязвленным.

Я знала, о чем он спрашивал, и у меня не было ответа. Я покачала головой.

— Не для меня... до этого момента, до тебя.

Что я знала о любви, которая заставляла задыхаться, когда твое тело изнывало каждый день и ночь от связи с другим, физически, ментально и духовно? Это было полностью новым и пугающим, волнующим, великолепным. Я была ослеплена светом, что исходил от него, проникая в тень моего предыдущего существования. Он затмил все, стер все, что было

прежде. Я переродилась — не только с ним, но и сама по себе. И я была готова к приключению.

Я сделала глубокий вдох и указала подбородком на еду.

— Ешь, тебе нужна энергия.

Не разрывая зрительного контакта, он поднял свою вилку, с накрученной на ней пастой и протянул меня.

— Хочешь попробовать?

Я взяла вилку в рот и почувствовала, как сливочный соус стекает на мой подбородок. Себастьян ухмыльнулся и очистил все своим пальцем, а затем облизал его.

Остальная часть еды была

поглощена тем же способом, пробуя еду друг у друга, заводя друг друга, разжигая пламя с каждым новым чувствительным ощущением. Я хотела проползти по белой скатерти, содрать его рубашку и взять его там, где он сидел. Я представила себе, как провожу руками по его волосам, засунув свой язык в его рот, прижимаясь к его телу, когда он находится внутри меня. Я облизнула губы.

Внезапно он отбросил вилку и потер свое лицо руками.

— Я не могу сконцентрироваться на еде, когда ты так смотришь на меня! — пожаловался он.

— Как? — сказала я, изображая невинность, хотя на самом деле не чувствовала ее.

— Вот так!

Насмешливо я вонзила вилку в кус-кус, осторожно поднесла к своему рту и начала жевать с наглой медлительностью, не отводя от него взгляд. Затем облизала губы и начисто облизала вилку.

Он издал звук из глубин своего горла, наполовину стон и наполовину рев, отчего мои глаза расширились.

— Каро, я не шучу! Если ты сделаешь это снова...

Его предупреждение изумило и возбудило меня. Я хотела знать его границы — и мне также было

любопытно узнать свои.

Снова я вонзила вилку в кус-кус, снова поднесла к своему рту и медленно всосала вилку, в моем взгляде был вызов.

Он резко отодвинул свой стул назад, уставившись на официанта и пожилую пару, которая находилась в противоположной стороне комнаты от нас, выпивая самбуку после ужина. Он обошел стол и прижал меня к стулу, одна рука была сбоку моего стула, и он поцеловал меня страстно, его раздражение и пыл вылились в этот поцелуй, что было завораживающим моментом.

Мои руки потянулись к его груди и вцепились в его футболку. Я не

знала, притягивала ли я его к себе или отталкивала. Все мое тело горело и было возбуждено.

Я смутно осознавала, что официант нависал над нами, когда Себастьян резко встал.

— Ах, сэр, — бедный мужчина сказал нервно, — у нас есть другие клиенты, сэр... ах…

— Заверните еду с собой, — приказал Себастьян.

— Конечно, сэр, — благодарно ответил официант, уходя прочь с нашими блюдами.

— Ты сегодня нетерпеливый, — сказала я, делая огромный и нужный мне глоток вина.

Он сердито посмотрел на меня.

Иисус, его злость возбуждала меня.

— Как, черт возьми, я могу есть карбонару, когда ты так смотришь на меня, а я сижу и мой член твердый как гора Рашмор?

Я почти выплюнула свое вино, чуть не подавившись от смеха.

— Гора Рашмор?

Его губы дернулись от вынужденной улыбки, но я могла сказать, что он все еще был зол.

— Ладно, тогда пошли. Ты сможешь закончить свою холодную карбонару позже.

Брр!

Я заплатила за нашу оставленную еду наличными, разочарованная, что наше свидание

пошло не по плану, хотя в этом была виноват только я. Я должна была додуматься, что Себастьян не из того типа парней, который играет в игры. Так же я не думала, что являюсь такой женщиной, — я просто не думала, что немного флирта с помощью еды произведет такой грандиозный незамедлительный эффект.

Как только мы покинули официанта, который испытал облегчение, и шли по улице, Себастьян собственнически обнял меня за плечи, не переставая целовать мои волосы.

— Может, в следующий раз я должна просто купить тебе

энергетические батончики и пропустить эту идею с романтическим ужином, — подразнила я его. Я привяжу тебя к кровати и напою «Гатарейдом» (прим. серия энергетических напитков).

Он остановился так резко, что я почти прошла мимо него. Он повернулся и уставился на меня, затем сглотнул, выражение на его лице было возбужденным.

— Чем бы ты связала меня? — спросил он, его голос был полон нереализованного желания.

Я покраснела, когда он притянул меня к своей груди и уставился мне в глаза.

— Чулками? — прошептала я неуверенно.

Он сжал свои глаза и почти до боли усилил свою хватку на мне.

— И ремешками от пояса для чулок? — выдохнул он.

— Если захочешь.

— Черными?

— Tesoro, ради тебя я буду надевать разный цвет для каждого дня недели.

Он выпустил долгий стон.

— Где этот гребаный отель? — пробормотал он, затем быстро потащил меня по улице.

У меня заняло мгновение, чтобы сориентироваться и вспомнить направление отеля. Себастьян был

так раздражен, что я ожидала, что он перебросит меня через плечо и побежит туда. Он был парнем на миссии и собирался выдержать ровно столько прелюдии, сколько мог.

Когда мы достигли отеля, он дернул стеклянную дверь и протащил меня по фойе, в то время как опешивший администратор удивленно моргал.

— Какой этаж? — рявкнул он, его пальцы нетерпеливо барабанили рядом с кнопкой вызова лифта.

— Четвертый, — заикалась я, немного испугавшись его внезапного командирского поведения.

Двери медленно разъехались, и я почти вбежала внутрь, чтобы

схватиться за перила, уверенная, что мне нужно за что-то держаться. Себастьян сделал один шаг внутрь и позволил дверям закрыться за ним. Он посмотрел на кнопки и нажал номер четыре пальцем.

Мое сердце пропустило удар, когда он уставился на меня, с голодным отчаянием на своем лице. Я облизала губы, но у меня во рту внезапно пересохло.

Я пыталась придумать, что сказать, но мой разум был чист как белый лист, в нем не было ни одной мысли — только бушующая потребность поглощать.

Лифт начал подниматься, и Себастьян сделал шаг ко мне, потом

еще один. И еще. Пока он не встал прямо передо мной, но наши тела все еще не касались. Затем он вытянул руку и расположил ее над моим левым плечом, а другую над правым. Я была в ловушке его рук. И он все еще не касался меня. Он наклонился вперед, и я задержала дыхание. Затем нарочито медленно он уткнулся в мои волосы и провел языком по моей шее.

Я могла ощущать его теплое дыхание на моей щеке, его влажный язык, который дразнил мое ухо. Я сделала большой глоток воздуха и вдохнула его запах: немного пряного мыла, соли и его собственный запах.

Возможно, он мстил за мои

действия в кафе, или возможно научился не торопиться, я не могла сказать.

Я засунула руки в задние карманы его джинсов и услышала, как дыхание застряло у него в горле. Он испустил долгий выдох и перенес весь вес своего тела на меня.

Двери с шипением раскрылись, отвлекая нас.

Он выпрямился, и я вытащила свои руки из его карманов, затем он отступил, чтобы я первая могла покинуть лифт.

В коридоре было тихо, и наши ноги беззвучно проваливались в плюшевый ковер. Позолоченные бра отбрасывали свет и тени на обои с

узорами, и двадцать деревянных дверей растягивались в каждом направлении. Заняло мгновение, чтобы вспомнить в какую строну повернуть. Я покопалась в своей сумочке и вытащила ключ-карту.

— Комната 429, — сказала я тихо.

Без слов Себастьян взял его у меня и повел меня за руку по коридору, его глаза осматривали цифры на каждой двери.

В конце коридора он остановился, вставил ключ-карту в замок, и дверь открылась.

Я оставила один светильник включенным, а моя сумка с ночными принадлежностями все еще была на

огромной кровати.

Я услышала, что Себастьян повернул защелку на двери, закрывая ее позади нас. Когда я повернулась, он стоял и смотрел на меня.

Он снял кроссовки и стянул футболку через голову, когда босиком направился ко мне. Я безвольно стояла, замерев на месте, загипнотизированная его хищным взглядом. Когда он дотянулся до меня, он положил свои руки на мои и глубоко вдохнул, а его пальцы напрягись вокруг моих бицепсов.

Я положила голову ему на грудь и поцеловала его над сердцем. Он вздохнул и обернул свои руки вокруг меня. Мы стояли в тишине, просто

держа друг друга.

Затем я снова поцеловала его грудь и провела языком по его телу, вспоминая, что хотела попробовать каждый сантиметр его тела. Я опустила свои руки, запустив их ему в джинсы, под его боксеры, поглаживая его кожу и вонзаясь пальцами в плоть его ягодиц. Мягкий стон сорвался с его губ и бедра дернулись вперед.

Также без слов я убрала свои руки с его ягодиц и отступила назад, давая себе пространство, чтобы расстегнуть кнопку на его джинсах и опустить молнию, и затем толкнуть его джинсы вниз по бедрам. Я слегка провела руками по его боксерам,

отчего его тело задрожало, а его эрекция была очевидной, под моими пальцами. Я осторожно спустила боксеры вниз, чтобы он мог вышагнуть из них.

Он был восхитительно, великолепно обнажен, и я упивалась его красотой и его силой, когда он стоял передо мной смущенный, а в его глазах плескалась любовь.

— Ты мой мир, Каро, — сказал он.

— А ты мой.

Он улыбнулся и потянул меня за руки, когда медленно шел к кровати.

Я села и обернула руки вокруг его бедер, притягивая его ближе. Я оставила нежные, влажные поцелуи

на его кончике, и наблюдала, как его ресницы затрепетали.

— Ты все еще хочешь, чтобы я связала тебя?

Он моргнул несколько раз, затем снова улыбнулся и покачал головой.

— Не сегодня. Я хочу быть в состоянии касаться тебя — всю тебя.

Он схватился за подол моей футболки и осторожно стащил ее над головой.

— Ты так красива.

Он встал на колени передо мной, расположив руки на моих бедрах. Он наклонился вперед, чтобы поцеловать мою грудь. Я изогнула спину, моя голова откинулась назад и внезапно его руки настойчиво

задвигались. Он толкнул меня на кровать, нависая надо мной, его рот, дыхание, язык обжигали мою кожу. Он громко застонал, затем встал. Я пыталась сесть, но он скользнул одной рукой под мое колено, а другой под спину и прижал меня к кровати. Я была так удивлена, дыхание со свистом выходило из моих легких. Он растянулся рядом, затем приподнялся, чтобы нависнуть надо мной, его эрекция упиралась точно мне в живот. Прежде чем я могла дотянуться до него, он опустился на колени возле меня, приподнял меня одной рукой и другой умело расстегнул мой лифчик. Иисус. Он практиковался?

Я знала, что будет дальше, но прежде чем он потянулся к моим штанам, я оттолкнула его и перекатилась на свою сторону, пытаясь выключить прикроватную лампу. Занавески все еще были не опущены, но тусклое, оранжевое освещение от фонарей было единственным светом.

— Что ты делаешь?

Его тон был удивленным.

У меня были свои причины. Отметины на моих ногах больше не болели, за исключением правой ноги, что неумолимо пульсировала, но они были уродливыми. И я не хотела, чтобы он отвлекался. У меня на уме было другое отвлечение.

Я стянула свои штаны и трусики, пока он смотрел на меня, и бросила их, не заботясь, куда они приземлятся.

Я видела его золотистый контур на кровати, когда мои глаза привыкли к тусклому свету. Я села и заметила, что моя кожа была слишком чувствительна, чтобы встать перед ним на колени. Вместо этого я уселась к нему на колени и вытянула ноги перед собой.

— Сядь, — сказала я, мой голос звенел от напряжения.

Я обернула одну руку вокруг его шеи, когда он приподнялся с кровати, и затем взяла его ствол в руку, чтобы расположить его под собой. Я

погладила его несколько раз, и он сделал глубокий прерывистый вдох. Когда я опустилась на него, он застонал, и я почувствовала, как он задрожал.

Это был крайне интимный момент, когда наши тела соединялись вместе, а наши лица были на расстоянии пары сантиметров.

Его глаза расширились, и в них плескалось удивление, когда я притянула его голову к себе, оставляя мягкий поцелуй на его губах. Затем его рот соединился с моим, и наши языки задвигались в одном ритме, когда наши тела были соединены вместе. Я слегка подтянула колени, и он сделал то же самое, практически

подняв меня с кровати одним мощным движением своих бедер. Он обернул руку вокруг меня, притягивая меня ближе.

Я нуждалась в дыхании, и Себастьян подражал моим движениям. Его глаза вперились в мои, и, в момент полного отсутствия движений, я погладила его по лицу, позволяя своим пальцам скользить по его щеке, ресницам, вдоль линии роста бровей, ниже по носу, вдоль линии подбородка, по его губам, которыми он целовал меня.

Мы были соединены вместе как одно целое, было невозможно стать еще ближе, находиться рядом более интимно — все барьеры между нами

были, наконец, опущены. Мы были равны, открыты и бесстрашны.

Я провела руками по его спине и почувствовала, как он двигается во мне. Я отстранилась и изменила угол проникновения, и он снова застонал и начал вбиваться быстрее.

Я сжалась вокруг него, не в состоянии контролировать волны ощущений, пульсирующие во мне.

Он закричал, и я почувствовала, как он вторгся в меня одним глубоким толчком. Он ахнул, втянул в легкие воздух и затем сгреб меня объятия, прижимая к своей груди так крепко, что я едва могла дышать.

Мы сидели так, все еще соединенные вместе, и я захихикала,

когда вытерла бусинку пота со своего лба.

— Кому нужен тренажерный зал, — сказала я, поглаживая его лицо.

Он мягко рассмеялся.

— Тебе ничего не нужно, Каро. Ты идеальна.

— Ох, я далека от идеальности, но я очень счастлива, что ты так думаешь. Я буду вечно держать тебя в темной комнате.

— Меня устраивает.

— Ты будешь голоден, — сказала я. — Ты оголодаешь до смерти.

— Мы будем заказывать обслуживание номеров, — сказал он прагматично.

Я осторожно отстранилась из него и легла на спину в его руках, когда он поглаживал мои волосы.

— Ты уже проверяла ванну? — сказал он.

— Хмм, что? Нет. Я была слишком занята, проверяя тебя.

Он рассмеялся.

— Серьезно! Мы можем принять ванну вместе.

— Ох, ладно, — сказала я, неохотно двигаясь в полукоматозном состоянии, — если ты проверишь ее. Посмотри, есть ли у них пена для ванны.

Он быстро поцеловал меня и вскочил с кровати. У него было так много энергии. Я уже была

истощена, и почувствовала, что это будет долгая и восхитительная ночь.

Издалека я услышала звуки, как из крана бежит вода, и почувствовала, что погружаюсь в сон. И затем странный, незнакомый звук достиг моих ушей, и я неожиданно проснулась: Себастьян пел. Я пыталась расслышать слова. Когда у меня получилось, мое сердце распалось на части, заполняясь любовью, что лилась из этих еле слышных искренних слов. Покой и радость, и чувство цельности, которое я никогда не испытывала, внезапно накрыли меня с головой, и я начала тихо плакать.

Когда я слышу твой голос, мир исчезает.

Когда я слышу твой голос, я больше не боюсь.

Я никогда не думала, что это возможно — плакать от счастья.

Бесшумно я слезла с кровати и тихо подошла к ванной, оставшись наполовину в тени и наблюдая за ним. Он перегнулся через ванну, проверяя воду пальцами, пар как призрак клубился в воздухе.

Он включил свет над зеркалом для бритья, и желтые отблески омыли его кожу золотом. Я наблюдала, как перекатывались его мускулы, когда он продолжал

тянуться в ванну, рисуя пальцами в горячей воде.

Она забрала всю печаль, она забрала боль

Она забрала темноту, она забрала дождь.

Он потянулся, чтобы достать два белых полотенца и расположил их аккуратно по краям ванны.

Когда я уезжаю далеко

Она солнце, которое освещает мой путь

Затем он повернулся и увидел меня, стоящую в тени.

— Каро! Почему ты плачешь?

— Потому что я люблю тебя.

18 глава

Он замер, уставившись на меня, затем секунду спустя он направился ко мне и взял мое лицо в свои руки, поцелуями стирая слезы, которые катились по моим щекам.

И вот они мы — два влюбленных дурака.

— Я ждал и ждал, и ждал, — он запнулся. — Ты все никак не говорила этого... никогда не рассказывала... и сейчас ты это сделала. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Я люблю тебя. Ох, Каро, так сильно.

Рыдания вырвались из моего горла, и я устыдилась того, что

сдерживалась так долго, не понимая, как сильно он нуждался в этих словах.

Я обернула руки вокруг его талии, когда он сделал долгий, рваный вдох. Мои собственные слезы вскоре высохли, я была потрясена своим собственным счастьем и потребностью защищать и оберегать этого прекрасного мужчину-ребенка, который знал так мало любви в своей жизни.

Кожа к коже, моя голова к его плечу, мы стояли, упиваясь друг другом. Наконец, его дыхание замедлилось, и он поцеловал меня в шею. Улыбка растянулась на моих губах, и я открыла глаза.

— Себастьян, вода!

Ванна уже была полная и была опасность, что вода перельется через край, как мои эмоции.

— Ох, дерьмо!

Он наклонился, чтобы выключить воду, и вытащил пробку, чтобы спустить немного воды. Он продолжал смотреть на воду, и я чувствовала, что ему нужно время, чтобы взять себя в руки.

Когда он снова поднял глаза, его внимание было сосредоточено немного левее моего плеча. Он не встречался со мной взглядом, и выражение на его лице было застенчивым.

— Извини, что я такой глупый и

наивный с тобой.

Я положила ладонь на его щеку, заставив посмотреть на меня.

— Нет, Себастьян! Никогда не стыдись своих чувств — не со мной. Никогда. Я люблю то, что ты такой открытый со мной. Я люблю то, что ты показываешь мне, что чувствуешь каждый момент дня или ночи, это сводит меня с ума, когда ты делаешь это перед другими людьми, но я люблю это тоже, потому что это часть того, кем ты являешься. Я никогда не знала ничего подобного и не хочу останавливать это. Потому что чувствую то же самое.

Он слегка ахнул, затем улыбнулся мне.

— Ладно, — сказал он тихо.

Я улыбнулась в ответ, и напряжение исчезло из комнаты, оставив нам покой и наслаждение.

— Теперь мы должны принять ванну?

Он кивнул, затем наморщил лоб, когда посмотрел на мою правую ногу, которая все еще была забинтована.

— Ты сможешь? Ты не захочешь ее мочить, — сказал он, и выражение его лица стало суровее и перешло к чему-то пугающему.

— Я высуну ее с боку, — сказала я, пытаясь остановить его, чтобы он не зацикливался на моей травме, — но мне нужна опора. Думаю, ты подойдешь.

Он улыбнулся.

— Ты думаешь, что я буду хорошей подушкой?

— Ну, ты немного твердый...

Он непристойно ухмыльнулся мне и опустил взгляд на свой член.

— Не в этот момент, но я могу быть...

— Ты можешь хотя бы две минуты не думать о сексе?

— Нет, сомневаюсь в этом.

Я вздохнула, притворившись раздраженной, но это было безнадежно, — огромная улыбка растянулась на моем лице.

Он улыбнулся мне в ответ, и когда я посмотрела на него, его член дернулся. Он жил своей собственной

жизнью.

— О, нет! Я еще не готова ко второму раунду! Я хочу принять хорошую расслабляющую ванну. Я использовала мышцы, о существовании которых даже не знала.

— Ладно, — сказал он, все еще улыбаясь, — но я могу быстро.

— «Быстро» и «расслабляюще» — это два слова, которые не имеют ничего общего, — указала я.

— Ох, даже не знаю... я могу придумать ситуацию, в которой они подходят друг другу.

Казалось, его взгляд потемнел, и я ничего не могла поделать, когда мои глаза опустились ниже его

талии, и было очевидно, что это не просто прилив крови к головке.

— Могу я отложить это на другой раз? — сказала я, мой голос слегка дрожал.

— Нет, я так не думаю, — ответил он, делая шаг ко мне.

— Я хочу принять ванну.

— Мы примем. Позже.

Я пятилась назад и врезалась в раковину, больше идти было некуда.

Он схватил меня за бедра, прижавшись ко мне и зарывшись лицом в мою шею.

— Я, правда, хочу принять ванну, — выдохнула я, хватаясь за его запястья.

— Ммм, — ответил он, когда

мое тело изогнулось от его прикосновения. — Ты определенно еще недостаточно грязная.

Я безмолвно, если не полностью беззвучно, наблюдала, как он опускается на колени. Его рот последовал ниже, и я тяжело сглотнула.

Он провел языком по моему левому соску, затем обнажил свои зубы, коснулся ими возбужденной плоти и потянул не очень нежно, в то время как его руки продолжали массировать мои бедра, а пальцы вонзились в мою задницу. Затем он переместил свое внимание на мою правую грудь, всасывая, целуя и прикусывая своими зубами.

Кровь бурлила в моих венах, а колени начали дрожать. Затем его правая рука скользнула от моего бедра к икре и начала медленное восхождение к внутренней поверхности бедра. Мое дыхание было слишком громким и, казалось, отдавалось эхом в ванной. Громкость практически смущала, но казалось, это еще больше возбуждало Себастьяна, потому что он начал прикусывать жестче, заставляя меня содрогаться и кричать. Затем он начал потирать мое чувствительное местечко, сначала нежно, а потом жестче, вырисовывая круги изнутри и снаружи.

Он поднял взгляд, коротко

посмотрев на меня, слабая улыбка растянулась на его губах, затем его лицо исчезло между моих бедер, и я почувствовала, как его язык и пальцы играют со мной, гладят меня внутри и снаружи.

Я думала, что мои ноги подогнутся, но он закинул мою правую ногу себе на плечо и толкнулся языком глубже в меня. Я едва могла стоять на двух ногах, не говоря уже об одной. Я изо всех сил вцепилась в раковину позади себя.

Я кончила громко и, прежде чем мои глаза закрылись, я мельком увидела его ухмыляющееся лицо. Он опустил мою правую ногу на пол и развернул меня, чтобы я была лицом

к зеркалу. Я все еще дрожала от своего оргазма, когда он наклонил меня и толкнулся сзади. Он кружил бедрами, медленно выскальзывая из меня и снова погружаясь. Мое лицо в зеркале было неузнаваемым, мой рот широко открыт, как и глаза, моя грудь казалась больше, соски были налиты кровью и торчали как твердые камушки. Он снова выскользнул и погрузился до боли медленно, вращая бедрами и массируя каждую часть меня внутри. Как раз в тот момент, когда у меня в голове мелькнуло, что он научился «делать это» медленно, он начал двигаться жестче и быстрее, увеличивая темп, когда его дыхание стало рваным.

Он обернул руку вокруг моих ног, и начал жестко потирать мой клитор, отправляя меня далеко за край, где я не помнила своего имени. Я думаю, что на самом деле прошло полсекунды, потому что его рука была вокруг моей талии, когда сознание вернулось. Он удерживал меня, когда мои руки безвольно висели по бокам. Его бедра жестко толкались, и он укусил меня за заднюю часть шеи, когда кончил.

Мы опустились на пол, и я лежала, свернувшись на боку, благодарная за коврик в ванной под моим бедром. Грудь Себастьяна была напротив моей спины, и его колени были согнуты позади меня, а руки

все еще вокруг моей талии.

Никто из нас не говорил на протяжении нескольких минут.

Я чувствовала легкое головокружение и была возбуждена.

— Что тебя так привлекает в ванных комнатах? — ахнула я.

Я услышала его тихий смешок.

— Я думаю, зеркала — мне чертовски нравится наблюдать за твоим лицом, когда ты кончаешь, я могу видеть тебя с каждого угла. И я могу видеть, как трахаю тебя. — Я ощутила, как он пожал плечами. — Это заводит меня.

Я не была уверена, как реагировать на это. Я понимала, что мы все еще узнавали друг друга — и

я была готова к этому путешествию, полному открытий.

Я, приложив руку к груди, почувствовала, как мое сердцебиение возвращается в норму.

Я попыталась сесть — Себастьян все еще лежал на полу, свернувшись вокруг меня. Я вытянула руку, чтобы погладить его волосы, и он подмигнул мне.

— Теперь я могу принять ванну, пожалуйста? — сказала я своим наиболее убедительным голосом.

Я бы встала и забралась в ванную самостоятельно, но я не была уверена, что могу стоять.

Себастьян укусил меня за ягодицу, отчего я вскрикнула, а затем

поднялся на ноги.

— Ты должен помочь мне подняться, — пробормотала я недовольно.

Он ухмыльнулся, затем наклонился и сгреб меня в объятия.

— Кровать или ванна? — сказал он, подняв бровь.

Это был тяжелый выбор, но я немного боялась, что если скажу «кровать», то это приведет к еще большему количеству секса, а я нуждалась в отдыхе.

— Ванна, — сказала я, наконец.

Он ухмыльнулся и осторожно опустил меня в горячую воду, убедившись, что правая нога свисает через бортик ванны, сохраняя

повязки на ноге сухой.

Я чувствовала себя великолепно. Мне нужно было расслабиться — мое тело уже на девяносто процентов было безвольным. Два оргазма за две минуты и не такое могут сделать с тобой.

— Ты присоединишься ко мне?

— Через минуту... сначала я хочу помыть тебя.

Медленно он намыливал меня, используя весь небольшой набор средств, предоставленных отелем, затем ополаскивал меня. Никто не мыл меня с тех пор, как... ну, последний раз, полагаю, это было, когда я была ребенком, потому что я даже не помню, когда это случалось.

Его лицо было серьезным, как будто он был на чем-то сосредоточен, открывая небольшие морщинки, когда его брови сходились вместе. Он убрал волосы с моих плеч и, намыливая плечи, массажировал их.

— Твои ресницы такие длинные, — сказал он тихо.

Я покосилась на него и махнула пальцем, указывая, что он тоже должен присоединиться ко мне, я была слишком уставшей, чтобы говорить.

Он улыбнулся и помог мне наклониться вперед, чтобы он мог разместиться сзади. Вода была в опасной близости к краю, когда он

опустился в ванну.

Я оперлась на него, и он поцеловал верхушку моей головы, его левая рука вытянулась на бортике ванны, в то время как правая была обернута вокруг моего плеча и покоилась на груди.

— Это прекрасно, — сказал он тихо. — Я могу привыкнуть к этому.

— Возможно, мы не сможем позволить себе квартиру с ванной и душем в Нью-Йорке, — сказала я.

— Я найду дополнительную работу, чтобы платить за это, — сказал он обыденным голосом. — Это того стоит.

Его оптимизм заставил меня улыбнуться, но также испытать

небольшую печаль. Я не думала, что жизнь будет такой легкой, как он ожидает. Мы можем проехать через всю страну, но мы также заберем с собой целый ворох своих проблем. Нет, завтра будет достаточно времени, чтобы подумать об этом.

— Как мы назовем своего первого ребенка? — сказал он мечтательным, непривычным голосом.

— Прости, что?

Я была так шокирована, что подпрыгнула, из-за чего немного воды перелилось за край ванны. Себастьян не двигался, он просто снова поцеловал мои волосы.

— Если это будет мальчик, мы

можем назвать его Честер — Чес был бы на седьмом небе от этого. Или, может, Чесни, если это будет девочка.

Я пыталась сесть, но он не дал.

— О чем ты говоришь? — сказала я, мой голос поднялся на пару октав. — Мы не можем завести детей!

— Почему нет? — сказал он с вызовом. — Ты сказала, что хочешь детей, так давай заведем их. Мы найдем способ.

Моя голова была готова взорваться от невозможности того, что он только что сказал. Нам было негде жить, не было работы и денег, он только получил свой диплом об

окончании старшей школы и думал о том, чтобы начать обучение в колледже, и ему было всего семнадцать! И затем, подлый тихий голосок в задней части моей головы сказал: почему нет? Чего ты ждешь? У него есть все время мира, но у тебя нет. Ты хочешь дождаться «бальзаковского возраста», чтобы забеременеть?

Его тело напряглось, и я могла сказать, что он ждал моей реакции. Я попыталась сгладить ситуацию.

— Ладно. Но давай поговорим об этом, когда ты получишь степень. Я не собираюсь лишать тебя шанса идти в колледж. Мы можем подождать три года, нам не к чему

так спешить. Кроме того, сначала мы хотели побывать в Италии.

Я почувствовала, как его тело снова расслабилось, и он поцеловал меня в плечо.

— Да, я не хочу пропустить это. Ладно, когда мне будет двадцать один. Это будет круто. Эй, тебе нравится имя Орландо? Я ходил в школу с парнишкой, которого звали так, он сказал, его назвали в честь какого-то персонажа из пьесы.

Я улыбнулась.

— Что смешного?

— Ты. Имя Орландо — итальянская форма имени Роланд. Оно используется в пьесе Шекспира «Как вам это нравится», но я всегда

думаю о книге Вирджинии Вульф.

— О чем она?

— О путешественнике во времени, который становится женщиной.

Себастьян молчал точно секунды три — затем начал смеяться.

— Ты издеваешься надо мной! Серьезно?

Небольшие волны начали переливаться за бортик ванны, когда его прорвало на смех.

— Себастьян! Сейчас будет потоп!

Но он не мог перестать смеяться. Я повернулась, чтобы посмотреть на него, из-за чего вода опять начала переливаться через

край.

Слезы скопились в уголках его глаз, и мне казалось, что не было шанса, что он скоро возьмет себя в руки. Я покачала головой, улыбка приклеилась к моему лицу. Безнадежный!

Я неловко выбралась из ванны. Себастьян сделал попытку схватить меня, но был слишком слаб от смеха, и я выскользнула из его хватки.

Я схватила одно из полотенец, которое он отложил в сторону, и начала вытираться, пока он беспомощно лежал в уже прохладной воде.

— Ты закончил? — сказала я, приподнимая бровь, когда его смех

превратился в хрипы.

Он ухмыльнулся мне, затем почти опустился под воду и быстро встал, вода стекала с его лица.

Он выскочил из ванны и попытался снова меня схватить.

— О, нет! Вы мокрый, мистер, а я только вытерлась!

Я бросила ему полотенце, которое он поймал прежде, чем оно ударило его в грудь.

Он несколько раз быстро провел полотенцем по телу, а затем бросил его на пол, где оно начало впитывать пролитую воду.

Взгляд на его лице заставил меня пятиться в комнату.

— Себастьян! Почти два часа

ночи. Мы должны встать меньше чем через 6 часов.

— Куча времени, — сказал он хриплым голосом.

Невероятно!

Когда я, наконец, проснулась, тяжелая рука Себастьяна прижимала меня к кровати, а дневной свет просачивался в комнату. Я разлепила глаза, чтобы увидеть время на своих наручных часах. Было почти десять утра: время выселяться.

— Черт!

Я вырвалась из его рук и села встревоженно.

— Каро! Что не так?

Он немедленно проснулся.

Я беспомощно шлепнулась назад на кровать, злясь на себя, что было уже так поздно. Нет, я была зла на него. Если бы он не держал меня бодрствующей полночи — если бы он не бодрствовал полночи — я бы не проспала: не сегодня.

— Каро!

— Я хотела попасть домой пораньше, — ворчала я.

Он повернул меня лицом к себе.

— Зачем? К чему такая спешка?

— Я просто хотела застать... Дэвида... прежде чем он уйдет на работу. Предполагаю, что он вернулся домой прошлой ночью. Теперь мне придется вновь отложить разговор с ним... хотя, я поеду в

госпиталь. Я полагаю, что могу это сделать.

Себастьян нахмурился.

— Почему ты просто не оставишь ему записку? Ты ничего не должна этому придурку.

Я была не согласна, но не хотела спорить и из-за этого тоже.

— Я полагаю, что найду его позже, — сказала я почти сама себе.

— Можем мы поговорить о чем-то другом? — сказал Себастьян, отражая мои мысли.

Я вынужденно улыбнулась.

— Конечно. О чем ты хочешь поговорить?

— Ну, — сказал он, с намеком сгибая бедро. — Я проснулся

возбужденным, а в моей кровати лежит эта прекрасная женщина...

— Себастьян! — захныкала я.

Но он уже зарылся лицом в мою грудь.

— Я хочу в туалет! — простонала я.

— Позже.

Я полагаю, что это был ответ на мой вопрос, просыпается ли он каждое утро с эрекцией. Было, безусловно, опасно иметь пытливый ум.

Десять минут спустя моя голова была откинута назад, пока Себастьян кончал в меня.

— Черт! — зашипел он, рухнув назад на кровать. — Это было так

впечатляюще! Иисус, Каро! Ты просто выжала меня как лимон! Что это было?

— Я сказала тебе, что хочу в туалет!

Он посмотрел на меня совершенно ошеломленный.

— Да, и?

— Ну, — сказала я, немного покраснев, — от этого... эм... оргазм немного интенсивнее, ты понимаешь... не смотри на меня так, я прочитала это в «Космо».

— Ничего себе! Правда? У тебя есть еще какие-то секреты?

Я шлепнула его по груди и рванула в ванную, слушая, как он хохотал мне в спину.

Черт бы его побрал!

Я настояла на том, чтобы мы оделись, боясь, что персонал отеля зайдет в любой момент, чтобы попросить нас выселиться. Так что я наложила запрет на секс в душе, потому что: а) я бы, вероятно, поскользнулась и сломала себе что-то или разрушила что-то вокруг, особенно когда полиэтиленовый пакет был обмотан вокруг моей повязки на правой ноге; б) я просто не выдержала бы еще больше секса.

Себастьян надулся, что заставило меня смеяться, а еще у него была полноценная эрекция, от которой я уже не смеялась. Но мы нашли подходящий компромисс,

который устраивал нас обоих, хотя мои колени были красные и саднили после этого.

Я вернула ключ от номера администратору, когда мы выселялись, стыдясь думать о состоянии номера и с благодарностью думая, что мне не нужно будет встречаться лицом к лицу с тем, кто будет наводить там порядок.

Я пыталась стянуть постельное белье и вытереть пролитую воду в ванной, но все еще было впечатление, что дикие животные резвились в комнате, и чем больше я думала об этом, тем больше убеждалась, что именно таким было поведение

Себастьяна всю ночь.

Я улыбнулась, вспоминая, как наши тела двигались вместе, как его глаза говорили мне, что я его, а он мой; любовь, которую мое голодное сердце жаждало так долго. То, как его любовь превращалась в похоть, а похоть в потребность — неукротимую и дикую, иногда нежную, иногда жесткую, иногда ласковую, иногда грубую. Соединяясь вместе, наши тела становились одним целым, два кусочка одного пазла, которые идеально подходили друг другу.

Я вспомнила.

Это был прекрасный день, когда мы прогуливались из отеля, уже

давно не было темноты раннего утра, и теплота июля начала нарастать. Как обычно Себастьян был голоден, и хотя он съел холодную карбонару и остатки моего кус-куса где-то между моим четвертым и пятым оргазмами, он все еще был готов съесть что-нибудь еще.

Мы взяли кофе и рулетики с собой и побрели к моей машине, чувствуя расслабленность и небольшую усталость. Может, последнее относилось только ко мне, потому что Себастьян гудел от энергии, счастливо рассказывая о вещах, которые он планировал для нас в Нью-Йорке (чтобы пойти на бейсбол, казалось, надо было

разбираться в нем больше, чем я ожидала), также прогулки по центральному парку, и, конечно же, проверить все пляжи восточного побережья.

Здесь, на западном побережье, серфинг, казалось, наполнял воздух, и Себастьян с тоской смотрел на доски для серфинга, когда мы ехали по дороге вдоль океана.

— Почему бы тебе не позвонить Чесу и не позвать его немного позаниматься серфингом? — предложила я.

Лицо Себастьяна оживилось.

— Правда? Ты не возражаешь?

— Нет, иди, конечно. Я встречусь с тобой позже. Во сколько

ты должен быть на работе?

— Сегодня я снова с четырех до десяти.

— Ладно, ну, я смогу забрать тебя позже? Мы можем поехать в мою новую квартиру, и ты сможешь познакомиться с моими соседками.

— Конечно. Это будет здорово. Ты, правда, не возражаешь?

— Конечно, нет! Иди, повеселись.

И у меня есть кое-какие дела, о которых надо позаботиться.

Себастьян поднял свой телефон.

— Батарея почти умерла, но уверен, что заряда хватит для одного звонка. — Он прокрутил список контактов, чтобы найти номер Чеса

и набрал его. — Привет, чувак, как дела? Нет, я с Каро. Мы только что проехали по Силвер Странд, и здесь хорошие волны. Ты не хочешь взять доски? Нет, она не против. — Он ухмыльнулся мне. — Мы позависаем позже. Да, хорошо. — Затем он нахмурился. — Что? Нет, еще не видели. Да, хорошо, ладно. Увидимся через двадцать минут.

Он закончил звонок.

— Чес сказал, что «Сити Бит» напечатали твою статью. Я не знаю, но он звучал немного странно.

Я забыла об этой статье. Это было довольно безответственно с моей стороны, в конце концов, это должно стать моим будущим

источником дохода.

— Я куплю нам газету по пути назад. Когда вы встречаетесь с Чесом?

Я высадила его на Сикост Драйв. Чес прислонился к своему фургону, ожидая нас. Я улыбнулась и помахала ему, но осталась в машине. Между нами все еще было небольшое напряжение, и я не хотела ничего провоцировать.

— Встретимся позже, детка, — сказал Себастьян, страстно целуя меня.

Я поцеловала его в ответ, чувствуя, как знакомый всплеск электричества проходит по мне. Я оттолкнула Себастьяна и попыталась

успокоить свой пульс.

— Черт! — сказал он, закрывая глаза. — Я не могу насытиться тобой, Каро.

Я улыбнулась и помотала головой, чтобы прояснить ее.

— Иди, пока Чес не уехал, плюнув на тебя. Я напишу тебе позже.

Он быстро поцеловал меня и выскочил из машины с большой улыбкой на лице.

— И заряди свой телефон! — крикнула я ему вслед.

Он махнул мне и трусцой побежал к Чесу.

Я остановилась у газетного киоска и купила полдюжины копий

«Сити Бит». Как только я открыла свою статью, я сразу поняла, почему Чес так странно себя вел. Там было шесть фото различных мероприятий с развлекательного дня, и на полстраницы было смое фото, а со мной рядом был улыбающийся Билл, его руки были вокруг моей талии, и он целовал меня в щеку. Дерьмо!

Это, должно быть, одна из тех фото, что сделал Чес, когда баловался с моей камерой. Не мудрено, что он вел себя странно: он точно должен был так себя вести! Хуже было то, что фотография была подписана так, что выглядело, будто Билл — мой муж: «Автор, жена капитан-лейтенанта Дэвида

Уилсона». Двойное дерьмо!

Карлу было известно, что Дэвида не было на этом развлекательном дне. Это была ошибка или это был его ответ на мой отказ выпить с ним?

Боже, я начинала страдать паранойей. Я была уверена, что это простая ошибка, вероятно, помощник редактора делал подписи, не Карл.

Но от плохо предчувствия, я вся покрылась мурашками. Я собираюсь уйти от Дэвида, и, глядя на это фото, люди могут подумать, что у меня роман с Биллом. Но... возможно, я могла бы обыграть это в свою пользу— это определенно отвлечет

внимание от Себастьяна. Возможно, слишком хорошо.

Я ехала домой, покусывая внутреннюю сторону щеки, глубоко задумавшись. Я хотела бы еще раз пройтись по дому и убедиться, что нет больше ничего, что я хотела бы забрать, а затем найду Дэвида в госпитале. Вот каков был план. Казалось бездушным просто оставить записку, хотя большая часть меня предпочла бы это. И если поразмыслить об этом, возможно, Дэвид тоже бы предпочел это.

Но когда я приехала к дому, у меня не было выбора, — машина Дэвида была припаркована на подъездной дорожке.

Я сидела в машине и сделала несколько спокойных вдохов, чтобы успокоиться. Это нисколько не помогло — мое сердце все еще бешено стучало о ребра.

Соберись, Вензи. Ты можешь сделать это.

Мои ноги дрожали, пока я вылезала из машины, я дважды роняла ключи, прежде чем смогла открыть переднюю дверь.

Дэвид сидел за кухонным столом, когда я вошла, его лицо было напряжено от гнева... и копия «Сити Бит» лежала перед ним.

Я начала задыхаться.

— Здравствуй, Дэвид.

Мой голос был таким тихим, что

я едва слышала себя.

— Потрудишься объяснить это... этот нонсенс, Кэролайн?

Его тон был резким, но гнев под контролем... пока.

Я села напротив него за столом и пыталась оставаться спокойной.

— Я полагаю, что ты имеешь в виду статью, Дэвид, здесь нечего объяснять.

Его лицо было опасного оттенка фиолетового.

— И этот... мужчина, который, кажется, вешается на тебя! Ты пытаешься выставить меня дураком?

Я сделала глубокий вдох.

— Дэвид, это просто друг Петерсов. Он дурачился, редактор

газеты все неправильно понял, вот и все. Послушай, это неважно...

— Это, безусловно, важно, у меня определенная репутация в госпитале...

Я тихо прервала его, но я гордилась, что мой голос не дрожал.

— Нет, Дэвид, это неважно. Но нам нужно поговорить. По крайней мере, мне есть, что тебе сказать.

— Я не могу придумать ничего более важного, чем узнать, что моя жена выставляет себя напоказ таким отвратительным способом... и где она спала прошлой ночью!

— Я могу задать тебе тот же самый вопрос, Дэвид, но готова поспорить, что мы дадим один и тот

же ответ: «в отеле»!

— Не начинай это, черт побери!

Я побледнела от нескрываемого гнева в его голосе, но я зашла слишком далеко, чтобы давать заднюю.

— Я хочу развод.

Он шокировано уставился на меня. Его лицо поменяло цвет, когда слова дошли до него.

— Что? Ты сошла с ума?

Ты имеешь в виду, что сошла с ума, потому что не хочу, чтобы мной управлял такой агрессор как ты?

— Нет, Дэвид, я не сошла с ума. Просто я несчастлива. Я была несчастлива долгое время и... я знаю, что также не делаю счастливым тебя.

Я думаю, что будет лучше, если каждый из нас пойдет своей дорогой.

— Из-за этого... из-за этого кривляки! — зарычал он, тыча пальцем в газету.

Я вздохнула. Наша с Биллом фотография была ненужным отвлечением.

— Нет. Я сказала правду насчет него. Он просто один из тех, кто был на том дне. Я встречала его дважды в своей жизни. Дэвид, все дело в нас. Ну, нет «нас» — уже долгое время — если вообще когда-то и были «мы». Послушай, я сожалею, что все так неожиданно, но уверена, что от твоего внимания не ускользнуло, что наш брак изжил себя.

Он уставился на меня и схватился за стол, пока костяшки пальцев полностью не побелели.

— Ты трахнулась с этим мужчиной?

Я посмотрела ему в глаза — я была так благодарна, что он задал этот вопрос. Я не буду лгать ему. Пока нет.

— Нет, Дэвид. Нет.

Он сделал глубокий вдох, и казалось, поверил мне.

— Это из-за этого глупого несчастного случая прошлым вечером, да? Ради всего святого, Кэролайн, это был просто несчастный случай.

Он сел, его руки были скрещены

на груди, на его лице было надменное выражение. Я могла сказать, о чем он думал, — буря миновала. В любом случае это был эпицентр бури.

— Я знаю, что это был несчастный случай. Но факт остается фактом: я ухожу от тебя и хочу развод.

— Не глупи! Ты не можешь уйти от меня! — он уставился на меня и добавил: — Тебе некуда идти — твоя мать точно не примет тебя назад.

Боже, какой он был заносчивый.

Я начинала злиться. Злость — это хорошо.

— Я уже перевезла свои вещи, полагаю, что ты еще не заметил. Я

сняла комнату в городе пока... пока мы не уладим все формальности, затем я вернусь на восток.

Он уставился на меня, совершенно потеряв дар речи.

— Я не буду усложнять это, — продолжила я. — Я не хочу ничего от тебя.

Он выглядел так, будто я ударила его. Он разваливался передо мной, вся его напыщенность испарилась.

— Ты уходишь от меня?

— Да, Дэвид. Это к лучшему.

Его голова опустилась к груди, и я почувствовала незнакомую жалость к нему.

И затем раздался громкий и неожиданный стук в дверь. Я

пыталась игнорировать его, но он не прекращался.

— Кто, черт побери, это? Абсолютно точно не вовремя.

С привычкой, которая сформировалась за десятилетие, я подошла к двери и открыла ее.

— Вот ты где, маленькая сука!

Эстель протолкнулась мимо меня в главную комнату, а Дональд следовал позади. Я ощущала запах алкоголя в его дыхании, когда он зло косился на меня. Дверь распахнулась, когда я слабо прижалась к стене.

Была только одна причина их прихода сюда, только одна причина, по которой Эстель говорила со мной

так...

Они знали.

— Что происходит? — закричал Дэвид, его темперамент вернулся от нового вторжения.

Он встал и уставился на Дональда и Эстель.

— Эстель, ты не вовремя. Дональд, что происходит?

— Твоя шлюха-жена трахается с моим сыном! — выплюнула Эстель. — Моим несовершеннолетним сыном!

Дэвид отпрянул и уставился на нее, будто у нее выросло две головы.

— Не говори чепухи! Ты снова напилась, Эстель, потому что по взгляду на твоем лице...

— Спроси ее! — она насмехалась над ним. — Увидишь, будет ли она отрицать это!

Неверие Дэвида превратилось в шок: один взгляд на мое лицо был достаточным доказательством.

— Кэролайн, это... это правда?

Мои колени подогнулись, и я упала на диван.

Дэвид уставился на меня. Его рот открывался и закрывался как у золотой рыбки.

— Ты просто импотент, который не может нормально вставить, Уилсон, — выплюнул Дональд. — Если бы ты должным образом обслуживал свою жену, она бы не ошивалась вместе с моим сыном.

Дэвид был беспомощен, чтобы ответить, все шло по сценарию, который он не понимал.

— Кэролайн?

Голос Дэвида умолял меня отрицать то, что сказал Дональд, но я не могла.

— Кэролайн, — снова сказал он, заикаясь.

— Давай, Уилсон, — фыркнул Дональд. — Будь мужиком хоть раз в жизни, если ты, конечно, помнишь, как это.

— Я просто хочу увидеть, как ты будешь отрицать это, — зашипела Эстель на меня. — Я знаю, что была права насчет тебя, что ты притворяешься такой правильной и

приличной. От таких людей, как ты, меня тошнит. Кто ты такая, чтобы судить меня, когда сама трахаешься с ребенком? Заводишь интрижку за спиной своего мужа, — или он знал?

— Дэвид здесь не при чем, — сказала я истощенно. — Мы разводимся.

— Ох, так вот какой план? — фыркнула Эстель. — Пытаешься обвинить моего сына! Моего семнадцатилетнего сына! Думаешь, я позволю тебе вовлечь его в свой развод? Ты думаешь, что мы даже на мгновение позволим намек на скандал, чтобы запятнать нашу репутацию? Или может, ты думаешь, что можешь вымогать из нас деньги

таким путем? Только через мой труп, ты, высокомерная маленькая шлюха. Предполагаю, что сейчас ты скажешь, что он напал на тебя? Не так ли? Обвинишь кого-то другого? Притворишься, что ты намного лучше, чем все остальные, когда ты на самом деле таскаешься со всеми парнями, не сомневаюсь, что ты трахнула половину Базы к этому моменту. Ну, нет, мисси! Ты не разрушишь наше имя!

— Заткнись, Стел, — сказал Дональд холодно. — Я главный в этом шоу.

Эстель замолкла, ее глаза сощурились на мне, ее выражение лица было злобным.

Откуда было столько ненависти? Я чувствовала, как тону в уродливых обвинениях. У меня не было сил подумать об этом: все, что я могла делать — это попытаться защитить себя. Я должна уйти — сейчас.

— В любом случае, я ухожу, — сказала я тихо, наклонившись вперед и пытаясь встать с дивана, хотя я опасалась, что меня вырвет. — Я не побеспокою вас. Вы больше не увидите меня.

Голова Дэвида дернулась. Я видела выражение боли на его лице, которое смешалось с чем-то еще. Это бы страх?

Мне нужно уйти, я и так достаточно пострадала.

Я могла отправиться прямиком в Нью-Йорк, а Себастьян мог присоединиться ко мне позже. Осталось только три месяца — всего три месяца.

Я смутно слышала звук хлопнувшей двери автомобиля снаружи и гневный голос.

— Ох, это слишком легко! — выплюнула Эстель.

Она подошла и со всей силы ударила меня по лицу. Моя голова откинулась назад, и слезы навернулись на глаза. Она снова подняла руку. Я не пыталась остановить ее.

— Мам! Оставь ее в покое!

Внезапно Себастьян оказался в

комнате, встав между мной и своей матерью, которая все еще поднимала руку, чтобы ударить меня. Я не поняла, откуда он появился. Меня тошнило, и я была в замешательстве и испытывала головокружение, боясь упасть в обморок.

Сначала я подумала, что Эстель собирается ударить Себастьяна, но она отступила, когда увидела потрясенное лицо Чеса, его родителей и Донны, которые стояли у входа в комнату, наблюдая за ужасной драмой, разворачивающейся перед ними.

Себастьян сел рядом со мной и притянул меня в свои объятия.

— Все в порядке, детка. Теперь я

здесь.

Я прислонилась к нему, всхлипы вырывались из моей груди. Было хорошо ощущать его поддержку, защиту, безопасность.

— Как... как ты узнал?

— Моя мама, — глумился он, — позвонила Ширли, чтобы рассказать хорошие новости.

— И как она...

Он опустил голову.

— Бренда рассказала ей. Она видела нас... прошлым вечером в ресторане. Она следила за нами.

Блондинка в окне.

— Да, видимо вам было очень уютно в отеле прошлой ночью, — добавила Эстель триумфально. — И

он отсутствовал две ночи, не сказав ни слова. А ты, — она указала на Ширли, — лицемерная сука — ты лгала мне в лицо, чтобы покрыть это! Я не удивлюсь, если ты давно знала об этом.

Ширли ахнула, а Митч выглядел злым.

— Не упоминая упаковку презервативов, которую я нашла в его спальне, — продолжила Эстель, наслаждаясь своим моментом в центре внимания. — И женский бюстгальтер — твой, я полагаю. В спальне моего сына! Шлюха!

Себастьян уставился на нее. Его выражение лица было странно пустым.

Тишина распространялась по комнате как лед. Я начала дрожать и, казалось, не могла остановиться.

На лице Дэвида была маска шока.

— Мальчишка? — прошептал он. — Ты оставляешь меня ради этого мальчишки?

Себастьян послал ему взгляд полный ненависти, пока я вытянула руку ко рту, пытаясь остановить слова, что были у него на губах. Митч покачал головой, а Ширли сделала шаг вперед, пытаясь дотянуться до нас. Чес выглядел так, что казалось, он хотел бы быть где угодно, но не здесь — я понимала это очень хорошо. Я как будто наблюдала, как

моя жизнь проходит в замедленной съемке.

— Все в порядке, Каро, — напевал Себастьян, снова и снова целуя мои волосы. — Теперь все в порядке. Я люблю тебя, детка.

Дональд разрушил тишину.

— Ничего, черт побери, не в порядке, — сказал он низким голосом полным ненависти. — Ничего не в порядке. Она трахнула половину Базы, а теперь вонзила когти в тебя. Ты настолько наивен, что даже не можешь увидеть это. Иисус! Почему мне достался сын с дерьмом вместо мозгов?

Через секунду Себастьян был на ногах.

— Не смей говорить о ней так! Ты так сильно ошибаешься! Ты думаешь, что все такие же, как ты, но это не так! Ты думаешь, это тайна, что ты трахаешь ту молодую медсестру все те ночи, что задерживаешься на работе допоздна, пап? Ты просто гребаный шут и даже не видишь это!

Дональд ударил его так сильно, что Себастьян пролетел через всю комнату и ударился об пол. Он попытался встать на ноги, кровь хлынула из его носа, и бросился на отца.

Чес и Митч побежали вперед, пытаясь оттащить его. Себастьян нанес несколько хороших ударов,

прежде чем его оттащили. Он гневно кричал, ругаясь на отца.

Дональд потирал свои ребра, и казалось, становился спокойнее, пока ярость Себастьяна возрастала.

— Себастьян! — выдохнула я. — Пожалуйста, нет.

Он повернулся ко мне и, смотря на меня, его лицо смягчилось. Его тело обмякло, но Чес и Митч держали его.

— Tesoro, пожалуйста!

Я вытянула руку к нему, а он свою ко мне, осторожно Митч отпустил его и кивнул Чесу сделать то же самое.

Себастьян сгреб меня в объятия и притянул к своей груди.

— Не слушай этого гребаного придурка, Каро, — пробормотал он, из-за кровоточащего носа его голос был гнусавым. — Они никто. Никто.

— Вот как? — сказал Дональд с отвращением. — Я снабжаю тебя всем, что у тебя есть: одеждой, крышей над твоей гребаной головой. Я тот самый несчастный парень, у которого сын — недоумок, но в этом есть смысл, верно? Ты все еще мой сын — и эта шлюха трахала несовершеннолетнего. Все, что я должен сделать — это позвонить в полицию, и эта шлюха окажется в тюрьме так быстро, что даже не успеет помолиться.

Наступила ужасающая тишина, и

я закрыла глаза, страх и отвращение загорелись внутри меня.

— Эй, да ладно, мужик, — сказал Митч тихо. — В этом нет необходимости.

— Нет, в самом деле, — сказала Донна потрясенно. — Нет никакой необходимости привлекать полицию. Я уверена, мы можем разобраться во всем этом, не прибегая ни к чему такому... серьезному.

Но Дональд зашел слишком далеко в своей агрессии и ненависти, чтобы слушать. Или, может, он, наконец, сказал то, что хотел, нашел еще один способ третировать своего сына, чтобы контролировать его.

— И ты знаешь, что? — сказал

он злобно. — Она получит тюремный срок — я прослежу за этим. Развращение несовершеннолетнего в ее возрасте — это не проступок, это преступление. И еще она давала ему алкоголь, знаете? И после того, как она выйдет из тюрьмы, когда будет оттрахана каждой мужеподобной лесбиянкой в тюрьме, на ней будет клеймо педофилки. Попытайся найти работу с таким ярлыком, сука! Я заставлю тебя заплатить!

Весь мир рухнул. Все мои худшие кошмары воплотились в реальность в одном сквернословящем и говорящем напыщенные речи злобном человеке,

который издевался и избивал своего сына в течение многих лет.

Лицо Себастьяна было бледным под его загаром.

— Ты не можешь сделать это! — прошептал он.

— Вот увидишь! — выплюнула Эстель, ее глаза блестели. — Твоя маленькая подружка-шлюха получит то, что заслужила.

Я опустила голову, не в силах избавиться от веса ее слов.

— Только потому, что вы ненавидите меня, — сказал Себастьян, его голос был напряженным от эмоций, — нет необходимости отыгрываться на ней.

Он вытер кровь с лица рукавом

куртки.

— Ох, послушай себя! — выплюнула Эстель. — Думаешь, ты какой-то рыцарь, который может прискакать и разрешить ситуацию? Ты такой жалкий! Ты разрушил мою жизнь, когда появился на свет, хныкая и срыгивая, повиснув на моей шее, жалкий ребенок! Ты ничего не понимаешь!

Ширли ахнула, а Митч схватил ее за руку. Донна была бледная от шока и злости, ужас признания Эстель поразил их обеих.

— Я не ребенок! — закричал Себастьян. — Я сам слежу за собой с тех пор, как мне исполнилось восемь, потому что ты всегда была

слишком пьяной, чтобы ухаживать за своим собственным ребенком. Как много раз я помогал тебе подняться по лестнице, потому что ты была не в состоянии идти, мам? Как много раз незнакомцы бросали тебя у двери, потому что ты даже была не в состоянии вызвать такси? И как отец, ты просто гребаный шут. Всем здесь известно, что он просто жалкий охотник до дырок с алкоголичкой-шлюхой вместо жены. Каро — это лучшее, что было в моей жизни, мы уедем вместе, и вы никогда не увидите нас снова.

Себастьян с триумфом уставился на своих родителей. Эстель выглядела загнанной в ловушку и

посмотрела на Дональда.

— Нет, ты этого не сделаешь, — сказал отец Себастьяна холодно. — Ты никуда не поедешь с этой шлюхой.

— Ты достаточно раз повторил это, приятель, — прервал Митч угрожающим тоном. — Нет необходимости повторять это снова. И ты тоже успокойся, Себ.

— Не суй свой нос не в свое дело, сержант! — рявкнул Дональд. — Ты ни хрена не имеешь право лезть в это дело. Зависай со своей семьей лузеров, которая начала все это. Он мой сын, и будет так, как я скажу. Поэтому слушай внимательно, парень, если ты куда-

нибудь отправишься с этой сукой, я позвоню в полицию, и ее арестуют.

Себастьян пытался броситься на Дональда, но Митч и Чес держали его за запястья, а Ширли обернула руки вокруг его талии, пытаясь успокоить.

Донна ахнула.

— Дональд, нет! Подумай о скандале!

Дональд улыбнулся и повернулся ко мне.

— Если ты свяжешься с моим сыном любым способом: электронная почта, смс, письмо, гребаная голубиная почта, мы будем преследовать тебя в судебном порядке. Это уголовное

преступление, и ты отправишься в тюрьму. Или, по крайней мере, ты попадешь в реестре сексуальных преступников на остаток своей гребаной жизни — ты никогда не найдешь работу. И то же самое касается этого гребаного придурка, который зовется моим сыном, если он попытается связаться с тобой. — Он повернулся к Себастьяну. — Хоть раз.

Себастьян выкрикивал оскорбления, пытаясь добраться до своего отца. Митч, Ширли и Чес отчаянно сдерживали его.

— А что касается тебя, сын, — продолжил Дональд, — ты можешь поцеловать в задницу любую мысль о

колледже, я не потрачу ни одного пенни на тебя. — Но скажу тебе, что ты сделаешь, — как только тебе исполнится восемнадцать, ты поступишь на военную службу. Ты сделаешь это, или твоя сука получит тюремное заключение.

Я все еще сидела на диване с бледным лицом, шокированная, тело дрожало, я едва могла осмыслить все это.

Донна сказала дрожащим голосом.

— Дональд, хватит! В этом нет необходимости. Уверена, если Кэролайн пообещает уехать тихо, мы не должны никому об этом рассказывать. Себастьяну будет

восемнадцать через несколько месяцев и...

— Ты такая гребаная лицемерка, Донна. Ты правда сделаешь что угодно для репутации этой дерьмовой Базы?

Рот Донны открылся и закрылся несколько раз, казалось, она больше не могла говорить.

— И еще одно, ты, гребаная шлюха, — сказал Дональд, смотря на меня. — Срок давности три года. Ты окажешься рядом с моим сыном за это время, и ты знаешь, что случится с тобой. То же самое, если он свяжется с тобой. Я узнаю! Я прослежу, что ты получишь по заслугам!

Три года. О, боже.

Я повернулась к Себастьяну, любовь и чувство потери наполнили меня, когда мои глаза начали заполнять слёзы.

— Не слушай его, Каро! — ахнул Себастьян в отчаянии. — Он не сделает этого, не сделает! Он не заботиться обо мне настолько, чтобы беспокоиться. Не слушай его!

— Ты прав, маленький кусок дерьма, — усмехнулся Дональд, снова потирая свое ребро. — Мне совершенно плевать на тебя, но поверь мне, это доставит мне огромное удовольствие — отправить твою маленькую суку в тюрьму, если только это сотрет самодовольный

взгляд с твоего лица.

Ширли ахнула, а на лице Донны было отвращение.

Дэвид выглядел потерянным и разбитым, его взгляд блуждал по комнате, как будто он не мог никого узнать.

Но я не могла оторвать взгляд от лица Себастьяна. Вся борьба ушла из него, и он осел в руках Митча.

Я сделала это. Я сделала это с ним. Все мои оправдания, которые я повторяла столько раз, улетучились: я презирала себя. И пришло время отпустить его.

— Нет, Каро! — выдохнул Себастьян, когда прочитал решение на моем лице. — Не позволяй ему

выиграть.

Как будто отправляясь на Судный день, я встала.

Митч опустил свои руки, отпуская его, и Себастьян оказался в моих объятиях последний раз. Он вцепился в меня так крепко и зарылся своим лицом в мои волосы, что я едва могла дышать.

— Я должна уйти сейчас, tesoro, — сказала я нежно, погладив его по щеке.

Его хватка вокруг меня усилилась.

— Нет! — он ахнул, как будто испытывал ужасную боль.

— Да, Себастьян, послушай меня. Я хочу, чтобы у тебя была

хорошая жизнь, tesoro, насыщенная жизнь. Я хочу, чтобы ты был счастлив, влюбился...

— Нет, боже, нет, Каро! Не делай этого!

— Да! Сделай это ради меня!

— Я всегда буду любить тебя Каро. Не отказывайся от нас. Пожалуйста, не отказывайся. Я буду ждать тебя. Это всего три года. Я люблю тебя!

Но ведь это были не просто три года, да? Сейчас я понимала это.

— Я тоже люблю тебя, — прошептала я так тихо, что даже не поняла, услышал ли он меня. — Ti amo tanto, Себастьян, sempre e per sempre. (прим. с ит. Я люблю тебя,

Себастьян, всегда и навсегда).

Я пыталась отцепить его руки от своего тела, но он не позволял мне.

— Нет! — кричал он снова и снова. — Нет!

— Ох, ради всего святого! — в отвращении фыркнул Дональд.

Каким-то образом Митчу и Чесу удалось оттащить Себастьяна, он пытался бороться с ними, но его дух был сломлен.

Я повернулась к Ширли и Донне. На их лицах была жалость.

— Присматривайте за ним, — сказала я тихо. — Чес, я... просто будь его другом.

Чес кивнул, не в состоянии говорить.

— Ох, мое дорогое-дорогое дитя, — сказала Донна со слезами на глазах.

Я посмотрела на своего мужа, чье молчание было красноречивее, чем тысяча слов.

— Прощай, Дэвид, — прошептала я. — Мне жаль...

Он уставился на меня безучастно, затем опустил голову на руки.

Я повернулась, чтобы уйти, мои глаза скользнули по злобе Эстель, замешательству Дэвида, триумфу Дональда, печали во взглядах Ширли и Донны и злобы, что исказила лица Чеса и Митча.

Затем мой взгляд переместился

на мужчину, которого я любила, на мужчину, которого я поклялась никогда не видеть снова, потому что ему и так причинили много боли — я причинила.

— Каро, нет, — закричал он снова, слезы катились по его лицу, смешиваясь с кровью.

— Я люблю тебя, Себастьян. Так сильно, tesoro.

И затем я ушла, оставляя позади все хорошее и прекрасное, что когда-либо знала в своей жизни.

Несмотря на то, что случилось в тот день, несмотря на то, что

случилось после, я не сожалела о событиях того лета, потому что Себастьян научил меня любить.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ…

Заметки

[←1]

La traviata «падшая», «заблудшая», опера Джузеппе Верди

[←2]

Aida опера Джузеппе Верди

[←3]

Rigoletto — опера в трёх актах
Джузеппе Верди

[←4]

закуска — «антипасто» перед основными приемами блюд для «поднятия аппетита»

[←5]

Док Уотсон — американский гитарист, композитор и певец, исполнитель блюграсса, фолка, кантри, блюза и госпела.

[←6]

дрожжевой хлеб, в виде лепешки без каких-либо начинок на поверхности),

[←7]

копченая говядина

[←8]

Полента итальянская каша из кукурузной муки.